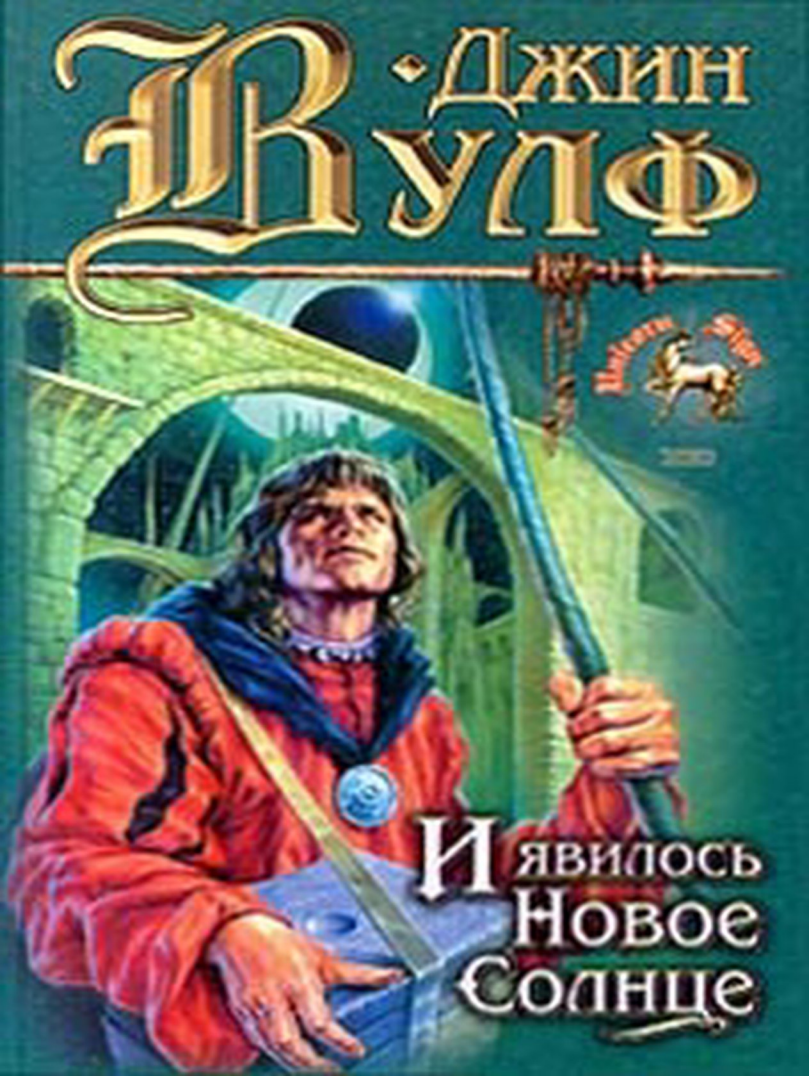
Джин Вулф



И явилось Новое Солнце

И явилось новое солнце

Джин Вулф

Аннотация
Джин Вулф. И явилось новое солнце
1. МАЧТА
2. ПЯТЫЙ МАТРОС
3. КАЮТА
4. ЖИТЕЛИ ПАРУСОВ
5. ГЕРОЙ И ИЕРОДУЛЫ
6. ГИБЕЛЬ И ТЬМА
7. ГИБЕЛЬ НА СВЕТУ
8. ПУСТОЙ РУКАВ
9. ПУСТОТА
10. АНТРАКТ
11. СТЫЧКА
12. СХОДСТВО
13. БИТВЫ
14. КРАЙ ВСЕЛЕННОЙ
15. ЙЕСОД
16. ЭПИТОМ
17. ОСТРОВ
18. СЛУШАНИЕ
19. ТИШИНА
20. ЗАВИТОК

21. ЦАДКИЭЛЬ
22. НИСХОЖДЕНИЕ
23. КОРАБЛЬ
24. КАПИТАН
25. ЛАБИРИНТЫ СТРАСТЕЙ
26. ГУННИ И БУРГУНДОФАРА
27. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА УРС
28. СЕЛЕНИЕ У РЕКИ
29. У СЕЛЯН
30. ЦЕРИКС
31. ЗАМА
32. ПО ПУТИ К «АЛЬЦИОНЕ»
33. НА БОРТУ «АЛЬЦИОНЫ»
34. СНОВА В САЛЬТУСЕ
35. СНОВА В НЕССУСЕ
36. СНОВА В ЦИТАДЕЛИ
37. КНИГА НОВОГО СОЛНЦА
38. К ГРОБНИЦЕ МОНАРХА
39. СНОВА КОГОТЬ МИРОТВОРЦА
40. РУЧЕЙ ЗА ПРЕДЕЛОМ БРИИ
41. СЕВЕРЬЯН ИЗ СВОЕГО КЕНОТАФА
42. ДИНЬ-ДИНЬ-ДОН!
43. ВЕЧЕРНИЙ ПРИЛИВ
44. УТРЕННИЙ ПРИЛИВ
45. ЛОДКА
46. БЕГСТВО

47. ЗАТОНУВШИЙ ГОРОД
48. ЗЕМЛИ СТАРЫЕ И НОВЫЕ
49. АПУ-ПУНХАУ
50. ТЬМА В ОБИТЕЛИ ДНЯ
51. УРС НОВОГО СОЛНЦА
ПРИЛОЖЕНИЕ. ЧУДО АПУ-ПУНХАУ

Аннотация

Если вы держите в руках эту книгу, значит, рукопись Северьяна, бывшего подмастерья гильдии палачей, достигла своей цели, чудесным образом преодолев преграды пространства и времени. Читателю, в чьих руках она окажется, представляется уникальная возможностьпройти бок о бок с ее главным героем трудный и опасный путь, пережив неповторимые приключения. В красочном фейерверке удивительных событий Северьян не раз оказывается во Времени после собственной смерти или же задолго до своего рождения. И если у историинет конца, то, может быть, это – начало?

Джин Вулф
И явилось новое солнце

Проснись! Пал в чашу ночи камень тот,
Что гонит с неба звездный хоровод.
Охотник-Утро затянул петлю зари
На башне, где султан живет!

Ф.С.Фицджеральд

1. МАЧТА

Забросив одну рукопись в моря времени, я начинаю все заново. Конечно же, это глупо; но я не настолько глуп — ни теперь, ни в будущем, — чтобы надеяться, что кто-либо когда-либо прочтет мой труд, хотя бы даже и я сам. Поэтому я расскажу, никому и низачем, кто я такой и что я сделал для Урса.

Мое настоящее имя — Северьян. Друзья мои, коих никогда не было в избытке, звали меня Северьян Хромой. Многочисленные солдаты под моим началом (их, впрочем, вечно не хватало) прозвали меня Северьян Великий. Среди врагов, которые плодились как мухи и словно мухи — благодаря трупам, покрывавшим поля моих сражений, я получил известность под именем Северьян Палач. Я был последним Автархом нашего Содружества, а посему — единственным законным правителем этого мира, когда мы звали его Урсом.

Что за напасть это писание! Несколько лет назад, если время еще имеет какое-то значение, я занимался этим в моей каюте на корабле Цад-

киэля, воссоздавая по памяти книгу, которую я сочинял в клерестории Обители Абсолюта. Я сидел и водил пером, как какой-нибудь писарь, занося на бумагу слова, которые сами собой всплывали в моей голове, и мне казалось, что я совершаю последний осмысленный или, вернее, последний бессмысленный поступок в моей жизни.

Так я писал, ложился спать, вставал и писал снова, строча строку за строкой; воскресив наконец тот миг, когда я вошел в башню бедной Валерии и услышал, как эта твердыня и все остальные говорят со мной, я ощутил на своих плечах гордое бремя мужа и понял, что я больше не мальчик. Минуло десять лет, подумал я. Спустя десять лет я писал об этом в Обители Абсолюта. Сейчас же с того времени прошел уже век или больше. Кто знает?

Я взял с собой на борт узкий свинцовый ящик с плотной крышкой. Моя рукопись вошла в него, как и было задумано. Я закрыл крышку, запер ее, перевел свой пистолет на самый слабый заряд и лучом сплавил корпус и крышку воедино.

По пути на палубу надо пройти через таинственные коридоры, где порой эхом разносится голос, который нельзя толком расслышать, но

всегда можно понять. Добравшись до люка, следует надеть воздушный плащ — невидимую атмосферу, которую удерживает приспособление, с виду напоминающее ожерелье из блестящих цилиндриков. Для головы — воздушный капюшон, для рук — воздушные перчатки (они тонкие, и когда хватаешься за что-нибудь, чувствуешь внешний холод), воздушные сапоги и так далее.

Корабли, которые ходят между солнцами, не похожи на корабли Урса. Вместо привычной конструкции они представляют собой череду палуб, и, перебравшись через ограждения одной, обнаруживаешь, что попал на другую. Палубы обшиты деревом, которое противостоит смертельному холоду лучше, чем любой металл; но под деревом — металл и камень.

Каждая палуба несет мачты в сто раз выше, чем Флаговая Башня Цитадели. Мачты кажутся прямыми, но если смотреть на какую-нибудь из них снизу, словно на длинную дорогу, уходящую за горизонт, то видно, что она чуть изгибается под солнечным ветром.

Мачт бессчетное количество; каждая несет по тысяче перекладин, и на каждой — парус цвета сажи с серебром. Они заполняют все небо, и если стоящему на палубе захочется увидеть

лимонные, белые, лиловые или розовые лучи далеких солнц, ему придется высматривать их меж парусами, словно между мчащимися тучами ветреной осенней ночью.

Как говорил мне стюард, иногда случается, что матрос срывается с мачты. На Урсе несчастный обычно падает на палубу и разбивается. Здесь такой опасности нет. Хотя корабль велик и полон сокровищ и хотя мы куда ближе к его центру, чем те, что ходят по Урсу, к центру Урса, притяжение корабля весьма слабо. Зазевавшийся матрос парит меж парусов и мачт как пушинка, и самое неприятное для него — насмешки товарищей, которые, впрочем, он не может услышать. (Ибо пустота глушит любой голос, и говорящий слышит лишь сам себя, если только двое не сблизятся настолько, что их воздушные оболочки объединятся.) Говорят, что в противном случае рев солнц оглушил бы вселенную.

Я мало в этом разбирался, когда ступил на палубу. Мне сказали, что нужно надеть ожерелье, а люки устроены так, что прежде чем открыть наружный, нужно закрыть внутренний — но не больше. Вообразите же мое изумление, когда я вышел наружу, зажав свинцовый ящик под мышкой.

Надо мной высились черные мачты и серебряные паруса, все выше и выше, пока не начинало казаться, что они задевают за звезды. Снасти сошли бы за паутину какого-то гигантского паука, большого, как сам корабль, — а корабль был больше, чем многие острова, достаточно великие, чтобы их правитель мог чувствовать себя полноправным монархом. Палуба была широка, как равнина; мне едва хватило всей моей храбрости просто шагнуть на нее.

Пока я сидел и писал в своей каюте, я едва ли осознавал, что мой вес уменьшен на семь восьмых. Теперь же я сам себе казался призраком или, точнее, бумажным человечком, достойным мужем той бумажной девушки, которую я в детстве разрисовывал и одевал в бумажные наряды. Тяги у солнечного ветра куда меньше, чем у самого легкого дуновения зефира на Урсе; но каким бы легким он ни был, я почувствовал его и испугался, что меня снесет с палубы. Казалось, я плыву над ней, а не ступаю ногами; и я знал, что так оно и есть, ибо ожерелье удерживало тонкие прослойки воздуха между досками палубы и подошвами моей обуви.

Я огляделся в поисках какого-нибудь матроса, который посоветовал бы мне, как подняться,

ожидая, что их будет множество на палубе, как на палубах наших кораблей на Урсе. Вокруг никого не было; чтобы уберечь от лишней траты свои воздушные оболочки, моряки постоянно находятся внизу, кроме тех случаев, когда они нужны на палубе, что, однако, бывает весьма редко. Не придумав ничего лучше, я громко позвал к себе. Никакого ответа, разумеется, не последовало.

В нескольких чейнах от меня высилась мачта, но с первого взгляда я понял, что взобраться на нее нет никакой надежды; в обхвате она была толще любого из деревьев, когда-либо почтивших своим появлением наши леса, и гладкая, словно из металла. Я шагнул вперед, опасаясь сотни вещей, которые не причинили бы мне вреда, и совершенно не подозревая о настоящих опасностях, которым я подвергся.

Большие палубы сделаны ровными, чтобы матрос на одном ее конце мог подать знак своему товарищу на другом; если бы они были изогнуты и равноудалены от срединной линии корабля, моряки не видели бы друг друга, как скрыты друг от друга горизонтом корабли на Урсе. Но палубы ровные, и оттого кажется, будто они чуть искривлены, если только не стоять в самой середине. Поэтому мне, несмотря на легкость моего тела, по-

казалось, что я взбираюсь на призрачную гору.

Я поднимался на нее в течение многих выдохов, возможно, потратив добрых полстражи. Безмолвие сокрушало мой дух — мое дыхание было более ощутимо, чем весь корабль. Я слышал слабые отзвуки моих неверных шагов по доскам обшивки, а иногда — какое-то подрагивание и гул под ногами. Кроме этих тихих звуков, не было слышно ничего. Со времени моего обучения у мастера Мальрубиуса, когда я был еще мальчишкой, я знал, что пространство между звездами вовсе не пусто; там путешествуют многие сотни кораблей, а возможно, и многие тысячи. Как я узнал позже, бывает и другое — ундина, с которой я встречался дважды, говорила мне, что и она иногда плавала в пустоте, а крылатое существо, увиденное мною в книге Отца Инира, летало в ней.

Теперь я узнал то, чего никогда не знал раньше: все эти корабли и гигантские существа — лишь горсть макового семени, разбросанная в пустыне, которая после этого посева остается такой же пустой, как и прежде. Я хотел было повернуться и уковылять обратно в свою каюту, но понял, что гордыня снова вытолкнет меня из нее сюда.

Наконец я приблизился к легким, свисавшим вниз паутинкам снастей, к канатам, то ловившим

свет звезд, то снова исчезавшим в темноте или на фоне нависающей горы серебряных парусов соседней палубы. Они казались маленькими, но каждый канат был толще могучих колонн нашего собора.

На мне вместе с воздушной оболочкой был еще и шерстяной плащ; я завязал его на поясе, соорудив нечто вроде подола, в который положил свой ящик. Изо всех сил оттолкнувшись здоровой ногой, я прыгнул.

Сам себе я казался легким, как перышко, и ожидал, что буду подниматься медленно, всплывая вверх, как плавают меж снастей моряки, о которых мне рассказывали. Вышло иначе. Я прыгнул так же — ну, может быть, чуть сильнее, — как прыгают все здесь на Ушасе, но прыжок мой не замедлился, как замедляется здесь почти сразу любой другой. Начальная скорость моего прыжка нисколько не снижалась — я летел вверх стрелой, и это было кошмарно и прекрасно.

Скоро мне стало по-настоящему страшно, потому что при всем желании я не мог ни за что ухватиться; я летел и летел, проделав уже половину пути, рассекая пустоту, как меч, воздетый ввысь в миг торжества.

Сверкающий трос мелькнул мимо меня, слиш-

ком далеко, чтобы дотянуться. Я услышал приглушенный крик и не сразу понял, что он сорвался с моих собственных губ. Впереди маячил другой трос. Вольно или невольно я рванулся к нему, как рванулся бы на врага, поймал и уцепился за него, чуть не вывернув руки из суставов, а свинцовый ящик едва не задушил меня моим же плащом. Обхватив заледенелый трос ногами, я перевел дух.

В садах Обители Абсолюта в великом множестве водились алюатты, но они боялись людей, потому что слуги низшего ранга (землекопы, привратники и другие такие же) то и дело отлавливали их силками для своего стола. Я часто с завистью смотрел, как эти твари бегают по веткам и не падают — казалось, они вовсе не знают о жадном голоде Урса. Теперь я сам стал таким зверьком. Почти неощутимое притяжение напоминало, что где-то внизу простирается палуба, но это было не более чем воспоминанием воспоминания: когда-то я, наверно, как-то умудрился упасть. Я припоминал, что вроде бы помнил это падение.

Трос же походил на степную тропу — продвигаться по нему вверх было так же просто, как спускаться вниз. Его плетение давало мне тысячи зацепок, и я на четвереньках карабкался ввысь,

как неторопливый зверек, скачущий по бревну.

Вскоре я добрался до перекладины реи, державшей нижний грот-марсель. Оттуда я перепрыгнул на другой трос, более тонкий, а с него — на третий. Взявшись за рею, державшую его, я обнаружил, что мне не нужно хвататься за нее — и без того ничтожное притяжение исчезло вовсе, и серо-бурая громада корабля просто плыла рядом со мной, почти скрываясь из виду.

Над моей головой в безмолвии высились один за другим серебряные паруса, почти такие же необозримые, как до того, когда я начал взбираться по снастям. Справа и слева расходились мачты соседних палуб, как оперение стрелы или скорее как множество рядов оперенных стрел, ибо за ближайшими ко мне стояли другие мачты, разделенные по меньшей мере десятками лиг. Словно пальцы Предвечного, они указывали в разные стороны вселенной, а их верхние стакселя казались сверкающими блестками и терялись среди звезд. Здесь я уже мог выполнить задуманное и забросить свой ящик в пустоту, чтобы кто-нибудь, из другого мира, другого рода, если будет на то воля Предвечного, мог бы найти его.

Две вещи удерживали меня и, во-первых, не столько соображение, сколько память, память о

моем первоначальном решении, принятом, когда я писал те строки и все сведения о кораблях иеродулов были мне в новинку. Я решил выждать, пока наше судно не проникнет в ткань времени. Я уже доверил первую рукопись моей истории библиотеке мастера Ультана, где она сохранится не дольше, чем сам наш Урс. Эту же копию я предназначил — изначально — для другого творения; если я не выдержу предстоящего великого испытания, я все же смогу послать часть нашего мира — пусть и ничтожную частицу — за границы вселенной.

Сейчас я смотрел на звезды, на солнца, которые так далеки, что планеты, вращающиеся вокруг них, неразличимы, хотя иные из них, должно быть, больше, чем Серенус, и на вихри звезд, такие далекие, что целые миллиарды кажутся одной-единственной звездочкой. Я поразился, вспомнив, что всего этого было мало моему честолюбию, и задумался, стало ли больше честолюбие (хотя мисты утверждают, что и ему есть пределы) или же вырос я сам.

Во-вторых — тоже, наверно, не соображение, а всего лишь позыв и непреодолимое желание: я хотел взобраться на самый верх. В свое оправдание я мог бы сослаться на мысль, что такой шанс

может больше не представиться и что мое высокое положение не позволяет мне остановиться там, куда простые моряки забираются всякий раз, когда к этому их обязывает работа. Все это — лишь рационалистические объяснения, но сама попытка содержала в себе нечто величественное. На протяжении долгих лет я не знал радости ни в чем, кроме побед, а сейчас я снова чувствовал себя мальчишкой. Когда я захотел взобраться на Башню Величия, мне и в голову не пришло, что Башня Величия сама может пожелать вскарабкаться на небо; теперь я стал опытнее. Этот корабль поднимался за пределы неба, и я хотел подняться вместе с ним.

Чем выше я взбирался, тем легче и опаснее становился мой подъем. Я полностью лишился веса. Раз за разом я прыгал, хватался за какую-нибудь перекладину или трос, вставал на него и прыгал снова.

После дюжины таких прыжков мне вдруг пришло в голову, что нет нужды останавливаться, пока я не окажусь на самой верхушке мачты, что я могу добраться туда одним прыжком, если только не прерывать полет. Тогда я метнулся, как ракета в праздник Летнего Солнцестояния; мне нетрудно было вообразить себе их свист и хвосты

красных или голубых искр.

Паруса и тросы проносились мимо меня бесконечной чередой. В какой-то миг мне привиделось что-то золотое с малиновыми прожилками, словно бы висящее между двух парусов; спустя некоторое время я решил, что это либо какой-то инструмент, помещенный поближе к звездам, или же этот предмет был забыт на палубе, пока какая-нибудь незначительная перемена курса не позволила ему уплыть прочь.

А я все летел вверх.

Показался грот. Я потянулся к фалу. Здесь они были немногим толще моего пальца, хотя каждый парус мог бы покрыть десяток полей.

Я промахнулся и не смог достать до фала. Мимо промелькнул другой.

И еще один — по меньшей мере в трех кубитах от моей руки.

Я попытался извернуться, как пловец, но смог лишь поднять колено. Сверкающие тросы снастей были широко разведены друг от друга даже внизу, где на одной этой мачте их насчитывалось больше сотни. Теперь передо мной не оставалось ничего, кроме облака стартопа. Я чиркнул по нему пальцами, но не смог ухватиться.

2. ПЯТЫЙ МАТРОС

Мне пришел конец, и я это понимал. На «Самру» в помощь моряку, упавшему за борт, с кормы свисала длинная веревка. Имелась ли такая веревка на этом корабле, я не знал; но даже если и так, мне не было бы в этом проку. Беда (чуть было не написал «трагедия») в том, что я не упал за поручни и меня не уносило за корму, я поднимался над лесом мачт. И я продолжал подниматься — точнее, удаляться от корабля, потому что так же запросто мог бы падать головой вниз — с той же скоростью, с какой прыгнул вначале.

Подо мной — во всяком случае, под моими ногами — корабль казался удаляющимся серебряным материком; его черные мачты были тонкими, как ножки сверчка. Вокруг меня горели бессчетные звезды, сверкая во всем своем великолепии, какого никогда не увидеть на Урсе. Одно время — не потому, что я думал о чем-то, а совсем наоборот — я искал его; он должен быть зеленым, думал я, как зелена Луна, но тронутым белым цветом там, где ледяные шапки закрыли наши стылые земли. Я не нашел ни Урса, ни оранжево-малинового

диска Старого Солнца.

Тогда я понял, что смотрю не в ту сторону. Если Урс еще вообще виден, то он должен быть где-то наверху. Я посмотрел туда, но увидел не наш Урс, а все растущий, вращающийся, клубящийся водоворот цвета смоли, чернее сажи. Он был словно огромный вихрь пустоты; но его окружал тонкий обруч яркого переливистого света, будто в нем танцевали мириады звезд.

Тут я осознал, что без моего ведома произошло чудо — произошло, пока я сидел и выписывал скучные строки о мастере Гурло или о Асцианской войне. Мы вошли в ткань времени, и черный как сажа водоворот отмечал конец вселенной.

Или ее начало. Если так, то блистающий обруч звезд — сонм молодых солнц, единственное по-настоящему волшебное кольцо, которое будет известно этой вселенной. Я приветствовал их радостным кличем, хотя никто не слышал его, лишь Предвечный и я сам.

Я притянул к себе свой плащ и вынул из него свинцовый ящик; подняв его над головой обеими руками, я швырнул его, выбросив из невидимой воздушной оболочки, из окрестностей корабля, из вселенной, которую мы с ним знали, в новое творение, как последний подарок от старого.

И тут же моя судьба поймала меня и потянула назад. Не прямо вниз к тому месту палубы, с которого я поднялся — так я мог и убиться, — но вниз и вперед, и я увидел под собой пролетающие верхушки мачт. Я вывернул шею, чтобы увидеть следующую — она была последней. Прими я на пять-семь элей вправо, верхушка мачты размозжила бы мне голову. Но я пролетел между ней и реей стакселя, слишком далеко от снастей. И обогнал корабль.

Немыслимо далеко и под другим углом появилась еще одна из бесчисленных мачт. Парусов на ней было, как листьев на дереве, — и не знакомых уже мне прямоугольных, а в форме треугольника. Некоторое время мне казалось, что я обгоню и эту мачту, потом — что врежусь в нее. Я лихорадочно вцепился в висевший в пустоте кливер.

Меня крутануло вокруг него, как вымпел при перемене ветра. Я удержался, хотя его холод обжег мои руки, повисел несколько мгновений, дыша тяжело и часто, и метнул себя вдоль бушприта — ибо эта последняя мачта была бушпритом — со всей силы, какая только имелась в моих руках. Что ж, невелика беда, если я ударюсь о нос корабля; самым сокровенным и единственным моим желанием было коснуться обшивки палубы где

угодно и как угодно.

Вместо этого я угодил в стаксель и заскользил по простору его серебряной поверхности. Он и казался одною лишь поверхностью, сплошным светом, ибо телесности в нем было не больше, чем в шепоте. Он развернул меня, распростер и сбросил, заставив крутиться и вертеться, как ветер осенний лист, на палубу.

Точнее, на одну из палуб, поскольку я никак не мог убедиться в том, что палуба, на которую я вернулся, была той самой, откуда я отправился в полет. Я лежал на ней, пытаясь отдышаться — хромая нога мучительно ныла — и почти не удерживаемый притяжением корабля.

Я дышал все так же часто и тяжело и даже еще чаще и после сотни таких жадных вдохов понял, что моя воздушная оболочка больше не способна поддерживать во мне жизнь. Я попытался подняться. Хоть я уже почти совсем задохнулся, это оказалось даже слишком легко — я чуть было не уплыл вверх снова. Крышка люка находилась в каком-нибудь чейне от меня. Я доковылял до нее, распахнул ее последним усилием и захлопнул за спиной. Внутренняя дверь открылась словно сама собой.

Сразу же мне стало легче дышать, будто све-

жий ветер ворвался в затхлую темницу. Выйдя в коридор, я в спешке снял ожерелье и некоторое время стоял, вдыхая холодный чистый воздух, совершенно не понимая, где нахожусь — лишь с блаженством осознавая, что я снова внутри, на борту корабля, а не мотаюсь, как обломок кораблекрушения, между его парусами.

Коридор был узкий и светлый, освещенный до боли в глазах голубыми световыми пятнами, которые медленно перемещались по его стенам и потолку, мигали и, казалось, таращились внутрь коридора, вовсе не являясь его частью.

Ничто не ускользает из моей памяти, если только я не в обмороке или в полуобморочном состоянии; я вспомнил весь путь от моей каюты до люка, через который я выбрался на палубу, и этого коридора в нем не было. Те коридоры были разукрашены, как гостиные замков, увешаны картинами, с полами, натертыми до блеска. Здесь бурое дерево палубы сменил зеленый ковер, похожий на травяной, который мелкими зубчиками цеплялся за подошвы моих сапог, так что мне казалось, будто эти маленькие сине-зеленые лезвия и вправду стальные.

Передо мною встал выбор, и выбор не из приятных. За мной был люк. Я мог снова выйти наружу

и искать по всем палубам свою часть корабля. Или же я мог двинуться по этому широкому проходу и поискать ее изнутри. Недостаток последнего заключался в том, что я легко мог потеряться во внутренностях корабля. Но разве это хуже, чем потеряться в снастях, как это недавно произошло со мной? Или в бесконечном пространстве между солнцами, как это едва не случилось только что?

Я стоял у люка в нерешительности, пока не услышал голоса. Они напомнили мне о том, что мой плащ все еще самым забавным образом завязан полами на поясе. Я развязал его и едва успел это сделать, как люди, чьи голоса я услышал, показались в конце коридора.

Все они были вооружены, но общее между ними на этом кончалось. Один из них выглядел вполне обыкновенным человеком, каких можно каждый день увидеть в доках Нессуса. Другой принадлежал к роду, которого я никогда не встречал в моих путешествиях, высокий и осанистый, как экзультант, с кожей не розовато-коричневого цвета, какой мы гордо именуем белым, а действительно белой, точно пена, и такими же белыми волосами. Третьей была женщина, ростом лишь чуть пониже меня, а в руках и ногах крепче всех женщин, которых я только видел. За этой трои-

цей, как бы гоня их перед собой, высился рослый человек в сплошном доспехе.

Думаю, они прошли бы мимо меня без единого слова, если бы я захотел, но я вышел на середину коридора, заставив их остановиться, и объяснил свое затруднение.

— Я уже доложил, — сказал человек в доспехах. — За тобой явится кто-нибудь или меня отправят с тобой. Пока ты должен пойти со мной.

— А куда вы идете? — спросил я, но он уже отвернулся, подав знак двум мужчинам.

— Идем, — сказала женщина и поцеловала меня. Это был недолгий поцелуй, но в нем чувствовалась грубая страстность. Она взяла меня за руку, сильно, по-мужски.

Простой матрос, который на деле вовсе не был так уж прост — открытое и, можно сказать, симпатичное лицо и светлые волосы южанина, — сказал:

— Надо идти, а то как они узнают, где тебя искать — если тебя вообще ищут. Впрочем, сдается мне, ты немного от этого потеряешь.

Он говорил на ходу, через плечо, а женщина и я следовали за ним по пятам.

— Может быть, ты сможешь мне помочь? —

спросил беловолосый.

Я подумал, что он узнал меня; и, чувствуя, что сейчас мне нужны все союзники, какими я только смогу обзавестись, я обещал, что помогу, если это в моих силах.

— Во имя любви Данаид, тише! — сказала ему женщина, а у меня спросила: — Оружие есть?

Я показал ей мой пистолет.

— С этим здесь надо поосторожнее. Можешь убавить его мощность?

— Уже убавил.

У нее и у остальных были каливеры — ружья, похожие на фузеи, но с несколько более коротким и толстым прикладом и тонким стволом. На ее поясе висел длинный кинжал; у обоих мужчин были боло — короткие тяжелые лесные ножи с широким лезвием.

— Я Пурн, — назвался мне матрос.

— Северьян.

Он подал мне ладонь, и я пожал ее — ладонь матроса, большую, грубую и мускулистую.

— Ее зовут Гунни…

— Бургундофара, — представилась женщина.

— Мы зовем ее Гунни. А это Идас. — Он указал на беловолосого.

Мужчина в доспехе, осматривавший коридор у

нас за спиной, коротко приказал: «Тихо!» Я никогда не видел человека, который мог бы повернуть голову так далеко назад.

— Как его зовут? — шепотом спросил я у Пурна. Вместо него ответила Гунни:

— Сидеро.

Из этой троицы она, похоже, боялась его меньше всех.

— И куда он ведет нас?

Сидеро прошел мимо и открыл дверь.

— Здесь. Подходящее место. Мы достаточно скрыты. Раскиньтесь цепью. Я буду посередине. Не бейте, пока не нападет. Сигналы подавайте голосом.

— Во имя Предвечного, — спросил я, — что мы должны делать?

— Искать сбежавший груз, — пробормотала Гунни. — Не особенно слушай Сидеро. В случае опасности немедленно стреляй.

Говоря это, она подталкивала меня к открытой двери.

— Не бойся, там, может быть, никого и нет, — сказал Идас и встал за нами так близко, что я почти автоматически шагнул в открытую дверь.

За дверью было темно, хоть глаз выколи, но я тут же понял, что стою не на твердом полу, а на

какой-то шаткой и редкой решетке и что место, куда я попал, много больше обычной комнаты.

Гунни коснулась волосами моего плеча, вглядываясь в темноту и обдавая меня смешанным запахом пота и духов.

— Включи свет, Сидеро. Нам же ничего не видно.

Тут же загорелся свет, более желтоватого оттенка, чем в коридоре, из которого мы только что ушли. Это желтое сияние, казалось, высасывало цвет из всех предметов. Мы вчетвером стояли, сбившись вместе, на полу из черных прутьев не толще мизинца. Никаких ограждений не было, а пространство вокруг нас и под нами (ибо потолок над головой, очевидно, поддерживал наружную палубу) вместило бы нашу Башню Сообразности.

Сейчас же здесь размещалась немыслимая мешанина грузов: всевозможные ящики, бочки, баки, механизмы и детали машин, множество мешков из блестящей полупрозрачной пленки, штабеля бревен.

— Туда! — скомандовал Сидеро. Он указывал на шаткую лесенку, спускавшуюся вдоль стены.

— Ты первый, — сказал я.

Он набросился на меня — между нами не было и пяди, — и поэтому я не успел выхватить писто-

лет. Сидеро сжал меня с поразительной силой, заставил отступить на шаг и безжалостно толкнул. Мгновение я пытался удержаться на краю, хватаясь за воздух. Потом упал.

На Урсе я наверняка сломал бы себе шею. На корабле же я, можно сказать, плавно спланировал вниз. Но, несмотря на замедленность падения, испуг мой был ничуть не меньше. Я видел, как вращаются надо мной решетка и потолок, понимал, что приземлюсь на спину, приняв удар на позвоночник и затылок, но повернуться никак не мог. Я махал руками, чтобы ухватиться за что-нибудь, и воображение лихорадочно рисовало мне висящий где-то подо мной кливер. Глядевшие на меня сверху вниз четыре лица — закрытое забрало Сидеро, алебастрово-белый лик Идаса, ухмылка Пурна, красивые, грубые черты Гунни — казались масками из ночного кошмара. И уж точно ни у одного несчастного, сорвавшегося с Колокольной Башни, никогда не было столько времени, чтобы так досконально прочувствовать свою гибель.

Я упал, стукнувшись так сильно, что захватило дух. Сто или больше ударов сердца я лежал, ловя ртом воздух, как некоторое время назад, когда я только-только вернулся на корабль. Постепенно

я осознал, что хотя мне и больно, но не больнее, чем если бы я упал с кровати на ковер, увидев в страшном сне Тифона. Сев, я обнаружил, что все кости целы.

Ковром мне служили пачки каких-то бумаг, и я подумал, что Сидеро знал об этих пачках, которые не дадут мне разбиться. Тут совсем рядом с собой я увидел причудливейших очертаний механизм, весь утыканный рычагами и педалями.

Я поднялся на ноги. Платформа наверху опустела, и дверь в коридор была заперта. Я поискал лестницу, но она вся, кроме самых верхних пролетов, была закрыта этим механизмом. Я стал обходить его вокруг, спотыкаясь о беспорядочно наваленные связки бумаг (многие сизалевые веревки, которыми они были связаны, лопнули, и я шел по документам, поскальзываясь и падая, как по снегу), но легкость моего тела изрядно выручала меня.

Я смотрел себе под ноги, выбирая дорогу, и не увидел его, пока не столкнулся с ним буквально нос к носу.

3. КАЮТА

Моя рука метнулась к пистолету — я вынул его и прицелился, почти не отдавая себе в этом отчета. На первый взгляд лохматое существо ничем не отличалось от сутулой фигуры саламандры, которая однажды чуть не спалила меня заживо в Траксе. Я так и ждал, что сейчас он откинется и я увижу его пылающее сердце.

Но он не сделал этого, и я не выстрелил, пока не было уже слишком поздно. Какое-то мгновение мы стояли неподвижно и выжидали; потом он бросился бежать, подпрыгивая и протискиваясь между ящиками и бочками, как неуклюжий щенок в погоне за живым шаром, которым был он сам. Повинуясь злобному инстинкту, велящему человеку убивать все то, что боится его, я выстрелил. Луч — наверняка смертельный, хоть я и свел его мощность до минимума, чтобы заплавить свинцовый футляр — прорезал воздух, и большой слиток какого-то металла зазвенел точно колокол. Но существо, чем бы оно ни было, оказалось уже на дюжину элей в стороне, а через мгновение исчезло за какой-то статуей, укрытой

защитными полотнами.

Кто-то крикнул, и мне почудилось, что я узнал низкий, с хрипотцой, голос Гунни. Послышался звук, похожий на свист летящей стрелы, и снова чей-то вскрик.

Лохматое существо появилось опять, но на этот раз, взяв себя в руки, я не выстрелил. Подбежал Пурн и пальнул из своего каливера, подняв его, как охотничье ружье. Вместо молнии, вопреки моим ожиданиям, из его ствола вылетела лента, гибкая и быстрая, казавшаяся в этом странном свете черной; она полетела с тем самым свистом, который я только что слышал.

Эта черная лента, попав в зверя, пару раз обмотала его, но других действий вроде бы не произвела. Пурн издал клич и прыгнул словно кузнечик. Мне до сих пор не приходило в голову, что в этом просторном трюме я могу скакать так же, как и на палубе, но сейчас я немедленно последовал за Пурном (в основном потому, что не хотел терять Сидеро, не отомстив ему) и едва не размозжил себе голову о потолок.

Пока я висел в воздухе, я смог прекрасно оглядеть трюм под собой. Лохматый зверь, шерсть которого под солнцем Урса казалась бы охристо-коричневой, был перепоясан черными

полосками, но все еще отчаянно прыгал; как раз в тот миг, когда я смотрел на него, каливер Сидеро покрыл зверя еще несколькими полосами. Пурн уже почти настиг его, за ним — Идас и Гунни, и Гунни не переставала стрелять, перемахивая гигантскими прыжками с одного возвышения на другое через горы грузов.

Я приземлился рядом с остальными, кое-как умостившись на вершине какой-то груды, и совсем не заметил, что лохматый зверь несется прямо на меня, пока он почти не угодил мне в руки. Я говорю «почти», потому что в сущности я не поймал его, а он уж точно не сцапал меня. Но мы сцепились с ним — черные ленты прилипли к моей одежде так же легко, как и к шерстистым полоскам на его коже, не похожим ни на мех, ни на перья.

Мгновение — и мы рухнули с вершины груды, и тут я обнаружил еще одно свойство ленты: растянутая, она стягивалась опять, и намного туже, чем прежде. Пытаясь высвободиться, я лишь оказался связан еще крепче, а Пурн и Гунни нашли это в высшей степени забавным.

Сидеро перекрестил зверя новыми лентами и велел Гунни освободить меня. Она сделала это при помощи кинжала.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— Так всегда бывает, — успокоила она. — Я тоже попала однажды в такую корзину. Не переживай.

Возглавляемые Сидеро, Пурн и Идас уже уносили существо прочь. Я встал.

— Боюсь, я отвык от насмешек.

— Значит, когда-то ты был привычен? По тебе не скажешь.

— В обучении. Все смеются над младшими учениками, особенно те, что постарше.

Гунни пожала плечами.

— Если пораскинуть мозгами, над доброй половиной всего, что делает человек, можно только посмеяться. Например, спать с открытым ртом. Если ты — старшина, не смешно. А если нет, то даже лучший друг обязательно сунет тебе в рот комок пыли. Не тяни их. — Черные ленты прилипли к ворсу моей бархатной рубашки, и я пытался оторвать их.

— Надо бы и мне нож, — посетовал я.

— А у тебя нет? — Она глянула на меня с сочувствием, и глаза у нее стали большими, темными и мягкими, как у коровы. — У каждого должен быть нож.

— Раньше я носил меч, — сказал я. — Потом

стал надевать его только для церемоний. Покидая каюту, я думал, что пистолета мне будет больше чем достаточно.

— Для боя. Но часто ли приходится биться человеку с твоей внешностью? — Она отошла на шаг и сделала вид, что оглядывает меня оценивающе. — Думаю, не многие доставляют тебе такие хлопоты.

На самом же деле в своих матросских ботинках на толстой подошве она почти не уступала мне в росте. В любом месте, где люди имели бы вес, она и весила бы немало — под кожей были видны настоящие мускулы, с добрым слоем жирка поверх.

Я рассмеялся и высказал предположение, что нож пригодился бы мне в тот миг, когда Сидеро сбросил меня с площадки.

— О нет, — возразила она. — Ножом ты его и не поцарапаешь. — Она улыбнулась. — Как сказала мадам, когда явился моряк. — Я расхохотался, и она взяла меня под руку. — Обычно нож нужен не для боя. Он для работы — для всякой всячины. Как ты без ножа отрежешь веревку или откроешь банку с едой? Сейчас мы пойдем, и смотри в оба. Бог весть что можно найти в этих трюмах.

— Мы идем не в ту сторону, — сказал я.

— Я знаю другой путь, а если мы выйдем от-

сюда там же, где вошли, то ты вообще ничего не найдешь. Это слишком близко.

— А что будет, если Сидеро выключит свет?

— Не выключит. Если его зажечь, он будет гореть, пока в нем есть нужда. О, смотри! Я кое-что нашла!

Я повернулся, вдруг сообразив, что нож она заметила еще во время нашей охоты на лохматое существо и просто притворялась, будто нашла его только сейчас. Виднелась лишь костяная рукоять.

— Бери его. Никому нет дела, если ты его возьмешь.

— Я не об этом думал, — сказал я.

Это был охотничий нож, суженный на конце, с тяжелым зазубренным лезвием длиной в две пяди. То, что надо, подумал я, для серьезной работы.

— Забирай и ножны тоже. Не станешь же ты носить его весь день в руках.

Ножны были из черной гладкой кожи, но в них имелся карман, в котором когда-то хранился какой-то маленький инструмент — он напомнил мне кармашек для точильного камня на ножнах «Терминус Эст» из человеческой кожи. Нож мне уже нравился и стал нравиться еще больше, когда

я увидел ножны.

— Нацепи на пояс.

Я так и сделал, передвинув его левее, чтобы он уравновешивал пистолет.

— Мне казалось, на таком большом корабле, как этот, грузы хранятся аккуратнее.

Гунни пожала плечами.

— Да это и не груз вовсе. Так, разный хлам. Ты знаешь, как устроен корабль?

— Не имею ни малейшего понятия.

Это рассмешило Гунни.

— И никто не имеет, по-моему. Мы постоянно делимся друг с другом своими соображениями, которые со временем оказываются неверными. Во всяком случае, не совсем верными.

— Разве тебе не следует знать свой корабль?

— Он слишком велик, и на нем слишком много мест, куда нас никогда не берут, а сами мы не можем ни найти их, ни попасть туда. Но у него семь палуб: это чтоб он нес больше парусов, смекаешь?

— Да.

— На некоторых палубах — на трех, по-моему — есть глубокие трюмы. Вот там хранится основной груз. Остальные четыре кончаются большими помещениями треугольной формы. В некоторых

держат разный хлам, как в этом трюме. В некоторых — каюты, кубрики экипажа и прочее. Но раз уж речь пошла о каютах — не двинуться ли нам обратно?

Она вывела меня к лестнице на другую площадку.

— Мне почему-то казалось, что мы пройдем через скрытый проход в стене или по дороге этот хлам превратится в цветущий сад.

Гунни покачала головой и усмехнулась:

— Я вижу, ты уже немного знаком с этим кораблем. А еще ты поэт, верно? И, бьюсь об заклад, изрядный лжец.

— Я был Автархом Урса; для этого требовалось немного лжи, если тебе так нравится. Мы называли это дипломатией.

— Вот что я скажу тебе: это рабочий корабль; просто строили его люди не такие, как мы с тобой. Автарх — значит, заправляешь всем Урсом?

— Нет, я заправлял лишь малой его частью, хотя и был законным правителем всего Урса. И я знал еще до того, как пустился в это путешествие, что в случае удачи я вернусь не Автархом. Но тебе, похоже, это совсем не интересно.

— Столько миров… — откликнулась Гунни. Неожиданно она согнулась, распрямилась и

прыгнула, поднявшись в воздух, как большая голубая птица. Хоть я и сам проделывал это, мне было непривычно видеть в воздухе женщину. В прыжке она поднялась на кубит над площадкой, а потом плавно опустилась на ее поверхность.

Кубрик экипажа я невольно представлял себе тесной комнатушкой, наподобие полубака «Самру». Вместо этого здесь был целый город просторных кают, выходивших в коридоры, которые в несколько ярусов тянулись вокруг одного воздушного колодца. Гунни сказала, что она должна вернуться к делам, и предложила мне поискать пустую каюту.

Меня так и подбивало сообщить ей о каюте, которую я покинул лишь стражу назад; но что-то удержало меня. Я кивнул и спросил, в какой стороне каюты лучше, желая выяснить, как она и поняла, где находится ее собственная каюта. Она указала мне, и мы расстались.

На Урсе старые замки отпираются паролем. В моей пассажирской каюте имелся говорящий замок, и хотя люки обходились без слов, а дверь, которую распахнул Сидеро, не потребовала пароля, оливковые двери отсека экипажа были снабжены такими замками. Первые два, к которым я подходил, сообщили мне, что охраняемые

ими каюты заняты. Это, вероятно, были старые устройства — я заметил, что у них уже начали развиваться личные свойства.

Третий замок пригласил меня войти, сказав:

— Какая прекрасная каюта!

Я спросил, давно ли прекрасная каюта была занята последний раз.

— Не знаю, хозяин. Много рейсов назад.

— Не зови меня хозяином, — приказал я замку. — Я еще не решился поселиться в твоей каюте.

Ответа не последовало. Наверняка интеллект у таких замков крайне ограничен; иначе их можно было бы подкупить, и они обязательно скоро сошли бы с ума. Спустя некоторое время дверь открылась. Я шагнул внутрь.

По сравнению с пассажирской каютой, из которой я ушел, эта не отличалась особым шиком. В ней были две узкие койки, шкаф и сундук; удобства располагались в углу. Пыль покрывала все таким толстым слоем, что я с легкостью вообразил, как она серыми облаками залетает сюда через вентиляционную решетку, хотя облака эти мог увидеть только тот, кому удалось бы, как кораблю, каким-то образом сжать время; тому, кто живет, как, скажем, дерево, для которого год

— точно день, или как ровесник мира Гьолл, бегущий через долину Нессуса.

Размышляя обо всем этом, что заняло гораздо больше времени, чем потребовалось занести мои мысли на бумагу, я нашел в шкафу красную тряпочку, намочил ее в умывальнике и начал стирать пыль. Протерев крышку сундука и стальную раму одной из коек, я понял, что, может быть, и не отдавая себе отчета, уже решил остаться здесь.

Конечно же, я еще найду свою пассажирскую каюту и буду ночевать там чаще, чем где бы то ни было. Но за мной останется и эта каюта. Когда мне станет скучно, я присоединюсь к экипажу и так смогу узнать о жизни на корабле много больше, чем в ранге простого пассажира.

Кроме того — Гунни. В моих руках перебывало достаточно женщин, чтобы потерять им счет — очень скоро понимаешь, что союз калечит любовь, если он не подстегивает ее, — и бедная Валерия часто вставала перед моими глазами; но я искал расположения Гунни. В качестве Автарха я помимо Отца Инира имел мало друзей, и единственной женщиной среди них была Валерия. Что-то в улыбке Гунни напоминало мне мое счастливое детство с Теа (о, как я до сих пор

скучаю по ней!) и долгое путешествие в Тракс с Доркас. Тогда я считал его обычной ссылкой и торопил каждый новый день. Теперь я знал, что то была кульминация моей жизни.

Я снова смочил тряпку, осознав, что делал это часто, но как часто — сказать не мог. Осмотревшись в поисках пыльной поверхности, я понял, что протер все начисто.

Разобраться с матрацем оказалось труднее, но и его надо было как-то вычистить — он выглядел таким же грязным, как и все остальное, а нам наверняка придется время от времени возлежать на нем. Я вынес его в коридор, опоясывавший воздушный колодец, и колотил по нему до тех пор, пока пыль перестала вздыматься столбом при каждом ударе.

Когда я закончил и стал скатывать его, чтобы унести обратно в каюту, из колодца раздался дикий вопль.

4. ЖИТЕЛИ ПАРУСОВ

Он донесся снизу. Я перегнулся через проволочной толщины леер, глянул вниз и тут услышал его снова — вопль, полный тоски и одиночества, отражавшийся от металлических перекрытий между этажами металлических кают.

Пока я прислушивался, мне на мгновение показалось, что это мой собственный вопль, будто все накопившееся во мне с того памятного мрачного утра, когда мы с аквастором мастером Мальрубиусом шли по берегу моря и смотрели, как аквастор Трискель исчезает в сверкающей пыли, высвободилось, оторвалось от меня, и теперь выло там, внизу, в слабом неверном свете.

Я почувствовал желание прыгнуть через леер, ибо тогда еще не знал глубины этого колодца. Швырнув матрац в открытую дверь моей новой каюты, я начал спускаться по узкой вьющейся лестнице, перепрыгивая целые пролеты.

Сверху бездна колодца казалась мутной, странные лучи желтых ламп светили в нее, ничего не освещая. Я полагал, что, когда спущусь пониже, дымка рассеется, но вместо этого стало только

еще темнее и туманнее, пока помещение не приобрело сходство с облачным залом Балдандерса, хотя туман и не был здесь таким плотным и густым. Поднимающийся воздушный поток тоже потеплел, и, может быть, окутавший все туман образовывался из-за того, что теплый и влажный воздух из недр корабля смешивался с холодной атмосферой верхних этажей. В своей бархатной рубашке я скоро стал обливаться потом.

Двери многих кают стояли здесь открытыми нараспашку, но в каютах было темно. Когда-то — или так мне только казалось — экипаж этого корабля был куда многочисленнее или же, вероятно, на нем перевозили узников (каюты вполне могли бы служить камерами, если иначе проинструктировать замки) либо солдат.

Вопль раздался снова и с ним — звон, похожий на удар молота по наковальне, хотя в нем была какая-то нота, по которой я понял, что породил ее не металл, а существо из плоти и крови. Ночью, в горах, он пронял бы посильнее, чем волчий вой, подумалось мне. Какая тоска, какой ужас и одиночество, какой страх и предсмертная мука были в нем!

Я остановился перевести дух и огляделся. Похоже, в помещениях где-то внизу держали зверей.

Или, может быть, безумцев, как мы, палачи, держали сошедших с ума от мучений жертв на третьем ярусе подземелья. А кто знает, все ли двери закрыты? Не могло ли какое-нибудь чудовище выбраться из заточения, не поднявшись до сих пор наверх лишь по случайности или боясь людей? Я вынул пистолет и убедился, что он установлен на минимальную мощность, но несет полный заряд.

Первый же взгляд на зверинец подтвердил мои худшие опасения. Тонкие, как паутинки, деревья колыхались на краю ледника, журчал и пел водопад, бархан выгибал свою желтую блестящую спину, и между ними бродило всякой твари по паре. Я смотрел на них на протяжении десятка вздохов, пока не начал догадываться, что их ничто не держит, и еще через полсотни вздохов я окончательно убедился в этом. Но у каждого из них было свое место, просторное или маленькое, и они имели не больше возможности убежать, чем звери в Медвежьей Башне. Что за диковинный это был зверинец! Если бы прочесать все болота и леса Урса в поисках редких видов, навряд ли удалось бы собрать такой. Одни неустанно бродили по кругу, другие смотрели на них, третьи лежали в беспробудном сне.

Я поднял пистолет и спросил:

— Кто кричал?

Я лишь подбодрил себя шуткой, но мне ответили — слабый стон донесся с другой стороны зверинца; я пробрался между зверями по узкой едва различимой тропинке, которую проделали, как я вскоре выяснил, матросы, кормившие животных.

Это было то самое лохматое существо, которое набросилось на меня в грузовом трюме, и я даже немного обрадовался, узнав его. Я так долго просидел в одиночестве с того времени, как шлюп перенес меня из садов Обители Абсолюта на этот корабль, что встретить даже такое несуразное создание, как это, во второй раз показалось мне так же отрадно, как повстречаться со старым приятелем.

К тому же я помогал при поимке этого зверя, и он заинтересовал меня. Когда мы гнались за ним, он выглядел почти шарообразным; теперь же я увидел, что на самом деле он был одним из тех коротконогих небольших зверьков, которые обычно живут в норах, — нечто вроде пайки, другими словами. Круглая голова сидела на шее такой короткой, что о ее наличии приходилось больше догадываться; тело его тоже было округ-

лым, а голова казалась лишь его продолжением. У него имелись четыре короткие лапы, на каждой из которых было по четыре длинных тупых когтя и по одному поменьше; кожа поросла не слишком длинной гладкой шерстью буровато-серого оттенка. Два блестящих черных глаза глядели на меня.

— Бедняга, — сказал я. — Ты-то как сюда попал?

Он подошел вплотную к невидимой стенке, за которой сидел, передвигаясь гораздо медленнее, чем в тот раз, когда он был напуган.

— Бедняга… — промолвил я снова.

Он привстал на задних лапах, как это иногда делают пайки, положив передние лапы на свое белое брюхо. Черные ленты прилипли к белому меху. Они напомнили мне о том, что такие же ленты висят на моей рубашке. Я потянул за остатки прочных пут и увидел, что они стали вялыми и больше не пружинили. Некоторые рвались под моими пальцами. Ленты на шерсти зверя тоже отваливались.

Он снова тихо простонал; инстинктивно я протянул руку, чтобы погладить его, как погладил бы скулящую собаку, но сразу же отдернул, боясь, что он может укусить меня или поцарапать когтями.

Тут же я выругал себя за трусость. Он не причинил бы никому никакого вреда, и когда я боролся с ним, он, судя по всему, хотел лишь убежать. Я просунул палец через стенку, которая не оказала мне никакого сопротивления, и почесал его щеку. Он, точно по-собачьи, повернул голову, и я нащупал под шерстью маленькие круглые ушки.

— Забавный, правда? — сказал кто-то у меня за спиной, и я обернулся. Это был Пурн, улыбчивый матрос.

— Выглядит он совершенно безобидным, — ответил я.

— Они почти все безобидны. — Пурн помолчал. — Но в основном они умирают и исчезают. Говорят, мы видим жалкую их часть.

— Гунни назвала их грузом, — вспомнил я, — и я как раз размышлял об этом. Они появляются благодаря парусам, верно?

Пурн отсутствующе кивнул и просунул свой палец через стенку, чтобы тоже пощекотать зверька.

— Соседние паруса здесь должны быть подобны большим зеркалам. Они изогнуты, поэтому в каком-то месте — точнее, во многих местах — параллельны друг другу. И на них светит звездный свет.

Пурн снова кивнул.

— Это-то и движет корабль, как ответил шкипер на расспросы о его милашке.

— Я знавал человека по имени Гефор, который вызывал для своих нужд смертельно опасных тварей. А другой, по имени Водалус — впрочем, Водалусу, по-моему, нельзя верить — говорил, что Гефор вызывает их при помощи зеркал. У меня есть друг, который тоже колдует зеркалами, но он не занимается черной магией. Гефор был матросом на таком же корабле, как этот.

Это привлекло внимание Пурна. Он убрал руку из клетки и повернулся ко мне.

— Ты не помнишь его названия? — спросил он.

— Названия корабля? Нет, по-моему, он мне его не говорил. Хотя… Он рассказывал, что работал на нескольких кораблях. «Долго служил я на кораблях сребропарусных, по сту мачт, достигавших самых звезд».

— Ага, — кивнул Пурн. — Некоторые утверждают, что корабль только один. Я частенько раздумываю об этом.

— Их наверняка много. В детстве мне самому рассказывали про них — про корабли какогенов, которые заходили в порт на Луне.

— Где это?

— Луна? Это спутник моего мира, Урса.

— А, значит, это были небольшие суденышки. Шлюпы, барки и тому подобное. Никто и не говорит, что суденышек, курсирующих между мирами и между солнцами, мало. Этот корабль и другие, если считать, что они есть, не подходят обычно так близко. Они могут подойти и пристать, но это сложная работа. К тому же возле солнца обычно болтается много скал.

Показался белокурый Идас, который нес в руках какие-то инструменты.

— Привет! — крикнул он, и я махнул ему рукой.

— Надо бы делом заняться, — проворчал Пурн. — Мне вот с ним поручено ухаживать за ними. Я как раз спустился сюда, когда увидел тебя, э-э…

— Северьян, — сказал я. — Я был Автархом — правителем Содружества; теперь я — представитель Урса и его посол. Ты не с Урса, Пурн?

— Не думаю, но может быть, — ответил он, замявшись. — Большая белая луна?

— Нет, зеленая. Ты, наверно, был на Вертанди; я читал, что у нее светло-серые луны.

Пурн пожал плечами:

— Не знаю.

Идас тем временем подошел к нам и сказал:

— Это, должно быть, великолепно.

Я не понял, что он имеет в виду. Пурн двинулся дальше, осматривая зверей.

Словно мы были двумя заговорщиками, Идас шепнул мне:

— Не обращай на него внимания. Он боится, я скажу, что он не работал.

— А ты не боишься, если я скажу, что не работал ты? — спросил я. Что-то неуловимое в Идасе раздражало меня, хотя, вероятно, это была просто его внешняя слабость.

— А, ты знаешь Сидеро?

— Я думаю, кого я знаю — это мое дело.

— По-моему, ты никого не знаешь, — сказал он. И, словно смутившись своей бестактности, добавил: — Но, может быть, и знаешь. Или я мог бы тебя представить, если хочешь.

— Хочу, — ответил я. — Представь меня Сидеро при первой же возможности. Я требую, чтобы меня вернули в мою каюту.

Идас кивнул:

— Хорошо. Ты не возражаешь, если мы постоим тут и поговорим немного? Только не обижайся на то, что я тебе скажу: ты ничего не знаешь о кораблях, а я ничего не знаю о таких местах, как

этот… э-э…

— Урс?

— Ничего не знаю о других мирах. Я видел картинки, но, кроме них, все, что я знаю, — вот эти твари, — он обвел рукой зверинец. — А они все отвратительные. Наверняка в других мирах есть что-нибудь и получше, то, что не живет так долго, чтобы попасть к нам на борт.

— Но они ведь не все злые.

— Нет, все, — возразил он. — Мне приходится чистить за ними, кормить их, подбирать им воздух, если надо, и будь моя воля, я бы всех их перерезал; только Сидеро и Зелезо прибьют меня за это.

— Не удивлюсь, если даже и убьют, — сказал я. Мне вовсе не хотелось, чтобы такая чудесная коллекция пропала по прихоти этого урода. — И это было бы, по-моему, справедливо. Ты выглядишь так, словно сам выбрался оттуда.

— Да нет, — сказал он серьезно. — Это вы с Пурном и остальные выбрались оттуда. А я родился на корабле.

Что-то в его интонации подсказывало мне, что он пытается втянуть меня в разговор и с радостью пошел бы на ссору, лишь бы я не замолкал. Я же не имел никакого желания даже разговаривать,

не то что ссориться. От усталости я валился с ног и к тому же был зверски голоден.

— Если я принадлежу к этому зверинцу, то твой долг следить, чтобы я был сыт. Где тут камбуз? — спросил я.

Идас ответил не сразу, сперва почти открыто предложив обменяться сведениями — он покажет мне, куда идти, если я отвечу на семь его вопросов об Урсе или о чем-нибудь еще. Но тут он понял, что я готов пришибить его, если он скажет еще хоть что-нибудь в том же духе, и, сильно поскучнев, рассказал мне, как добраться до камбуза.

Одно из преимуществ такой памяти, как моя (памяти, которая никогда ничего не упускает и хранит абсолютно все), в том, что ею можно пользоваться будто картой. Может быть, это даже ее единственное преимущество. На этот раз, однако, она послужила мне не лучше, чем тогда, когда я попытался следовать совету начальника пельтастов, которых я встретил на мосту через Гьолл. Идас, конечно же, решил, что я знаю корабль куда лучше, чем на самом деле, а значит, не буду считать каждую дверь и каждый поворот.

Скоро я понял, что сбился с пути. Коридор разветвлялся на три рукава, где их должно было

быть два, а обещанная лестница все не появлялась. Я вернулся назад, нашел то место, где, по моим понятиям, я сбился с дороги, и начал поиск заново. Почти сразу я попал в широкий прямой коридор, который, как говорил мне Идас, вел к камбузу. Я решил, что мои плутания закончились, и зашагал вперед в хорошем настроении.

По меркам корабля, место это было просторным и ветреным. Наверняка воздух попадал сюда прямо из тех устройств, которые очищали и разгоняли его по отсекам, потому что пах он, как южный ветерок в дождливый весенний день. Пол был покрыт не странной травой и не решетками, которые я уже ненавидел, а полированным паркетом со слоем прозрачного лака. Стены, которые в отсеках экипажа были темного мертвенно-серого цвета, здесь отличались белизной, и пару раз я проходил мимо кресел, стоявших спинками к стене.

Коридор повернул раз и еще один, и, как мне показалось, пошел чуть вверх, хотя вес, который я поднимал с каждым своим шагом, был таким незначительным, что я не мог сказать наверняка. На стенах висели картины, и некоторые из них двигались — одна изображала наш корабль, словно бы увиденный издалека. Я невольно оста-

новился и вгляделся, содрогнувшись при мысли, что мог и сам увидеть его в такой перспективе.

Еще один поворот — и оказалось, что это вовсе не поворот, а круглая площадка с дверьми, которой коридор оканчивался. Я выбрал первую попавшуюся дверь, толкнул ее и оказался в узком проходе, в котором было так темно, что после белого коридора я различал лишь огни на потолке.

Спустя несколько мгновений я понял, что прошел через люк, внутренний люк корабля; все еще не в силах избавиться от трепета, который охватил меня при виде страшной и прекрасной картины на стене, я вынул свое ожерелье, поднес к свету и убедился, что оно не повреждено.

Я зашагал вперед. Проход дважды повернул, разделился на два и начал извиваться как змея.

Где-то сбоку открылась дверь, выпустив аромат жареного мяса. Голос, тонкий механический голос замка, произнес:

— С возвращением, хозяин.

Я заглянул в дверь и увидел свою собственную каюту. Не ту, конечно, которую я занял в отсеках экипажа, а свою гостевую каюту, откуда всего стражу или две назад я вышел, чтобы запустить свой свинцовый ящик в величественное сияние новорожденной вселенной.

5. ГЕРОЙ И ИЕРОДУЛЫ

Стюард принес мне ужин и, не найдя меня в каюте, оставил его на столе. Мясо под крышкой было еще теплым; я жадно накинулся на него, а также на хлеб с соленым маслом, зелень и красное вино. Потом я разделся, умылся и лег спать.

Он разбудил меня, тронув за плечо. Странно, но когда я — Автарх Урса — поднялся на борт корабля, я едва заметил его, своего стюарда, хотя он принес мне пищу и сам, добровольно, взялся исполнять разные мелкие просьбы; без сомнения, именно эта добровольность незаслуженно лишила его моего внимания. Теперь же, когда я сам стал членом экипажа, я словно взглянул на него другими глазами.

Сейчас он смотрел на меня. Лицо у него было грубоватое, но умное, в глазах угадывалось волнение.

— Тебя хотят видеть, Автарх, — тихо сказал он.

Я сел.

— Это так важно, что ты решился разбудить меня?

— Да, Автарх.

— Наверно, капитан?

Не накажут ли меня за то, что я выходил на палубу? Ожерелья выдавались на случай опасности; но все же я отмел такую возможность.

— Нет, Автарх. Уверен, наш капитан уже виделся с тобой. Три иеродула, Автарх.

— Вот как? — Я решил чуть-чуть потянуть время. — Голос, который слышится иногда в коридорах, — это голос капитана? Когда это он виделся со мной? Не помню, чтобы я с ним виделся.

— Не имею понятия, Автарх. Но наш капитан встречался с тобой, я уверен. Наверное, даже часто. Наш капитан приглядывает за людьми.

— В самом деле? — Я натягивал чистую рубашку и обдумывал, не намек ли это на то, что внутри корабля есть еще один, тайный корабль, точно так же, как Вторая Обитель существует внутри Обители Абсолюта. — Это, должно быть, отвлекает его от дел.

— Я так не думаю, Автарх. Они ждут за дверью — не мог бы ты поторопиться?

После этого, разумеется, я стал одеваться еще чуть медленнее. Чтобы выдернуть пояс из запылившихся штанов, мне пришлось снять с него пистолет и нож, который нашла для меня Гунни. Стюард сказал, что они мне не понадобятся,

однако я надел их; мне было немного не по себе, словно мне предстоял смотр только что сформированного подразделения улан. По длине мой нож немногим уступал мечу.

Мне и в голову не приходило, что этой троицей могут оказаться Оссипаго, Барбатус и Фамулимус. Как мне представлялось, я оставил их на Урсе, и их определенно не было со мной на шлюпе, хотя они, конечно же, имели собственный летательный аппарат. Сейчас все они были в человеческих — весьма неприглядных — обличьях, как и при первой нашей встрече в замке Балдандерса.

Оссипаго поклонился сухо, как всегда, Барбатус и Фамулимус — так же учтиво. Я ответил на их приветствия радушно, как мог, и предложил, если они хотят поговорить со мной, пройти в мою каюту, заранее извиняясь за беспорядок.

— Мы не можем войти, — сказала мне Фамулимус, — как бы нам ни хотелось. Та комната, куда мы поведем тебя, недалеко.

Ее голос, как всегда, был похож на пение жаворонка.

— Такие каюты, как твоя, не слишком уютны для нас, — добавил Барбатус своим мужественным баритоном.

— Тогда я пойду с вами, куда бы вы меня ни

повели, — сказал я. — Если бы вы знали, как я искренне рад снова увидеть всех вас! Ваши лица — воспоминание о доме, пусть даже это не настоящие лица.

— Я вижу, ты знаешь нас, — сказал Барбатус, когда мы двинулись по коридору. — Но боюсь, что лица, которые мы прячем под этими, слишком ужасны для тебя.

Ширина коридора не позволяла нам идти всем вместе, поэтому мы с Барбатусом шли впереди, а Фамулимус и Оссипаго сзади. Долгое время я не мог побороть отчаяния, которое охватило меня в тот миг.

— Это первый раз? — переспросил я. — Вы не встречались со мной раньше?

— Хотя мы и не знаем тебя, но ты, Северьян, знаком с нами, — пропела Фамулимус. — Я видела, как ты был рад, когда мы впервые увидели тебя. Мы часто встречались и стали друзьями.

— Но больше мы не встретимся, — сказал я. — Это первый раз для вас, следующих во времени назад и покидающих меня. Поэтому для меня это последний раз. Когда мы встретились впервые, вы сказали: «Добро пожаловать. Приветствовать тебя, Северьян, для нас величайшее счастье», и вы были опечалены при нашем расставании. Я

очень хорошо помню это — я все помню очень хорошо, как вы некогда знали, — помню, как вы стояли на борту своего корабля и прощались со мной, а я стоял на крыше башни Балдандерса под дождем…

— Среди нас только Оссипаго обладает такой памятью, как у тебя, — промолвила Фамулимус. — Но я не забуду.

— Так, значит, сейчас мой черед приветствовать вас и печалиться при расставании. Я знал вас больше десяти лет, и мне ведомо, что лица, которые вы скрываете под этими масками, — тоже всего лишь маски. Фамулимус сняла свою маску, когда мы встретились впервые, хотя я не понимал тогда, что она и прежде неоднократно проделывала это в моем обществе. Я знаю, что Оссипаго — машина, хотя он не так проворен, как Сидеро, который, как я начинаю думать, тоже машина.

— Это имя означает «железо», — сказал Оссипаго, впервые прервав молчание. — Хотя я с ним незнаком.

— А твое означает «растящий кости». Ты растил Барбатуса и Фамулимус, когда они были маленькими, следил, чтобы они были накормлены и ухожены, и с тех пор всегда оставался рядом с

ними. Так когда-то говорила мне Фамулимус.

— Мы пришли, — сказал Барбатус и открыл передо мной дверь.

В детстве часто воображаешь, что за любой дверью может открыться чудо, нечто совсем не похожее на все прежде виденное. Проста в детстве наши ожидания часто оправдываются; ребенок, знакомый лишь с собственным тесным мирком, всегда бывает поражен и восхищен новым зрелищем, которое взрослому показалось бы чем-то обыденным. Когда я был маленьким мальчиком, дверь одного мавзолея представлялась мне воротами в мир чудес и, перешагнув его порог, я не остался разочарован. На этом корабле я снова стал ребенком и знал об окружающем меня мире не больше чем ребенок.

Комната, в которую Барбатус ввел меня, была такой же удивительной для взрослого Северьяна — для Автарха Северьяна, который видел все, что видела Текла, Старый Автарх и многие сотни других, — каким тот мавзолей виделся ребенку. Я написал бы, что комната казалась погруженной в воду, но это было не так. Скорее мы сами погрузились в какую-то жидкость, которая не была водой, но для какого-то другого мира она служила, наверно, тем, чем вода является для Урса;

или, возможно, мы и в самом деле оказались под водой, но такой холодной, что она превратилась бы в лед в любом озере Содружества.

И все это было, как я думаю, лишь игрой света — леденящего воздуха, который бродил, почти замирая, по комнате, и цветов, нежнейших тонов зеленого и голубого оттенков: молодая зелень, берилл, аквамарин, и сквозь них просвечивало то блестящее золото, то пожелтевшая слоновая кость.

Мебели, в нашем понимании, здесь тоже не было. Пятнистые валуны, мягкие на ощупь, лежали вдоль двух стен и были разбросаны по полу. С потолка свисали какие-то ленты, которые из-за слабого притяжения корабля, казалось, свободно парили в пространстве. Насколько я мог судить, воздух здесь был так же сух, как и в коридоре за дверью; но, когда я вошел, меня обдало призрачными ледяными брызгами.

— Это дивное место — ваша каюта? — спросил я у Барбатуса.

Он кивнул, снимая свою маску и являя моему взору некогда красивое лицо, совершенно нечеловеческое и хорошо знакомое.

— Мы видели комнаты, которые обустроены для таких, как ты, — сказал он. — Они так же

непривычны для нас, как эта, должно быть, в диковинку для тебя. И поскольку нас здесь трое…

— Двое, — поправил Оссипаго. — Для меня это не имеет значения.

— Я ничуть не против, я просто восхищен! Для меня — величайшая честь увидеть, как вы живете, когда вы предоставлены сами себе.

Фамулимус тоже сняла человеческую маску, продемонстрировав огромные глаза и длинные острые зубы-иголки; но она отбросила и это лицо, и я увидел (в последний раз, как я тогда думал) красоту богини, не рожденной от женщины.

— Как быстро, Барбатус, мы убеждаемся, что эти бедняги, с которыми мы встретимся, едва догадываясь о вещах, известных нам как свои пять пальцев, способны на высшую степень учтивости, будучи гостями!

Если бы я прислушался к ее словам, они заставили бы меня улыбнуться. Сейчас же я был слишком занят, разглядывая эту странную каюту. Наконец я произнес:

— Я знаю, что ваш род был создан иерограммами так, чтобы он походил на тех, кто некогда создал их самих. Теперь я вижу или же мне лишь кажется, что когда-то вы были обитателями озер и водоемов, водяными, о которых рассказывают

сказки наших крестьян.

— У нас дома, — ответил Барбатус, — как и у вас, жизнь вышла из моря. Но в этой комнате собрано впечатлений о тех временах не более, чем в твоей воспоминаний о деревьях, на которых обитали ваши предки.

— Так недолго и поссориться, — проворчал Оссипаго. Он не стал снимать свою маску, думаю, потому, что она не причиняла ему ни малейших неудобств; и действительно, я никогда не видел его без маски.

— Барбатус, он не сказал ничего обидного, — пропела Фамулимус и, обратившись ко мне, продолжала: — Ты покинул свой мир, Северьян. Как и ты, мы втроем покинули свой. Мы поднимаемся по реке времени — ты плывешь вниз по ее течению. Так этот корабль несет и тебя, и нас. Для тебя прошли те годы, когда мы были твоими советниками. Для нас они только начинаются. Автарх, мы принесли тебе один совет. Чтобы спасти солнце твоего рода, нужно лишь одно: чтобы ты послужил Цадкиэлю.

— Кто это? — спросил я. — И как я должен послужить ему? Я никогда ничего не слышал о нем.

— Что вовсе не удивительно, — фыркнул Барбатус, — поскольку Фамулимус не должна была

называть тебе это имя. Больше мы не будем произносить его. Но он — тот, о ком упомянула Фамулимус, — он судит твое дело. Он — иерограммат, как можно догадаться. Что ты знаешь о них?

— Очень немного, кроме того, что они — ваши повелители.

— Значит, ты и впрямь знаешь очень немного; и даже это неверно. Вы зовете нас иеродулами, и это ваше слово, а не наше, как и Барбатус, Фамулимус и Оссипаго — ваши слова, имена, которые мы выбрали, потому что они не обыденны и описывают нас лучше, чем другие. Знаешь ли ты, что означает «иеродул» — слово из твоего собственного языка?

— Я знаю, что вы — творения этой вселенной, созданные жителями следующей, чтобы служить им здесь. Знаю также, что служба, которую вы должны сослужить им, заключается в создании нашего рода, потому что мы — родичи тех, кто создал их во времена предыдущего творения.

— «Иеродул» означает «священный раб», — прозвенела Фамулимус. — Как могли бы иеродулы зваться священными, если бы не служили Предвечному? Он — наш повелитель, и никто другой.

— Ты командовал армиями, Северьян, — до-

бавил Барбатус. — Ты — царь и герой или, по крайней мере, был им до того, как покинул свой мир. Впоследствии, возможно, ты снова будешь править, если не пройдешь испытания. Ты должен знать, что солдат не служит своему офицеру или, во всяком случае, не должен служить ему. Он служит своему племени, а офицер лишь отдает команды.

Я кивнул.

— Значит, иерограмматы — ваши офицеры. Я понял. Я храню память моего предшественника, — чего вы, вероятно, еще не знаете, — поэтому мне известно, что он был подвергнут испытанию, как буду подвергнут я, и не прошел его. И мне всегда казалось, что то, как обошлись с ним, вернув его обратно лишенным мужества, заставив его смотреть, как Урс становится все хуже и хуже, и держать ответ за все, зная при этом, что он упустил один-единственный шанс навести порядок, было очень жестоко.

— Его память, Северьян? Только память? — очень серьезно спросила Фамулимус.

Впервые за много лет я почувствовал, как кровь приливает к моим щекам.

— Я солгал, — признался я. — Я — это он, так же как я — Текла. Вы трое были моими друзьями,

когда их мне так не хватало, и я не должен лгать вам, хоть нередко обязан лгать самому себе.

— Тогда ты должен знать, что всех ждет одна кара, — пропела Фамулимус. — Но все же, чем ближе цель, тем горше боль поражения. Это закон, изменить который нам не под силу.

Снаружи в коридоре, совсем неподалеку, кто-то закричал. Я бросился к двери, и крик оборвался булькающим хрипом, означавшим, что чье-то горло полно крови.

— Северьян, постой! — окликнул Барбатус, и Оссипаго сделал шаг, загородив дверь.

Фамулимус быстро заговорила:

— Я должна сказать еще лишь одно. Цадкиэль справедлив и добр. Пусть даже тебе придется страдать, помни это.

Я повернулся к ней и не смог удержаться:

— Я помню другое. Старый Автарх так и не увидел своего судью! Я не вспоминал его имени, потому что он очень старался забыть его; но теперь мы вспомнили все, и имя это — Цадкиэль! А Старый Автарх был добрее, чем Северьян, справедливее, чем Текла. Разве Урсу сейчас есть на что надеяться?

Я не знал, чья это была рука — возможно, Теклы или одного из тех, что теряются в тумане за Ста-

рым Автархом — рука на моем пистолете; не знал я также, и в кого мне стрелять, если не в себя. Но я не вынул его из кобуры, потому что Оссипаго схватил меня сзади стальной хваткой.

— Это решит Цадкиэль, — сказала Фамулимус. — Урс надеется на тебя.

Оссипаго, не выпуская меня, каким-то образом открыл дверь, а может быть, она открылась сама по какому-нибудь приказу, которого я не слышал. Он развернул меня и вышвырнул в коридор.

6. ГИБЕЛЬ И ТЬМА

Это был стюард. Он лежал в коридоре лицом вниз, и истертые подошвы его тщательно вычищенных ботинок не доставали трех кубитов до двери моей каюты. Голова его была почти отсечена от туловища. Выкидной нож, так и нераскрытый, валялся рядом с его правой рукой.

Десять лет уже я ношу черный коготь, который достал из своей руки на берегу Океана. Когда я взошел на престол Автарха, я часто пытался воспользоваться им, и всякий раз без толку; последние лет восемь я почти забыл о нем. Сейчас я вынул его из маленького кожаного мешочка, который сшила для меня Доркас в Траксе, прикоснулся когтем ко лбу стюарда и начал делать то, что делал некогда для девушки в хижине, для обезьяночеловека у водопада и для мертвого улана.

Без всякой охоты я опишу то, что случилось потом: давно, когда я был пленником Водалуса, меня укусила летучая мышь-кровосос. Это было почти не больно, и мною овладели спокойствие, вялость и безразличие, с каждой минутой становившиеся все приятнее и сладостнее. Когда

я, дернув ногой, прервал пиршество летучей мыши, дуновение ветра от ее черных крыльев показалось мне дыханием самой Смерти. Но это было лишь тенью, лишь предчувствием того, что я испытал в коридоре. Я был сердцевиной вселенной, как считает себя каждый из нас; и вселенная рвалась, точно гнилое тряпье на плечах клиента, и легкой серой пылью распадалась в ничто.

Долгое время я лежал, дрожа в темноте. Возможно, я уже пришел в сознание. Я, конечно, не мог знать об этом и ни о чем другом, кроме пурпурной боли и той слабости, какую, должно быть, ощущает мертвец. Наконец я увидел искру света; мне пришло в голову, что если я ослеп, но вижу эту искру, то у меня еще есть какая-то пусть слабая, но надежда. Я сел, хотя был так слаб и потрясен, что испытал при этом адские муки.

Искра вспыхнула снова, мельчайшая, меньше отблеска солнца на острие иглы. Она упала на мою руку, но исчезла, прежде чем я успел осознать это, прежде чем успел шевельнуть онемевшими пальцами и понять, что они слиплись от моей крови.

Кровь стекала с когтя, с твердого острого черного шипа, который вонзился в мою руку так много лет назад. Я, должно быть, стиснул кулак;

коготь вошел под кожу указательного пальца и вышел изнутри, поддев ее, как рыбацкий крючок. Я выдернул его, почти не чувствуя боли, и убрал в кожаный мешочек, даже не обтерев от крови.

Тогда я снова подумал, что ослеп. Гладкая поверхность, на которой я лежал, видимо, была просто полом коридора; стена, на которую наткнулись мои шарящие пальцы, также вполне могла сойти за стену коридора. Но коридор был прежде ярко освещен. Кто же унес меня куда-то, в эту темноту, и измочалил до полусмерти? Я услышал человеческий стон. Это был мой собственный стон, поэтому я закрыл рот руками, чтобы сдержать его.

В юности, когда я путешествовал из Нессуса в Тракс с Доркас, а из Тракса в Оритью, большей частью в одиночестве, я всегда носил с собой кремень и огниво, чтобы разводить огонь. Я обыскал карманы и порылся в памяти в поисках чего-нибудь, что дало бы мне свет, но не придумал ничего лучше, чем воспользоваться пистолетом. Вынув его, я набрал в легкие воздуха, чтобы выкрикнуть предупреждение, и только потом догадался позвать на помощь.

Ответа не последовало. Я вслушался, но не услышал ничьих шагов. Удостоверившись, что

пистолет все еще установлен на самую малую мощность, я решился пустить его в ход.

Я хотел дать одиночный выстрел. Если бы я не увидел фиолетового пламени, то подумал бы, что потерял зрение. Тогда бы я поразмыслил, не предпочесть ли мне расстаться также и с жизнью, если во мне еще осталось необходимое для этого отчаяние, или же искать помощи, какую только можно найти на корабле.

И все же даже тогда я понимал, что, если я и решу — мы решим — умереть, мы не сможем этого сделать. Разве у Урса есть другая надежда?

Левой рукой я коснулся стены, чтобы выяснить направление коридора, а правой поднял пистолет на высоту плеча, как стрелок, целящийся в дальнюю мишень.

Передо мной вдруг засветилась светлая точка, алая, точно Вертанди сквозь тучи. Это ошеломило меня настолько, что я почти не почувствовал, как мой поврежденный палец нажал на курок.

Энергия расщепила мрак. В фиолетовом сиянии я разглядел тело стюарда, приоткрытую дверь в мою каюту, скорчившуюся тень и блеск стали.

Тут же снова сгустилась тьма, но я не ослеп. Я был едва жив, чувствовал себя так, словно попал в смерч и ударился о гору, — но не ослеп. Я видел!

Вероятно, это корабль погрузился во тьму, будто в ночи. Я снова услышал человеческий стон, но это уже был не мой голос. Кто-то еще находился в коридоре — тот, кто покушался на мою жизнь, потому что увиденный мною предмет наверняка был клинком какого-нибудь оружия. Узкий луч опалил его, как лучи пистолетов иеродулов обожгли когда-то Балдандерса. Этот явно не отличался исполинским ростом, решил я, но он еще был жив, как остался жив Балдандерс; а может быть, он пришел не один. Нагнувшись, я стал шарить свободной рукой, пока не нащупал тело стюарда, и склонился над ним, точно раненый паук; затем мне удалось пробраться в дверь своей каюты и захлопнуть ее за собой.

Лампа, при свете которой я восстанавливал свою рукопись, погасла вместе с огнями в коридоре, но когда я стал обыскивать бюро, то наткнулся на восковую палочку и вспомнил, что у меня здесь есть еще золотая свеча для плавления воска, свеча, загорающаяся сама собой, если нажать на особую кнопку. Это хитроумное устройство хранилось вместе с воском в отдельном ящике бюро, чтобы его можно было достать при первой же надобности. Его не оказалось там, но вскоре я нашел его среди бесполезных бумаг на пись-

менном столе.

Ясный желтый огонек зажегся немедленно. При свете его я увидел руины своей каюты. Моя одежда была разбросана по полу и вся изрезана на мелкие части. Острый клинок исполосовал мою постель от края до края. Ящики бюро были вывернуты на пол, книги свалены в угол, и даже мешки, в которых я перенес свои пожитки на борт корабля, были разрезаны.

Сначала я решил, что это обыкновенный вандализм; видимо, кто-то ненавидящий меня (а на Урсе таких было много) учинил подобный разгром в ярости от того, что не застал меня спящим. Немного поразмыслив, я понял, что моей первой версии противоречат масштабы разрушений. Едва я ступил за порог, кто-то проник в мою каюту. Без сомнения, иеродулы, чье время движется обратно известному нам времени, предвидели нападение и послали стюарда, чтобы спасти меня. Увидев, что каюта пуста, убийца стал искать в моих вещах нечто маленькое, предмет, который можно было бы спрятать в воротнике рубашки.

Что бы он ни искал, сокровище у меня было лишь одно: письмо, которое вручил мне мастер Мальрубиус, удостоверявшее, что я — законный Автарх Урса. Я не предполагал, что моя каюта

может быть ограблена, и вовсе не стал прятать его, а просто сунул в ящик бюро между прочих бумаг, которые взял с собой с Урса; сейчас письма там, разумеется, не было.

Выходя из моей каюты, вор столкнулся со стюардом, который, должно быть, остановил его и спросил, в чем дело. Этого нельзя было так оставить, потому что стюард мог потом описать мне его внешность. Вор обнажил свое оружие; стюард попытался защищаться выкидным ножом, но замешкался. Его крик я слышал, когда разговаривал с иеродулами, и Оссипаго не дал мне уйти, чтобы я не встретился с вором. Ясно по крайней мере это.

Но вот что самое странное. Найдя тело стюарда, я попытался оживить его, пользуясь шипом вместо настоящего Когтя Миротворца. У меня ничего не вышло; но это лишь значит, что всякий раз, когда я старался воззвать к силам, полученным от настоящего Когтя, у меня тоже ничего не выходило. Впервые, наверно, тогда, когда я коснулся в нашем подземелье женщины, которая меблировала свою комнату телами украденных детей.

Все те неудачи, однако, были не более страшны, чем ошибка со словом власти: ты произносишь пароль, но дверь не открывается. Так и я при-

касался своим шипом, но ни исцеления, ни воскрешения из мертвых не происходило.

На этот раз все было совсем по-другому. Я был оглушен так, что до сих пор чувствовал в себе слабость и дурноту, и я не имел ни малейшего понятия, что же со мной стряслось. Как бы абсурдно это ни звучало, подобная реакция несколько обнадеживала меня. Наконец-то хоть что-то случилось, хотя это чуть было не стоило мне жизни.

Что бы со мной ни произошло, после этого я оказался без сознания и в темноте. Осмелев с наступлением темноты, вор вернулся. Услышав мой крик о помощи, — на который человек с добрыми намерениями обязательно откликнулся бы, — он явился убить меня.

Все эти размышления заняли у меня гораздо меньше времени, чем потребовалось, чтобы записать их. Снова поднимается ветер, нанося, песчинка за песчинкой, новую землю на затонувшее Содружество; я же продолжу писать еще какое-то время, пока не отправлюсь спать в свою беседку. Итак, единственный полезный вывод, к которому привели меня мои рассуждения, заключался в том, что вор, должно быть, еще лежит там, в коридоре. Если это так, то я могу заставить его выдать мотивы преступления и сообщников,

если они у него есть. Задув свечу, я открыл как мог тихо дверь, прислушался и рискнул осветить коридор.

Моего врага там не было, но больше никаких перемен не произошло. Мертвый стюард не ожил, выкидной нож так и остался лежать у его руки. Насколько можно было судить при свете дрожащего желтого огонька, коридор был пуст.

Чтобы не жечь зря свечу и не выдавать себя, я погасил ее. В узких коридорах охотничий нож, который нашла для меня Гунни, показался мне куда полезнее пистолета. Так, с ножом в одной руке, шаря по стене другой, я медленно двинулся по коридору в поисках каюты иеродулов.

Когда мы шли с Фамулимус, Барбатусом и Оссипаго, я не обращал внимания ни на дорогу, ни на расстояние; но я запомнил все двери, которые мы миновали, и сохранил в памяти почти каждый свой шаг. Хотя возвращение и заняло у меня больше времени, чем в первый раз, я точно знал (или мне лишь казалось), что я пришел туда, куда требовалось.

Я постучал в дверь, но ответа не последовало. Из-за двери тоже не доносилось ни звука. Я постучал еще раз, погромче, но с прежним успехом и наконец ударил по двери рукояткой ножа.

Когда и это ничего не дало, я перебрался в темноте к дверям на другой стороне коридора, хотя они были расположены на некотором расстоянии от первой и я был уверен, что это не те двери. И здесь на мой стук никто не ответил.

Вернуться в свою каюту означало добровольно сдаться в лапы убийцы, поэтому я от души поздравил себя с тем, что у меня уже есть безопасная запасная квартирка. К сожалению, попасть в нее единственным известным мне путем я мог, лишь пройдя мимо дверей своей каюты. Изучая историю моих предшественников и копаясь в памяти тех, чьи личности вплавлены в мою, я поражался, сколь многие из них потеряли свои жизни по какой-нибудь нелепой случайности — бросившись в последнюю победоносную атаку или забежав тайком попрощаться к подруге на другом конце города. Вспомнив дорогу, я подумал, что, наверно, знаю, в какой части корабля находится моя новая каюта; я решил идти дальше по коридору, свернув в другой, как только смогу, а потом вернуться в прежний и так как-нибудь добраться до цели.

Свои утомительные скитания я опущу, дабы не утомлять и тебя, мой предполагаемый читатель. Довольно будет сказать, что я нашел лестницу

вниз и коридор, который, как мне показалось, шел точно под тем, откуда я ушел, но вскоре он уперся в другую лестницу, а та, в свою очередь, вывела меня в лабиринт коридоров, трапов и узких проходов, где было темно, как в преисподней, пол дрожал под ногами и воздух становился все более теплым и влажным.

Спустя некоторое время в этой духоте я вдруг различил запах, едкий и знакомый, и пошел, выслеживая как мог этот запах; я, который столько раз хвастался своей памятью, теперь пробирался нюхом, словно брахет. Я прошагал, как мне представлялось, не меньше лиги и готов был закричать от радости, когда после стольких часов пустоты, тьмы и безмолвия вдруг показались знакомые места.

И я действительно закричал, потому что вдалеке увидел отблеск какого-то слабого света. Мои глаза так привыкли к темноте за те несколько страж, которые я бродил по внутренностям корабля, что, как ни был слаб этот свет, я разглядел пол под ногами и замшелые стены вокруг; я вложил нож в ножны и побежал.

Через мгновение вокруг меня уже были круглые вольеры с сотнями невиданных тварей. Я вернулся в хозяйство, где содержался живой груз;

свет исходил от одного из вольеров. Я пробрался поближе и увидел, что в нем сидит не кто иной, как тот лохматый зверек, которого я помогал ловить. Он стоял на задних лапах, опершись передними на невидимую стену, окружавшую его, а его брюшко и особенно голые пальцы передних лап светились ярким фосфорическим сиянием. Я заговорил с ним, как с любимой кошкой, после возвращения из путешествия, и он, казалось, приветствовал меня, точно кошка, прижимаясь мохнатыми боками к невидимой стене и мяукая, заискивающе заглядывая мне в лицо.

Вдруг он выгнулся, ощерил зубы, и глаза его загорелись словно у демона. Я отпрянул было в сторону, но тут чья-то рука обхватила меня за горло и у моей груди блеснул нож.

Поймав убийцу за запястье и остановив нож на расстоянии одного пальца от собственного тела, я попытался поднять нападавшего и бросить через голову.

Меня называли силачом, но этот был все же слишком крепок для меня. Поднять его я смог легко — на корабле это нетрудно проделать и с дюжиной человек, — но он обхватил меня ногами как капканом. Я изогнулся, пытаясь сбросить его, и мы оба рухнули на пол. Я отчаянно старался

увернуться от его ножа.

Вдруг он взвыл от боли прямо мне в ухо.

Оказывается, мы упали внутрь вольера, и зубы лохматого зверя сомкнулись на запястье убийцы.

7. ГИБЕЛЬ НА СВЕТУ

К тому времени, когда я смог встать на ноги, убийцы уже и след простыл. Несколько пятен крови, почти черной в свете золотой свечи, остались в круглых владениях моего друга. Сам он сидел на задних лапах, забавно, совсем по-человечески, сложив передние на груди. Свечение его угасало, и он принялся облизывать лапы и расчесывать ими шерстку на морде.

— Спасибо тебе, — сказал я, и он озабоченно повернул голову на мой голос.

Нож убийцы лежал неподалеку, большой, с широким лезвием и стертой деревянной рукоятью, похожий немного на грубый боло. Значит, его владелец, по всей вероятности, простой матрос. Я отбросил эту мысль и вызвал в памяти его руку — такой, какой я успел увидеть ее — мужская рука, большая, сильная и грубая, но без каких-либо отличительных признаков, насколько мне удалось разглядеть. Очень помогла бы делу пара недостающих пальцев, но по крайней мере теперь у него есть на руке одна отличительная примета — это глубокая рана от укуса.

Шел ли он за мной в темноте всю дорогу, по многочисленным лестницам и трапам, по всем этим извилистым коридорам? Непохоже. Значит, он наткнулся на меня случайно, решил воспользоваться моментом и напал — опасный человек. Пожалуй, решил я, лучше самому немедленно разыскать его, чем дожидаться, пока он оправится и сочинит какую-нибудь небылицу, чтобы объяснить рану на руке. Если я смогу узнать его, я сообщу о нем офицерам корабля; а если не хватит времени на это или же они не станут ничего предпринимать, я убью его собственноручно.

Высоко подняв золотую свечу, я начал подниматься по лестнице к каютам экипажа, выстраивая планы гораздо быстрее, чем перебирал ногами. Офицеры — капитан, о котором упомянул перед смертью стюард, — отремонтируют мою каюту или дадут мне другую. Я бы попросил еще приставить к двери часового — не для того, чтобы он защищал меня (ибо я намеревался пребывать там не дольше, чем этого требовали приличия), а скорее для того, чтобы моим врагам было на кого напасть. Затем я бы…

При очередном моем вздохе вдруг зажегся весь свет, который был в этой части корабля. Я увидел ничем не закрепленную железную лестницу,

где я стоял, и через паутину ее прутьев зелень и желтизну зверинца внизу. Справа от меня свет неразличимых ламп терялся в перламутровой дымке; слева отсвечивала влагой темно-серая стена, словно темное пещерное озеро, поставленное набок. Надо мной вполне мог быть вовсе не корабль, а облачное небо, в котором где-то над тучами светило солнце.

Это длилось не дольше одного вздоха. Я услышал далекие возгласы — моряки сообщали друг другу то, чего ни при каких обстоятельствах нельзя было упустить из виду. Затем снова воцарилась тьма, еще более непроглядная, чем прежде. Я поднялся еще на сотню ступеней; свет помигал, словно все лампы устали так же, как я, и погас окончательно. Еще тысяча ступеней, и огонек золотой свечи превратился в маленькую синюю точку. Я погасил ее, чтобы сберечь остаток топлива, и продолжил подниматься в темноте.

Может быть, попросту оттого, что я выбирался из недр корабля к самой внешней его оболочке, которая удерживала наш воздух, меня пробрал озноб. Я попробовал шагать быстрее, чтобы согреться при ходьбе, но понял, что это выше моих сил. От поспешности я только начал спотыкаться, а нога, вспоротая асцианским пехотинцем в

Третьей Битве при Орифии, грозилась погубить все остальное.

Одно время я боялся, что не узнаю этажа, на котором расположены каюты — моя и Гунни, — но я, не задумываясь, сошел с лестницы, на мгновение засветил золотую свечу и, распахнув дверь, услышал скрип петель.

Уже закрыв дверь и нащупав койку, я почувствовал чье-то присутствие. На мой оклик ответил голос Идаса, беловолосого матроса, голос, в котором были смешаны опасение и любопытство.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я.

— Жду тебя. Я… я надеялся, что ты придешь сюда. Не знаю почему, просто подумал, что ты можешь прийти. Тебя не было со всеми там, внизу.

Я промолчал, и он добавил:

— Там, на работе. Поэтому я тоже смотался и явился сюда.

— В мою каюту… Замок не должен был тебя впустить.

— Ты же не сказал ему об этом. Я описал тебя, а он меня знает, как видишь. Моя каюта тоже здесь неподалеку. Я сказал ему правду — что хочу лишь подождать тебя.

— Придется приказать ему не впускать никого,

кроме меня, — проворчал я.

— Для друзей стоит сделать исключение.

Я пообещал учесть это, подумав, что уж его-то точно не будет в числе избранных. Вот Гунни — может быть.

— У тебя есть светильник. Наверное, лучше было бы, если бы ты зажег его.

— Откуда ты знаешь, что он у меня есть?

— Перед тем как открылась дверь, в коридоре на мгновение загорелся свет. Это был свет от твоего светильника, верно?

Я кивнул, тут же сообразив, что в темноте он не увидит меня, и сказал:

— Я предпочитаю не жечь его зря, чтобы надолго хватило.

— Понятно. Я удивился, почему ты не зажег его, чтобы найти койку.

— Я прекрасно помнил, где она.

На самом же деле я не зажигал золотую свечу исключительно благодаря собственной выдержке. Меня так и подмывало зажечь ее, чтобы посмотреть, не обожжено ли у Идаса лицо и не прокушена ли рука. Но рассудок подсказывал мне, что обожженный убийца сейчас скорее всего не в состоянии совершить вторую попытку, а тот, кто был так сильно укушен, навряд ли смог бы

добраться до лестницы в воздушном колодце и опередить меня настолько, чтобы я не слышал, как он поднимался.

— Ничего, если мы поболтаем? Мне очень захотелось поговорить с тобой тогда, когда мы встретились и ты рассказал о своей родине.

— Это можно, — согласился я, — если ты не прочь ответить на пару моих вопросов.

На самом деле, конечно, мне хотелось перевести дух, пользуясь случаем. Я еще вовсе не отошел от случившегося, но и возможностью разжиться какими-либо сведениями пренебрегать было нельзя.

— Не возражаю, — сказал Идас, — и с большим удовольствием отвечу на твои вопросы, если ты ответишь на мои.

Подыскивая какой-нибудь невинный вопрос для затравки, я снял ботинки и растянулся на койке, которая жалобно заскрипела.

— Ну, например, как называется язык, на котором вы общаетесь? — начал я.

— Тот, на котором мы сейчас разговариваем? Корабельный, конечно же.

— А другие языки ты знаешь, Идас?

— Нет, не знаю. Я, видишь ли, родился на борту. Это то, о чем я хотел тебя спросить: насколько от-

личается эта жизнь от жизни в настоящем мире? Я слышал много историй от членов экипажа, но все они — всего лишь невежественные матросы. Ты же, судя по всему, человек думающий.

— Спасибо. Родившись здесь, ты, наверно, видел много настоящих миров. Во многих ли из них говорят на корабельном языке?

— Признаться честно, я не каждый раз схожу с корабля. Моя внешность… ты, наверно, уже заметил…

— Пожалуйста, ответь на вопрос.

— Я думаю, в большинстве миров говорят на корабельном. — Мне показалось, что голос Идаса звучал немного ближе, чем раньше.

— Понятно. На Урсе на языке, который ты называешь корабельным, говорят только в Содружестве. Мы считаем его самым древним языком из всех, но до нынешнего дня я не был уверен, что это так.

Я решил завести разговор о том, что погрузило весь корабль в темноту.

— Было бы и вправду куда лучше, если бы мы могли видеть друг друга, верно?

— О, еще бы! Ты зажжешь свет?

— Да, сейчас. Как ты думаешь, скоро ли снова загорятся огни корабля?

— Их сейчас чинят в самых важных местах, — сказал Идас. — Но здесь не самое важное.

— А что случилось?

Я представил себе, как он пожимает плечами.

— Какое-то проводящее вещество попало на клеммы одного из больших отсеков, но никто не может понять, что именно. В общем, платы прогорели. И некоторые кабели тоже сгорели, а это уже никуда не годится.

— И все остальные матросы работают там?

— Почти вся моя команда.

Теперь я был уверен, что он придвинулся и стоит всего в эле от койки.

— Некоторых отослали с поручениями. Так я и ушел. Северьян, а твой мир, он красивый?

— Очень красивый, но и порядком страшный. Наверно, самое прекрасное — это ледяные острова, которые плывут, словно морские странники, с юга. Они белые и зеленоватые и сверкают, как алмазы и изумруды, когда солнце освещает их. Море вокруг них кажется черным, но вода так чиста, что можно видеть их подводную часть, уходящую в океанские глубины…

Идас затаил дыхание. Услышав это, я тихо, как только мог, вынул нож…

— И каждый из этих островов высится как

гора в лазурном небе, усеянном звездами. Но на этих островах нет ничего живого… ничего человеческого. Идас, я засыпаю. Тебе, наверно, лучше идти.

— Я еще о столько хотел тебя спросить…

— Спросишь в другой раз.

— Северьян, а в вашем мире люди время от времени прикасаются друг к другу? Жмут друг другу руки в знак дружбы? Так делают во многих мирах.

— В моем тоже, — сказал я и переложил нож в левую руку.

— Тогда давай пожмем друг другу руки, и я пойду.

— Давай, — согласился я.

Наши пальцы сомкнулись, и в этот миг в каюте вспыхнул свет.

Он держал боло лезвием вниз и вложил в удар все свои силы. Моя правая рука взметнулась вверх. Я никак не мог остановить этот удар, но ухитрился отвести его; лезвие разрезало мою рубашку и вошло в матрац так близко от моего тела, что я почувствовал холод стали.

Идас попытался выдернуть боло, но я поймал его запястье, и вырваться из моей хватки он уже не смог. Я легко мог убить его, однако вместо этого

резанул его по предплечью, чтобы он выпустил рукоять ножа.

Он вскрикнул — думаю, не столько от боли, сколько при виде того, как мой клинок входит в его плоть. Я потянул его вниз, и через мгновение острие ножа оказалось у его горла.

— Тихо, — приказал я, — не то прирежу на месте. Эти стены толстые?

— Моя рука…

— Забудь о ней. Успеешь зализать раны. Отвечай!

— Совсем тонкие. Стены и перекрытия здесь из листового металла.

— Хорошо. Значит, поблизости никого нет. Я прислушивался, пока лежал на койке, и не услышал ни шороха. Теперь можешь выть, если хочешь. Вставай!

У охотничьего ножа было острое лезвие: я рассек рубашку Идаса на спине и стащил с него, обнажив маленькие девичьи груди, о которых я смутно догадывался.

— Кто заслал тебя на корабль, девчонка? Абайя?

— Ты знал! — Идас уставилась на меня, ее белые глаза были широко раскрыты.

Я покачал головой и отрезал полосу от ее ру-

башки.

— На, перевяжи руку.

— Спасибо, но это ни к чему. Моя жизнь все равно кончена.

— Я сказал: перевяжи. Не хочу запачкать свою одежду еще больше, когда возьмусь за тебя по-настоящему.

— Не мучь меня. Это не понадобится. Да, я была рабыней Абайи.

— И тебя послали убить меня, чтобы я не добыл Новое Солнце?

Она кивнула.

— И выбрали тебя потому, что ты еще достаточно мала, чтобы сойти за человека. Кто остальные?

— Больше никого нет.

Я уже почти скрутил ее, но она подняла правую руку:

— Клянусь Повелителем Абайей! Может быть, есть еще другие, но я их не знаю.

— Это ты убила моего стюарда?

— Да.

— И обыскала мою каюту?

— Да.

— Но пистолетом я подпалил не тебя. Кто это был?

— Матрос, нанятый за хризос; я была там, в коридоре, когда ты выстрелил. Хотела выбросить тело за борт, но не знала, смогу ли унести его одна и справлюсь ли с люками. К тому же… — Тут она умолкла.

— К тому же что?

— К тому же после он должен был помочь мне и в других делах. Что тут такого? Но как ты узнал обо всем? Расскажи мне, пожалуйста.

— Значит, в зверинце на меня напала тоже не ты. Кто это был?

Идас тряхнула головой, словно освобождаясь от оцепенения.

— Я вообще не знала, что на тебя напали.

— Сколько тебе лет, Идас?

— Не знаю.

— Десять? Тринадцать?

— Мы не считаем годы, — пожала она плечами. — Ты сказал, что мы не люди, но мы такие же люди, как ты. Мы — Другие Люди, народ Великих Повелителей, которые живут в море и под землей. Теперь я ответила на все твои вопросы, будь добр, ответь на мой. Как ты все узнал?

Я сел на койку. Скоро мне придется пытать этого долговязого ребенка; много лет — возможно, больше, чем исполнилось ей, — прошло с тех

пор, как я был подмастерьем Северьяном, и я не получу никакого удовольствия от этого дела. Я почти надеялся, что она бросится за дверь.

— Во-первых, ты говоришь не как матрос. У меня был некогда друг, чья речь имела характерные особенности, и я теперь обращаю внимание, когда так говорят другие, хотя это слишком долгая история, чтобы рассказывать ее сейчас. Мои неприятности — убийство моего стюарда и прочее — начались сразу после того, как я встретил тебя и других. Ты сразу сказала мне, что родилась на этом корабле, но остальные говорили, как моряки, кроме Сидеро, а ты — нет.

— Пурн и Гунни — с Урса.

— К тому же ты указала мне неверный путь, когда я спросил, как пройти на камбуз. Ты хотела пойти за мной следом и убить меня при первой возможности, но я нашел свою каюту. Тогда ты решила, что это еще лучше для тебя. Ты могла дождаться, пока я засну, и уговорить замок. Думаю, это было бы нетрудно, ведь ты — член экипажа.

Идас кивнула:

— Я взяла с собой инструменты и сказала твоему замку, что меня прислали починить стол.

— Но меня там не было. Стюард остановил тебя при выходе из каюты. Что ты искала?

— Твое письмо, письмо, которое аквасторы Урса вручили тебе для иерограммата. Я нашла его и сожгла там же, в твоей каюте. — В голосе ее теперь слышалось торжество.

— Да, его ты нашла легко. Но ты искала не только письмо, тебе нужен был какой-то предмет, который, по-твоему, был спрятан гораздо основательнее. Через пару минут я сделаю тебе очень больно, если не услышу, что это было.

Она покачала головой:

— Ничего, если я присяду?

Я кивнул, думая, что она усядется на сундук или на пустую койку, но она устало опустилась прямо на пол, совсем как ребенок, если бы не ее рост.

— Недавно, — продолжил я, — ты стала уговаривать меня зажечь свет. Со второго раза нетрудно было догадаться, что ты желаешь убедиться в точности своего удара. Поэтому я произнес слова «морской странник», ведь рабы Абайи пользуются ими как паролем; давным-давно некий человек, принявший меня за одного из вас, вручил мне свою карточку, сказав, что его можно найти на Улице Морских Странников, а Водалус — ты, быть может, слышала о нем — как-то велел мне передать послание тому, кто скажет: «Морской Странник завидел…»

Я так и не закончил. На корабле, где все тяжести теряли свой вес, девчонка стала заваливаться вперед — очень медленно, но все же ее голова с легким стуком ударилась о пол. Уверен, она была мертва еще в самом начале моей хвастливой тирады.

8. ПУСТОЙ РУКАВ

Когда все уже было кончено, я стал куда как проворнее: перевернул Идас на спину, пощупал пульс, несколько раз резко надавил на грудь, чтобы заставить сердце снова забиться, — и все абсолютно впустую. Пульса я не нащупал, а изо рта ее исходил сильный запах яда.

Яд она, должно быть, прятала на теле. Не в рубашке, если только еще в темноте она не положила ампулу себе в рот, чтобы раздавить и проглотить ее в случае провала своих замыслов. Может быть, в волосах, хотя они казались слишком короткими, чтобы прятать в них что-либо, или на поясе. Из любого места она могла легко достать его и поднести незаметно ко рту, когда зализывала рану на руке.

Помня, что случилось при попытке оживления стюарда, я не решился воскрешать ее. Я обыскал тело, но не нашел, в сущности, ничего, кроме девяти золотых хризосов, которые ссыпал в кармашек на ножнах. Она сказала, что отдала один хризос нанятому матросу; вполне логично было предположить, что Абайя (или какой-нибудь из

его министров, пославший Идас) снабдил ее десятью. Разрезав сапоги, я обнаружил, что ступни ее были длинными и перепончатыми. Я раскромсал сапоги на куски, обыскав их так же тщательно, как она обыскивала мои вещи пару страж назад, но нашел не больше, чем она.

Присев на свою койку и глядя на ее тело, я думал, как странно, что я обманулся, и обманула меня не столько Идас, сколько мое собственное воспоминание об ундине, которая освободила меня из ненюфаров Гьолла и приветствовала у брода. Та была великаншей; поэтому Идас показалась мне рослым юношей, а не гигантской девочкой, хотя у Балдандерса в башне сидел похожий ребенок — но мальчик, и гораздо младше ее.

Волосы у ундины были зеленые, а не белые; наверно, в этом-то все и дело. Мне бы вспомнить, что такого глубокого и чистого зеленого цвета не бывает у волос или шерсти людей и зверей, а если встречается, то вызван он водорослями, как, например, цвет крови зеленого человека в Сальтусе. Если оставить веревку в пруду, она вскоре позеленеет; какой же я дурак!

О смерти Идас следовало сообщить. Первой моей мыслью было поговорить с капитаном,

заручившись его благосклонным вниманием через Барбатуса или Фамулимус. Но стоило мне закрыть за собой дверь, как я понял, что так познакомиться с ним невозможно. Наша беседа в их каюте была для них первой встречей со мной; значит, для меня то была последняя встреча с ними. Налаживать связь с капитаном мне предстояло другим способом — сперва удостоверить свою личность и доложить о случившемся. Идас сказала, что внизу ведутся работы по устранению неисправностей, и наверняка за ними присматривает кто-то из старших чинов. Я снова спустился по шаткой лестнице, на этот раз пройдя мимо зверинца вниз, где воздух был еще более теплым и влажным.

Странно, конечно, но я каким-то образом почувствовал, что мой вес, сколь малым он ни был на уровне моей каюты, все уменьшался по мере того, как я сходил по ступеням. Ранее, взбираясь по снастям, я заметил, как теряю свой вес при подъеме; из этого следовало, что я должен тяжелеть при погружении ярус за ярусом в глубь корабля. Могу лишь сказать, что мои ожидания не оправдались или (по крайней мере мне так казалось), вернее, оправдались с точностью до наоборот.

Вскоре ниже по лестнице я услышал шаги. Если я и научился чему-то за несколько прошедших страж, так это тому, что первый встречный может оказаться моей погибелью. Я остановился прислушаться и вынул пистолет.

Стоило мне остановиться, как тихое звяканье металла прекратилось, затем послышалось снова, редкое и неверное: тот, кто поднимался по лестнице, часто оступался. Раздался звон, словно упал меч или шлем, и шаги на некоторое время смолкли, а потом раздались опять. Я направлялся туда, откуда кто-то убегал, в этом не было сомнения. Здравый смысл подсказывал мне, что я тоже должен бежать, но я медлил, будучи слишком самонадеянным, чтобы отступать перед неизвестностью.

Ждать долго не пришлось. Вскоре я увидел под собой человека в доспехе, поднимавшегося в лихорадочной спешке. Еще через мгновение нас разделяли лишь два пролета, и я хорошо разглядел его: у него не хватало правой руки, она, казалось, была вырвана из плеча, потому что из-под наплечия доспеха торчали какие-то кровоточащие лохмотья.

По-моему, не стоило бояться нападения со стороны раненого и напуганного человека, и еще

менее вероятно, что он сам сможет убежать, если углядит во мне опасность. Я вложил пистолет в кобуру и окликнул его, спросив, что с ним и не могу ли я ему помочь.

Он остановился, подняв на меня взгляд из-под забрала. Это был Сидеро, и его сильно трясло.

— Ты верен? — прокричал он.

— Чему, друг? Я не причиню тебе вреда, если ты об этом.

— Кораблю!

Мне показалось бессмысленным провозглашать верность тому, что является не более чем вещью иеродулов, хоть и очень большой; но обсуждать такие материи сейчас было явно не время.

— Конечно! — ответил я. — Верен до гроба, если нужно.

Мысленно я попросил прощения у мастера Мальрубиуса, который некогда пытался научить меня верности.

Сидеро снова стал взбираться по ступенькам, теперь чуть медленнее и спокойнее, но все так же оступаясь. Теперь, когда он подошел ближе, я понял, что темная густая жидкость, которую я принял за человеческую кровь, была более тягучей и скорее зеленовато-черной, чем алой. В

лохмотьях же, которые показались мне обрывками плоти, виднелись проводки, обмотанные чем-то похожим на вату.

Выходит, Сидеро был андроидом, автоматоном в образе человека, как мой давнишний приятель Иона. Я выругал себя за то, что не понял этого раньше, и все же вздохнул с облегчением — я уже насмотрелся на кровь в кают наверху.

Тем временем Сидеро преодолел последние ступени и взошел на площадку, где стоял я. Подойдя ближе, он остановился, покачнувшись. Грубоватым, требовательным голосом, который невольно появляется у того, кто надеется подбодрить и вызвать к себе доверие, я велел ему показать мне свое плечо. Он повиновался, и я застыл от изумления.

Если написать просто, что там зияла дыра, боюсь, это прозвучит так, словно оно было полым, как, говорят, наши кости. Там же была пустота. Тоненькие проволочки и клочья ткани, пропитанные темной жидкостью, торчали из металлического покрытия. Внутри же — ровным счетом ничего.

— Как же мне тебе помочь? — спросил я. — Такие раны мне не приходилось лечить.

Он, казалось, задумался. Я бы сказал, что его за-

крытое лицо не могло выражать никаких чувств; однако кое-что все же можно было понять по его жестам, наклону головы и игре теней, отбрасываемых забралом.

— Делай точно, как я тебе скажу. Сделаешь?

— Конечно, — согласился я. — Признаюсь, не так давно я поклялся, что когда-нибудь сброшу тебя с высоты, как ты сбросил меня. Но я не стану мстить раненому человеку.

Мне вспомнилось, как бедный Иона старался, чтобы его принимали за человека, каким его считал и я сам, и многие другие, и как страстно он хотел быть человеком на самом деле.

— Я должен довериться тебе, — сказал он.

Сидеро сделал шаг назад, и его грудь — все туловище — раскрылась, словно большой стальной цветок. Моему взору предстала пустота.

— Не понимаю, — повторил я. — Как я могу помочь тебе?

— Смотри.

Оставшейся рукой он указал на внутреннюю поверхность одного из лепестков-пластин, которые прикрывали его полую грудь.

— Видишь надписи?

— Да, линии и разноцветные рисунки. Но я ничего в них не смыслю.

Тогда он описал мне один сложный рисунок и соседние символы. Поискав немного, я нашел его.

— Вставь туда острый металлический предмет, — сказал он, — поверни по часовой стрелке, четверть оборота, но не больше.

Отверстие было очень узкое, но острие моего охотничьего ножа, вытертое об рубашку Идас, вполне подходило. Я ткнул им туда, куда указал Сидеро, и повернул так, как он велел. Черная жидкость стала сочиться из дыры гораздо медленнее.

Он описал мне второй рисунок на другой пластине; пока я искал нужный символ, я решился сообщить Сидеро, что никогда не слышал и не читал о таких существах, как он.

— Хадид или Хьерро могли бы рассказать тебе о нас лучше. Я лишь исполняю свой долг. Я не задумываюсь о таких вещах. Во всяком случае, не часто.

— Понимаю, — кивнул я.

— Ты жалуешься, что я толкнул тебя. Я сделал это потому, что ты меня не слушал. Мне известно, что такие люди, как ты, опасны для корабля. Если даже их ранить, это причинит им не больше вреда, чем они причинили бы мне, если бы

смогли. Как ты думаешь, сколько раз такие люди пытались уничтожить меня?

— Понятия не имею, — ответил я, все еще выискивая на пластине нужный рисунок.

— Я тоже. Мы вплываем во время и выплываем из времени. Капитан говорит, что корабль только один. Все корабли, которые мы встречаем между галактиками и звездами, — это наш корабль. Как я могу знать, сколько раз они пытались меня уничтожить и сколько раз им это удалось?

Я подумал, что он начинает бредить, и тут нашел рисунок. Когда я приладил к нему острие ножа и повернул, черная жидкость почти совсем перестала сочиться.

— Спасибо, — поблагодарил Сидеро. — Мое давление стремительно падало.

Я спросил, не нужно ли ему теперь выпить черной жидкости, чтобы возместить ту, что вытекла.

— Да, постепенно. Но сейчас моя сила вернулась ко мне, а полностью я восстановлюсь, когда ты отрегулируешь еще одну деталь.

Он снова описал мне, где и что нужно сделать.

— Ты спросил меня, откуда мы взялись. Знаешь ли ты, как возникла твоя раса?

— Только то, что мы были животными и жили

на деревьях. Так говорят мисты. Не обезьянами, потому что обезьяны есть у нас до сих пор. Наверное, это были какие-нибудь зоантропы, но меньше ростом. Зоантропы в основном, как я заметил, предпочитают горы и живут в горных джунглях на самых высоких деревьях. Во всяком случае, эти животные общаются друг с другом криками и жестами, как общается скот или, скажем, волки. Постепенно, по воле Предвечного, сложилось так, что те, которые понимали друг друга лучше, выжили, а те, кому это удавалось хуже, вымерли.

— И больше ничего? Я покачал головой.

— Когда они начали общаться настолько хорошо, что это уже можно было назвать речью, они стали людьми. Таковы мы и поныне. Наши руки были приспособлены к хватанию за ветки, глаза — чтобы высматривать следующую ветку, перепрыгивая с дерева на дерево, а рты — к речи и к тому, чтобы питаться плодами и мясом детенышей животных. Таковы они и сейчас. А как было с твоей расой?

— Во многом так же. Если история верна, помощникам была нужна защита от пустоты, от губительных лучей, от оружия врагов и других опасностей. Они создали для себя прочные укры-

тия. Они хотели также быть сильнее в драке и во время работы на палубе. Тогда они наполнили нас жидкостью, которую ты видел, чтобы наши руки и ноги двигались так, как им нужно, но еще энергичней. Наших предков, я хотел сказать. Им надо было общаться друг с другом, и они установили устройства сообщения. И прочие устройства, чтобы мы могли делать одно в то время, как они делают другое. Устройства для того, чтобы мы могли говорить и действовать даже тогда, когда они не в силах. Пока наконец мы не заговорили сами на складе и не начали действовать без помощника внутри. Никак не найти?

— Сейчас найду, одну секунду, — заверил я его. На самом деле я нашел его уже давно, но мне хотелось, чтобы Сидеро продолжал говорить. — Ты хочешь сказать, что офицеры на этом корабле носят вас как одежду?

— Теперь это случается нечасто. Там должна быть звезда с прямой чертой посередине.

— Я помню, — успокоил я его, обдумывая, что бы мне предпринять, и оценивая пространство внутри него. Пояс с ножом и пистолетом в кобуре не войдет наверняка, а без него я вполне могу там поместиться.

— Подожди немного, — сказал я Сидеро. — Ра-

ботаю, скрючившись в три погибели. У меня уже все затекло. — Я снял пояс и положил его на пол, а рядом с ним — ножны и кобуру. — Будет легче, если ты ляжешь.

Он лег, и гораздо быстрее, чем я ожидал. Его кровотечение, видимо, прекратилось совсем.

— Торопись. Времени терять нельзя, — сказал он.

— Не спеши, — ответил я, — если за тобой кто-нибудь гнался, то он уже давно был бы здесь, а я ничего не слышу.

Притворяясь медлительным, я думал с лихорадочной быстротой: идея казалась безумной, но если бы дело выгорело, это дало бы мне и маскировку, и защиту. Раньше я носил обычные доспехи. Почему бы не облачиться в более полный доспех?

— Думаешь, я бежал от них?

Я не обратил внимания на слова Сидеро. Мгновение назад я уверял, что не слышу звуков преследования. Теперь я снова обратился в слух и вскоре понял, что происходит: до нас доносились медленные удары огромных крыльев.

9. ПУСТОТА

Лезвием ножа я уже нащупал шлиц. Повернув его, я скинул с себя плащ и нырнул в открытую грудь Сидеро. Что за существо обладало этими крыльями, я не старался разглядеть, пока не втиснул, не без труда, свою голову в его полый череп и не выглянул через забрало.

Но и тогда я не увидел ничего или же почти ничего. Колодец, который раньше был прозрачен, теперь наполнился каким-то туманом; что-то перенесло вниз холодный воздух сверху, смешав его с тем теплым, влажным, сильно пахнущим воздухом, которым мы дышали. Это что-то сейчас клубилось там внизу, как сотня призраков.

Я больше не слышал хлопанья крыльев и вообще ничего не слышал. Словно я засунул голову в пыльный сундук и выглядывал оттуда в замочную скважину. Тут раздался голос Сидеро — но не в моих ушах.

Даже не представляю, как описать это. Я прекрасно знаю, что такое чужие мысли в моей голове: Текла и Старый Автарх появлялись там, пока я не стал с ними одним целым. На этот раз

было совсем по-другому. Но и слухом, в обычном понимании, это тоже нельзя назвать. Самым точным будет предположить, что есть какой-то другой орган слуха, за ушами, внутри головы, и голос Сидеро раздавался именно там, не проходя через барабанные перепонки.

— Я могу убить тебя.

— После того, как я тебя исправил? Знавал я неблагодарность, но не такую!

Его грудь захлопнулась, и я попытался просунуть свои ноги в ноги Сидеро, отталкиваясь руками, зажатыми в его плечах. Если бы у меня было хоть чуть-чуть больше времени, я снял бы ботинки — так дело пошло бы быстрее. Я уже разодрал себе обе лодыжки.

— Ты не имеешь права!

— Имею полное право. Ты создан, чтобы защищать людей, а я — человек, которому нужна защита. Разве ты не слышал шум крыльев? Ты не заставишь меня поверить, что это существо так и должно свободно разгуливать по кораблю.

— Они освободили груз.

— Кто?

Здоровая нога наконец-то пристроилась. Хромая должна была пройти легче, потому что мышцы на ней усохли, но мне никак не удава-

лось собраться с силами, чтобы втолкнуть ее на место.

— Рыскуны.

Я согнулся, как борец, поскольку Сидеро принял сидячее положение. Затем он встал, и моя хромая нога наконец-то выпрямилась как надо. Втолкнуть левую руку не составило труда. Правая вошла в его плечо с такой же легкостью и появилась снаружи, защищенная только наплечием.

— Уже лучше, — сказал я. — Подожди немного.

Вместо этого он начал подниматься вверх по лестнице, разом перешагивая через три ступени.

Я остановился, повернулся и стал спускаться снова.

— Я убью тебя за это.

— За то, что я вернулся за своим ножом и пистолетом? Думаю, это неправильно: они могут нам пригодиться.

Я внутри Сидеро нагнулся и подобрал нож правой рукой, а пистолет левой. Мой пояс наполовину провалился через решетчатый пол; но я без труда достал его, прицепил к нему ножны и кобуру и застегнул его на поясе Сидеро так плотно, что под него нельзя было просунуть и палец.

— Вон из меня!

Я закрепил свой плащ на его плечах.

— Сидеро, во мне тоже живут разные люди, хотя ты, возможно, и не поверишь. Это может быть и приятно, и полезно. Теперь у нас с тобой есть правая рука. Ты сказал, что верен кораблю. Я тоже. Стоит ли нам теперь…

Что-то белесое вынырнуло из бледного тумана. Крылья его были прозрачны, будто у насекомого, но более гибкие, чем у летучей мыши. И они были огромны, так широки, что окутали всю площадку, на которой мы стояли, словно занавеси катафалка.

Внезапно я снова обрел нормальный слух. Сидеро включил устройства, которые передавали звук от его ушей к моим; а может быть, он слишком растерялся, чтобы отключить их. Как бы то ни было, я услышал шум ветра, который поднимали эти гигантские призрачные крылья, свист словно от взмаха тысячи клинков.

Пистолет уже был в моей руке, хотя я не помнил, как вынул его. Я поискал глазами голову или когти, в которые можно было бы выстрелить. Ничего не нашел, но что-то вдруг обхватило мои ноги, подняв нас с Сидеро, как ребенок берет куклу. Я выстрелил наугад. В гигантских крыльях появилась дыра — но какая маленькая! — края ее были видны благодаря тонкой полоске обго-

ревшей ткани.

Перила лестницы ударили меня по коленям. В тот же миг я выстрелил снова и почувствовал запах дыма.

Казалось, загорелась моя собственная рука. Я закричал. Сидеро боролся с крылатым существом помимо моей воли. Он вынул охотничий нож, и я испугался на мгновение, что он рубанул по моей руке, а жгучая боль в ней была похожа на ту, которую вызывает пот, попадая в открытую рану. У меня мелькнула мысль направить пистолет на Сидеро, но я тут же сообразил, что моя рука — в его руке.

Кошмар «Революционизатора» снова охватил меня; я сражался сам с собой и не понимал уже, кто я — Северьян или Сидеро, Текла, которая будет жить, или Текла, обреченная на смерть. Мы перевернулись головой вниз.

Мы падали!

Я не в силах описать весь ужас падения. Умом я понимал, что на корабле можно падать только очень медленно; я даже почти осознавал, что на нижних уровнях падение не убыстряется. Но мы все же летели вниз, ветер свистел в ушах все громче, стена колодца слилась в сплошное пятно…

Все это был сон. Как странно… Я плыл на огром-

ном корабле с палубами вместо бортов, залезал внутрь металлического человека. Теперь я наконец проснулся, очнувшись на ледяном склоне горы за Траксом; надо мной горят две звезды, и я в полудреме представляю себе, что это глаза.

Правая рука моя оказалась слишком близко к костру, но огня нет. Значит, она зудит от холода. Валерия устроила меня поудобнее.

Звонил самый большой колокол на Колокольной Башне. Колокольная Башня по ночам поднималась на огненной колонне, на рассвете опускаясь за Ацисом. Железное нутро огромного колокола взывало к скалам, и они отвечали многократным эхом.

Доркас проигрывает «Колокола за занавесом». Произнес ли я уже свои последние строки? «Как давно известно, со смертью старого солнца погибнет Урс. А из его могилы выйдут на свет чудовища, новые люди и Новое Солнце. Старый Урс преобразится, как бабочка, выпорхнувшая из куколки, а Новый Урс будет именоваться Ушас». Какое бахвальство! Пророк уходит.

Крылатая женщина из книги Отца Инира приглашает меня в свои крылатые объятия. Она хлопает в ладоши, сухо и коротко, словно госпожа, призывающая служанку. Ладони расходятся,

и между ними пламенеет точка белого света. Мне кажется, что это мое собственное лицо, а мое нынешнее лицо — маска, которая смотрит на него.

Старый Автарх, который живет в моем сознании, но редко говорит, произносит моими распухшими губами: «Найти другого…»

С десяток неровных вздохов проходит, пока я понимаю, что он сказал нам: пришло время уступить это тело смерти, пришло время нам — Северьяну и Текле, ему и всем остальным, которые стоят в его тени, — самим шагнуть в тень. Пришло время найти кого-нибудь другого.

Он лежит между двумя большими машинами, уже залитый какой-то черной смазкой. Я нагибаюсь, едва не падая, и объясняю, что он должен сделать.

Но он мертв; рассеченная его щека холодна, усохшая нога сломана, белая кость вышла наружу через кожу. Я опускаю ему веки.

Кто-то приблизился торопливыми шагами. Еще до того, как он подошел, кто-то другой дотронулся до моего плеча, приподнял голову. Я увидел блеск его глаз, почувствовал запах его заросшего лица. Он поднес к моим губам чашку.

Я отпил, надеясь, что там окажется вино. Это была вода, но вода холодная, чистая, показавша-

яся мне вкуснее всякого вина.

Низкий женский голос позвал:

— Северьян! — И кто-то нагнулся надо мной. Я узнал ее голос не раньше, чем она заговорила снова: — Все в порядке. Мы — я боялась, что… — Ей не хватило слов, и вместо этого она поцеловала меня; и сейчас же мохнатая морда поцеловала нас обоих. Его поцелуй был короток, ее же все тянулся и тянулся.

Я начал задыхаться.

— Гунни, — только и смог выговорить я, когда она отпустила меня.

— Как ты себя чувствуешь? Мы боялись, что ты умрешь.

— Я тоже.

Я сел, но на большее оказался неспособен. Болели все суставы, все связки; а сильнее всего — голова; правая рука, казалось, лежала на костре. Рукав моей бархатной рубашки был разорван, а кожа смазана желтой мазью.

— Что со мной случилось?

— Ты, наверно, упал в колодец — мы нашли тебя здесь. Вернее, Зак нашел. Он сбегал за мной и привел сюда. — Гунни кивнула на волосатого карлика, который поднес мне чашку с водой. — А перед этим тебя скорее всего ударило вспышкой.

— Вспышкой?

— Током, когда что-то рядом замкнуло. Со мной случилось то же самое. Смотри. — На ней была серая роба; она оттянула ее так, что я увидел ярко-красный ожог между ее грудей, смазанный той же мазью. — Я работала на энергостанции. После удара меня послали в лазарет. Там намазали этой штукой и дали еще тюбик про запас. Наверно, потому Зак и прицепился ко мне. Тебе не надоело про это слушать?

— Да нет.

Стены, изогнутые под причудливым углом, начали вращаться, медленно и величественно, как черепа, которые кружились вокруг меня однажды.

— Полежи, а я раздобуду тебе чего-нибудь поесть. Зак посторожит тебя от рыскунов. Впрочем, похоже, здесь их нету.

Я рвался задать ей сотни вопросов. Но еще больше мне хотелось лечь и заснуть, если позволит боль; и я погрузился в полудрему, не успев больше ничего подумать о случившемся.

Потом Гунни вернулась с кастрюлькой и ложкой.

— Тебе надо подкрепиться, — сказала она. — Ешь.

На вкус угощенье походило на черствый хлеб, сваренный в молоке, но пища была горячей и сытной. Думаю, я съел почти все, прежде чем снова провалиться в сон.

Проснувшись, я уже не был так близок к агонии, хотя и испытывал еще страшные мучения. Недостающие зубы так и не вернулись на место, десна кровоточили; на голове была шишка величиной с голубиное яйцо, а кожа на правой руке треснула, несмотря на мазь. Прошло уже десять лет и даже больше, с тех пор как мастер Гурло или один из подмастерьев устроил мне изрядную взбучку, и я обнаружил, что уже не столь выносливый, как прежде.

Я попытался отвлечься, изучая окружающую меня обстановку. Помещение, где я лежал, выглядело не как каюта, а скорее как закуток в каком-то огромном механизме, такое местечко, где можно найти вещи, которые словно бы взялись из ниоткуда, но увеличенное в несколько раз. Вогнутый потолок нависал на высоте примерно десяти элей. Никакой двери, которая давала бы ощущение уединения и удерживала незваных гостей, не было; коридор пустовал.

Я лежал на куче чистой мешковины прямо напротив проема. Когда я сел, чтобы оглядеть-

ся, волосатый карлик, которого Гунни назвала Заком, появился из полумрака и нагнулся надо мной. Он ничего не говорил, но его поза выражала озабоченность моим самочувствием. Я сказал: «Со мной все в порядке, ничего страшного», и это немного успокоило его.

Свет проникал в закуток из коридора; при подобном освещении я разглядел свою няньку так хорошо, как только мог. Он оказался не столько карликом, сколько лилипутом — в том смысле, что его тело и конечности вовсе не были чересчур несоразмерны. Лицо его не так уж сильно отличалось от лица взрослого мужчины, за исключением клочковатых волос, роскошных усов и еще более роскошной бурой бороды, к которым, вероятно, никогда не прикасались ножницы. Лоб у него был низкий, нос несколько приплюснутый и подбородок, насколько можно было о нем судить, не слишком выдающийся; но такими чертами лица обладают очень многие мужчины. Должен добавить, что он и в самом деле был мужчиной, и совершенно обнаженным, если не считать густой растительности на теле; но, заметив, что я смотрю на него, он вытянул из кучи тряпку и завязал у себя на бедрах, как юбку.

С некоторым трудом я поднялся на ноги и про-

ковылял по комнате. Он обогнал меня, встав в дверях. Каждое его движение напоминало мне виденного однажды слугу, который сдерживал пьяного экзультанта; он нижайше просил меня не делать того, что я задумал, но в то же время выражал решительную готовность остановить меня силой, если я буду настаивать на своем.

Даже для малейших проявлений силы я сейчас не годился и был начисто лишен того приподнятого настроения, в котором мы готовы сражаться с нашими лучшими друзьями, если под рукой не оказывается врагов. Я остановился. Он махнул рукой вдоль коридора и недвусмысленно чиркнул пальцем по горлу.

— Там опасно? — переспросил я. — Наверно, ты прав. На этом корабле иные поля сражений, где я был, покажутся городскими парками. Хорошо, я никуда не иду.

Мне было трудно разговаривать разбитыми губами, но он, казалось, понял меня и улыбнулся.

— Зак? — спросил я, указав на него.

Он снова улыбнулся и кивнул.

Я ткнул себя пальцем в грудь:

— Северьян.

— Северьян! — Он осклабился, показав маленькие острые зубы, и исполнил короткую пляску

радости. Все еще пританцовывая, он взял меня за левую руку и подвел к моей постели из кучи мешковины.

Рука его была коричневой, но в тени, казалось, она слабо светилась.

10. АНТРАКТ

— У тебя на голове приличная шишка, — сказала Гунни. Я ел похлебку, она сидела рядом и смотрела на меня.

— Знаю.

— Надо бы мне отвести тебя в лазарет, но там опасно. Сейчас лучше не ходить туда, где все тебя ждут.

— Особенно мне, — кивнул я. — Два человека пытались убить меня. Наверно, даже трое. Может быть, четверо.

Она взглянула на меня так, словно испугалась, что падение с большой высоты повредило мой рассудок.

— Я серьезно. Один из них — твоя подруга Идас. Она уже мертва.

— На, выпей воды. Ты сказал, Идас — женщина?

— Да. Девочка.

— А я ничего не знала… — промолвила Гунни. — Ты не шутишь?

— Это не так важно. Важно то, что она пыталась меня убить.

— И ты убил ее.

— Нет, она убила себя сама. Но остался еще по крайней мере один, а может, и больше. Ты мне о них не говорила, Гунни. О тех, кого упомянул Сидеро, — о рыскунах. Кто они такие?

Она коснулась пальцами уголков глаз — мужчины в таком случае чешут в затылке.

— Не знаю, как объяснить. Я и сама, наверно, не совсем их понимаю.

— Гунни, постарайся, — попросил я. — Это может оказаться важно.

Услышав в моем голосе тревогу, Зак отвлекся от возложенной им самим на себя обязанности присматривать за дверным проемом и бросил на меня долгий внимательный взгляд.

— Ты знаешь, как перемещается этот корабль? — спросила Гунни. — Он вплывает во время и выплывает из времени, иногда добирается до края вселенной, а иногда плывет и дальше.

Я кивнул, постукивая пальцами по чашке.

— Сколько нас в экипаже, я не знаю. Возможно, ты будешь смеяться, но я просто не представляю. Корабль такой большой, ты же знаешь. Капитан никогда не собирает нас всех вместе. Это заняло бы слишком много времени — только на то, чтобы все сошлись в одно место, потребовались бы

целые дни, и к тому же никто не мог бы работать, пока добирался до места сбора и обратно.

— Я понимаю, — сказал я.

— Мы вербуемся, и нас размещают в какой-нибудь части корабля. Там мы и живем. Знакомимся с соседями, но есть многие другие, которых мы просто никогда не видим. Кубрик наверху, в котором моя каюта, он не единственный. Есть много других. Сотни, а может быть, тысячи.

— Я спросил про рыскунов.

— Я и пытаюсь тебе рассказать. На корабле порою кто-нибудь — да кто угодно — может потеряться навечно. Действительно навечно, потому что корабль входит в вечность и возвращается оттуда, а из-за этого происходят разные фокусы со временем. Одни на корабле старятся и умирают, а другие работают долгое время, не старея, зарабатывают кучу денег, и наконец корабль заходит в их родной порт, и выясняется, что там почти то же время, которое было, когда они вербовались, и они увольняются на берег богатеями. А некоторые сначала становятся дряхлыми, а затем молодеют. — Она задумалась, продолжать ли дальше, потом добавила: — Так случилось, например, со мной.

— Ты не старая, Гунни, — сказал я. И это была

правда.

— Вот тут, — сказала она, взяв мою левую руку и положив себе на лоб, — вот тут я старая. Слишком много со мной случилось такого, что я хотела бы забыть. Не просто забыть, я хочу снова стать здесь молодой. Когда пьешь или принимаешь всякую дрянь, то забываешь. Но следы никуда не деваются, они остаются в твоих мыслях. Понимаешь?

— Прекрасно понимаю. — Я снял руку с ее лба и сжал ее ладонь.

— Ну, так вот, разное случается, и матросы знают об этом, и рассказывают другим, даже если сухопутные по большей части им не верят. Так на корабль порою попадают ненастоящие матросы, которые не хотят работать. Или бывает, что матрос подерется с офицером и его приговорят к наказанию. Тогда он уходит к рыскунам. Мы зовем их так, сравнивая с лодкой, когда та поворачивает не туда, куда тебе нужно, — она рыскает.

— Понятно, — снова вставил я.

— Некоторые из них, мне кажется, сидят на одном месте, как мы здесь. Другие бродят по кораблю, ищут, где бы чего украсть и с кем подраться. Иной раз наткнешься на одного, поболтаешь с ним. В другой раз подваливает сразу столько, что никому не хочется с ними связы-

ваться, и приходится просто притворяться, что они — такие же члены экипажа. Вот они и едят, пьют, и все радуются, когда они уходят.

— Так, значит, ты говоришь, что это простые матросы, которые взбунтовались против капитана? — Я упомянул капитана, потому что надеялся спросить о нем чуть позже.

— Нет. — Она покачала головой. — Не всегда. Экипаж набран с разных миров, даже из разных Млечных Путей, а может быть, и из разных вселенных. Этого я точно не знаю. То, что мы с тобой называем простым матросом, для кого-то другого может оказаться совсем не так просто. Ты ведь с Урса, верно?

— Верно.

— Я тоже, как большинство матросов здесь. Нас размещают вместе, потому что мы говорим одинаково и одинаково думаем. А если пойти в другой кубрик, все окажется иначе.

— Я считал, что уже напутешествовался тут, — сказал я, мысленно потешаясь над собой. — Теперь-то я вижу, что ходил совсем не так далеко, как мне казалось.

— Несколько дней нужно идти, чтобы выбраться из той части корабля, где большинство матросов более или менее похожи на нас с тобой.

А рыскуны постоянно бродят с места на место. Иногда они дерутся друг с другом, иногда же объединяются, и в одной шайке встречаются три-четыре разных народа. А порой они живут друг с другом, и у женщин бывают дети, такие, как, например, Идас. Но я слышала, что обычно их дети не могут иметь потомства.

Гунни скосила глаза в сторону Зака, и я шепотом спросил:

— Он — один из таких?

— Думаю, да. Он нашел тебя, разыскал и привел меня сюда, поэтому я решила, что ему можно довериться, пока я схожу раздобыть еды. Он не разговаривает, но ведь он ничего тебе не сделал?

— Нет, конечно, — сказал я. — Он славный. В древности, Гунни, народы Урса путешествовали среди звезд. Многие потом вернулись домой, но многие осели в разных мирах. Чужеродные миры за это время могли изменить человеческое начало, приспособить его под свои нужды. Мисты знают, что на Урсе каждый материк меняет человека по-своему, и если люди с одного материка переберутся на другой, то они в короткий срок — в пятьдесят поколений или около того — станут походить на коренных жителей. Разные миры должны иметь еще больше различий; но

человек, я думаю, везде останется человеком.

— Не говори «за это время», — предупредила Гунни. — Ты не знаешь, какое будет время, если мы остановимся у одного из солнц. Северьян, мы много болтаем, и ты, похоже, устал. Не хочешь прилечь?

— Только вместе с тобой, — сказал я. — Ты тоже устала, еще больше, чем я. Ты ходила и добывала для меня еду и лекарство. Отдохни и расскажи мне еще о рыскунах.

На самом же деле я чувствовал себя уже достаточно окрепшим, чтобы наложить на женщину руку, да и не только руку; а со многими женщинами, к которым я причислил и Гунни, нет лучшего способа добиться близости, чем дать им говорить и слушать их.

Она растянулась рядом со мной.

— Я уже рассказала почти все, что знаю. Большинство из них — плохие моряки. Некоторые — дети, родившиеся на корабле. Их прятали, пока они не выросли настолько, чтобы драться самостоятельно. Потом, помнишь, как мы ловили зверей?

— Конечно, помню.

— Не весь живой груз — звери, хотя таких там большинство. Иногда попадаются люди, и иногда

они живут достаточно долго, чтобы угодить на корабль, туда, где есть воздух. — Гунни помолчала и хихикнула. — Знаешь, там, у них дома, наверно, так и недоумевают, куда это они делись, когда их выловили? Особенно если они там были важными птицами.

Было так странно слышать хихиканье, сорвавшееся с уст такой крупной женщины, что я, обычно неулыбчивый, тоже ухмыльнулся.

— Некоторые еще говорят, что рыскуны попадают на борт вместе с грузом, мол, это преступники, которые хотят сбежать из своего мира и пробираются на корабль. Или что в своих мирах они были попросту животными и их отправили как живой груз, хотя они — такие же люди, как мы. Думаю, мы бы в тех мирах тоже были животными.

Ее волосы, которые колыхались сейчас совсем рядом, сильно пахли духами; и я вдруг сообразил, что навряд ли это их естественный запах и Гунни, должно быть, надушилась перед тем, как вернуться в наш закуток.

— Некоторые называют их молчунами, потому что довольно многие из них не говорят. Возможно, у них есть какой-то свой язык, но они не могут разговаривать с нами, и если мы ловим какого-нибудь из них, ему приходится общаться

знаками. А Сидеро однажды сказал, что молчуны — «мутисты», а значит — бунтовщики.

— Кстати, о Сидеро, — вставил я. — Он был там, когда Зак привел тебя на дно колодца?

— Нет, там не было никого, кроме тебя.

— И ты не видела моего пистолета или ножа, который ты мне подарила, когда мы встретились?

— Нет, ни того, ни другого. А они были при тебе, когда ты упал?

— Они были на Сидеро. Я надеялся, что ему хватит честности вернуть их. Но спасибо ему и на том, что он не убил меня.

Гунни покачала головой, мотнув ею вправо и влево на куче тряпья — ее пухлая румяная щечка нечаянно коснулась моей.

— Не убил бы. Он иногда бывает крут, но я никогда не слышала, чтобы он кого-нибудь убил.

— Думаю, он избил меня, когда я был без сознания. Не мог же я повредить челюсть при падении. Я был внутри его, разве я тебе не говорил?

Она отодвинулась, чтобы посмотреть на меня.

— Правда? Ты это можешь?

— Да. Ему это не понравилось, но я думаю, что-то в его устройстве не давало ему выгнать меня, пока я был в сознании. Когда мы упали, он, наверно, раскрылся и вынул меня уцелевшей

рукой. Повезло еще, что он не сломал мне обе ноги. А когда вынул меня, то, должно быть, пристукнул хорошенько. Я убью его за это, когда мы встретимся в следующий раз.

— Он всего лишь машина, — мягко произнесла Гунни, скользнув рукой под мою рваную рубашку.

— Вот уж не ожидал, что ты это знаешь, — сказал я. — Я думал, ты считаешь его человеком.

— Мой отец был рыбаком, и я выросла среди лодок. Лодке дают имя и рисуют глаза, и часто она ведет себя как живая и даже рассказывает тебе разные истории. Но она не живая на самом деле. Рыбаки иногда кажутся странными людьми, но мой отец говорил, что так всегда можно узнать настоящего сумасшедшего: если ему не нравится его лодка, он утопит ее, а не продаст. У лодки есть норов, но этого мало, чтобы стать человеком.

— А что сказал твой отец, когда ты завербовалась на этот корабль? — спросил я.

— Он утонул еще раньше. Все рыбаки когда-нибудь тонут. Это доконало мою мать. Я возвращаюсь на Урс очень часто, но еще не попадала так, чтобы они были живы.

— Кто был Автархом во время твоего детства, Гунни?

— Не знаю, — ответила она. — Мы о таких вещах не думали.

Она немного поплакала. Я постарался утешить ее, и от этого мы как-то очень быстро и естественно перешли к любовным играм; но ожог покрывал большую часть ее груди и живота, и воспоминание о Валерии тоже стояло между нами, как я ни ласкал ее, а она — меня.

Под конец она спросила:

— Тебе не было больно?

— Нет, — ответил я. — Мне только жаль, что я сделал тебе так больно.

— Ты — нисколько.

— Сделал, сделал, Гунни. Это я подпалил тебя в коридоре возле моей каюты, и мы оба это знаем.

Ее рука метнулась к оружию, но кинжал она сняла, когда раздевалась. Он лежал под ее одеждой, и достать его она никак не могла.

— Идас сказала мне, что наняла матроса, чтобы тот помог ей убрать тело моего стюарда. Она сказала про него «он», но запнулась перед этим словом. Ты из ее команды, хотя и не знала, что он — это она; ей, естественно, легче было попросить о помощи женщину, ведь она не успела завести любовника.

— И давно ты об этом догадался? — прошеп-

тала Гунни. Она уже не плакала, но в уголке ее глаза повисла слеза, большая и круглая, как сама Гунни.

— С самого начала, когда ты принесла мне ту кашу. Моя рука была обнажена, и ее обожгло соками какого-то крылатого существа; это единственная часть моего тела, которая не была защищена металлом Сидеро, и я, разумеется, подумал об этом сразу же, как пришел в себя. Ты сказала, что тебя обожгло вспышкой энергии, но это примерно то же самое. Лицо и плечи, которые были обнажены, не задело. Ожоги у тебя на тех местах, которые обязательно были прикрыты рубашкой и штанами.

Я ждал, что она что-нибудь скажет, но она молчала.

— В темноте я позвал на помощь, но никто мне не ответил. Тогда я выстрелил из пистолета слабым лучом, чтобы посветить себе. Я поднял его на высоту глаз, однако в темноте не мог увидеть прицела, и луч вырвался чуть под углом вниз. Должно быть, он ударил тебя в солнечное сплетение. Пока я спал, ты, наверно, ходила искать Идас, чтобы продать ей меня за еще один хризос. Ее ты, конечно, не нашла. Она мертва, и ее тело заперто в моей каюте.

— Я хотела откликнуться, когда ты звал, — промолвила Гунни. — Но мы же вроде как притаились. Я знала только, что ты потерялся где-то в темноте, и ждала, что свет вот-вот загорится снова. Потом Идас приставил — приставила, но я тогда этого не знала — свой нож к моему горлу. Он стоял за моей спиной, вплотную, так что его даже не задело, когда ты выстрелил в меня.

— Как бы то ни было, я хочу, чтобы ты знала: обыскав Идас, я нашел у нее девять хризосов. Я положил их в кармашек ножен того ножа, который ты подобрала. Сидеро унес мой нож и пистолет; если ты вернешь их мне, золото с полным правом возьми себе.

После этого Гунни не сказала ни слова. Я притворился, что сплю, хотя сквозь щелочки век наблюдал за ней, чтобы она не попробовала пырнуть меня кинжалом.

Вместо этого она встала, оделась и выбралась из комнаты, переступив через спящего Зака. Я ждал долго, но она не вернулась, и наконец я тоже заснул.

11. СТЫЧКА

Я лежал в небытии сна, но какая-то часть меня бодрствовала, плавая в море бессознательности, в котором пребывают неродившиеся и столь многие из умерших. — **Ты** знаешь, кто **я**?Я знал, хотя и не мог сказать, откуда.

— Ты — капитан. — **Верно**. Кто **я**? — Мастер. — Я сказал так, потому что снова, похоже, стал учеником. — Мастер, я не понимаю.

– **Кто** капитан на корабл**е**?

— Мастер, я не знаю. — **Я** — твой судья. Эта расцветающая вселенная отдана мне на хранение. Мое имя — Цадкиэл**ь**. — Мастер, — спросил я, — так это суд надо мной?

– **Нет**. Близится суд надо мной самим, не над тобой. Ты был королем-воителем, Северьян. Ты будешь сражаться за меня? Сражаться по доброй воле?

— С радостью, мастер.

Во сне я как будто услышал отзвуки собственного голоса: «Мастер… мастер… мастер…» Ответа на них не было. Солнце умерло, и я остался один в леденящей тьме.

— Мастер! Мастер!

Зак тряс меня за плечо.

Я сел, мысленно отметив, что он умеет говорить гораздо лучше, чем мне казалось.

— Тише, я уже проснулся, — сказал я.

— Тише! — спопугайничал он.

— Я что, разговаривал во сне, Зак? Наверное, ведь ты разобрал это слово. Помнится…

Тут я умолк, потому что Зак приставил ладонь к уху. Я прислушался тоже и услышал крики и шаги. Кто-то позвал меня.

Зак выбежал из дверей первым, даже не выбежал, а вылетел одним низким прыжком. Я не отставал от него и, ободрав руки о первую же стену, научился сгибаться и отталкиваться от них ногами, как он.

Поворот, еще один, и мы увидели сцепившихся в драке людей. Следующий прыжок бросил нас в самую гущу схватки, но я не имел ни малейшего понятия, за кого мы будем драться, если нам вообще есть за кого тут драться.

Моряк с ножом в левой руке прыгнул на меня. Я перехватил его, как учил когда-то мастер Гурло, и бросил об стену, только тут заметив, что это Пурн.

Времени на вопросы и извинения не было.

Кинжал синего великана метнулся к моим легким. Я ударил по его огромному запястью обеими руками и тут, слишком поздно, увидел второй кинжал, который он прятал в другой руке. Он выкинул его лезвием вверх. Я попытался увернуться, но двое дерущихся сзади оттолкнули меня обратно, и я рассмотрел вплотную синий стальной ненюфар смерти.

Словно бы законы природы не распространялись на меня, лезвие все не опускалось. Великан продолжал размахиваться, отводя кулак с лезвием, пока сам не начал клониться назад, и я услышал, как хрустнуло его плечо и как он страшно закричал, когда сломанные кости воткнулись в него изнутри.

Ладонь его была большой, но рукоять кинжала все же не помещалась в ней целиком. Я ухватил ее одной рукой, лезвие — другой, вывернул кинжал и вонзил его в грудную клетку противника. Он завалился назад, как падают деревья, сначала медленно, не сгибая ног. Зак, висевший на его поднятой руке, выдернул второй кинжал, почти так же, как это сделал я.

Каждый кинжал был достаточно велик, чтобы сойти за короткий меч, и мы немало поработали ими. Я потрудился бы и еще, если бы мне не при-

шлось встать между Заком и каким-то матросом, который принял его за рыскуна.

Подобные схватки кончаются так же внезапно, как и начинаются. Убегает один, за ним другой, и вот уже приходится бежать всем остальным, поскольку их становится слишком мало для драки. Так было и с нами. Всклокоченный рыскун с зубами атрокса попытался выбить у меня клинок куском трубы. Я почти отсек ему руку, затем ударил в горло — и вдруг увидел, что, кроме Зака, со мной никого не осталось. Какой-то матрос пробежал мимо нас, сжимая окровавленное запястье. Окликнув Зака, я последовал за ним.

Если за нами и гнались, то без особого усердия. Мы бежали по извилистому коридору, потом через гулкий пустой зал, уставленный неподвижными механизмами, по другому коридору, выслеживая тех, за кем мы следовали, по каплям свежей крови на полу и переборках, а однажды — по лежавшему навзничь матросу, и попали наконец в зал поменьше, в котором валялись разные инструменты и стояли верстаки, а на них пятеро матросов, тяжело дыша и сквернословя, перевязывали друг другу раны.

— Вы кто такие? — спросил один, угрожающе подняв кортик.

— Я его знаю, — сказал Пурн. — Это пассажир.

Правая рука его была завернута в окровавленную марлю.

— А этот? — Матрос с кортиком указал на Зака.

— Тронь его, и я тебя прирежу, — пообещал я.

— Какой же он пассажир? — сказал матрос неуверенно.

— Я не обязан тебе ничего объяснять и не собираюсь. Если ты думаешь, что мы вдвоем не уложим всех вас, рискни.

Матрос, который до того молчал, промолвил:

— Хватит, Модан. Если сьер ручается за него…

— Ручаюсь.

— Тогда этого достаточно. Я видел, как ты бил рыскунов и твой косматый друг вместе с тобой. Чем мы можем тебе помочь?

— Скажи мне, если знаешь, почему рыскуны напали на вас? Мне говорили, что на корабле их всегда хватает. Не могут же они постоянно быть такими агрессивными.

Лицо матроса, только что открытое и дружелюбное, словно закрылось — хотя выражение его, казалось, ничуть не переменилось.

— Я слышал, сьер, что у нас на борту путешествует некто, с кем им было ведено разделаться, только они не могут его найти. Больше я ничего

не знаю. Если тебе известно что-то еще, то ты знаешь больше меня, как боров говорил мяснику.

— А кто командует ими?

Матрос отвернулся. Я оглядел остальных, и наконец Пурн произнес:

— Мы без понятия. Если у рыскунов и есть какой-то капитан, то мы до сих пор ничего о нем не слышали.

— Ясно. Я хотел бы поговорить с офицером — только не с фальшивым, как Сидеро, а с настоящим.

Матрос, которого звали Модан, сказал:

— Честное слово, сьер, мы и сами бы не прочь. Ты думаешь, это мы набросились на тех рыскунов, без командира и без оружия? У нас была рабочая команда, девять человек, а они напали на нас. Теперь мы больше вообще не выйдем на работу, пока нам не дадут пики и не выставят солдат охранять нас.

Остальные согласно кивнули. Модан пожал плечами.

— На носу или на корме, сьер. Вот все, что я могу сказать. Обычно офицеры сидят где-нибудь там, чтобы прокладывать курс, там, где паруса не закрывают их инструменты. Одно из двух.

Я вспомнил бушприт, за который ухватился,

когда плавал между парусов.

— А разве мы сейчас не в передней части корабля?

— Примерно так, сьер.

— Тогда как мне пройти дальше?

— Это там, — он указал рукой. — И держи нос по ветру, как говорила обезьяна слону.

— А ты не мог бы подробно рассказать мне, куда идти?

— Мог бы, сьер, но это было бы невежливо. Можно дать тебе один совет?

— Это именно то, чего я прошу.

— Оставайся с нами, пока мы не переберемся в более безопасное место. Тебе нужен офицер. Как только мы найдем этого человека, мы сведем тебя с ним. А если ты пойдешь один, рыскуны наверняка тебя прирежут.

— Из этой двери сразу направо, потом прямо до трапа. По нему наверх и в самый широкий коридор, — сказал Пурн. — Ступай.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Пойдем, Зак.

Волосатый человечек кивнул, а как только мы вышли, тряхнул головой и заявил:

— Плохой!

— Я знаю, Зак. Нам надо найти укромное место, чтобы спрятаться. Понимаешь? Смотри по эту

сторону, а я буду смотреть сюда. Только тихо.

Некоторое время Зак глядел на меня вопросительно, но было ясно, что он понял. Мы не прошли по коридору и чейна, как он потянул меня за здоровую руку и показал маленькую кладовую. Почти вся она была забита какими-то посудинами и корытами, но в ней имелось достаточно места для нас. Я оставил дверь чуть-чуть приоткрытой, чтобы выглядывать наружу, и мы с Заком присели на ящики.

Я был уверен, что матросы скоро уйдут из того зала, в котором мы нашли их, ведь после того, как они перевяжут друг другу раны и переведут дух, делать им там было нечего. Однако они пробыли в том помещении довольно долго, и я начал уже бояться, что мы потеряли их — они могли вернуться на место драки или пройти каким-нибудь другим ответвлением коридора, которое мы просмотрели. Наверняка они долго спорили перед тем, как отправиться в путь.

Как бы то ни было, они наконец появились. Я приложил палец к губам, чтобы предупредить Зака, хотя не думал, что это необходимо. Когда все пятеро прошагали мимо нашей двери и отошли где-то элей на пятьдесят, мы тихо выбрались в коридор.

Я не имел ни малейшего понятия о том, как долго нам придется следовать за ними, пока Пурн не окажется сзади всех, да и окажется ли вообще; в худшем случае я готов был целиком положиться на нашу храбрость и их испуг и достать его в середине строя.

Удача была на нашей стороне — вскоре Пурн отстал на несколько шагов. Со времени восшествия на престол Автарха я часто возглавлял вылазки на севере. Сейчас я попробовал изобразить такое нападение, громко окликнув соратников, состоявших из одного лишь Зака. Мы» налетели на матросов, словно передовой отряд большого войска, размахивая клинками; и все они как один повернулись и побежали прочь.

Я надеялся достать Пурна сзади, стараясь сберечь свою обожженную руку. Зак помог мне, в долгом летящем прыжке ударив Пурна под колени. Мне осталось только приставить острие кинжала к его горлу. Он был смертельно напуган, и неудивительно: выжав из него все нужные сведения, я собирался прикончить его.

Один-два вдоха мы слушали удаляющийся топот четырех пар ног. Зак вынул нож Пурна из ножен и теперь, с клинками в обеих руках, выжидал, глядя на лежащего матроса из-под

нахмуренных кустистых бровей.

— Попробуешь бежать — умрешь сразу, — прошептал я Пурну. — Отвечай — и еще поживешь. У тебя перевязана правая рука. Что с ней?

Он лежал, распластавшись на спине, и мой кинжал упирался ему в горло, но глаза его смотрели мимо меня. Этот взгляд был хорошо мне знаком, я не раз и не два уже видел, как испаряются гордость и бесстрашие.

— У меня нет времени болтать с тобой. — Я надавил на рукоять кинжала ровно настолько, чтобы пустить кровь. — Если не будешь отвечать, так и скажи; тогда я убью тебя, и покончим с этим.

— Я дрался с рыскунами. Ты же там был. Ты все видел. Я пытался прикончить тебя — это правда. Думал, что ты один из них. С этим рыскуном… — Он скосил глаза на Зака. — Любой бы так решил, глядя на него. Я не причинил тебе вреда.

— «Как говорила гадюка кабану». Так любил выражаться человек по имени Иона. Он тоже был моряком, Пурн, но лгал он так же легко, как ты. Когда мы с Заком вмешались в драку, рука у тебя уже была перевязана. Сними повязку.

Он неохотно подчинился. Рана была обработана со знанием дела — наверное, в том лазарете,

о котором говорила Гунни; она почти затянулась, но вполне можно было разобрать, что это за рана.

Я наклонился осмотреть ее, и Зак, тоже нагнувшись, раздвинул пальцами свои губы, как делают иногда ручные обезьяны. Я понял, что невероятная связь, которую я пытался отрицать, оказалась сущей правдой. Зак был тем самым лохматым зверем, на которого мы охотились в трюме.

12. СХОДСТВО

Чтобы скрыть свое замешательство, я поставил ногу на грудь Пурна и процедил сквозь зубы:

— Почему ты хотел убить меня?

Некоторые люди, осознавая неизбежность смерти, теряют страх. Это же было и с Пурном; с ним произошла перемена, которую нельзя было не заметить: он словно открыл глаза.

— Потому что я знаю тебя, Автарх.

— Значит, ты из моих людей. Ты поднялся на корабль вместе со мной.

Он кивнул.

— И Гунни?

— Нет, Гунни здесь старожил. Она не враг тебе, Автарх, если ты об этом.

К моему изумлению, Зак посмотрел на меня и кивнул. Я сказал:

— Пурн, об этом я знаю больше, чем ты думаешь.

Словно не расслышав меня, он продолжал:

— Я думал, она поцелует меня. Ты даже не знаешь, как они здесь делают это.

— Она поцеловала меня при встрече, — на-

помнил я.

— Я видел и понял, что ты не понимаешь значения ее поцелуя. На корабле у каждого новичка должен быть друг из старых матросов, который учит его местным обычаям. Поцелуй — это знак.

— Известно, что женщины целуют и убивают.

— Только не Гунни, — настаивал Пурн. — Во всяком случае, я так не думаю.

— Но за это ты хотел меня убить? За ее любовь?

— Я обязался убить тебя, Автарх. Все знали, куда ты отправляешься и что ты должен добыть Новое Солнце, если сможешь, перевернуть весь Урс вверх тормашками и погубить всех.

Я был так ошарашен не столько его признанием, сколько искренней убежденностью, что сделал шаг назад. Пурн вскочил в то же мгновение. Зак кинулся на него. Но хотя длинный клинок Зака чиркнул по его руке, глубоко он не вошел; Пурн бросился прочь как заяц.

Зак погнал было его, как гончий пес, но я отозвал приятеля назад.

— Я убью его, если он еще раз рискнет покуситься на мою жизнь, — сказал я. — И ты можешь сделать то же самое. Но я не хочу травить его за то, что он следует своим убеждениям. Выходит,

мы с ним оба хотим спасти Урс.

Зак взглянул на меня, потом пожал плечами.

— Теперь я хочу узнать о тебе. Ты занимаешь меня сейчас куда больше, чем Пурн. Ты ведь можешь говорить.

— Зак говорить! — закивал он.

— И ты понимаешь мою речь.

Он снова кивнул, уже менее решительно.

— Тогда скажи мне правду. Не тебя ли я помогал ловить Гунни, Пурну и другим?

Зак вытаращил глаза, потом покачал головой и стал смотреть в другую сторону, всем своим видом показывая, что он не желает продолжать разговор.

— На самом деле это я поймал тебя и не убил. Наверно, ты благодаришь меня за это. Когда Пурн хотел убить меня… Зак! Вернись!

Он, как и следовало бы мне предвидеть, метнулся прочь, и я, со своей хромой ногой, не мог и надеяться догнать его. По какой-то причуде корабля я видел его очень долгое время — он появлялся и исчезал то тут, то там, а топот его босых ног слышался и позже, когда сам он вовсе пропал из виду. Мне живо вспомнился сон, в котором мальчик-сирота с моим именем и одетый так же, как я в годы ученичества, бежал по

стеклянным коридорам; и мне показалось, что как осиротевший малыш Северьян в том сне в каком-то смысле играл мою роль, так и лицо Зака чем-то напоминало продолговатые черты моего собственного лица.

Но это уже был не сон. Я не спал, я не был пьян, я просто потерялся в нескончаемых лабиринтах корабля. Что за существо представлял собой Зак? Не злое, подумал я, пусть так, но кого из миллионов разновидностей живых существ на Урсе можно в сущности назвать злым? Альзабо, разумеется, летучих мышей-кровососов и скорпионов, может быть; змею, которая зовется «желтая борода», и других ядовитых гадов; еще пару-тройку видов. Всего две дюжины из миллионов. Я вспомнил, каким был Зак, когда я впервые увидел его в трюме: в светло-коричневой шубе не из шерсти и не из перьев, четвероногий, бесхвостый и, конечно, безмозглый. В следующий раз, когда я увидел его в вольере, он оброс волосами и у него появилась маленькая круглая головка; тогда я отмахнулся от первого впечатления, не раздумывая признав его ошибочным.

На Урсе есть такие ящерицы, которые меняют цвет, приспосабливаясь к окружению, — они становятся зелеными в зеленой листве, серыми

на камнях и так далее. Делают они это не для того, чтобы обмануть свою добычу, как резонно было бы предположить, а для маскировки от глаз хищных птиц. А что, если в каком-то другом мире возникло животное, которое принимает форму окружающих его существ? Его собственный облик (если он у него есть) может быть еще более странным, чем у того четвероногого, с почти шаровидным туловищем зверька, которого я видел в трюме. Хищники, как правило, не охотятся на себе подобных. Что же может быть лучшим залогом безопасности, чем внешность хищника?

Люди осложняли ему задачу несколькими деталями: разумом, речью и даже различием между волосами на голове и одеждой на теле. Вполне возможно, что длинные космы, похожие на ленты, были первой попыткой изобразить одежду, когда Зак еще принимал ее за неотделимую часть облика его преследователей. Скоро он осознал свою ошибку; и если бы мутисты не выпустили его вместе с остальными, со временем мы обнаружили бы в вольере обнаженного человека. Теперь его вполне можно было считать человеком. И неудивительно, что он убежал от меня, — спасение бегством от представителя имитируемого вида, который разгадал сей маскарад, должно

входить в число самых важных его инстинктов.

Размышляя об этом, я шел по коридору, в котором Зак оставил меня. Скоро он разделился на три рукава, и я остановился на мгновение, не зная, куда повернуть. Причин предпочесть один другому не было, и я свернул в левый.

Я прошел не так уж далеко, прежде чем ощутил скованность в собственных членах. Сперва я грешил на внезапный приступ болезни, потом — на действие какого-то наркотика. Однако я чувствовал себя не хуже, чем тогда, когда выходил из закутка, где прятала меня Гунни. У меня не кружилась голова и не было чувства, что я могу упасть; я также без труда держался на ногах.

И все же я начал падать, не успев даже сообразить, что происходит. Не то чтобы я не осознал, что потерял равновесие; просто мне не удавалось сделать шаг, не споткнувшись. Затем ноги мои будто сковала какая-то непреодолимая сила, а когда я попытался вытянуть вперед руки, они тоже оказались связаны — я не смог даже поднять их.

Так я и повис в воздухе, безо всякой опоры, повинуясь малейшему притяжению недр корабля, но не падая. Или, точнее, я падал, но так медленно, что, казалось, никогда больше не коснусь тусклого коричневого пола коридора. Где-то в

дальней части корабля прозвонил колокол.

Все это тянулось долгое время или время, показавшееся мне очень долгим.

Наконец я услышал шаги. Кто-то приближался сзади; я не мог двинуть головой, чтобы оглянуться. Пальцы мои коснулись рукояти длинного кинжала. Я не сумел вынуть его, но сжал в кулаке и дернул изо всей силы. Потом был удар, и разом наступила тьма.

Мне показалось, что я сполз со своего уютного ложа из тряпья. Я пошарил рукой, но нащупал вокруг только холодный пол. Пол не был жестким, ведь я почти не касался его, зависая над поверхностью. Но он был холодным, таким холодным, словно я плавал в одной из луж, образующихся иногда на льду Гьолла в короткую оттепель прямо посреди зимы.

Мне вновь захотелось оказаться на заветной куче тряпья. Если я не найду ее, Гунни не найдет меня. Я обшарил все вокруг, но безрезультатно.

Начав искать, я странным образом растянул свое сознание. Не берусь объяснить почему, но наполнить собой весь корабль не потребовало от меня ни малейших усилий. Я знал трюмы, по которым мы крались, словно крысы, рыскающие вдоль стен, исследуя комнаты дома, и эти

трюмы были огромными пещерами, набитыми доверху самым разным загадочным добром. В шахтах обезьянолюдей хранились серебряные слитки и злато; каждый же трюм корабля (а их много больше семи) был гораздо вместительней, и самые скромные из его сокровищ явились с далеких звезд.

Я знал весь корабль, его сложные и причудливые механизмы и те, еще более странные, которые не были ни механизмами, ни живыми существами, ни вообще чем-либо, для чего мы в состоянии подобрать слова. На корабле обитало много людей, но больше, тех, что не были людьми, — все они спали, любили, работали, дрались. Я знал их всех, но некоторых узнавал, а некоторых — нет.

Я знал все мачты, в сотни раз превосходившие размером корпус корабля, гигантские паруса, раскинувшиеся, словно моря, в двух измерениях огромные, в третьем же почти не существующие. Когда-то один лишь вид корабля напугал меня. Теперь я знал его каким-то неведомым чувством, гораздо острее зрения, и я вобрал его, как он вобрал меня. Я нашел свое ложе, но не мог добраться до него.

Боль привела меня в чувство. Может быть, для

этого и нужна боль или, возможно, она просто цепь, связующая нас с неизменным настоящим, выкованная в кузнице, о которой мы только догадываемся, кузнецом, чья персона — загадка для нас. Так или иначе, я ощутил, что мое сознание снова съеживается, как концентрируется материя в сердце звезды, как при строительстве ложатся один к одному камни, покоившиеся некогда вместе в недрах Урса, как склеиваются осколки разбитой урны. Какие-то фигуры в рваных одеждах склонились надо мной, и многие из них приобрели облик людей.

Самый крупный был самым оборванным, и это казалось мне странным, пока я не сообразил, что он, вероятно, не может найти себе одежду по росту и поэтому продолжает ходить в том, в чем поднялся на борт, перелатывая и подшивая свои лохмотья снова и снова.

Он схватил меня и поставил на ноги — не без помощи других, хотя ему явно не требовалась ничья помощь. Драться с ними представлялось верхом безумия — я насчитал по меньшей мере с десяток, и все они были вооружены. Однако я все же влез в драку, стал наносить и получать удары, устроив заваруху, из которой не надеялся выйти победителем. С тех пор, как я забросил свою руко-

пись в пустоту, меня швыряло с места на место, и, похоже, мне еще ни разу не удавалось побыть хозяином самому себе. Сейчас я исполнился готовности сразиться с любым, кто попытался бы управлять мной, и если то оказалась бы сама судьба, я сразился бы и с ней.

Впрочем, все было бесполезно. Я причинил их предводителю столько же вреда, сколько причинил бы мне разбушевавшийся малец лет десяти. Он закрутил мне руки за спину и, обмотав их проволокой, толчком придал мне ускорение. Я заковылял вперед, и наконец меня впихнули в узкую комнату, где стоял Автарх Северьян, придворными своими прозванный Великим, в желтой мантии монарха и в накидке, усыпанной драгоценными каменьями, держа в руке символ власти.

13. БИТВЫ

То был всего лишь образ, но такой живой, что на краткий миг я уверовал в существование своего двойника. На моих глазах он повернул голову, величаво повел рукой в сторону пустого угла комнаты и сделал два шага навстречу мне. На третьем шаге он вдруг исчез, но не успев исчезнуть, появился снова на том же самом месте. На протяжении долгого вздоха он стоял там, потом повернулся, махнул рукой и шагнул вперед.

Бочкогрудый предводитель пролаял команду на языке, которого я не понял, и кто-то размотал проволоку, стягивавшую мои руки.

Мое подобие снова шагнуло мне навстречу. Освободившись от какого-то невольного презрения, которое я испытал к нему, я смог подметить его волочащуюся ногу и надменный поворот головы. Начальник опять заговорил, и низкорослый человечек с грязно-серой шевелюрой, напомнившей мне волосы Гефора, перевел:

— Он хочет, чтобы ты сделал так же. Если откажешься, мы убьем тебя.

Я почти не слушал его. Я узнал убранство и дви-

жения, и хотя я не имел ни малейшего желания возвращаться в воспоминания о том времени, они захлестнули меня, как сокрушительные крылья в воздушном колодце. Передо мною встал корабль (тогда я еще не знал, что это лишь шлюп, а не само величественное судно), снасти обволакивали его серебряной паутиной. Мои преторианцы плечом к плечу выстроились в шеренгу длиной около лиги, а то и больше, линию ослепительную и почти невидимую. — **Взять** ег**о**!Оборванные мужчины и женщины закопошились вокруг. На мгновение мне почудилось, что меня убьют за непослушание — ведь я так и не прошелся с поднятой рукой; я хотел умолять их об отсрочке, но времени не было ни на мольбы, ни на что другое.

Кто-то схватил меня за ошейник и дернул назад, чуть не задушив. В этом заключалась его ошибка: навалившись на него, я оказался слишком близко; он не смог пустить в ход булаву, и мои большие пальцы вошли в его глазницы.

Фиолетовый свет ударил по толпе — с полдюжины нападавших пали замертво. Еще дюжина взвыла, лишившись конечностей и лиц. В воздухе витал приторный запах горелого мяса. Я вывернул булаву у человека, которого ослепил,

и положил ее рядом с собой. Это было глупо — у рыскунов, бросившихся из комнаты, будто крысы из кладовой, дела пошли много хуже, чем у меня: их косило, точно спелые колосья.

Бочкогрудый их начальник повел себя умнее — при первом же выстреле он бросился на пол, всего в эле от моих ног. Теперь он вскочил и напал на меня. Набалдашником булавы служила рукоять рычага; она опустилась там, где его плечи соединялись с шеей. Я вложил в удар все силы, оставшиеся в моих руках.

С таким же успехом я мог бы огреть булавой арсинойтера. Не лишившись ни сознания, ни былой мощи, он саданул меня так, как упомянутый зверь бьет зазевавшегося волка. Булава вылетела из моих рук, тяжеловес вышиб из меня весь дух.

Снова последовала ослепительная вспышка, и я увидел, как взметнулись его семипалые руки, но между ними уже торчал лишь обрубок шеи, дымящийся, словно пень в горящем лесу. Он ринулся вперед — уже не на меня, а на стену, ударился о нее и рванулся еще раз, бешено и слепо.

Следующий выстрел почти рассек его надвое.

Я попытался встать, но ладони скользили в луже крови. Чья-то рука, неимоверно сильная, обхватила меня за пояс и подняла. Знакомый

голос спросил:

— Можешь устоять на ногах?

Это был Сидеро, и нежданно-негаданно он показался мне старым другом.

— Кажется, могу, — ответил я. — Спасибо.

— Ты сражался с ними.

— Не столь успешно. — Я вспомнил, как руководил целыми армиями. — Плохо.

— Но ты сражался.

— Если тебе так нравится… — сказал я.

Вокруг нас столпились матросы, разряжавшие фузеи и вытиравшие окровавленные ножи.

— Ты будешь еще сражаться с ними? Подожди! — Он поднял свою фузею и сделал жест, чтобы я замолчал. — У меня твои нож и пистолет. Возьми их обратно.

Зажав фузею под обрубком правой руки, он снял с себя мой пояс и протянул мне.

— Спасибо, — повторил я. Я не знал, что еще сказать, и гадал, действительно ли он отдубасил меня до бессознательного состояния, как я думал до сих пор. Металлическое забрало, которое служило ему лицом, никак не выдавало чувств Сидеро, грубый, жесткий голос — немногим больше.

— Отдыхай. Ешь, а поговорим потом. Нам еще

придется сражаться. — Он повернулся к толкущейся вокруг команде. — Отдыхайте! Ешьте!

Я вовсе не возражал ни против того, ни против другого. Сражаться за Сидеро я не собирался, но мысль о том, что я разделю трапезу с товарищами, которые затем станут охранять мой сон, была весьма соблазнительной. Ускользнуть же я всегда успею.

Команда захватила с собой пайки, а скоро мы расширили рацион, разжившись припасами убитых нами рыскунов. Немного погодя мы сидели за ароматным ужином, состоявшим из чечевицы, сваренной со свининой, в сопровождении жгучих приправ, хлеба и вина.

Возможно, подвесные койки находились где-то неподалеку, но лично я слишком устал, чтобы отправиться искать их. Правая рука все еще саднила, однако я знал, что даже это неудобство не лишит меня сна; головную боль притупило выпитое вино. Я уже собирался растянуться прямо там, где сидел, — хотя и жалел, что Сидеро не сохранил при себе еще и мой плащ, — когда ко мне подсел невысокий плотно сбитый матрос.

— Помнишь меня, Северьян? — спросил он.

— Должен помнить, — ответил я, — раз ты знаешь мое имя.

На самом же деле вспомнить его я никак не мог, хотя было в его лице что-то знакомое.

— Ты звал меня Зак.

Я вытаращил глаза. Даже сделав скидку на тусклое освещение, я с трудом мог поверить, что это тот самый Зак, которого я знал. Наконец я промолвил:

— Не вдаваясь в материи, о которых мы оба не хотим говорить, не могу не отметить, что ты сильно изменился.

— Это все одежда — я снял ее с мертвеца. Побрился. У Гунни есть ножницы. Она меня подстригла.

— Гунни здесь?

Зак мотнул головой в сторону.

— Хочешь побеседовать с ней? Она тоже, по-моему.

— Нет, — ответил я. — Скажи ей, что я поговорю с ней утром. — Я хотел добавить что-то еще, но в итоге выдавил из себя лишь следующее: — Передай ей: то, что она сделала для меня, с лихвой возместило любой ущерб.

Зак кивнул и удалился.

Мысль о Гунни напомнила мне о хризосах Идас. Я открыл карман ножен и, заглянув внутрь, удостоверился, что деньги никуда не делись. Потом

лег и заснул.

Когда я проснулся — не знаю, стоит ли назвать это утром, ведь настоящего утра не было, — почти вся команда уже поднялась и доедала то, что осталось после вчерашнего пиршества. К Сидеро присоединились два стройных автоматона, таких же, каким был, вероятно, некогда Иона. Они стояли втроем чуть поодаль от всех и переговаривались, слишком тихо, чтобы можно было подслушать их беседу.

Я задумался, не были ли эти наделенные волей механизмы ближе к капитану и старшим офицерам, чем Сидеро, но пока я собирался подойти к ним и представиться, они ушли, мгновенно затерявшись в лабиринте коридоров. Словно прочитав мои мысли, Сидеро подошел ко мне.

— Теперь мы можем поговорить, — сказал он.

Я кивнул и объяснил, что собираюсь рассказать ему и всем остальным, кто я такой.

— Ничего хорошего из этого не выйдет. Я проверял, когда мы встретились впервые. Ты не тот, за кого себя выдаешь. Автарх в безопасности.

Я начал было спорить с ним, но он поднял руку, заставив меня умолкнуть.

— Давай не будем ссориться. Я лишь передаю то, что мне сказали. Мы объяснимся, а потом

— как знаешь. Я причинил тебе вред. Исправлять и наказывать — мое право и моя обязанность. К тому же мне это доставило удовольствие.

Я спросил, не о том ли случае идет речь, когда я был без сознания, а он избил меня. Он подтвердил мою догадку кивком.

— Я не имею права… — Он, казалось, хотел сказать что-то еще, но не стал. Чуть погодя он признался: — Не могу объяснить.

— Мы все знаем, что такое соображения морали, — произнес я.

— Не совсем. Ты думаешь, что знаешь. Мы точно знаем и все же часто ошибаемся. Нам дано право жертвовать людьми ради собственного выживания. Мы имеем полномочия передавать людям распоряжения свыше и приказывать от своего имени. Мы имеем право исправлять и наказывать. Но мы не имеем права уподобляться вам. Именно это я и совершил. Я должен отплатить тебе.

Я заверил его, что он уже отплатил мне сполна, когда спас меня от рыскунов.

— Нет. Ты сражался, и я сражался. Вот моя плата. Мы отправимся на большую драку, может быть, последнюю. Раньше рыскуны только воровали. Теперь они пошли на кровопролитие,

на захват корабля. Капитан терпел рыскунов слишком долго.

Я почувствовал, что ему тяжело говорить так о своем капитане и он хочет поскорее свернуть разговор.

— Я отпускаю тебя, — сказал Сидеро. — Вот моя плата.

— Ты хочешь сказать, что я могу не участвовать в бою вместе с тобой и твоими моряками, если это не входит в мои планы? — переспросил я.

Сидеро кивнул:

— Скоро начнется сражение. Уходи быстрее.

Конечно, я сам только что собирался дать деру, но теперь я не мог так поступить. Бежать перед лицом опасности по своей воле и полагаясь на собственную ловкость — это одно дело, а получить, словно евнух, распоряжение покинуть поле боя — совсем другое.

Недолго думая, наш металлический командир отдал приказ строиться. Разброд, царивший в рядах моих товарищей, отнюдь не придал мне уверенности: нерегулярный отряд Гуазахта смотрелся бы по сравнению с ними настоящей гвардией. У двух-трех, как у Сидеро, имелись фузеи, еще у нескольких — каливеры, такие же, какими мы ловили Зака. (Меня позабавило, что

Зак теперь раздобыл именно это оружие.) Горстка других несла пики или копья; большинство же, включая и Гунни, которая стояла чуть поодаль и не смотрела в мою сторону, были вооружены лишь ножами.

И все же они выступали весьма решительно и производили впечатление людей, готовых сражаться, хотя я и знал, что добрая половина из них бросится бежать при первых же выстрелах. Поискав глазами, я нашел себе место чуть ближе к тылу их нестройной колонны, чтобы точнее оценить количество дезертиров. Их, однако, не оказалось: большинство матросов, ставших солдатами, похоже, считали предстоящее сражение приятной переменой в череде однообразной работы.

Как в любой известной мне военной кампании, сражение состоялось не сразу. Целую стражу или даже больше мы шествовали по удивительным внутренностям корабля; один раз мы вышли в обширное, отдававшее эхом помещение — должно быть, пустой трюм, потом остановились на неожиданный и ненужный привал; дважды к нам присоединялись небольшие отряды матросов, которые выглядели людьми или почти людьми.

Тот, кто, подобно мне, когда-то командовал армиями или же принимал участие в крупных сражениях, где целые легионы исчезают, точно солома, брошенная в костер, испытал бы непреодолимое искушение посмотреть на наш поход и незапланированные задержки как на забаву. Я написал «искушение», потому что подобная легкомысленная оценка была бы неверной, то есть ложной по определению. Самая пустячная стычка не является таковой для людей, которым суждено погибнуть в этой стычке, и потому в конечном счете не должна быть обыденной и для нас.

Признаюсь, однако, что я поддался этому искушению, как поддавался многим другим. Я забавлялся и позабавился еще больше, когда Сидеро, очевидно надеясь поставить меня в безопасное место, сформировал арьергард, приказав мне возглавить его.

Отданные мне под начало матросы явно входили в число тех, на кого он меньше всего мог бы положиться, когда наше разномастное войско вступило бы в бой. Из десяти шестеро были женщины, куда более хрупкие и менее мускулистые, чем Гунни. Трое из четырех мужчин оказались низкорослыми и если не старыми, то по меньшей

мере давно уже миновавшими расцвет своих сил; я был четвертым, и только у меня имелось оружие, более внушительное, чем рабочий нож или стальной лом. По приказу Сидеро мы шли — не могу сказать «маршировали» — в десяти чейнах от главного корпуса.

Будь моя воля, я бы возглавил строй своих подчиненных, поскольку считал, что каждый бедняга, желающий дезертировать, имеет на то полное право. Но я не мог: переменчивые цвета и формы, зыбкое освещение корабельных переходов все еще сбивали меня с толку. Я сразу же потерял бы Сидеро и основной отряд. Выбрав меньшее из зол, я поставил самого крепкого на вид моряка перед собой, сказал ему, какое расстояние надо выдерживать, и позволил остальным тянуться за нами, если они захотят. Сам же стал строить догадки, дадут ли нам хотя бы знать, если основные силы встретятся с врагом.

Они разминулись, и мы сразу же об этом узнали.

Взглянув в сторону нашего проводника, я вдруг увидел, как некто, выскочивший невесть откуда, метнул многолезвийный нож и бросился к нам мощными прыжками тилакосмила.

Я не помню боли в обожженной руке, но она,

должно быть, сковала мои движения. Когда я вынул пистолет из кобуры, рыскун уже стоял над телом несчастного матроса. Я не увеличивал мощь заряда, наверно, это сделал Сидеро; поток энергии, ударившей по рыскуну, разорвал его в клочья, и куски расчлененного тела разлетелись, словно искры фейерверка.

Времени ликовать не было; тем более не хватало времени помочь нашему проводнику, который лежал у моих ног, орошая нож-гидру рыскуна своей кровью. Едва я наклонился, чтобы посмотреть на его рану, как еще двое рыскунов появились из прохода. Я выстрелил пять раз подряд так быстро, как только успевал нажимать на курок.

Огненный шар, вырвавшийся из чьего-то контуса или боевого копья, загудел сзади, как гигантская печь, разбрызгивая голубое пламя вдоль переборок, и я, развернувшись, бросился бежать, насколько позволяла мне хромая нога, подгоняя перед собой уцелевших матросов, и не останавливался, пока мы не оказались в полутораста элей от прежнего места. По пути мы слышали, как рыскуны добрались до тыла нашего главного корпуса.

Трое погнались за нами. Я подстрелил преследователей и раздал их оружие — два копья

и алебарду — матросам, которые заявили, что знают, как с ними обращаться. Мы протиснулись мимо дюжины с лишним трупов — и рыскунов, и людей Сидеро.

И тут позади послышался свист мощного ветра, едва не содравшего рваную рубашку с моей спины.

14. КРАЙ ВСЕЛЕННОЙ

Матросы оказались умнее, чем я, сразу надев свои ожерелья. Я же так и не понял, что произошло, пока не увидел их.

Недалеко от нас выстрел из какого-то смертоносного оружия проделал дыру в обшивке коридора, и весь воздух, который был в этой части корабля, устремился наружу, в пустоту. Надев свое ожерелье, я услышал стук закрывающихся огромных дверей и гулкий грохот, похожий на бой боевых барабанов титанов.

Когда я схватился наконец за ожерелье, отток воздуха уже почти прекратился, хотя я еще слышал его свист и видел бешеные смерчи пыли, взметавшиеся вверх, как праздничные ракеты. Теперь вокруг меня плясал только легкий ветерок.

Осторожно пробираясь вперед, — ибо в любой момент можно было наткнуться на новых рыскунов, — мы нашли зияющую брешь. Здесь, подумалось мне, как нигде, я смогу разобраться в строении корабля и узнать что-нибудь о его устройстве. Однако ничего у меня не вышло.

Сломанное дерево, искореженный металл и разбитый камень торчали тут вперемешку с материалами, неизвестными на Урсе, твердыми и гладкими, как слоновая кость или агат, но совершенно невообразимых цветов или же вовсе бесцветными. Другие напоминали полотно, хлопок или грубую шерсть неведомых животных.

За этой разрушенной слоистой оболочкой ждали молчаливые звезды.

Мы потеряли связь с основным отрядом, но было ясно, что брешь в обшивке корабля нужно заделать как можно скорее. Я дал знак восьмерым уцелевшим из прежнего арьергарда следовать за мной, надеясь, что, выбравшись на палубу, мы найдем там матросов из команды за починкой.

На Урсе мы не смогли бы пробраться сквозь пробитые этажи; здесь это было легко. Требовалось лишь осторожно прыгать, хватаясь за какой-нибудь гнутый металлический прут или стойку, и прыгать снова — покрывая по этажу с каждым прыжком, что в любом другом месте показалось бы безумием.

Мы выбрались на палубу, но поначалу — без видимых результатов; она была столь же безлюдна, как ледяная равнина, которую я некогда обозревал из самых верхних окон Последней

Обители. Через нее тянулись огромные тросы; некоторые из них вздымались словно колонны, еще удерживая далеко наверху обломок мачты.

Одна из женщин подняла руку и указала на другую мачту, в нескольких лигах от нас. Я проследил глазами, но сперва не заметил ничего, кроме чудовищного сплетения парусов, ярдов и линей. Затем я увидел слабую фиолетовую вспышку, исчезающую среди звезд, и, с другой мачты, ответную вспышку.

Потом произошло нечто столь странное, что какое-то время я не верил своим глазам, гадая, не грежу ли я наяву. Мельчайшая серебряная крапинка в нескольких лигах над нашими головами, казалось, начала приближаться и очень медленно расти. Я, несомненно, наблюдал падение; но предмет падал вне атмосферы, не подвластный колебаниям воздуха, и под влиянием притяжения столь слабого, что его падение оборачивалось не более чем плавным спуском вниз.

До того я вел своих матросов. Теперь они увлекали меня за собой, забравшись на снасти обеих мачт, пока я стоял, очарованный этим невероятным серебряным пятном. Через мгновение я остался один и смотрел, как люди моей бывшей команды, словно стрелы, разлетаются от троса

к тросу, время от времени постреливая из своих ружей. Я же по-прежнему стоял в нерешительности.

Одна мачта, подумал я, наверняка захвачена мутистами, другая — экипажем. Подняться не на ту мачту означает гибель.

Новая серебряная крапинка последовала за предыдущей.

Обрыв одного паруса мог быть случайным, но обрыв двух подряд — только намеренным вредительством. Если уничтожить определенное число мачт и парусов, корабль никогда не доберется до места назначения, а желать этого могла только одна сторона. Я прыгнул к снастям той мачты, с которой опадали паруса.

Я уже писал, что палуба напоминала ледяную равнину мастера Эша. Теперь, в полете, я разглядел ее лучше. Воздух все еще вырывался из дыры, где раньше возвышалась мачта; извергаясь из чрева корабля, он становился видимым гигантским призраком, сверкающим миллионами огоньков. Эти огоньки опадали, медленно летели вниз словно снег, — хотя не медленнее, чем падал бы человек, — покрывая мощную палубу белым блестящим слоем инея.

И снова я стоял у окна мастера Эша и слышал

его голос: «То, что ты видишь, — последнее оледенение. Сейчас поверхность солнца тусклая, но скоро вспыхнет ярким пламенем. Правда, само солнце сожмется, отдавая меньше энергии окружающим мирам. В конечном счете, если представить, что кто-то придет и встанет на льду, он увидит только очередную яркую звезду. Лед, на котором он будет стоять, — не тот, что ты видишь перед собой, а будущая атмосфера этого мира. И так будет продолжаться в течение очень долгого времени. Возможно, вплоть до заката дня вселенной».

Мне показалось, что он снова рядом. Даже когда близость снастей заставила меня очнуться, мне чудилось, что он летит бок о бок со мной и слова его отдаются в моих ушах. Он пропал в то утро, когда мы вышли по ущелью к Орифии и я хотел взять его с собой к Пелерине Маннеа; лишь на корабле я понял, куда он девался.

Понял я также, что выбрал не ту мачту; если корабль потеряется среди звезд, очень мало изменится от того, жив или мертв Северьян, некогда подмастерье палачей, некогда Автарх. Вместо того чтобы подняться по снастям, добравшись до них, я развернулся и прыгнул снова, теперь на мачту, которую удерживали рыскуны.

Сколько бы раз я ни брался за описание, мне никогда не изобразить ужас и восторг этих прыжков. Ты прыгаешь так же, как на Урсе, но мгновение растягивается здесь на дюжину вдохов, словно ты — мяч, запущенный рукой ребенка; наслаждаясь этим затянувшимся мгновением, ты все время знаешь, что если промахнешься и пролетишь мимо всех линей и перекладин, то непременно погибнешь — как детский мячик, заброшенный в море и затерявшийся навсегда. Я помнил об этом даже тогда, когда перед моими глазами стелилась льдистая равнина. Руки мои все равно были простерты вперед, ноги сведены, и я казался себе не столько мячиком, сколько волшебным ныряльщиком из какой-то старой сказки, который нырял везде, где заблагорассудится.

Без всякого предупреждения передо мной появился новый трос, в том месте между мачтами, где не должно было быть никакого троса, — трос огненный. Его перечеркнул другой, и еще один; все они тут же исчезли, когда я пронесся через участок пустоты, где они протянулись. Значит, рыскуны узнали меня и открыли со своей мачты огонь.

Вряд ли разумно предоставлять врагу случай просто попрактиковаться в стрельбе по мишени.

Я выдернул пистолет из кобуры и нацелился в точку, откуда вылетела последняя молния.

Много раньше я рассказывал, как напугал меня слабый разряд, вырвавшийся из ствола моего пистолета, когда я стоял в темном коридоре, а у моих ног лежало тело стюарда. Сейчас я испугался снова, потому что, нажав на курок, не увидел никакой искры.

И фиолетовый разряд энергии не вылетел из ствола мгновением позже. Если бы я был так умен, как иногда говорю о себе, я бы, наверно, выбросил пистолет. Сейчас же я просто сунул его обратно в кобуру по привычке и едва успел заметить огненную молнию, которая прошла совсем рядом со мной.

Потом времени на стрельбу ни у меня, ни у врагов не осталось. По обе стороны замелькали тросы снастей, и, поскольку я не забрался еще слишком далеко от основания мачт, они походили на стволы огромных деревьев. Перед собой я увидел трос, за который должен был зацепиться, а на нем рыскуна, торопившегося упредить меня. Сперва я принял его за такого же человека, как я, хотя и необычайно крупного и сильного, потом — за время гораздо меньшее, чем требуется, чтобы все это записать, — я понял, что это не так, ибо

он каким-то образом цеплялся за трос ногами.

Он протянул ко мне руки, как борец, готовящийся схватиться со своим противником, и длинные когти на этих руках сверкнули в свете звезд.

По-моему, он сообразил, что я непременно должен ухватиться за этот трос или погибнуть, а значит, когда я остановлюсь на нем, он легко прикончит меня. Я не стал ловить трос, а налетел прямо на противника и задержался, вогнав нож в его грудь.

Я сказал, что задержался, но на самом деле едва-едва стоял. Пару мгновений мы покачивались на тросе — он, словно пришвартованная лодка, и я, как другая, привязанная к ней. Кровь, того же темно-красного цвета, что и человеческая, выплеснулась из-под лезвия ножа и повисла шариками, похожими на карбункулы граната, которые, вылетая из его воздушной оболочки, вскипали и тут же замерзали.

Я испугался, что упущу нож. Затем я потянул его к себе, и, как я и рассчитывал, ребра рыскуна оказали моему ножу достаточное сопротивление, чтобы я смог подтянуться и ухватиться за трос. Мне следовало, конечно, сразу подниматься вверх, но я задержался взглянуть на него; я смутно подозревал, что виденные мною когти могли

быть искусственными, как стальные когти магов или луцивей, которыми Агия распорола мне щеку; а если они надеваются на руки, то вполне пригодятся и мне.

Однако когти смотрелись как настоящие. Скорее, подумал я, они — результат искусного вмешательства хирурга еще в детстве бедняги, подобно тому как уродуют детей в некоторых племенах автохтонов. В когти арктотера превратились его пальцы — страшные и бесполезные, не способные держать иное оружие.

Перед тем как отвернуться, я вдруг заметил, что лицо у него совершенно человеческое. Я ударил его ножом, как убивал уже столько раз, не обменявшись и словом. Среди палачей бытовало правило, в соответствии с которым никто не должен был разговаривать с клиентом или выслушивать, что тому удавалось сказать. Одно из моих первых открытий заключалось в том, что все люди по сути палачи; агония человека-медведя убедила меня, что я так и остался палачом. Он был рыскуном, это верно; но кто мог утверждать, что он вступил в союз с ними добровольно? Возможно также, что причин сражаться за рыскунов у него было никак не меньше, чем у меня, когда я вступил в бой за Сидеро и за неведомого мне

капитана. Упершись ногой в его грудь, я напрягся и выдернул свой нож.

Глаза его открылись, и он дико заревел, хотя кровавая пена била фонтаном из его рта. На миг я застыл в удивлении, ошарашенный даже не столько внезапным воскрешением мертвеца, сколько тем, что вновь обрел слух среди бесконечного безмолвия; однако мы соприкасались так тесно, что наши воздушные оболочки объединились и я мог слышать, как кровь хлещет из его раны.

Я ударил его в лицо. По нелепой случайности прямой удар пришелся в толстую лобовую кость черепа; ноги мои не сообщили удару силы, и меня лишь отбросило обратно в пустоту, окружавшую нас.

Он вцепился в меня, царапая когтями руку, и мы, яростно брыкаясь, полетели вместе, а нож висел между нами, сверкая окровавленным заледенелым лезвием в свете звезд. Я попытался схватить нож, но когти моего противника выбили его, закрутив в пустоту.

Тогда, нащупав пальцами вражеское ожерелье из цилиндриков, я сдернул его. Он мог прильнуть ко мне, но, наверно, ему помешали когти. Вместо этого рыскун ударил меня, и я, улетая прочь,

увидел, как он задохнулся и умер.

Весь восторг от победы потонул в угрызениях совести и в уверенности, что и я скоро последую за ним. Я упрекал себя за его смерть со всей той искренностью, которая появляется в душе, когда смертельная опасность уже не может подвергнуть ее испытанию; и я не сомневался в своей скорой смерти, поскольку, судя по траектории моего полета и углам, под которыми стояли мачты, было ясно, что я не подлечу ни к одной из снастей ближе, чем находился теперь. Я не имел ни малейшего понятия о том, как долго останется пригодным для дыхания воздух, удерживаемый вокруг меня ожерельями: стражу или чуть больше. У меня был двойной запас ожерелий — значит, где-то на три стражи. По истечении этого срока меня ждет медленная смерть, я начну делать вдохи все чаще и чаще — тем чаще, чем больше жизненной материи в моем воздухе будет замыкаться в той форме, которой могут дышать только цветы и деревья.

Тут я вдруг вспомнил, как выбрасывал в пустоту свинцовый ящик, где схоронил свою рукопись, и это спасло меня; я стал соображать, что могу выбросить на этот раз. Снять ожерелье означало погибнуть. Я подумал о сапогах, но сапоги я уже

принес в жертву, когда впервые в жизни стоял на краю всепоглощающего моря. Я бросил останки «Терминус Эст» в озеро Диутурна; это напомнило мне об охотничьем ноже, который сослужил мне такую дурную службу. Но и ножа у меня уже не было.

Оставался пояс, ножны черной кожи на нем с девятью хризосами в маленьком отделении и разряженный пистолет в кобуре. Я переложил хризосы в карман, снял пояс, пистолет и кобуру, прошептал молитву и швырнул их прочь.

Я сразу же начал двигаться быстрее, но вовсе не в сторону палубы или каких-либо снастей, как надеялся. Я уже поравнялся с клотиками обеих мачт. Взглянув на быстро удаляющуюся палубу, я увидел одинокую фиолетовую вспышку между мачтами. Больше их не было, вокруг меня простиралась лишь грозная молчаливая пустота.

Вскоре с той настойчивостью, с какой наш разум стремится улизнуть от любых мыслей о смерти, я принялся размышлять, почему стрельба прекратилась, когда я пролетел от мачты к мачте, и отчего никто не стреляет в меня сейчас.

Но стоило мне подняться над топселем последней кормовой мачты, и я сразу же забыл все эти загадки.

Из-за самого верхнего паруса, подобно тому как Новое Солнце Урса когда-нибудь, возможно, взойдет над Стеной Нессуса (но куда более величественное и гораздо прекраснее, чем даже Новое Солнце, ибо тот самый малый верхний парус был целым континентом серебра, по сравнению с которым могучая Стена Нессуса, что имеет не одну лигу в высоту и несколько сотен в длину, показалась бы покосившейся оградой овчарни), вставало солнце, которого не увидит никто из ступающих по травам, — рождение новой вселенной, первоначальный взрыв, вобравший все солнца, ибо из этого взрыва происходят все солнца, первое солнце, прародитель всех солнц. Как долго я смотрел на него, охваченный священным трепетом, не могу сказать; но когда я снова взглянул на мачты внизу, они и весь корабль показались удивительно далекими.

А потом я и впрямь поразился, ибо вспомнил, что, когда наша маленькая команда добралась до дыры в обшивке палубы и выглянула наружу, я отчетливо видел на этом месте звезды.

Я повернул голову и посмотрел в другую сторону. Там еще роились звездочки, но мне почудилось, что они образуют в небе гигантский диск со старыми зазубренными краями. С тех пор

я много раз размышлял над зрелищем, явившимся мне здесь, на берегу всепоглощающего моря. Говорят, вселенная столь велика, что никто не может обозреть ее такой, какая она есть, но лишь такой, какой она была. Так и я в бытность мою Автархом никогда не знал текущего положения в нашем Содружестве, а лишь то, каким оно было, когда писались читаемые мною отчеты. Если сие утверждение верно, то не исключено, что звезд, представших моему взору, уже давно нет — следовательно, отчет моих глаз немногим отличался от донесений, которые я нашел, отперев в Башне Величия покои, принадлежавшие некогда древним Автархам.

Посреди этого звездного диска, как показалось мне сперва, светилась одинокая голубая звезда, ярче и крупнее всех остальных. Она росла, пока я смотрел на нее, и скоро я понял, что она не может быть так далеко, как мне представлялось. Корабль, несомый светом, обгонял свет, так же как и корабли в неспокойных морях Урса, несомые ветром, порой обгоняют ветер, заходя в крутой бейдевинд. Пусть так, но эта голубая звезда явно была ближе остальных; и окажись она звездой любого рода, мы были обречены, ибо держали курс прямиком в ее центр.

Она все росла и росла, и поперек ее постепенно рассекла извилистая черная линия, линия, похожая на коготь — Коготь Миротворца, каким он явился, когда я впервые увидел его, вынув из своей ташки, и мы с Доркас подняли его к ночному небу, пораженные его голубым свечением.

Хотя голубая звезда и увеличивалась, как я сказал, черная линия разрасталась быстрее, пока почти полностью не закрыла голубой диск (к тому времени она уже представляла собой диск). Наконец я разглядел, что это было — одинокий трос, все еще державший мачту, которую мутисты вырвали с корнем из нашего корабля. Я поймал его, и оттуда, словно впередсмотрящий, увидел, как наша вселенная, зовущаяся Брия, удаляется и исчезает, тая точно сон.

15. ЙЕСОД

По всей логике, я должен был спуститься по спасительному тросу на корабль, но не сделал этого. Я поймал его не очень далеко от корабля, а кливера закрывали мне обзор; и я, сочтя себя то ли неуязвимым, то ли уже обреченным (не могу сейчас сказать точно), пробрался вместо этого на дальний конец троса и дальше, на самый конец перекладины, к которой он крепился, там устроился поудобней и стал наблюдать.

То, что я увидел, в сущности невозможно описать, хотя я и попытаюсь это сделать. Голубая звезда превратилась уже в диск чистейшей лазури. Я сказал, что она находилась не так далеко, как призрачные звезды. Но на самом деле она просто была, а их не было; кто мог сказать, что из них дальше? Чем дольше я смотрел на нее, тем больше убеждался в их иллюзорности — они не только не присутствовали там, где казались, но и вовсе не существовали и, следовательно, являлись не просто миражами, а, как и большинство миражей, обманом. Голубой диск все ширился передо мной, пока наконец я не увидел, что он по-

дернут хлопьями облаков. Тогда я рассмеялся про себя и, еще смеясь, вдруг понял опасность, грозившую мне, осознал, что могу погибнуть в любой момент из-за своего ребячества. Но на некоторое время я задержался на прежнем месте.

Мы вплывали в самый центр того диска, и на краткий миг призрачные звезды образовали вокруг нашего корабля ослепительно белое кольцо — Венец Брии.

Потом мы прошли сквозь него и, казалось, повисли в лазоревом свете; за нами, там, где я разглядел чуть раньше лучистую корону юных солнц, теперь виднелась наша вселенная. В небе Йесода она смотрелась белоснежной луной, луной, которая скоро превратилась в одинокую звезду, а потом исчезла вовсе.

Если ты, когда-нибудь прочитавший эти строки, еще сохранил ко мне хоть какое-то уважение, несмотря на многочисленные глупости, уже совершенные мной, то сейчас ты непременно в досаде отвернешься от меня, ибо я расскажу о том, как повел себя точно дитя, напуганное тыквой с вырезанными глазницами. Когда мы с Ионой направлялись в Обитель Абсолюта, на нас напали ночницы Гефора — зеркальные существа, порхавшие, словно клочки сгоревшего

пергамента из печной трубы, но при всей своей бестелесности способные убивать. И теперь мне, наблюдавшему, как исчезает Брия, почудилось, будто я снова узрел те создания, но серебряные, а не цвета сажи, какими были Гефоровы ночницы.

Ужас охватил меня, и я попытался спрятаться за реем. Спустя мгновение я понял, что это (как ты, читатель, наверное, давно уже догадался) всего лишь обрывки паутины снастей с порушенной мачты, подхваченные безумным ветром. Выходит, что вокруг был воздух, пусть разреженный, но не пустота! Я посмотрел на корабль и увидел поверхность палубы как на ладони. Все паруса исчезли, десять тысяч мачт и сто тысяч перекладин стояли, словно облетевший зимний лес.

До чего странно находиться в подвешенном состоянии, дышать собственной, изрядно подпорченной атмосферой и знать о существовании, но ничуть не чувствовать могучей бури, бушующей вокруг! Я снял с шеи оба ожерелья, и меня тут же едва не сорвало с моего насеста, а уши заполнил рев урагана.

И я глотнул этого воздуха! Любые слова прозвучат лживо, кроме тех, что это был воздух Йесода, ледяной и облагороженный жизнью. Никогда до тех пор я не пробовал подобного воздуха, но он

показался мне хорошо знакомым.

Ветер содрал с меня рваную рубашку и понес ее, развевая, вместе с обрывками сорванных парусов; и в тот же миг я узнал его. Вечером, когда я отправился из Старой Цитадели в свое изгнание, я шел по Бечевнику, глядя на шхуны и караки, усеявшие широкий речной тракт Гьолла, и ветер, развевавший гильдейский плащ за моей спиной, рассказывал мне о севере; сейчас дул тот же ветер, громко читая повесть новых лет и распевая все песни нового мира.

Теперь куда? Под нашим кораблем я не видел ничего, кроме лазурной чаши и дымчатых полос, какие я наблюдал, когда мы еще находились в старой и захламленной вселенной, предшественнице этой. Через пару мгновений (ибо оставаться в бездействии на этом воздухе было равносильно гибели) я отбросил смутившую меня мысль и начал спускаться к кораблю.

И тогда я увидел его — не внизу, куда я смотрел, а над головой — огромная мощная дуга, протянувшаяся от края до края окоема, и белое облако, отделявшее нас от мира, испещренного голубым и зеленым, словно яйцо лесной птицы.

И я узрел еще более необычное явление — наступление Ночи на этот новый мир. Как братья

нашей гильдии, она носила плащ цвета сажи и на моих глазах накрывала им весь дивный мир; и я вспомнил, что она приходилась матерью Ноктуа в сказке из коричневой книги, которую я когда-то читал Ионе; зловещие волки резвились у ее ног точно щенки, а она не заслоняла Венеру и даже Сириус; и я дивился, что заставляет корабль лететь, обгоняя ночь, если его паруса убраны и свет не может подгонять его вперед.

В воздухе Урса корабли иеродулов плавали где хотели, и даже судно, доставившее меня (а вместе со мною Идас и Пурна, хоть я и не знал об этом) на борт корабля, сначала пользовалось иным способом передвижения. Наш корабль явно обладал и другими двигательными силами, но мне казалось, что капитан выбрал самую необъяснимую. Спускаясь, я думал об этом и обнаружил, что предаваться размышлениям гораздо легче, чем прийти к какому-нибудь выводу.

Я еще не добрался до палубы, а корабль уже погрузился во тьму. Ветер дул непрестанно, словно нарочно силясь снести меня прочь. По моим представлениям, мне пора было почувствовать притяжение Йесода, но лишь палуба слабо притягивала меня к себе, как раньше, в пустоте. Наконец моя глупость сподвигла меня

на короткий прыжок. Ураганное дыхание Йесода подхватило меня словно осенний листок, и прыжок швырнул меня на палубу, закрутив точно гимнаста; повезло еще, что я не разбился о мачту.

Ошеломленный и контуженный, я стал карабкаться по палубе в поисках люка. Не найдя его, я решил ждать наступления дня; и день тут же наступил, внезапно, как трубный глас. Солнце Йесода имело цвет чистейшего золота, раскаленного добела, и оно поднималось над горизонтом, резко очерченное, как кромка круглого щита.

На мгновение мне показалось, что я слышу голоса гандхарвов[1], поющих перед троном Панкреатора. Потом вдалеке на носу корабля (мои блуждания в поисках люка завели меня почти на самый бушприт) я увидел раскинутые крылья гигантской птицы. Мы мчались прямо на нее словно лавина, но она заметила нас и одним взмахом могучих крыльев поднялась выше, не прервав своей песни. Крылья ее были белы, грудь — будто иней; и если жаворонка Урса можно сравнить с флейтой, то голос птицы с Йесода уподоблялся целому оркестру: казалось, у нее

---

[1] Примечания: 1
гандхарвы — класс полубогов в древнеиндийской мифологии

множество голосов, поющих слаженно, одни — высокие и щемяще-сладостные, другие — глубже любых басов и мощнее барабанов.

Как ни сковывал холод, — а я уже почти закоченел, — я по собственному почину остановился, чтобы послушать ее; а когда лес мачт закрыл эту птицу и я не мог больше ни видеть, ни слышать ее, я поискал глазами других птиц.

Их не было, но небо не пустовало. Корабль незнакомого мне типа парил впереди, раскинув крылья намного большие, чем крылья птицы, тонкие, словно лезвие меча. Мы прошли под ним, как под птицей; и тогда корабль сложил свои огромные крылья и ринулся вниз так резко, что на миг мне показалось, будто сейчас он врежется в палубу и разобьется, ведь размерами он тысячекратно уступал нашему кораблю.

Он пронесся над верхушками мачт, точно дротик над копьями армии, снова опередил нас, сел на наш бушприт и залег там, словно пардус на тонкой гибкой ветви, поджидающий лань или греющийся на солнце.

Я ждал, когда появится экипаж этого судна, но никто так и не вышел. Спустя мгновение мне уже казалось, что оно держится за наш корабль куда крепче, чем я предположил сперва; а еще через

миг я с изумлением подумал, что ошибся, приняв его за корабль, будто никогда оно не проносилось над лесом наших мачт. Скорее оно обернулось частью нашего корабля, того, на котором, по-моему, я плыл слишком долго, — странным утолщением в виде клюва на бушприте, а крылья его — не более чем особые скобы, удерживавшие судно на месте.

Вскоре я вспомнил, что когда Старого Автарха доставили на Йесод, за ним прислали точно такой же кораблик. Торжествуя, я побежал по палубе в поисках люка; и до чего же славно было передвигаться по холоду в этом воздухе, хотя каждый шаг нестерпимо ранил мне ноги. Наконец я прыгнул, и ветер, как я и рассчитывал, снова подхватил меня и понес над простором палубы, пока я не схватился за бакштаг, чуть не вывернув руки из суставов.

Этого оказалось достаточно. В своем безумном полете я увидел дыру, через которую моя маленькая команда выбралась на палубу. Я подбежал к ней и нырнул в знакомое тепло и перемещающиеся блики света внутренностей корабля.

Вечно неразборчивый голос, который тем не менее всегда можно было понять, гремел во всех коридорах, вызывая эпитома Урса; и я бросился

стремглав, радуясь теплу и даже здесь ощущая чистый воздух Йесода, будучи уверенным в том, что настал или близится уже час моего испытания.

Отряды матросов обыскивали корабль, но долгое время мне не удавалось встретиться с ними, хотя я и слышал их речь, а иногда мне даже случалось мельком увидеть кого-нибудь из них. Наконец, открыв какую-то темную дверь, я вышел на решетчатую площадку и в туманном свечении, лившемся откуда-то сверху, разглядел огромное помещение, заваленное всяческим хламом и механизмами, где бумаги лежали, как грязный снег, а в низинах стояла, словно вода, духовитая пыль. Если это было не то самое место, откуда Сидеро сбросил меня вниз, то оно по крайней мере очень походило на него.

В мою сторону двигалась небольшая процессия, и через несколько мгновений я понял, что процессия эта — триумфальная. Многие матросы несли светильники, и их лучи разрезали сумрак, рисуя фантастические узоры; некоторые плясали и подпрыгивали от радости, другие затянули песню:

Веселись, зануда-старпом!
Мы оставим дела на потом!
Сдуру каждый из нас документ подписал,

Чтоб отправиться в рейс прямиком в небеса.

На громаде такой не истлеть парусам!

Нам вовек не вернуться домой!

И так далее.

Не все, однако, в этой процессии были матросами. Я разглядел нескольких созданий из блестящего металла, а немного спустя заметил и самого Сидеро, узнать которого не составляло труда, поскольку руку ему так и не починили.

Чуть поодаль шествовала незнакомая мне троица — мужчина и две женщины в плащах; а перед ними, возглавляя, очевидно, колонну, брел обнаженный мужчина, ростом выше всех, опустив голову и завесив лицо красивыми длинными волосами. Сперва я решил, что он погрузился в глубокое раздумье, сцепив руки за спиной — сам я часто хаживал так, размышляя о многочисленных невзгодах нашего Содружества; потом я вдруг увидел, что запястья его связаны.

16. ЭПИТОМ

Наученный уже кое-каким опытом, я спрыгнул с платформы и после долгого, медленного падения, скорее приятного, чем наоборот, упредил процессию на полпути.

Пленник даже не поднял глаз. Я не мог как следует разглядеть его лицо, но увидел достаточно, чтобы убедиться, что я не встречал его раньше. По самым скромным расчетам, он не уступал в росте экзультанту, а при ближайшем рассмотрении оказался на голову выше любого из них. Плечи и грудная клетка его были превосходно развиты, равно как и руки, судя по тому, что я мог видеть. Он шагал, и под ослепительно белоснежной кожей мощные мускулы переливались как анаконды. В золотых его волосах не было ни следа седины; и по этому, а также по статности его фигуры я заключил, что ему не больше двадцати пяти, а вероятно, и меньше.

Процессия приблизилась, и я шагнул в сторону; но лишь матросы обратили на меня хоть какое-то внимание. Несколько (я, правда, никого не узнал) махнули мне рукой, приглашая присоединиться

к ним; лица у них были, как у подгулявших молодцов, которые в избытке радости приглашают всех встречных разделить с ними веселье.

Я поспешил прочь и сам не заметил, как Пурн схватил меня за руку. Холодная волна страха пробежала по моей спине — он был так близко, что мог уже дважды пырнуть меня ножом, — но на его лице читалось лишь радушие. Он выкрикнул фразу, которую я не разобрал, и хлопнул меня по спине. В то же мгновение Гунни, оттолкнув его в сторону, поцеловала меня так же звучно, как при первой нашей встрече.

— Ах ты, гнусный обманщик! — воскликнула она и вновь прильнула к моим губам, уже не так грубо и в гораздо более долгом поцелуе.

В этаком гаме бессмысленно пускаться в расспросы; да, по правде говоря, если они хотели помириться со мной, то я, который не обзавелся на борту друзьями, кроме Сидеро, был более чем рад такой перемене.

Наша процессия миновала ворота трюма и потянулась по длинному, уходящему вниз коридору. Этот коридор вывел нас в ту часть корабля, которая оказалась не похожа ни на что из виденного мною раньше. Стены ее отличались иллюзорностью, но не в силу своей призрачной

природы, а потому, что они каким-то образом уподоблялись тончайшей бумаге, и казалось, будто они могут вспыхнуть и сгореть в одно мгновение; мне вспомнились мишурные балаганы и шатры на ярмарке в Сальтусе, где я убил Морвенну и встретился с зеленым человеком. Некоторое время я стоял посреди всей этой суеты, силясь понять ее происхождение.

Одна из облаченных в плащи женщин взобралась на сиденье и хлопнула в ладоши, призвав к тишине. Веселье моряков не было подогрето вином, и потому скоро она добилась своего, а мое недоумение разрешилось. Сквозь тонкие стены я уловил, хоть и приглушенно, рев ледяного ветра Йесода. Несомненно, я подсознательно слышал его и прежде.

— Дорогие друзья! — начала женщина. — Благодарим вас за приветствие, за помощь и за всю ту доброту, которую вы проявили к нам на борту вашего судна.

Многие матросы ответили ей, одни — добродушно и снисходительно, другие — с той грубоватой вежливостью, после которой такими фальшивыми кажутся изысканные манеры придворных.

— Как я знаю, многие из вас — с Урса. Было бы,

наверно, полезно определить, сколько именно. Не могли бы вы поднять руки? Пожалуйста, пусть те, кто родились на планете Урс, поднимут руку!

Руку подняли почти все присутствующие.

— Вы знаете, что мы осудили народы Урса, и знаете, за что. Теперь они сочли, что заслужили наше прощение и получили шанс занять то место, которое принадлежало им в прошлом…

Матросы зашумели и засвистели, в том числе и Пурн, но не Гунни, как я заметил…

— И они прислали своего эпитома, который должен действовать от их имени. То, что он утратил присутствие духа и скрывался от нас, не должно быть зачтено против него или против них. Скорее мы полагаем, что чувство вины его мира, проявленное таким образом, можно засчитать в его пользу. Как вы видите, мы собираемся доставить его на Йесод для судебного разбирательства. Как он будет представлять Урс на скамье подсудимых, так кто-то должен представлять его и в зале суда. Никто не обязан идти с нами, но капитан дал нам разрешение взять с собой тех из вас, кто пожелает. Они вернутся на корабль перед отплытием в следующий рейс. Те, кто не отправляется с нами, пусть отойдут.

Несколько матросов выскользнули из-за спин

своих товарищей.

— Мы просим также тех, кто не рожден на Урсе, покинуть нас.

Ушли еще несколько человек. Многих из оставшихся я не рискнул бы назвать людьми.

— Все остальные отправляются с нами?

Раздался хор утвердительных возгласов.

— Подождите! — крикнул я и попытался протолкаться вперед, где меня смогли бы услышать. — Если…

И тут одновременно произошло три события: Гунни зажала мне рот рукой, Пурн закрутил мне руки за спину и то, что я считал одним из помещений нашего корабля, вдруг ушло у меня из-под ног.

Комната завалилась набок, сбив матросов и нас в одну яростно копошащуюся кучу, и падение это было ничуть не похоже на прыжки, которые я проделывал среди снастей. Притяжение планеты мгновенно завладело нами; и хотя я не думаю, что оно было так же велико, как притяжение Урса, после стольких дней, проведенных в слабом тяготении корабля, оно показалось очень сильным.

Ужасный ветер завыл по ту сторону переборок, и в мгновение ока самих переборок не стало. Что-то неведомое удерживало этот ветер. Что-то

не давало нам упасть с миниатюрного флайера, как жукам с перевернутой скамейки, — но мы оказались посреди неба Йесода, и под нашими ногами был только тонкий пол.

Этот пол метался и брыкался, как боевой конь в пылу яростного сражения. Ни один тераторнис не скользил по склону воздушной горы так быстро, как мы сейчас, и у подножия этой горы мы взмыли вверх словно ракета, вращаясь в полете наподобие стрелы.

Еще мгновение, и мы точно ласточки заскользили между мачт корабля и уж совсем как ласточки ринулись вперед и понеслись мимо мачт, рей и шкотов.

Многие матросы попадали или опустились на колени, и поэтому я смог разглядеть троих йесодиан, которые привели нас на кораблик, а также впервые взглянул внимательно в лицо пленника. Их лица были спокойны, они даже чуть улыбались; его же лицо озарялось самой непоколебимой храбростью. Я знал, что на моей физиономии написан только страх, и чувствовал себя почти так же скверно, как в тот раз, когда асцианские пентадактили закружились над шиавони Гуазахта. Я чувствовал и кое-что еще, о чем не премину рассказать ниже.

Те, кто никогда не воевал, считают, что дезертир, бегущий с поля боя, терзается стыдом. Это не так, иначе он не дезертировал бы; за редким исключением, сражения устраивают трусы, которые боятся бежать. Именно так было и со мной. Стыдясь обнаружить свой страх перед Пурном и Гунни, я напустил на себя мину, которая, однако, напоминала настоящее проявление решимости не более, чем посмертная маска старого друга напоминает о его улыбке. Потом я помог подняться Гунни, пробормотав нечто нечленораздельное и выразив таким образом надежду, что она не ушиблась.

— Все досталось тому бедняге, на которого я упала! — ответила Гунни, и я сообразил, что она стыдится так же, как и я, но вслед за мной решила держаться твердо, несмотря на заметную дрожь в коленях.

В это время флайер поднялся над мачтами, выровнялся и расправил крылья. Мы чувствовали себя так, будто стоим на спине гигантской птицы.

Женщина, говорившая с нами, произнесла:

— Теперь вам будет что рассказать своим товарищам, когда вы вернетесь на корабль. Бояться нечего. Неожиданностей больше не будет, а

упасть отсюда невозможно.

— Я знала, что ты хочешь сказать ей; но разве ты не видишь, что они уже нашли настоящего? — прошептала Гунни.

— Я именно тот, кого ты называешь настоящим, — ответил я, — и я не понимаю, что происходит. Неужели я не говорил тебе? Нет, не говорил. Во мне хранится память моих предшественников, и можно сказать, что я — это мои предшественники настолько же, насколько я лично. Старый Автарх, передавший мне свой трон, летал на Йесод. Летал точно так же, как я, или так же, как мне предстояло.

Гунни покачала головой — я увидел, что она жалеет меня.

— По-твоему, ты все это помнишь?

— Я действительно это помню. Помню каждый миг его путешествия; чувствую боль от ножа, что лишил его мужества. С ним все было иначе: он сошел с корабля и был встречен с должными почестями. На Йесоде его долго испытывали и наконец признали, что он не прошел испытания.

Я смотрел туда, где стояли женщина и ее спутники, надеясь привлечь их внимание. Пурн снова оказался рядом.

— Так ты по-прежнему настаиваешь, что ты

— настоящий Автарх?

— Я был им, — ответил я. — И я на самом деле добуду Новое Солнце, если смогу. Ты убьешь меня за это?

— Не здесь, — сказал он. — А может быть, и не убью вовсе. Я человек простой. Я тебе поверил. Только когда поймали настоящего, я понял, что ты меня надул. Или что у тебя мозги не в порядке. Я никогда никого не убивал и не хочу убивать человека только за его болтовню. Еще хуже — убить того, у кого проблемы с головой. Это уж совсем никуда не годится. — Он обращался к Гунни, словно меня и не было рядом. — Думаешь, он во все это верит?

— Уверена, — ответила она. И, помолчав, добавила: — А может статься, так оно и есть. Послушай, Северьян, я уже давно тут, на борту. Это мой второй рейс к Йесоду, а значит, я была в команде, когда везли твоего старого Автарха, хотя я и не видела его, и не сходила с корабля — это произошло уже потом. Ты знаешь, что корабль входит во время и выходит из времени словно иголка? Неужели ты до сих пор не понял?

— Да уже начинаю понимать, — сказал я.

— Так вот, я тебя спрашиваю: а что, если мы везем двух Автархов? Тебя и кого-нибудь из твоих

потомков? Предположим, ты вернешься на Урс. Ведь рано или поздно тебе придется выбрать преемника. Почему бы этому парню не быть одним из них? Или тем, кого выбрал он? Так зачем тебе самому подвергаться испытанию и терять потом то, чего ты не хотел бы потерять, если все уже позади?

— Хочешь сказать, что бы я ни сделал, это не сможет повлиять на будущее?

— Нет, если будущее уже перед тобой, на этой шлюпке.

Мы разговаривали так, будто других матросов вокруг нас не было, а поступать так небезопасно — всегда приходится рассчитывать на молчаливое согласие тех, кого ты не замечаешь. Один из матросов, на которого я до того не обращал внимания, схватил меня за плечо и притянул к себе, чтобы я мог лучше видеть через прозрачные борта шлюпки.

— Смотри! — воскликнул он. — Ты только глянь туда!

Но несколько мгновений я смотрел именно на него, вдруг осознав, что он, в сущности, никто для меня, для себя самого является всем на свете, а я для него — лишь статист, почти пустое место, средство умножения собственной радости.

Я взглянул туда, куда он указывал, ибо проигнорировать его призыв показалось мне своего рода предательством, и увидел, что мы поворачиваем, замедляя полет, закладывая широчайший круг над морем, над островом в безбрежном просторе голубой сверкающей воды. Очевидно, остров представлял собой вершину горы, поднимающуюся из волн и обряженную зеленью садов и белизной мрамора, а вокруг него мерцало ожерелье маленьких лодочек.

Ничто так не впечатляло меня прежде, как Стена Нессуса или Башня Величия. Но по-своему этот остров производил куда более грандиозное впечатление, ибо все в нем без исключения было прекрасно и радость при виде него вздымалась выше Стены, устремляясь к грозовым тучам.

Глядя на остров и на тупые грубые лица мужчин и женщин вокруг меня, я подумал, что есть еще нечто, чего я не видел. В памяти моей встал образ, присланный одной из тех теней, что стоят за старым Автархом, одним из тех предшественников, которых я не различаю отчетливо, а часто не вижу вовсе. То было видение прекрасной девы, одетой в многоцветные шелка и усыпанной жемчугами. Она пела на улицах Нессуса и засиживалась у его фонтанов до наступления ночи.

Никто не смел тронуть ее, ибо, хотя защитник ее оставался незрим, тень его лежала вокруг, оберегая ее от осквернения.

17. ОСТРОВ

Если я скажу тебе, рожденному на Урсе и дышавшему всю жизнь лишь его воздухом, что флайер опустился прямо на воду, как гигантская водяная птица, ты представишь себе неуклюжий всплеск и брызги. Все обернулось совсем иначе; просто на Йесоде, как я успел разглядеть сквозь прозрачные стены флайера через миг-другой после нашего приводнения, водоплавающие птицы ныряли в волны так грациозно и изящно, что могло показаться, будто вода для них — всего лишь чуть более прохладный воздух, словно для тех маленьких птичек, которые обитают у водопадов, ныряя в струи и выхватывая оттуда рыбешек; они чувствуют себя там столь же уютно, как обычная птица в густых зарослях кустарника.

Так и мы опустились в море и сложили огромные крылья, едва коснувшись его поверхности, грациозно покачиваясь, точно и не прерывали полета. Многие моряки стали обмениваться впечатлениями; может быть, и Гунни или Пурн заговорили бы со мной, если бы я предоставил им такую возможность. Но я молчал, поскольку

хотел впитать в себя все увиденные чудеса, а еще из-за собственной уверенности, что не смогу заговорить, не ощутив настойчивой потребности открыть охранявшим пленника, кто должен быть на его месте.

Поэтому я глядел сквозь борта (если я правильно понимал) флайера и вдыхал ветер, славный ветер Йесода, несущий чистоту и свежесть его несоленого моря и благоухание его прославленных садов, дарующих жизнь; и я вдруг обнаружил, что невидимые ранее стены стали теперь неосязаемыми — мы словно стояли на узком плоту, а крылья флайера смыкались над нами точно полог. Воистину здесь было на что посмотреть.

Как и следовало ожидать, одна женщина из нашей команды столкнула свою подружку в воду; другие сразу же вытащили ее на длинную палубу; и хотя она громко жаловалась на холод, вода была вовсе не такой ледяной, чтобы повредить ей, как я убедился, нагнувшись и окунув в воду руки.

Я сложил ладони лодочкой, набрал воды столько, сколько смог зачерпнуть, и выпил ее, воду Йесода; и хотя она была холодной, я только обрадовался, когда немного воды пролилось мне на грудь. Я вспомнил старинную сказку из коричневой книги, которую носил когда-то в память о

Текле. В сказке говорилось про одного человека, который, заблудившись однажды ночью в глуши, встретил танцующих людей и присоединился к ним; когда пляски закончились, он пошел с ними и умыл лицо в источнике, невидимом при свете дня, и испил той воды. Его жена, по совету какой-то ведуньи, пошла через год, день в день, на то же место и услышала странную музыку, топот танцующих ног и пение мужа, но никого не увидела. Старая ведунья сказала ей, что ее муж испил воды другого мира, омылся ею и теперь никогда не вернется домой.

Так оно и вышло.

Я держался чуть в стороне от матросов, когда мы двинулись по белой улице, что вела от гавани к зданию на вершине горы, подойдя к троице в плащах и их пленнику ближе, чем осмеливались остальные. Но и мне самому не хватило смелости сказать им, кто я, хоть я и порывался по меньшей мере сотню раз. Наконец я раскрыл рот, но спросил только, состоится ли суд сегодня или завтра.

Женщина, разговаривавшая с нами, посмотрела на меня и улыбнулась.

— Тебе так не терпится насладиться видом его крови? — спросила она. — Придется потерпеть. Иерограммат Цадкиэль сегодня не восседает

на Престоле Правосудия, поэтому мы проведем лишь предварительное слушание. При необходимости его можно устраивать и в его отсутствие.

Я покачал головой.

— Я повидал немало крови, поверьте мне, госпожа, и не горю желанием насладиться видом новой.

— Тогда зачем ты здесь? — поинтересовалась она, продолжая улыбаться.

— Я считал, что в этом мой долг, — сказал я ей правду, хотя и не всю. — Но что, если Цадкиэль не воссядет на престол и завтра? Позволят ли нам дожидаться его здесь? Разве все вы не иерограмматы? И откуда вы знаете наш язык? Я был так удивлен, услышав его из твоих уст.

Я шел в полшаге за ней, и она, соответственно, говорила со мной через плечо. Теперь же, улыбнувшись шире, она приотстала от остальных и взяла меня за руку.

— Столько вопросов! Как мне все их запомнить, не говоря уже о том, чтобы ответить?

Мне стало неловко, я принялся бормотать какие-то извинения; но прикосновение ее руки, теплой, с готовностью скользнувшей в мою ладонь, так сбило меня с толку, что я почти лишился дара речи.

— И все же ради тебя я попробую. Цадкиэль будет здесь завтра. Ты боишься, что придется слишком надолго оторваться от своих канатов и бочек?

— Нет, госпожа. Если бы я мог, я бы остался здесь навсегда.

Улыбка сошла с ее лица.

— Ты пробудешь на острове не больше дня после того, как все будет кончено. Ты — мы, если угодно, — должны сделать все, что в наших силах, за это время.

— Я тоже этого хочу, — ответил я и не солгал. Я сказал, что на вид она была обыкновенной женщиной среднего возраста, и она вполне подходила под это описание: невысокая, с морщинками в уголках глаз и губ, прядью волос, тронутых инеем. Но в ней присутствовало нечто, против чего я не мог устоять. Быть может, всего лишь дух этого острова — ведь многие простолюдины считают всех экзультанток красавицами. Возможно, ее глаза, большие и лучистые, цвета синего-синего моря, против которого бессильно время, или же что-то другое, ощущаемое неосознанно, но я вновь почувствовал себя таким, каким был давным-давно, когда встретился с Агией. Я испытал желание столь сильное, что оно казалось более

одухотворенным, чем любая вера, — все плотское сгорало в собственном жгучем вожделении…

— После предварительного слушания, — сказала она.

— Да, конечно, — ответил я. — Конечно. Госпожа, я твой раб. — И сам толком не понял, с чем согласился.

Перед нами с воздушной легкостью облачного вала выросла лестница с широкими белокаменными ступенями и фонтанами по краям. Женщина взглянула вверх с дразнящей улыбкой, которая окончательно покорила меня.

— Если бы ты и вправду был моим рабом, я бы велела пронести меня по этой лестнице, не посмотрев на твою хромоту.

— С радостью, — ответил я и нагнулся, будто желая взять ее на руки.

— Нет-нет! — Она начала подниматься сама, легко, как девочка. — Что подумают твои товарищи?

— Что мне выпала большая честь, госпожа.

Продолжая улыбаться, она прошептала:

— А не подумают они, что ты бросил Урс ради нас? Ладно, у нас есть еще немного времени перед тем, как мы дойдем до суда, и я отвечу, как смогу, на твои вопросы. Не все из нас иерограм-

маты. Разве на Урсе дети саньясинов поголовно отличаются святостью? Я не говорю на твоем языке, и никто из нас не говорит. Впрочем, и ты не говоришь так, как мы.

— Но, госпожа…

— Ты не понимаешь.

— Не понимаю. — Я хотел сказать что-то еще, но ее слова показались мне настолько бессмысленными, что я не нашелся с ответом.

— Я все объясню после слушания. А сейчас я должна попросить тебя об одолжении.

— Все, что угодно, госпожа.

— Благодарю тебя. В таком случае ты отведешь эпитома на лобное место.

Я посмотрел на нее с изумлением.

— Мы испытываем его и сейчас будем слушать его дело — с согласия народов Урса, которые послали его на Йесод как своего представителя. Чтобы подтвердить это, человек с Урса, такой же представитель своего мира, как и он, хотя и с меньшей долей ответственности, должен привести его на суд.

Я кивнул.

— Ради тебя, госпожа, я повинуюсь, если ты объяснишь мне, куда я должен его привести.

— Отлично.

Она повернулась к мужчине и другой женщине со словами:

— У нас есть провожатый.

Они закивали, и она, взяв пленника за руку и притянув к себе (хотя он без особого труда мог бы оказать ей сопротивление), подвела его ко мне.

— Мы отведем твоих товарищей во Дворец Правосудия, где я объясню всем, что будет дальше. Думаю, тебе это объяснение навряд ли понадобится. Ты же… как твое имя?

Я замешкался, не зная, известно ли ей, как должны звать эпитома.

— Ну что, разве это такая тайна?

Скоро мне все равно пришлось бы раскрыть себя, хотя я и надеялся присутствовать на предварительном слушании, чтобы быть лучше подготовленным, когда настанет мой черед. Мы приостановились в дверях, и я сказал:

— Мое имя Северьян, госпожа. Будет ли мне позволено узнать твое?

Ее улыбка оказалась столь же обезоруживающей, как и в тот раз, когда я увидел ее впервые.

— Между собой у нас нет нужды в подобных вещах, но раз уж теперь я познакомилась с тем, кому до этого есть дело, назовусь Афетой. — Заметив мое смущение, она добавила: — Не бойся:

те, кому ты назовешь мое имя, поймут, о ком идет речь.

— Благодарю тебя, госпожа.

— Теперь возьми его. Вы должны пойти под арку направо. — Она указала жестом. — Там будет длинный изогнутый коридор. Вы не собьетесь с пути, потому что сворачивать некуда, в том коридоре нет дверей. Проведи его до конца и доставь в Палату Слушаний. Взгляни на его руки — видишь, как он закован?

— Да, госпожа.

— В той Палате ты увидишь кольцо, к которому следует прикрепить его оковы. Сопроводи его туда и посади на цепь — там скользящий замок, ты разберешься быстро, — а потом займи свое место среди свидетелей. Когда слушание закончится, дождись меня. Я покажу тебе все чудеса нашего острова.

Ее голос ясно давал понять, что именно она имеет в виду. Я поклонился и произнес:

— Госпожа, я совершенно недостоин.

— Об этом буду судить я. Теперь ступай. Сделай, как тебе ведено, и получишь свою награду.

Снова поклонившись, я повернулся и взял великана за руку. Я уже говорил, что ростом он был выше любого экзультанта, и тут я не погрешил

против истины. Он чуть не дорос до Балдандерса, но зато был стройнее, моложе и подвижнее (так же молод, как и я, подумалось мне, в тот день, когда я покинул Цитадель через Дверь Мертвых Тел, унося с собой «Терминус Эст»). Чтобы пройти под аркой, ему пришлось нагнуться, но он шел за мной, как годовалый баран на поводу у мальчишки-пастуха, который приручил его, а теперь собирается продать какой-нибудь семье, чтобы те охолостили беднягу и откормили для своего праздника.

Коридор являл форму яйца, какие чародеи ставят стоймя на столе. Потолок его сходился высоким, почти заостренным сводом, стены были разведены овально, а под ногами он становился чуть более плоским. Госпожа Афета сказала, что в коридор не выходит никаких дверей, но по обеим стенам его тянулись окна. Это озадачило меня, поскольку я предполагал, что он огибает зал суда, который расположен в центре здания.

Я стал выглядывать из окон направо и налево, сперва из любопытства, чтобы оглядеть Остров Йесода, потом с легким трепетом, видя, как он похож на Урс, и наконец с изумлением. Ибо покрытые снегом горы и луга уступили место странным помещениям, будто из каждого окна

я заглядывал в совсем другое здание. В одном из них я увидел просторный пустой зал, уставленный рядами зеркал, еще один, побольше, где на полках в беспорядке стояли книги, тесную камеру с высоким зарешеченным окном и соломой на полу и темный узкий коридор с рядом металлических дверей.

Повернувшись к своему спутнику, я сказал:

— Они ждали меня, это ясно. Я вижу камеру Агилюса, подземелье под Башней Сообразности и прочие места. Но они думают, что ты — это я, Зак.

Словно его имя разрушило какие-то чары, он бросился на меня, тряхнув длинными волосами и открыв горящие глаза. Он попытался разорвать оковы. Мышцы на его руках напряглись, будто были готовы вот-вот вырваться из-под кожи. Почти машинально я подставил подножку и бросил его через бедро, как учил меня давным-давно мастер Гурло.

Он упал на белый камень, точно бык, свалившийся на арене, и казалось, от этого удара вздрогнуло все здание; но в тот же миг он снова оказался на ногах, связанный или нет, я не разобрал, и пустился бежать по коридору.

18. СЛУШАНИЕ

Я ринулся за ним и скоро понял, что шаги его хоть и широки, но неуклюжи — Балдандерс и то бегал лучше, — а кроме того, ему мешали связанные за спиной руки.

Но не один он испытывал затруднения. Казалось, к моей хромой ноге прицеплена гиря, и наверняка наша гонка была для меня куда болезненнее, чем для него его падение. Окна — может, колдовские, а может, просто виртуозно сработанные — нависали надо мной, пока я ковылял мимо. В некоторые я заглядывал, по остальным лишь пробегал взором, но все они оставались со мной, в пыльном чертоге, что находится за, а быть может, под моим сознанием. Была там плаха, на которой я некогда заклеймил и обезглавил одну женщину, темный берег реки и крыша гробницы.

Я посмеялся бы над этими окнами, если бы уже не смеялся ради того, лишь бы не заплакать. Эти иерограмматы, правящие вселенной и тем, что за ее пределами, не только приняли другого за меня, но еще и пытаются теперь напомнить мне,

никогда и ничего не забывающему, события из моей же жизни, и делают они это (насколько я мог судить) гораздо менее искусно, чем моя собственная память. Ибо, хотя учтены были все мелочи, в каждой картине присутствовала неуловимая неточность.

Я не мог остановиться, по крайней мере мне так казалось; но наконец я все же повернул голову, хромая мимо одного из этих окон, и рассмотрел его с пристрастием, как не рассматривал ни одно другое. Оно открывалось в летний домик в увеселительном саду Абдиеса, где я допрашивал, а потом освободил Кириаку; и в одном этом долгом взгляде на окно мне вдруг открылось наконец, что я видел все эти места не так, как видел и запомнил их лично, но глазами Кириаки, Иоленты, Агии и других. Я ощущал, например, глядя в этот летний домик, присутствие за рамой окна чего-то страшного и в то же время милостивого — себя самого.

Это было последнее окно. Сумрачный коридор закончился, и передо мной встала вторая арка, сверкающая солнечным светом. При виде ее я проникся той тошнотворной уверенностью, понятной лишь членам нашей гильдии, что упустил клиента.

Я бросился под арку и увидел, что он стоит, растерянный, в портике Зала Правосудия, в окружении толпы. В тот же миг он заметил меня и попытался протолкаться к главному входу.

Я крикнул: «Остановите его!», но люди расступались перед ним и явно собирались задержать меня. Мне показалось, что я попал в один из тех снов, которые снились мне в бытность мою ликтором Тракса, и сейчас я проснусь, задыхаясь, с Когтем, впечатывающимся мне в грудь.

Какая-то маленькая женщина метнулась из толпы и схватила Зака за руку. Он стряхнул ее, как встряхивается бык, чтобы избавиться от дротиков в боку. Она упала, но вцепилась ему в лодыжку.

Этого оказалось достаточно. Я поймал его, и хотя здесь, где жадное притяжение Йесода почти не уступало притяжению Урса, я снова стал колченогим, но все же был силен, а он — скован. Взяв Зака рукой за горло, я согнул его как лук. Он сразу обмяк, и тем таинственным чувством, которым мы ощущаем намерения другого человека, стоит лишь прикоснуться к нему, я понял, что он больше не в силах сопротивляться. Я отпустил его.

— Драться не буду, — произнес он. — Хватит беготни.

— Хорошо, — сказал я и поднял на ноги женщину, которая помогла мне. Тут только я узнал ее и почти машинально глянул на ее ногу. Нога была совершенно здоровой, то есть полностью зажила.

— Спасибо, — пробормотал я. — Спасибо, Ханна.

Она смотрела на меня, вытаращив глаза:

— Я думала… Мне показалось, ты — моя хозяйка…

Мне часто приходится силой воли удерживать голос Теклы. Сейчас я позволил ему раздаться. Мы сказали еще раз:

— Спасибо, — и, улыбнувшись ее замешательству, добавили: — Ты не ошиблась.

Качая головой, она скрылась в толпе, а я краем глаза увидел, как высокая женщина с черными локонами появилась в той самой арке, откуда вышли мы с Заком. Даже спустя столько лет я безошибочно узнал ее, безошибочно и сразу. Мы попытались вспомнить ее имя. Оно застряло в нашем горле, и мы остались немы и бессильны.

— Не плачь, — сказал Зак, и его низкий голос прозвучал как-то по-мальчишески. — Не надо, пожалуйста. Уверен, все будет хорошо.

Я повернулся к нему, чтобы объяснить, что не

плачу, и почувствовал слезы на собственных щеках. Если я и плакал раньше, то лишь таким малолеткой, что едва помню это — ученикам положено сдерживать слезы, в противном случае остальные затравят их до смерти. Текла иногда плакала, а в своей камере — довольно часто, но я только что увидел Теклу.

— Я плачу потому, — признался я, — что хотел бы последовать за ней, а нам надо идти внутрь.

Зак кивнул, и я, взяв его за руку, повел в Палату Слушаний. Коридор, который указала нам госпожа Афета, действительно чертил вокруг него окружность, и я провел Зака по широкому проходу между сидений, а матросы глядели на нас со скамей, расставленных по обеим сторонам. Мест на скамьях было много больше, чем матросов, поэтому они расселись в первых рядах.

Перед нами возвышался Престол Правосудия, куда более величественный и строгий, чем все виденные мною судейские престолы на Урсе. Трон Феникса был — или остался, если он еще существует сейчас где-то под волнами, — огромным золоченым креслом, на спинке которого красовалось изображение этой птицы, символ бессмертия, созданный из золота, жадеита, сердолика и ляпис-лазури; на его сиденье (страшно

неудобном самом по себе) лежала бархатная подушка с золотыми кистями.

Престол Правосудия иерограммата Цадкиэля отличался от него так разительно, как только можно себе представить, и был, собственно, не троном, а огромной глыбой белого камня, отшлифованного временем, напоминая трон не больше, чем облака, в которых мы видим лицо возлюбленной или голову какого-нибудь паладина, напоминают предмет наших мечтаний.

Афета сказала мне лишь, что я найду в палате кольцо, и некоторое время, пока мы с Заком медленно продвигались вдоль длинного прохода, я искал его глазами. Кольцом оказалось то, что я сперва принял за единственное украшение Престола Правосудия: кованый железный обруч, державшийся на большой железной скобе на высоте поднятых рук. Я поискал взглядом скользящий замок, о котором говорила Афета; его не было видно, но, несмотря на это, я вел Зака к кольцу, уверенный, что у самой цели кто-нибудь выйдет и поможет мне.

Никто не поспешил мне на помощь, но, оглядев оковы, я понял все, как и предсказывала Афета. Замок был прямо на них; когда я раскрыл его, мне показалось, что он слишком легок и Зак мог

бы освободиться одним пальцем. Запор соединял звенья цепи, державшей его запястья, поэтому, стоило мне снять замок, все оковы упали на пол. Я подобрал их, просунул запястья в наручники, поднял руки над головой, чтобы продеть кольцо в замок, и стал ждать слушания своего дела.

Слушание, правда, все не начиналось. Матросы смотрели на меня разинув рты. Я попросил, чтобы кто-нибудь взял Зака, не то он убежит. Никто не подошел к нему. Он сел на полу у моих ног, не скрестив ноги, как сел бы в его положении я, а устроившись на корточках, напомнив мне сперва собаку, потом атрокса или какую-нибудь другую большую кошку.

— Я — эпитом Урса и всех его народов, — обратился я к матросам. Как я понял уже после, это была та самая речь, которую произнес Старый Автарх, хотя его испытание происходило совсем иначе. — Я здесь потому, что все они во мне — мужчины и женщины, дети, бедняки и богачи, старые и молодые, те, кто спас бы наш мир, если бы мог, и те, кто ради собственной наживы уничтожил бы последнюю жизнь на нем.

Непрошеные слова поднимались на поверхность моего сознания.

— Я здесь также потому, что по праву являюсь

правителем Урса. У нас есть много народов, некоторые из них многочисленнее и сильнее, чем население Содружества; но мы, Автархи, думаем не только о наших собственных землях, мы знаем, что ветры колышут каждое дерево, а волны омывают все берега. Я доказал это тем, что стою здесь. И своим присутствием я доказываю, что имею на это право.

Матросы выслушали все это молча; я же, произнося свою речь, смотрел за их спины, стремясь разглядеть хотя бы госпожу Афету и ее спутников. Их не было видно.

Но там появились другие слушатели. В портике, через который мы с Заком проникли в зал, выросло множество людей; когда я закончил, они стали медленно проходить в Палату Слушаний, продвигаясь не по главному проходу, как прошествовали мы и как наверняка прошли матросы, а разделившись на две колонны, которые стали пробираться между скамьями и стенами.

Тут у меня перехватило дыхание, ибо среди них была Текла, и в ее глазах я увидел такую жалость и печаль, что сердце мое сжалось. Я не часто пугаюсь, но сейчас я знал, она жалеет меня и печалится по мне, и меня напугала глубина ее чувств.

Наконец она отвернулась от меня, а я — от нее. Тогда я увидел в толпе Агилюса и Морвенну, темноволосую и с заклейменными щеками.

С ними явились десятки других: узники нашего подземелья и Винкулы Тракса, преступники, которых я бичевал в провинциальных магистратах, убийцы, принявшие смерть от моей руки. И еще десятки других: асциане, рослая Идас и угрюмо сжавшая губы Касдо с маленьким Северьяном на руках, Гуазахт и Эрблон с нашим зеленым боевым знаменем…

Я поник головой, глядя в пол и ожидая первого вопроса.

Вопросов не было. Долго — если бы я написал, каким долгим показалось мне это время или хотя бы как долго оно тянулось на самом деле, мне никто бы не поверил. Все молчали, пока солнце не опустилось в ярком небе Йесода и ночь не протянула свои длинные черные пальцы к острову.

С ночью явился еще один. Я услышал стук когтей по каменному полу и детский голосок:– **Ну** когда мы уже пойдем?Альзабо подошел ближе, и его глаза горели в темноте, которая, проникая через двери, разливалась по Палате Слушаний.

— Вас что-то держит здесь? — спросил я. — Я вас не держу.

Сотни голосов заговорили вместе:

— Да! Да! Нас держат!

Я понял, что не они здесь для того, чтобы спрашивать меня, а я — чтобы спрашивать их. И все же я еще надеялся, что ошибаюсь.

— Так ступайте, — проверил я свое предположение.

Никто не двинулся с места.

— Что я должен узнать у вас? — спросил я.

Ответа не последовало.

Все здание было сложено из белого камня, с отверстием в самой середине его светлого невесомого купола, и я даже не замечал до сих пор, что оно не освещено. Едва горизонт поднялся выше солнца, в Палате Слушаний стало так же темно, как в тех жилищах, которые Предвечный создает под ветвями больших деревьев. Лица стали неясными и колеблющимися, словно огоньки свечей; только глаза альзабо, ловя последние отблески света, горели, будто два красных уголька.

Я слышал, как матросы испуганно перешептываются, и несколько раз уловил тихий вздох ножа, выходящего и возвращающегося в хорошо смазанные ножны. Я сказал им, что бояться нечего, поскольку это мои призраки, а не их. — **Мы** не призраки! — раздался голосок Северы, и

в нем слышалась детская обида. Красные глаза приблизились, до меня снова донесся цокот жутких когтей по каменному полу. Все остальные заерзали на своих местах, и палата заполнилась шорохом их одежд.Я тщетно попробовал вывернуться из оков, затем стал нащупывать скользящий замок и крикнул Заку, чтобы он не пытался остановить альзабо голыми руками.

Гунни — я узнал ее голос — воскликнула:

— Она всего лишь ребенок, Северьян!

— Она мертва! — ответил я. — Ее устами говорит зверь.

— Она сидит на его спине. Они здесь, рядом со мной.

Мои занемевшие пальцы нащупали замок, но я не стал открывать его, сообразив вдруг в один миг со всей ясностью, что если я сейчас освобожусь и спрячусь среди матросов, как уже собрался сделать, то наверняка не пройду испытания.

— Справедливости! — воззвал я к ним. — Я пытался судить справедливо, и вы это знаете! Вы можете ненавидеть меня, но хватит ли у вас духу сказать, что я покарал вас без вины?

Метнулась темная тень. Сталь сверкнула, как глаза альзабо. Зак тоже прыгнул, и я услышал звон оружия, ударившегося о каменный пол.

19. ТИШИНА

В общей суматохе я сначала даже не понял, кто освободил меня. Я знал лишь, что их было двое, и они подошли ко мне с обеих сторон, взяли меня под руки, когда оковы пали, и быстро повели вокруг Престола Правосудия вниз по узкой лестнице. За нашими спинами творился ад кромешный: моряки кричали и дрались, альзабо громко лаял.

Лестница была длинной и крутой, но тянулась точно под отверстием в центре купола; слабый свет падал на нее — то были последние отсветы сумерек, в сущности, лишь отражения света от перистых облаков, а солнце Йесода скрылось до утра.

В самом низу мы ступили в темноту такую густую, что я не заметил, как мы вышли из здания, пока не почувствовал под ногами траву, а на лице — дуновение ветерка.

— Спасибо вам, — сказал я. — Но кто вы?

В нескольких шагах от меня откликнулась Афета:

— Мои друзья. Ты видел их на машине, которая

принесла тебя сюда с вашего корабля.

Пока она говорила, те двое отпустили меня. Мне так и хочется написать, что они немедленно исчезли, поскольку у меня создалось подобное впечатление; но я не думаю, что это верно. Вероятнее всего, они шагнули в темноту, не проронив ни слова.

Как и в первый раз, Афета вложила свою руку в мою.

— Я обещала показать тебе чудеса.

Я увлек ее прочь от здания.

— Я не готов к чудесам. Ни твоим, ни любой другой женщины.

Она рассмеялась. Обычно в женщине нет ничего более лживого, чем ее смех — этакий звук коллективного общения, как отрыжка на пиру у автохтонов; но мне показалось, что в смехе Афеты прозвучала искренняя радость.

— Я говорю правду.

После перенесенного страха я все еще испытывал слабость да к тому же изрядно пропотел, но дело было не только и не столько в этом; если я вообще в чем-нибудь смыслил (хотелось бы надеяться), так это в том, что сейчас мне не следует вступать в случайную связь.

— Тогда просто прогуляемся — уйдем от места,

которое ты так стремишься покинуть, и побеседуем. Днем у тебя имелось немало вопросов.

— Сейчас их у меня не осталось, — признался я. — Мне надо подумать.

— Ну, это полезно всем. — Она улыбнулась. — Всегда или почти всегда.

Мы шли по длинной белой улице, которая извивалась, как русло реки, чтобы уклон ее не становился слишком крутым. Вдоль нее, похожие на призраки, стояли белые особняки. Большей частью они были тихи, но из некоторых доносились звуки веселья, звон хрусталя, обрывки музыки и шаги танцоров; но ни разу тишину не нарушил человеческий голос.

Миновав несколько домов, я продолжил:

— Вы не разговариваете так, как мы. Мы бы сказали, что вы вообще не разговариваете.

— Это вопрос?

— Нет, это ответ. Наблюдение. Когда мы шли в Палату Слушаний, ты сказала, что не говоришь на нашем языке, а я не говорю на вашем. Никто не говорит на вашем языке.

— Я выразилась фигурально, — объяснила она. — У нас тоже есть средства общения. Вы не пользуетесь ими, а мы не пользуемся вашими.

— Ты плетешь сеть противоречий, чтобы пой-

мать меня в нее, — сказал я, хотя мысли мои были далеко.

— Вовсе нет. Вы общаетесь посредством звука, а мы — молчанием.

— Хочешь сказать — языком жестов?

— Нет, тишиной. Ты производишь звук своими голосовыми связками и придаешь ему форму положением неба, языка и губ. Ты делаешь это так давно, что уже почти достиг автоматизма; но в раннем детстве тебе пришлось учиться этому, как и каждому ребенку вашей расы. Мы бы тоже Могли, если бы захотели. Слушай.

Я прислушался и услышал тихое журчание, исходившее, казалось, не от нее, а из воздуха вокруг. Словно незримый немой подошел к нам и издал некий горловой звук.

— Что это было? — спросил я.

— Ага, значит, вопросы у тебя все-таки еще есть. То, что ты слышал, — голос. Так мы зовем иногда к себе, если ранены или нуждаемся в помощи.

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Да и не очень-то хочу понять. Мне нужно побыть наедине со своими мыслями.

Между особняками били многочисленные фонтаны, а вокруг них стояли деревья, высокие, незнакомые мне и прекрасные даже в темноте.

Вода фонтанов не содержала благовоний, в отличие от многих из тех, что струились в садах Обители Абсолюта, но аромат чистой воды Йесода был слаще любых благовоний.

Росли здесь и цветы — я видел их, когда мы сошли с флайера, и мне предстояло увидеть их вновь поутру. Почти все они сейчас спрятали свои головки в плотных лепестках, и лишь бледный лунный плющ цвел вовсю, несмотря на отсутствие луны.

Наконец улица вывела нас к прохладному морю. Там на берегу лежали маленькие лодочки йесодиан, которые я видел сверху. Берег не был безлюден — мужчины и женщины прогуливались между лодок и у самой кромки воды. Время от времени одна из лодочек отплывала в темноту, плескаясь на мелкой волне; а иногда появлялась какая-нибудь новая лодка с парусами, цветов которых я не мог разглядеть. Свет загорался только изредка.

— Когда-то мне хватило ума поверить, что Текла жива… — промолвил я. — Это была уловка, чтобы заманить меня в шахту к обезьянолюдям. Тому виной Агия, но сегодня ночью я видел ее мертвого брата.

— Ты не понимаешь, что случилось с тобой, —

сказала Афета. Голос ее прозвучал несколько смущенно. — Потому-то я здесь — чтобы объяснить все это тебе. Но я не стану объяснять, пока ты не будешь готов, то есть пока ты не спросишь меня.

— А если я никогда не спрошу?

— Тогда я вовсе не начну объяснять. Впрочем, тебе лучше во всем разобраться, тем более если ты — Новое Солнце.

— Неужели Урс так важен для вас?

Она покачала головой.

— Тогда зачем же вы возитесь с ним и со мной?

— Потому что нам важен твой род. Если бы мы могли охватить вас всех разом, это было бы намного проще, но вы рассеяны среди десятков тысяч миров, и тут мы бессильны.

Я промолчал.

— Эти миры очень удалены друг от друга. Когда какой-то из наших кораблей идет из одного в другой со скоростью звездного света, плавание занимает много веков. Те, кто плывет на корабле, даже не замечают, но это так. Если корабль прибавит скорости, разгоняясь на солнечном ветру, время начинает течь вспять, так, что он прибывает к месту назначения раньше, чем пускается

в плавание.

— Должно быть, для вас это не очень удобно, — сказал я, глядя куда-то в море.

— Для нас, но не для меня лично. Если ты думаешь, что я какая-нибудь начальница или хранительница вашего Урса, оставь эту мысль. Она в корне ошибочна. Кстати, представь себе, что мы хотим сыграть в шахматы на доске, клетки которой — лодки, плавающие в этом море. Мы делаем ход, но в это самое время лодки двигаются, составляя новую комбинацию, и для того, чтобы сделать новый ход, нам приходится перебираться с лодки на лодку, а это занимает немало времени.

— И с кем вы играете? — спросил я.

— С энтропией.

Я перевел взгляд на нее.

— Говорят, что в этой игре невозможно выйти победителем.

— Мы знаем.

— Текла и вправду жива? Жива не только во мне?

— Здесь? Да.

— А если я возьму ее с собой на Урс, она сможет жить там?

— Тебе не позволят.

— Тогда я не стану спрашивать, смогу ли я остаться здесь с ней. На этот вопрос ты уже ответила. Не больше дня после того, как все будет кончено, сказала ты.

— А ты бы остался с ней здесь, если бы это было возможно?

На миг я задумался.

— И оставить Урс замерзать во мраке? Нет. Текла не была хорошей женщиной, но…

— Не была хорошей по чьим меркам? — переспросила Афета. Не дождавшись ответа, она добавила: — Я серьезно спрашиваю. Ты можешь думать, что мне все известно, но это не так.

— По ее собственным. Я хочу сказать, если только найду нужные слова, что она — как, впрочем, все экзультанты, за очень редким исключением, — ощущает некую ответственность. Меня всегда поражало, как она, столькому научившись, придавала этому так мало значения. Так было, когда мы разговаривали с ней в ее камере. Много позже, когда я уже несколько лет пробыл Автархом, я понял — все потому, что она знала о чем-то лучшем, о том, чему она училась вплоть до своей смерти. Слабое, конечно, объяснение, но мне, похоже, не выразиться яснее.

— Попытайся. Мне бы хотелось послушать.

— Текла отдала бы жизнь за того, кто невольно зависим от нее. Потому-то Ханна и поймала для меня Зака этим утром. Ханна увидела во мне что-то от Теклы, хотя наверняка знала, что я не Текла.

— Но ты сказал, что Текла не была хорошей.

— Быть хорошим означает много больше. Она тоже прекрасно понимала это.

Я умолк, глядя на белые гребешки волн в темноте между лодками и пытаясь собраться с мыслями.

— Я хотел сказать, что научился у нее этой ответственности или же скорее я впитал ее в себя вместе с самой Теклой. Если я теперь предам Урс ради нее, я стану хуже, чем она, а не лучше. А это против ее желания, ведь каждый, кто любит, хочет, чтобы его возлюбленный был лучше его.

— Продолжай, — сказала Афета.

— Я добивался Теклы, поскольку она была гораздо лучше меня и в нравственном, и в социальном отношении, а она — меня, ибо я намного превосходил и ее саму, и ее друзей хотя бы тем, что делал нечто полезное. На Урсе экзультанты, как правило, ничем полезным не занимаются. Они держат в своих руках очень много власти и делают вид, что крайне необходимы; они твердят

Автарху, что правят своими пеонами, а пеонам пудрят мозги, будто правят Содружеством. Но в сущности они ничего не делают и в глубине души сознают это. Все они или по крайней мере лучшие из них боятся применить свою власть, зная, что не смогут воспользоваться ею мудро.

Несколько белых морских птиц с огромными глазами и клювами, похожими на мечи, пронеслись над головой; чуть погодя в волне плеснула рыба.

— Так о чем я говорил? — спросил я.

— Объяснял, почему ты не можешь бросить свой мир замерзать во мраке.

Я вспомнил кое-что еще:

— Ты сказала, что не говоришь на моем языке.

— По-моему, я сказала, что не говорю ни на каком языке. У нас вообще нет языка. Смотри.

Она открыла рот и повернулась ко мне, но тьма не позволила мне определить, не обманывает ли она.

— Как же я слышу тебя? — удивился я. И тут же понял, чего именно она хотела, и поцеловал ее; этот поцелуй убедил меня в том, что она принадлежит к моему роду.

— Ты знаешь нашу историю? — спросила она шепотом, когда мы оторвались друг от друга.

Я пересказал ей то, что поведал мне аквастор Мальрубий, другой ночью и на другом берегу: что в предыдущую манвантару люди того цикла сотворили себе спутников из иных рас, а во время гибели той вселенной последние бежали сюда, на Йесод; что они правят нашей вселенной через иеродулов, которых сами же создали.

Когда я закончил, Афета покачала головой:

— Ты знаешь совсем немного.

Я сказал, что никогда и не предполагал, будто знаю все, но то, что я рассказал, исчерпывает мои познания.

— Ты говорила, что вы — дети иерограммат-ов, — добавил я. — Но кто же они и кто вы?

— Они — те, о ком ты говорил, те, кто создан по вашему образу расой, родственной вашей расе. Что до нас, то о нашей природе я уже говорила.

Она замолчала, и через некоторое время я попросил:

— Продолжай.

— Северьян, знаешь ли ты смысл слова, которое произносишь? Слова «иерограммат»?

Я сказал ей, что, по моим сведениям, иерограмматами зовут тех, кто записывает веления Предвечного.

— Пока верно. — Она снова замолчала. — Воз-

можно, мы слишком трепещем. Те, кого мы не называем по имени, упомянутые родственники, до сих пор внушают подобные чувства, хотя из всех их творений остались лишь иерограммaты. Ты сказал, им нужны были спутники. Как могли они создать себе спутников, если сами поднимались все выше и выше?

Я признался в своем невежестве; и когда мне показалось, что она уже готова свернуть разговор, я описал ей крылатое существо, которое видел на страницах книги Отца Инира, и спросил, не иерограммат ли это.

Она подтвердила мое предположение.

— Но больше я не стану говорить о них. Ты спрашивал про нас; мы — их ларвы. Знаешь, что такое ларва?

— Да, конечно, — ответил я. — Личинка. Тот же дух, но скрытый под другим обличьем.

Афета кивнула.

— Мы носим их дух, и, говоря твоими словами, пока не достигнем их высокого положения, должны носить маску — не настоящую маску, какие носят наши иеродулы, а внешность твоей расы, рода, чей облик рекомендован нашими родителями — иерограммaтами. Но мы не иерограммaты и не копируем вас доподлинно. Ты уже

давно слушаешь мой голос, Автарх. Послушай же теперь вместо него мир Йесода и скажи мне, что ты слышишь помимо моих слов, когда я говорю с тобой. Слушай! Что ты слышишь?

Я не понимал.

— Ничего. Но ты женщина, ты человек…

— Ты ничего не слышишь, потому что мы говорим тишиной, как вы — звуком. Все сподручные шумы мы преобразуем, удаляя ненужные и выражая свои мысли при помощи тех, что остаются. Вот почему я привела тебя сюда, где постоянно шумит прибой; и оттого у нас так много фонтанов и деревьев, которые шелестят листвой на ветру с нашего моря.

Я едва слышал ее. Что-то огромное и яркое — луна, солнце — поднималось над горизонтом, объект странной формы, пронизанный светом. Словно какое-то золотое зерно парило в воздушном пространстве этого немыслимого мира, поддерживаемое в вышине миллиардом черных нитей. Это был корабль; и солнце по имени Йесод из-за горизонта осветило его гигантский корпус так, что отраженный свет почти сравнялся по мощи с дневным.

— Смотри! — закричал я и повернулся к Афете.

— Смотри, смотри! — откликнулась она, ука-

зывая на свой рот. Я взглянул и наконец увидел: то, что я принял за ее язык, когда мы целовались, было лишь выступом плоти, выдававшейся из ее неба.

20. ЗАВИТОК

Я не могу сказать, как долго корабль висел в небе. Разумеется, не дольше одной стражи, впрочем, время слилось для меня в один краткий миг. Пока он оставался там, в вышине, я был слеп ко всему прочему; поэтому я совершенно не замечал Афету. Когда же корабль скрылся за горизонтом, я увидел, что она сидит на камне у самой воды и смотрит в мою сторону.

— У меня столько вопросов, — сказал я. — Видение Теклы стерло их из моей памяти, но сейчас они вернулись снова, и некоторые касаются тебя.

— Ведь ты устал, — отвечала Афета. На это я лишь согласно кивнул.

— Завтра ты должен будешь предстать перед Цадкиэлем, а завтра уже не за горами. Наш маленький мир вращается чуть быстрее, чем твой; его дни и ночи покажутся тебе короткими. Идешь со мной?

— С радостью, госпожа.

— Ты все еще считаешь меня царицей или чем-то в этом роде. Ты удивишься, наверно, узнав, что

я живу в одной комнате? Взгляни сюда.

Я посмотрел и увидел скрытую между деревьями арку, всего в дюжине шагов от воды.

— Здесь не бывает прилива? — спросил я.

— Нет. Но я знаю, что это такое, поскольку изучала особенности вашего мира, поэтому меня и выбрали, чтобы доставить матросов с корабля, а потом — для беседы с тобой. У Йесода нет спутника, а значит, на нем нет и приливов.

— Ты с самого начала знала, что я — Автарх, правда? Если ты изучала Урс, то должна была знать. Заковав Зака, ты просто пошла на хитрость?

Она все молчала, даже когда мы поравнялись с темной аркой. В белокаменной стене эта арка казалась входом в могилу; но воздух в ней был так же свеж и сладок, как весь воздух Йесода.

— Тебе придется вести меня, госпожа, — сказал я. — Я ничего не вижу в такой темноте.

Не успел я выговорить эти слова, как зажегся свет, тусклый, словно пламя, отраженное от полированного серебра. Он исходил от самой Афеты и пульсировал, как биение сердца.

Мы стояли в просторной комнате, завешенной по обеим сторонам шелковыми занавесами. На сером ковре пола были расставлены плетеные

сиденья и диванчики. Один за другим занавесы раздвигались, и за каждым я видел молчаливое, мрачное лицо мужчины; они глядели на нас лишь мгновение, а затем вновь исчезали.

— Тебя хорошо охраняют, госпожа, — заметил я. — Но меня тебе нечего бояться.

Она улыбнулась, и странно было видеть эту улыбку, освещенную ее собственным светом.

— Ты, не задумываясь, перерезал бы мне горло, если бы это спасло твой Урс. Мы оба это знаем. Да и себе самому, я полагаю.

— Верно. По крайней мере я надеюсь, что так.

— Но это не охрана. Мое свечение означает, что я готова к соитию.

— А если я не готов?

— Тогда, когда ты уснешь, я выберу себе другого. Далеко ходить не придется, как видишь.

Афета отодвинула занавес, и мы вошли в широкий коридор, сворачивавший налево. Вдоль, него, как и снаружи, там и сям стояли сиденья и множество других предметов обстановки, столь же загадочных для меня, как приборы и приспособления в замке Балдандерса, хотя эти были красивыми и ничуть не страшными. Афета присела на один из диванов.

— Коридор ведет в твою комнату, госпожа?

— Это она и есть. Она спиральная; таковы многие комнаты у нас, потому что нам нравится подобная форма. Если пойдешь по ней дальше, попадешь в то место, где можно умыться и некоторое время побыть в одиночестве.

— Благодарю. У тебя не найдется свечи для меня?

Она покачала головой, но заверила, что там будет не совсем темно.

Я оставил ее и пошел по спирали. Свет, излучаемый Афетой, сопровождал меня, постепенно тускнея, но отражаясь от изогнутой стены. В самом конце, до которого было не так уж далеко, порыв ветерка подсказал мне, что отверстие, названное Гунни отдушиной, пробито в крыше как раз над этим местом. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел его — круг чуть менее густой мглы. Встав под ним, я разглядел усыпанное блестками небо Йесода.

Я думал о нем, облегчаясь и ополаскивая руки, а когда вернулся к Афете, возлежавшей на одном из диванов и источавшей свою красоту сквозь тонкую ткань рубашки, поцеловал ее и спросил:

— Госпожа, а есть ли другие миры?

— Есть, и очень много, — промурлыкала она. Распустив свои черные волосы, клубившиеся

вокруг ее светящегося лица, она словно сама превратилась в небывалую звезду, окутанную ночным мраком.

— Здесь, на Йесоде? На Урсе мы видим мириады солнц, тусклых днем и ярких ночью. Ваше дневное небо пусто, но ночное ярче, чем наше.

— Когда потребуется, иерограмматы построят еще больше миров — таких же прекрасных, как этот, или еще прекраснее. И солнца для них, если нам понадобится больше солнц. Поэтому для нас они уже есть. Здесь время течет так, как нам надо, и мы любим их свет.

— Но меня время не слушается. — Я присел на ее диван, вытянув перед собой больную ногу.

— Пока еще нет, — сказала она. — Ты хромаешь, Автарх.

— Разумеется, для тебя это не новость.

— Да, но я пытаюсь объяснить, что и для тебя время потечет так же, как для нас. Ты хромаешь сейчас, но если ты принесешь своему Урсу Новое Солнце, ты не останешься таким навсегда.

— Вы, иерархи — волшебники. Вы могущественнее тех, что я встречал прежде, но все же вы — волшебники. Вы говорите о разных чудесах, однако если ваши проклятия могут, наверно, навредить, то ваши обещания, по-моему, фаль-

шивое золото, которое превратится в пыль в моей руке.

— Ты не понимаешь нас, — возразила она. — Хотя мы знаем гораздо больше, чем ты. Наше золото — истинное золото, добытое, как всякое истинное золото, порою ценой наших жизней.

— Значит, вы заблудились в собственном лабиринте, и неудивительно. Когда-то я мог лечить подобные хвори, по крайней мере иногда мне это удавалось.

И я рассказал ей о больной девушке из хижины в Траксе, и об улане на зеленой дороге, и даже о Трискеле, а под конец поведал ей о том, как нашел мертвого стюарда у двери моей каюты.

— Если я попытаюсь объяснить тебе это, поймешь ли ты, что я не знаю всех тайн твоей Брии — не более чем ты, хотя они и были предметом моего изучения? Они бесконечны.

— Я понимаю, — сказал я. — Но когда мы прибыли сюда на корабле, я посчитал, что Брия закончилась.

— Так и есть; хотя можно войти в дом через одну дверь, выйти через другую и так и не узнать всех секретов этого дома.

Я кивнул, глядя на ее пульсирующую красоту, не скрываемую тканью, и, по правде говоря, же-

лая стряхнуть с себя ее чары.

— Ты видел наше море. Заметил на нем волны? Что бы ты ответил на заявление, что видел не волны, а только воду?

— Что я научен не спорить с глупцами. Нужно лишь улыбнуться и уйти.

— То, что ты называешь временем, состоит из таких же волн, и как те волны, которые ты видел, существуют в воде, так и время существует в материи. Волны катятся к берегу, но если бы ты кинул в воду камешек, новые волны, вызванные его падением, в сотню или тысячу раз слабее прежних, ушли бы в море и местные волны ощутили бы их.

— Понимаю.

— Так будущее дает о себе знать в прошлом. Ребенок, который когда-нибудь станет мудрецом, уже мудрый ребенок; а многие обреченные несут на себе печать рока, и каждый, кто может хоть краешком глаза заглянуть в будущее, видит это и отводит глаза.

— Разве мы все не обречены?

— Нет, но это отдельный разговор. Тебе подвластно Новое Солнце. Стоит тебе захотеть, и его энергия станет твоей, ты сможешь распоряжаться ею, хотя она не будет существовать, если ты

— и твой Урс — не одержат здесь победу. Но как в мальчике нечто предвещает мужчину, так и какие-то из этих способностей доходят до тебя по Коридорам Времени. Не могу сказать, откуда ты черпал силы, когда был на Урсе. Отчасти, несомненно, в самом себе. Но не все и даже не большая часть исходит из тебя, иначе ты бы погиб. Возможно, из твоего мира или из его Старого Солнца. Когда ты плыл на корабле, рядом с тобой не было ни мира, ни солнца, и ты стал вытягивать то, что мог, из самого корабля, едва не повредив его. Но и этого было недостаточно.

— А Коготь Миротворца не имел никакой силы?

— Дай мне взглянуть на него. — Она протянула светящуюся ладонь.

— Давным-давно он был уничтожен оружием асциан, — произнес я.

Она ничего не сказала, лишь досмотрела на меня; и спустя один удар сердца я понял, что она смотрит на мою грудь, где в маленьком мешочке, который сшила для меня Доркас, я носил шип.

Я тоже взглянул туда и увидел свет — куда слабее, чем ее, но достаточно ровный. Я вынул шип, и его золотое сияние разлилось от стены до стены, прежде чем погаснуть.

— Он стал Когтем. Таким я нашел его среди камней.

Я протянул его Афете; но она смотрела не на него, а на почти затянувшуюся рану на моей ладони, которую шип нанес мне.

— Он пропитался твоей кровью, — сказала она, — а в крови — твои живые клетки. Не думаю, что он был бессилен. И неудивительно, что пелерины так почитали его.

Затем я оставил ее, спотыкаясь, почти на ощупь вышел снова на берег и долгое время бродил там по песку. Но здесь нет места мыслям, роившимся тогда в моей голове.

Когда я вернулся, Афета по-прежнему ждала меня, а ее серебряное мерцание сделалось еще настойчивее.

— Можешь? — спросила она, и я сказал ей, что она прекрасна.

— Но ты можешь? — спросила она снова.

— Сперва надо поговорить. Я бы предал свой род, если бы не задал тебе несколько вопросов.

— Тогда спрашивай, — прошептала она. — Но имей в виду, ничто из сказанного мною не поможет твоей расе в грядущем испытании.

— Как ты говоришь? Какова природа этих звуков?

— Слушай мой голос, — сказала она, — а не мои слова. Что ты слышишь?

Я последовал ее совету и услышал шелковый шелест постельного белья, шорохи наших тел, тихий шум прибоя вдалеке и биение собственного сердца.

Я готов был задать сотню вопросов, и казалось, каждый из них может добыть мне Новое Солнце. Ее губы коснулись моих, и все вопросы исчезли, унеслись из моего сознания, словно их никогда и не существовало. Ее руки, губы, глаза и груди, которых я касался, — во всем присутствовало волшебство; но было и что-то еще, возможно, аромат ее волос. По-моему, я вдохнул бесконечность ночи…

Лежа на спине, я вошел в Йесод. Или, вернее, Йесод сомкнулся вокруг меня. Только тогда я понял, что никогда здесь не был. Звезды мириадами изливались из меня, как фонтаны солнц, и на мгновение мне почудилось, что я знаю, как рождаются вселенные. Все — безумие.

Реальность сменила тьму, зажгла свой светильник, разогнав темноту по углам, а вместе с нею все легкокрылые порождения нашей фантазии. Что-то родилось между Йесодом и Брией, когда я сошелся с Афетой на том диване в закругленной

комнате, нечто крошечное и необъятное, обжигающее, словно уголь, поднесенный щипцами к языку.

Это был я.

Я спал, и спал без сновидений, не ведая, что сплю.

Когда я проснулся, Афета уже ушла. Солнце Йесода светило сквозь отдушину в самом конце завитка раковины. Слабея, его свет доходил и до меня, отраженный белыми стенами, и я проснулся в золотистом полумраке. Я встал и оделся, гадая, куда подевалась Афета; но не успел я натянуть сапоги, как она явилась с подносом в руках. Меня смутило то, что такая важная дама прислуживает мне, и я сказал ей об этом.

— Но ведь благородные наложницы при твоем дворе прислуживали тебе, Автарх?

— Что они по сравнению с тобой?

Она пожала плечами.

— Я не важная дама. Разве что для тебя и только сегодня. Наше положение определяется близостью к иерограмматам, а я не очень близка к ним.

Афета поставила поднос и села рядом. На подносе лежали маленькие пирожки, стоял графин с холодной водой и чашки с какой-то курящейся

жидкостью, которая выглядела как молоко, но молоком не являлась.

— Не могу поверить, что ты далека от иерограмматов, госпожа.

— Просто ты слишком много значения придаешь себе и своему Урсу, воображая, будто мои слова и наши сиюминутные поступки решат его судьбу. Это вовсе не так. То, что мы сейчас делаем, не имеет никакого значения, а ты и твой Урс никого здесь не заботят.

Я ждал, что она еще скажет, и наконец она добавила:

— Кроме меня, — и надкусила один из пирожков.

— Спасибо, госпожа.

— И то только потому, что ты здесь. Хотя ни ты, ни твой Урс мне вовсе не нравятся, а сам ты очень печешься о нем.

— Но, госпожа…

— Я знаю, ты думал, что я желаю тебя. Только теперь ты нравишься мне настолько, что я могу признаться в отсутствии всякого желания. Ты — герой, Автарх, а герои — всегда чудовища, которые являются, чтобы сообщить нам то, что мы предпочитали бы не знать. Но ты — монстр из монстров. Скажи мне, когда ты шел по круг-

лому залу в Палату Слушаний, ты разглядывал картины?

— Некоторые, — признался я. — Там была камера, куда поместили Агию, и я заметил еще пару других…

— И как, по-твоему, они попали туда?

Я тоже взял пирожок и отпил из чашки, которая стояла ближе ко мне.

— Не имею представления, госпожа. Я видел столько чудес, что перестал удивляться им — всем, кроме Теклы.

— Но вчера ты не решился расспросить о ней — даже о Текле, — опасаясь того, что я могу сказать или сделать. Хотя порывался сотню раз.

— Неужели я понравился бы тебе больше, госпожа, если бы, лежа с тобой в одной постели, принялся расспрашивать о своей старой любви? Воистину ваш род непостижим. Но раз уж ты сама заговорила о ней, расскажи мне.

Капля белой жидкости, которую я пил, толком не распробовав, упала рядом с чашкой. Я огляделся по сторонам в поисках чего-нибудь, чем можно было бы вытереть ее, но ничего не нашел.

— У тебя дрожат руки.

— Твоя правда, госпожа. — Я поставил чашку, и она загремела о поднос.

— Ты так любил ее?

— Да, госпожа, и ненавидел. Я — Текла и тот, кто любил Теклу.

— Тогда я ничего не скажу тебе о ней — какой в этом прок? Возможно, она сама расскажет тебе после Представления.

— То есть если победа будет за мной.

— А твоя Текла наказала бы тебя за поражение? — спросила Афета, и великая радость озарила меня. — Однако ешь, ведь нам пора идти. Вчера я говорила тебе, что дни здесь короче, и половину этого дня ты уже проспал.

Я проглотил пирожок и осушил чашку.

— Что будет с Урсом, если я потерплю поражение?

Афета поднялась.

— Цадкиэль справедлив. Он не сделает Урс хуже, чем есть, хуже, чем ему пришлось бы, если бы ты не явился.

— А это означает ледяное будущее, — сказал я. — Но если я одержу победу, явится Новое Солнце.

Вероятно, в питье было подмешано какое-то снадобье, ибо я, казалось, стал бесконечно далек от себя самого и смотрел на себя, как смотрит человек на мотылька, прислушиваясь к собствен-

ному голосу, как ястреб слышит попискивание полевой мыши.

Афета раздвинула занавес. Я последовал за ней. В открытой арке сверкало чистое море Йесода — этакий сапфир с белыми блестящими прожилками.

— Да, — сказала Афета. — И твой Урс будет уничтожен.

— Госпожа!..

— Довольно. Идем со мной.

— Значит, Пурн не ошибся. Он хотел убить меня, и мне стоило бы позволить ему сделать это.

Выбранная ею улица была круче, чем та, по которой мы спускались накануне. Она поднималась прямо по склону горы к Дворцу Правосудия, нависавшему над нами точно облако.

— Не ты помешал ему, — сказала Афета.

— Раньше, госпожа, на корабле. Значит, прошлой ночью, в темноте — это был он. И кто-то остановил его, не то я бы лишился жизни. Я не мог высвободиться сам.

— Цадкиэль, — пояснила она.

Хотя ноги у меня были длиннее, чем у моей провожатой, мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы не отстать.

— Но ты говорила, что его там нет, госпожа.

— Ошибаешься. Я сказала, что в тот день он не сядет на Престол Правосудия. Автарх, оглянись вокруг. — Она остановилась, и я вместе с ней. — Не правда ли, красивый город?

— Самый прекрасный из всех, что я видел, госпожа. В сотни раз прекраснее любого из городов Урса.

— Запомни хорошенько; наверное, ты больше не увидишь его. Твой мир мог бы быть таким же прекрасным, если бы вы все этого захотели.

Больше мы не задерживались до самого входа во Дворец Правосудия. Я представлял себе столпотворение, как на наших открытых судебных заседаниях, но вершину горы окутывала утренняя тишина.

Афета обернулась снова и указала на море.

— Смотри, — повторила она. — Видишь острова?

Я видел их. Казалось, куда ни глянь, поверхность воды была усеяна ими — в точности повторяя картину, открывавшуюся с корабля.

— Ты знаешь, что такое галактика, Автарх? Облако несметного количества звезд, удаленное от всех других облаков?

Я кивнул.

— Остров, на котором мы стоим, вершит суд

над мирами твоей галактики. Каждый из этих островов вершит суд над отдельной галактикой. Надеюсь, сие знание поможет тебе, поскольку иной помощи ты от меня не дождешься. Но помни: даже если ты не увидишь меня больше, я все равно буду присматривать за тобой.

21. ЦАДКИЭЛЬ

Накануне матросы сидели в первых рядах поперек Палаты Слушаний. Войдя сюда во второй раз, я немедленно отметил перемену. Те, что занимали их места сегодня, были окутаны мглой, которая, казалось, исходила от них самих, а матросы устроились у двери и у стен зала.

Глядя мимо темных фигур вдоль длинного прохода, что вел к Престолу Правосудия Цадкиэля, я увидел Зака. Он восседал на этом троне. С белокаменных стен по обе стороны от него свисало то, что я сперва принял за две портьеры превосходнейшей ткани, расшитые яркими разноцветными узорами в виде глаз. Только когда они зашевелились, я понял, что это его крылья.

Афета покинула меня у подножия лестницы, и я остался без охраны; пока я стоял, вытаращившись на Зака, появились двое матросов, которые взяли меня за руки и подвели поближе.

Затем они отошли, и я застыл перед ним, склонившись. Речи Старого Автарха уже не лезли непрошено в мою голову; на этот раз в ней царили пустота и замешательство. Наконец я вымолвил:

— Зак, я пришел просить за Урс.

— Знаю, — сказал он. — Добро пожаловать.

Голос его был низкий и чистый, как далекий сигнал золотого рога, и мне вспомнилась одна наивная сказка о Гаврииле, который носил за спиной боевой рог Небес на перевязи из радуги. В памяти всплыла книга Теклы, где я вычитал эту историю; а та, в свою очередь, напомнила мне о большом фолианте в радужном переплете, который показал мне Старый Автарх, когда я спросил его о пути в сад; он, уже осведомленный обо мне, знал, что я прибыл для того, чтобы занять его место и когда-нибудь отправиться просить за Урс.

Конечно, я видел Цадкиэля еще до того, как помогал Сидеро и остальным ловить его в образе Зака, и облик мужчины, представшего теперь передо мной, был не более (но и не менее) истинным, чем облик крылатой женщины, чей взгляд поразил меня тогда, а вместе они были не более и не менее истинны, чем зверек, который спас мою жизнь, когда Пурн пытался убить меня у вольера.

И я сказал:

— Сьер… Зак… Цадкиэль, великий иерограмматт… Я не понимаю…

— Ты хочешь сказать, что не понимаешь меня?

А с какой стати? Я сам не понимаю себя — или тебя, Северьян. Но я — это я, твой собственный род сделал нас такими перед апокатастазисом. Разве тебе не рассказывали, что они создали нас по своему подобию?

Я пытался ответить, но не мог. Наконец я просто кивнул.

— Тот облик, что сейчас носишь ты, был их первоначальным обликом, тем, в котором они вышли из зверей. Всякий род меняется со временем. Ты знаешь об этом?

Я вспомнил обезьянолюдей из шахты и сказал:

— Не всегда к лучшему.

— Верно. Но иеро стали управлять своим изменением и, чтобы мы могли следовать им, нашим тоже.

— Сьер…

— Спрашивай. Грядет твой окончательный суд, и он не может быть справедливым. Мы должны по возможности возместить ущерб. Сейчас или потом.

При этих словах мое сердце сковал холод; те, что сидели на скамьях, зашептались за моей спиной, и я слышал их голоса, как шорох листьев в лесу, но знал, кто они такие.

Собравшись с духом, я сказал:

— Сьер, у меня есть один глупый вопрос. Некогда я слышал две сказки о меняющих обличье, и в одной из них ангел — а я полагаю, что ты, сьер, и есть такой ангел — раскрыл свою грудь и передал свою способность менять облик домашнему гусю. Тот немедленно воспользовался ею, навсегда став морским гусем. Прошлой ночью госпожа Афета сказала, что я, возможно, не вечно буду хромым. Сьер, было ли ему — Мелито — велено рассказать мне эту историю?

Тонкая улыбка заиграла в уголках губ Цадкиэля, напоминая добродушный оскал Зака.

— Кто знает? Если велено, то не мной. Ты должен понять, что, когда истина известна, как была она доступна многим на протяжении стольких эонов, она расходится и меняет свой облик, приобретая различные формы. Но если ты просишь, чтобы я передал свою способность тебе, я не могу этого сделать. Если бы мы могли дарить ее, мы бы передали ее своим детям. Ты встречал их, и они томятся в том облике, который ты носишь ныне. Есть ли у тебя еще вопрос или мы можем продолжать?

— Да, сьер. Тысяча. Но если мне позволен только один, тогда хотелось бы знать, почему ты проник на борт корабля именно так, а не иначе?

— Потому что я хотел узнать тебя. В детстве, в своем мире, ты преклонял колено перед Миротворцем?

— В день святой Катарины, сьер.

— А верил ли ты в него? Верил ли всем своим существом?

— Нет, сьер. — Я ожидал, что буду наказан за свое неверие, и по сей день не могу сказать, случилось это или нет.

— Предположим. Но разве ты не знал о ком-нибудь твоего возраста, кто бы верил? — Послушники, сьер. По крайней мере так считалось среди нас, учеников палачей.

— Неужели им не хотелось пойти за ним, если бы представилась такая возможность? Встать бок о бок с ним, если бы он попал в беду? Возможно, ухаживать за ним, если бы он заболел? Я был таким послушником в творении, которого ныне нет. В нем тоже имелись Миротворец и Новое Солнце, хотя мы называли их иначе… Но теперь мы должны поговорить о другом, и немедленно. У меня много обязанностей, и иные из них куда более безотлагательные, чем эта. Скажу тебе прямо, Северьян — мы разыграли тебя. Ты пришел сюда, чтобы пройти наше испытание, вот мы и не разубеждали тебя и даже сказали, что это здание

— наш Дворец Правосудия. Все это неправда.

Я лишь молча смотрел на него.

— Иными словами, мы уже испытали тебя или то будущее, которое ты создашь. Ты — Новое Солнце. Тебя вернут на Урс, и Белый Фонтан отправится с тобой. Предсмертная агония известного тебе мира будет принесена в жертву Предвечному. Неописуемая катастрофа — как сказано, обрушатся целые материки. Много прекрасного погибнет, и с ним — большая часть твоей расы; но дом твой переродится.

Я могу и берусь записать произнесенные им слова, но мне не дано передать его голос или хотя бы намекнуть на убежденность, которая звучала в нем. Казалось, во мне текут его мысли, рисуя в воображении картины, более реальные, чем любая реальность; и я видел гибель континентов, слышал грохот рушащихся зданий и ощущал горький морской ветер Урса.

Сердитый ропот послышался за моей спиной.

— Сьер, — сказал я, — я помню испытание своего предшественника. — У меня было такое чувство, будто я снова стал самым младшим из учеников.

Цадкиэль кивнул:

— Необходимо, чтобы ты помнил его; для этого

он и проходил испытание.

— И был оскоплен? — Старый Автарх содрогнулся во мне, и я заметил, как трясутся мои руки.

— Да. Иначе между тобой и троном стоял бы ребенок, а твой Урс погиб бы навсегда. Или ты предпочел бы смерть ребенка?

Я не мог говорить, но его черные глаза, казалось, проникли в каждое сердце из тех, что бьются в моем. Наконец я покачал головой.

— Теперь я должен идти. Мой сын проследит за тем, чтобы тебя вернули в Брию и на Урс, который будет разрушен согласно твоему решению.

Он перевел взгляд на проход за моей спиной, и я, обернувшись, увидел человека, доставившего нас сюда с корабля. Матросы повскакали с мест, выхватив ножи, но я почти не обратил на них внимания. Их вчерашние места в центре помещения теперь занимали другие фигуры, которые уже не были скрыты тенью. Мой лоб покрылся испариной, так же как на нем проступила кровь, когда я впервые увидел Цадкиэля, и я повернулся к нему, чтобы выкрикнуть предупреждение.

Он исчез.

Невзирая на увечье, я быстро, как только мог, побежал, хромая, вокруг Престола Правосудия в поисках лестницы, по которой меня увели про-

шлой ночью. Не покривлю душой, если признаюсь, что бежал я не столько от матросов, сколько от тех, других, увиденных мною в Палате.

Как бы то ни было, лестницы тоже не оказалось; я обнаружил лишь гладкий пол, выложенный каменными плашками, одна из которых, несомненно, поднималась каким-то скрытым механизмом.

Теперь заработал другой механизм. Быстро и плавно трон Цадкиэля ушел под пол: так кит, поднявшийся на поверхность погреться на солнце, снова ныряет в глубину ледяного Южного Моря. Мгновение назад огромный трон стоял между мной и Палатой, надежный, как стена; и вот уже пол сошелся над его спинкой, и передо мной развернулась небывалая битва.

Иерарх, которого Цадкиэль назвал своим сыном, распростерся в проходе. Над ним сгрудились матросы, их ножи сверкали, многие лезвия обагрились кровью. Тех, что им противостояли, было примерно столько же, и сперва они казались мне слабыми точно дети — и действительно, среди них я заметил по меньшей мере одного ребенка, — но они держались как герои и за отсутствием оружия сражались голыми руками. Они стояли спиной ко мне, и я уверял себя, что

не знаю их, но сам осознавал лживость своих уверений.

С ревом, откатившимся эхом от стен, из их круга выскочил альзабо. Матросы отпрянули, и в тот же миг зверь перемолол одного из них своими челюстями. Я увидел Агию с ее отравленным мечом, Агилюса, крутившего обагренный кровью аверн, и Балдандерса, безоружного, пока он не ухватил за ноги женщину из группы матросов и ее телом не размозжил об пол другого противника.

Я видел Доркас и Морвенну, Кириаку и Касдо. Теклу, распростертую на полу, и какого-то оборванного ученика, который останавливал кровь, хлеставшую из ее горла. Гуазахта с Эрблоном, размахивавших своими спатами, словно они сражались в конном строю. Дария держала в обеих руках по тонкой гибкой сабле, а чуть дальше почему-то снова закованная Пиа душила цепью зазевавшегося матроса.

Я бросился мимо Меррина и оказался между Гунни и доктором Талосом, чей сверкающий клинок уложил человека прямо к моим ногам. Взбешенный матрос напал на меня, и я — клянусь — был рад ему и его оружию, ибо поймал его за запястье, сломал руку и одним движением вырвал у него нож. Я не успел удивиться тому,

как легко это вышло, пока не обнаружил, что еще раньше Гунни ударила его ножом в шею.

Казалось, едва я вступил в сражение, как оно тут же и закончилось. Немногие матросы бежали из Палаты; два или три десятка тел остались лежать на полу и на скамьях. Почти все женщины были мертвы, хотя я видел, как одна из женщин-кошек зализывает рану на своей короткопалой ладони. Старый Виннок устало оперся на ятаган — традиционное оружие рабов Пелерин. Доктор Талос оторвал кусок от робы мертвеца, чтобы вытереть лезвие своей шпаги-трости, и я увидел, что убитым был мастер Эш.

— Кто они? — спросила Гунни.

Я покачал головой, чувствуя, что и сам едва ли знаю это. Доктор Талос взял Гунни за руку и коснулся губами ее пальцев.

— Ты позволишь? Я — Талос, врач, драматург и импресарио. Я…

Дальше я не слышал. На меня налетел Трискель с окровавленными крыльями, виляя задом от радости. За ним — мастер Мальрубиус, великолепный в своем подбитом мехом плаще гильдии. Только увидев мастера Мальрубиуса, я все понял, и это не прошло незамеченным для него.

Тут же он, а потом и Трискель, доктор Талос,

мертвый мастер Эш, Доркас и все остальные рассыпались серебряными пылинками в ничто, как однажды на берегу, после того как мастер Мальрубиус спас меня от гиблых джунглей севера. Гунни и я остались одни посреди тел матросов.

Не все они были мертвы. Один пошевелился и застонал. Мы попытались перевязать рану на его груди (думаю, от узкого клинка доктора) тряпками, сорванными с трупов, хотя кровь и пузырилась на его губах. Через некоторое время появились иерархи с лекарствами и более подходящими бинтами и унесли его.

С ними пришла и госпожа Афета, но она осталась.

— Ты сказала, что я больше не увижу тебя, — напомнил я ей.

— Я сказала: может быть, — поправила она. — Если бы все обернулось иначе, ты бы меня больше не увидел.

В гробовом безмолвии, царившем в этом зале, ее голос звучал тише шепота.

22. НИСХОЖДЕНИЕ

— У тебя, должно быть, накопилось много вопросов, — прошептала Афета. — Давай выйдем в портик, и я отвечу на все.

Я покачал головой, потому что слышал музыку дождя, доносившуюся из открытых дверей.

Гунни тронула меня за руку:

— Нас кто-нибудь подслушивает?

— Нет, — сказала Афета. — Но давайте выйдем. Там хорошо, и у нас очень мало времени — у нас троих.

— Я прекрасно разбираю твою речь, — сказал я. — Останемся здесь. Возможно, еще кто-нибудь среди мертвецов начнет стонать. Это даст тебе вполне подходящий голос.

— И вправду, — кивнула она.

Я устроился на том самом месте, где в первый день сидел на корточках Цадкиэль; она опустилась рядом, совсем близко, наверняка для того, чтобы мне было лучше слышно.

Гунни тоже подсела к нам и вложила свой кинжал в ножны, предварительно обтерев его лезвие о бедро.

— Прости, — сказала она.

— За что? За то, что ты сражалась на моей стороне? Я не виню тебя.

— Прости, что остальные сражались против, и этим волшебным людям пришлось защищать тебя от нас. От всех нас, кроме меня. Кто они такие? Это ты высвистал их?

— Нет, — покачал я головой.

— Да, — прошептала Афета.

— Это люди, которых я некогда знал, только и всего. Женщины, которых я любил. Многие давно мертвы — Текла, Агилюс, Касдо… Наверно, сейчас они все мертвы, все стали призраками, хотя я и не знал об этом.

— Они еще не родились. Ты же знаешь, что, когда корабль идет быстро, время течет вспять. Я сама говорила тебе. Они не родились, как, впрочем, и ты.

Афета обратилась к Гунни:

— Я сказала, что он вызвал их, поскольку мы извлекли их из его памяти, разыскивая тех, кто ненавидел его или хотя бы имел причину ненавидеть. Великан, которого ты видела, мог бы повелевать Содружеством, если бы Северьян не одолел его. А светловолосая женщина могла не простить ему то, что он вернул ее из мертвых.

— Я не имею права затыкать тебе рот, — сказал я, — но будь милостива, объясни ей все это где-нибудь в другом месте. Или позволь мне удалиться туда, где я не должен буду выслушивать твои объяснения.

— Это не доставляет тебе удовольствия? — спросила Афета.

— Видеть всех снова, наблюдать, как их обманом заставили защищать меня? Нет. И с какой бы стати?

— Потому что их не обманывали, не более чем бывал обманут мастер Мальрубиус каждый раз, когда ты видел его после его смерти. Мы нашли их среди твоих воспоминаний и предоставили им судить. Все в этой Палате, кроме тебя, видели одно и то же. Разве тебя не удивило, что здесь я едва могу говорить?

Я повернулся и посмотрел на нее, словно блуждал где-то далеко и услышал ее лишь тогда, когда разговор зашел совсем о другом.

— Наши здания всегда наполнены шумом воды и дыханием ветра. Зато это помещение предназначено для тебя и таких, как ты.

— До того, как ты пришел, — вмешалась Гунни, — Зак показал нам, что в будущем у Урса есть выбор. Он может умереть и переродиться. Или

может продолжать жить долгое время, пока не умрет навсегда.

— Я знал это еще с детства.

Она кивнула своим мыслям, и на мгновение мне показалось, что я увидел маленькую девочку в той женщине, какой она стала.

— А мы нет. Мы не знали. — Она отвела от меня глаза и стала шарить взглядом по груде трупов. — Моряки никогда особенно не обращали внимания на религиозные догматы.

Не найдя что сказать, я промолвил:

— Наверно, не обращали.

— Моя мать верила, и это было похоже на сумасшествие, затаившееся в уголке ее сознания. Понимаешь? И я думала, что только так оно и может быть.

Я повернулся к Афете и начал:

— Я хотел бы знать…

Но Гунни взяла меня за плечо рукой, слишком большой и сильной для женщины, и развернула к себе.

— Мы думали, это случится скоро, но сами мы умрем гораздо раньше.

— Нанимаясь на этот корабль, ты плывешь от Начала и до Конца, — прошептала Афета. — Все матросы это знают.

— Мы не думали об этом. Не думали, пока вы не заставили нас задуматься. Он, Зак, заставил нас вглядеться.

— А ты знала, что это был Зак? — спросил я.

Гунни кивнула:

— Я была с ним, когда его поймали. Иначе, наверно, я бы так и не поняла. А возможно, и поняла бы. Он сильно изменился, и я уже знала, что он не тот, за кого мы сперва его приняли. Он… Нет, не могу.

— Хочешь, я скажу тебе? — прошептала Афета. — Он — отражение, подражание тому, чем станете вы.

— Если придет Новое Солнце? — переспросил я.

— Нет. Дело в том, что оно уже идет. Суд над тобой свершился. Ты слишком долго думал о нем, я знаю, и тебе, должно быть, трудно осознать, что он уже позади. Вы победили. Вы спасли свое будущее.

— Вы тоже победили, — сказал я.

Афета кивнула:

— Теперь ты понимаешь.

— А я нет, — вмешалась Гунни. — О чем речь?

— Неужели не понимаешь? Иерархи и их иеродулы — и иерограмматы тоже — старались

помочь нам стать тем, чем мы были. Тем, чем мы можем быть. Не так ли, госпожа? Таково их правосудие, весь смысл их существования. Они проводят нас через те страдания, через которые мы провели их. И… — Я не смог закончить свою мысль. Слова застыли у меня на губах.

Афета закончила за меня:

— Вы, в свой черед, заставите нас пройти через то, что выпало вам на долю. Думаю, ты понимаешь. Но ты, — она посмотрела на Гунни, — ты — нет. Ваш род и наш, быть может, не более чем механизмы воспроизведения друг друга. Ты — женщина, и потому, по-твоему, ты растишь свою яйцеклетку, чтобы когда-нибудь произвести на свет другую женщину. Но твоя яйцеклетка сказала бы, что производит ту женщину, чтобы когда-нибудь на свет появилась другая яйцеклетка. Мы не меньше, чем он, хотели добыть Новое Солнце. По правде говоря, даже больше. Спасая свой род, он спас наш, как мы спасли наше будущее, спасая ваше. — Афета повернулась ко мне. — Я говорила тебе, что ты принес дурные вести. Весть о том, что мы и вправду можем проиграть в той игре, о которой мы говорили.

— У меня всего три вопроса, госпожа, — промолвил я. — Разреши задать их, и я уйду, если

позволишь.

Она кивнула.

— Почему Цадкиэль сказал, что мое испытание окончено, когда аквасторам еще только предстояло сразиться и умереть за меня?

— Аквасторы не умерли, — объяснила Афета. — Они живут в тебе. Что же до Цадкиэля, он сказал то, чего требовала истина. Он испытал будущее и обнаружил, как велика возможность, что ты принесешь Новое Солнце своему Урсу и тем самым спасешь эту ветвь твоего рода, чтобы она воспроизвела наш во вселенной Брии. Именно это испытание все решало; оно свершилось, и результат вышел в твою пользу.

— Мой второй вопрос. Цадкиэль также сказал, что суд надо мной не может быть справедливым и потому он по возможности возместит ущерб. Ты утверждала, что он правдив. Разве суд и испытание — не одно и то же? И почему суд был несправедлив?

Голос Афеты казался тихим вздохом.

— Легко тем, кому не нужно судить, или тем, чье суждение необременительно для правосудия, жаловаться на неравенство и говорить о предвзятости. Когда же приходится действительно судить, как судит Цадкиэль, обнаруживается, что

нельзя быть справедливым к одному, не проявив несправедливости к другому. Чтобы быть честным по отношению к тем на Урсе, кто погибнет, и особенно к бедным, невежественным людям, которые так никогда и не поймут, за что они гибнут, он призвал их представителей…

— Нас, ты хочешь сказать?! — воскликнула Гунни.

— Да, вас, корабельщиков. И он дал тебе, Автарх, в защитники тех, у кого имелась причина ненавидеть тебя. Это было справедливо по отношению к корабельщикам, но не к тебе.

— Я и раньше часто заслуживал наказания, но не получал его.

Афета кивнула:

— Поэтому некоторые картины, из тех, что ты видел или, во всяком случае, мог увидеть, если бы потрудился посмотреть, были помещены в узком коридоре, проходящем вокруг этого зала. Одни напоминали тебе о твоем долге. Другие должны были показать тебе, что ты сам нередко исполнял правосудие самого жестокого свойства. Теперь ты понимаешь, почему избрали именно тебя?

— Палача? Чтобы спасти мир? Да.

— Убери руки от лица. Достаточно того, что ты и эта бедная женщина едва слышите меня. Позволь

хотя бы мне слышать тебя. Ты задал мне те три вопроса, о которых говорил. Есть ли у тебя еще?

— Да, и много. Я видел Дарью. И Гуазахта с Эрблоном. У них тоже была причина ненавидеть меня?

— Я не знаю, — прошептала Афета. — Спроси Цадкиэля или тех, кто помогал ему. Или спроси самого себя.

— Думаю, была. Я сместил бы Эрблона, если бы сумел. Как Автарх я мог бы возвысить Гуазахта, но не сделал этого; и так и не попытался найти Дарью после битвы. Меня занимало столько дел — более важных дел. Понятно, почему ты назвала меня монстром.

— Не ты монстр, — воскликнула Гунни, — а она!

Я пожал плечами.

— Но все они сражались за Урс, и Гунни тоже. Это было прекрасно.

— Не за тот Урс, который ты знал, — прошептала Афета. — За Новый Урс, который многие никогда не увидят сами, но лишь твоими глазами и глазами тех, кто их помнит. У тебя есть еще вопросы?

— У меня есть, — вмешалась Гунни. — Где мои товарищи? Те, кто убежал и спас свою жизнь?

Я почувствовал, что ей стыдно за них, и сказал:

— Их бегство наверняка спасло и наши жизни.

— Их вернут на корабль, — ответила Афета.

— А что будет с Северьяном и со мной?

— Они попытаются убить нас по дороге домой, Гунни, — сказал я, — а может быть, и нет. Если да, то нам еще придется разбираться с ними.

Афета покачала головой.

— Вас действительно перенесут на корабль, но другим путем. Поверьте мне, с этой проблемой столкнуться вам не придется.

Одетые в черное, в проходе появились иерархи с носилками, собирая мертвецов.

— Их захоронят в основании этого здания, — прошептала Афета. — Добрались ли мы до последнего вопроса, Автарх?

— Почти. Но смотри: одно из этих тел принадлежит к твоему роду — это сын Цадкиэля.

— Его захоронят вместе с остальными павшими.

— Но было ли так задумано? Неужели это входило в планы его отца?

— Его гибель? Нет. Но то, что он должен рискнуть жизнью, — да. Какое мы имеем право рисковать твоей жизнью и жизнью многих других, если сами не подвергаемся риску? Цадкиэль

подвергался смертельной опасности с тобой на корабле. Венант — здесь.

— Он знал, что произойдет?

— Ты имеешь в виду Цадкиэля или Венанта? Венант, разумеется, не знал, но он понимал, что может случиться, и выступил, чтобы спасти наш род, как иные выступили, чтобы спасти свой. О Цадкиэле я не берусь судить.

— Кстати, ты сказала, что каждый из островов судит свою галактику. Значит, все же мы — Урс — важны для вас?

Афета поднялась, расправив свое белое одеяние. Теперь я уже свыкся с ее распущенными волосами, хотя с первого взгляда они произвели на меня жутковатое впечатление; я не сомневался, что видел изображение этого черного ореола где-то в безграничной галерее старого Рудезинда, но не мог припомнить картину точно. Афета сказала:

— Мы проводили мертвых. Теперь, когда их нет, пора и нам. Может статься, что иеро придут с твоего перерожденного Урса. Таково мое мнение. Но я всего лишь женщина, причем невысокого ранга. Я сказала то, что сказала, чтобы ты не умер в безысходности.

Гунни открыла было рот, но Афета жестом за-

ставила ее замолчать.

— А теперь ступайте за мной.

Мы повиновались, однако она сделала лишь пару шагов к тому месту, где стоял Престол Правосудия Цадкиэля.

— Северьян, возьми ее руку, — приказала она. Сама же она вложила свою ладонь в мою и взяла за руку Гунни.

Камень, на котором мы стояли, ушел у нас из-под ног. В то же миг пол Палаты Слушаний сомкнулся над нашими головами. Мы падали (или нам казалось, что падали) в просторную шахту, полную резкого желтого света, шахту в тысячу раз шире, чем площадь камня. По стенам ее виднелись могучие механизмы из зеленого и серебряного металла, перед которыми копошились и мелькали точно мухи мужчины и женщины, а прямо по гладкой поверхности механизмов словно муравьи карабкались гигантские синие с золотом скарабеи.

23. КОРАБЛЬ

Пока мы падали, я не мог вымолвить ни слова. Я лишь крепко сжимал руки Гунни и Афеты, не из страха потерять их, а потому, что боялся потеряться сам; и кроме этой тревожной мысли, ни одна другая не укладывалась в моей голове.

Наконец падение наше стало замедляться — или, вернее, перестало ускоряться. Мне вспомнились мои прыжки между снастей, ибо, казалось, и здесь нерациональный голод материи был ослаблен. На лице Гунни, когда она повернула голову к Афете, чтобы спросить, где мы находимся, отразилось охватившее меня в этот миг чувство облегчения.

— В нашем мире, — отвечала ей Афета, — на нашем корабле, если тебе удобнее называть его так, хотя он всего лишь движется вокруг нашего солнца и не нуждается в парусах.

В стене колодца открылась дверь, и, вроде бы не прерывая падения, мы остановились вровень с дверным проемом. Афета увлекла нас внутрь, в узкий темный коридор, который я мысленно благословил, почувствовав под ногами твердый пол.

— У себя на корабле мы не держим воду на палубе, — выдавила из себя Гунни.

— Где же вы ее держите? — спросила с отсутствующим видом Афета. Только заметив, насколько сильнее стал ее голос, я обратил внимание на шум — жужжание, похожее на пчелиное (как хорошо я запомнил его!), и дальний звон и лязг, словно боевые кони в доспехах скакали по мощеной дороге, а в деревьях стрекотали незримые кузнечики, которыми уж никак не могло изобиловать это место.

— Внутри, — ответила Гунни. — В цистернах.

— Должно быть, страшно выходить на поверхность такого мира. Здесь же цель, к которой мы всегда стремимся.

В нашу сторону направлялась женщина, весьма похожая на Афету. Она перемещалась гораздо быстрее, чем могла нести ее походка, поэтому на одном дыхании промчалась мимо нас. Я обернулся посмотреть ей вслед, внезапно вспомнив, как зеленый человек растаял в Коридорах Времени. Когда она скрылась из виду, я сказал:

— Вы нечасто появляетесь на поверхности, не так ли? Я должен был догадаться — вы все так бледны.

— У нас это награда за долгий и тяжкий труд.

На вашем Урсе женщины, которые выглядят так, как я, вообще не работают — по крайней мере по моим сведениям.

— Некоторые, — поправила Гунни.

Мы миновали развилку, потом другую. И вдруг тоже рванули вперед, и тут мне показалось, что наш путь описывает длинную кривую, против часовой стрелки и вниз. Со слов Афеты я понял, что ее родичи любят плоские спирали; быть может, у них в почете и пространственные.

Словно волна, вздыбившаяся над носом попавшей в шторм караки, перед нами выросла двустворчатая дверь из полированного серебра. Мы остановились так плавно, будто и не сбивались с размеренного шага. Афета толкнула двери, которые застонали, точно клиенты, но не подались, пока я не пришел на помощь.Гунни взглянула на дверную табличку и, словно зачитывая начертанные там строки, произнесла: **«Оставь** надежду всяк сюда входящи**й»**. — Нет, наоборот, — прошелестела Афета. — Живи надеждой.

Жужжание и лязг остались позади.

Я спросил:

— Здесь меня научат, как добыть Новое Солнце?

— Тебя не нужно учить, — ответила Афета. — Ты уже вынашиваешь в себе знание и разрешишься им, как только подступишь к Белому Фонтану настолько близко, что осознаешь его существование.

Я посмеялся бы над ее странной манерой речи, если бы абсолютная пустота зала, куда мы вошли, не гасила любое веселье. Он был просторнее, чем Палата Слушаний, его серебряные стены смыкались наверху огромным сводом, следуя той траектории, какой летит брошенный в небо камень; но он был пуст, совершенно пуст, если не считать нас, шептавшихся у его дверей.

— «Оставь надежду…» — повторила Гунни, и я понял, что она слишком напугана, чтобы обращать внимание на Афету или на меня. Я обнял ее за плечи (хотя этот жест выглядел несколько несуразно по отношению к женщине моего роста) и попытался успокоить, тем временем соображая, какой глупой она должна быть, чтобы успокоиться именно теперь, когда совершенно ясно, что я могу сделать для нее не больше, чем она сама.

— Среди нас была девушка, — продолжала Гунни, — которая часто так говорила. Она не оставляла надежду вернуться домой, но мы ни разу не причалили в ее времени, а потом она

умерла.

Я спросил у Афеты, как я проникся этим знанием, не осознавая его.

— Цадкиэль передал его тебе, пока ты спал, — объяснила она.

— Хочешь сказать, он приходил в твой дом прошлой ночью? — спросил я, только потом сообразив, что Гунни неприятно это слышать; Ее мышцы напряглись, она сбросила мою руку с плеч.

— Нет, — ответила Афета. — На корабле, я полагаю. Не могу сказать точно, когда.

Тут я вспомнил, как Зак склонялся надо мной в том потайном уголке, который Гунни нашла для нас, — Цадкиэль, преобразившийся в дикаря, какими мы, его прообразы, были когда-то.

— Идемте же, — позвала Афета. Она повела нас вперед. Я ошибался, заключив, что зал абсолютно однообразен; на его полу имелась большая черная площадка. Серебряные блики со сводчатого потолка падали на нее там, где были заметнее всего.

— У вас обоих есть те ожерелья, которые носят матросы?

Слегка удивившись, я нащупал свое и кивнул. Гунни сделала то же самое.

— Наденьте их. Скоро вы окажетесь без воздуха.

Только тут я понял, что, представляет собой эта искрящаяся чернота. Я вынул ожерелье, сомневаясь, если честно, работает ли еще каждая из соединенных вместе призм, надел его и шагнул вперед, ведомый любопытством. Моя воздушная оболочка двинулась со мной, и я перестал ощущать колебание воздуха снаружи; но я видел, как штормовой ветер, которого я не чувствовал, трепал волосы Гунни, пока она не надела свое ожерелье; зато странные волосы Афеты не колыхались, как волосы смертной женщины, а развевались точно знамя.

Эта чернь была пустотой; и пока я шел к ней, она поднималась, словно почувствовав мое приближение, и вскоре обернулась шаром.

Тут я попытался остановиться.

В тот же миг Гунни оказалась рядом со мной, тоже борясь с притяжением, и ухватилась за мою руку. В центре шара, прямо как на картине, которую я видел на борту, находился корабль.

Я написал, что попытался остановиться. Это было трудно, и вскоре я уже не мог сопротивляться. Возможно, пустота имела поле тяготения, под стать планете. Или попросту давление ветра

на воздух, неподвижно стоявший вокруг, было таким сильным, что меня неудержимо тянуло вперед.

Может быть, это корабль распространил на нас свою власть? Если бы я осмелился, то написал бы, что меня притягивала моя судьба, но Гунни не могла идти на поводу у той же судьбы, хотя, вероятно, ее, отличный от моего, жребий тянул ее в ту же сторону. Ведь если бы это был просто ветер или подспудное тяготение материи к материи, почему тогда Афету не унесло вместе с нами?

Предоставлю тебе, читатель, размышлять на эту тему. Как бы то ни было, меня затягивало, и Гунни тоже; и я видел, что она летит в пустоту вслед за мной, вертясь и вращаясь, как вертелась и вращалась вся вселенная; видел ее, как один листок, подхваченный весенней бурей, может видеть другой. Где-то за нами или перед нами, над нами или под нами, образовался большой круг света, диск, совершающий неистовый круговорот, лунообразное нечто, если только можно вообразить луну опалово-белого цвета. Гунни мелькнула на фоне него раз или два, перед тем как затерялась в усыпанной алмазами черноте. (А однажды мне показалось — и все еще кажется, когда я вызываю в памяти эту безумную карти-

ну, — что я заметил лицо Афеты, выглянувшей из этой луны.)

На следующем сумасшедшем повороте уже не Гунни, а это ослепительно белое пятно затерялось где-то между миллиардов солнц, взирающих на меня. Зато неподалеку возникла Гунни, и я увидел, как она вертит головой, высматривая меня.

Не потерялся и корабль; на самом деле он был так близко, что я уже мог разглядеть матросов, снующих в снастях. Возможно, мы все еще падали. И уж наверняка мы двигались с огромной скоростью, ибо сам корабль скорее всего мчался из одного мира в другой. Но ощущение скорости пропадало, как исчезает ветер, когда быстрая шебека обгоняет шторм в Океане Урса. Мы плыли так лениво, что если бы я не доверял Афете и иерархам, то испугался бы, что мы вообще никогда не догоним корабль и навеки затеряемся в этой бесконечной ночи.

Вышло иначе. Кто-то из матросов заметил нас, и мы видели, как он прыгал от одного товарища к другому, махая руками и указывая в нашу сторону, пока не сближался с ними настолько, что их воздушные оболочки соприкасались, позволяя им объясняться при помощи речи.

Затем нагруженный чем-то матрос уверенны-

ми ловкими прыжками поднялся на ближнюю к нам мачту, встал на самую верхнюю рею и, вынув из своего свертка лук и стрелу, натянул тетиву. И вот уже стрела полетела в нашу сторону, вращаясь и волоча за собой почти неразличимый серебряный линь, не толще нити.

Стрела прошла между Гунни и мной, но я отчаялся поймать спасательный трос; Гунни же повезло больше, и она, схватившись за него и преодолев некоторое расстояние по направлению к кораблю (коренастый матрос помогал ей, вытягивая трос с другой стороны), взмахнула линем, как погонщик кнутом, так, что по нему побежала словно живая продольная волна, которая поднесла трос достаточно близко, чтобы я смог вцепиться в него.

Я не любил корабль, когда был его пассажиром и моряком на его борту, но сейчас одна мысль о возвращении туда наполняла меня радостью. Приближаясь к мачтам, я вполне осознавал, что моя задача еще далека от выполнения, ведь Новое Солнце не придет, если я не приведу его, а сделав это, я буду в ответе за те разрушения, которые оно вызовет, как и за обновление Урса. Так каждый мужчина, приводящий в мир своего сына, чувствует ответственность за труды, выпавшие на

долю его женщины, и за ее возможную смерть и не без основания боится, что мир в конце концов проклянет его на миллионе наречий.

Я все это знал, но сердцем ощущал иное: я, так отчаянно стремившийся преуспеть, приложивший все силы к победе, проиграл; теперь мне будет позволено вновь заявить права на Трон Феникса, как я сделал это в лице моего предшественника, — заявить права и наслаждаться всей властью и сопутствующей роскошью, а более всего — вершением правосудия и поощрением достойных, то есть высшей формой услады, черпаемой во власти. И все это — будучи освобожденным наконец от неутолимой тяги к женской плоти, принесшей столько страданий и мне, и моим любимым.

Так сердце мое пело от радости, и я спускался к гигантской роще мачт и рей, к континентам серебряных парусов, как моряк, потерпевший кораблекрушение, выбирается из воды на заросший цветами берег, а чьи-то дружеские руки помогают ему подняться; и, встав наконец вместе с Гунни на рее, я обнял матроса, как обнял бы Роша или Дротта, улыбаясь, наверняка как полный идиот, а потом, чтобы не расставаться с ним и его товарищами, прыгнул вниз, подражая их

отважным скачкам, прыгнул так, как если бы вся безумная радость сосредоточилась не в сердце, а в моих ногах и руках.

Только когда последний прыжок доставил меня на палубу, я обнаружил, что подобное сравнение не было пустой метафорой. Искалеченная нога, причинявшая мне столько неудобств после спуска с мачты, когда я выбросил свинцовый ящик, содержащий летопись моей прошлой жизни, больше не болела и казалась такой же сильной, как и другая. Я провел руками от бедра до колена — Гунни и матросы, собравшиеся вокруг нас, верно, подумали, что я повредил ее, — и обнаружил, что мышцы столь же развиты и крепки, как и мышцы другой ноги.

И тут я подпрыгнул от радости и в прыжке оставил палубу и всех остальных далеко внизу, перевернувшись в полете дюжину раз, точно монета, подброшенная игроком. Но на палубу я вернулся отрезвленный, ибо во вращении я заметил звезду, что была ярче всех остальных.

24. КАПИТАН

Вскоре нас увели вниз. Сказать по правде, я был весьма рад уйти с палубы. Это трудно объяснить — настолько трудно, что я испытываю соблазн вовсе опустить объяснение. Но думаю, значительно облегчило бы дело, если бы ты, читатель, заглянул в далекое детство.

Младенец в колыбели поначалу не догадывается о различии между собственным телом и окружающим его деревом или пеленками, на которых он лежит. Точнее, его тело кажется ему столь же чужим, как и все окружение. Он глядит на свою ножку и дивится, что такая странная штука — часть его самого.

Так и со мной. Я увидел звезду и, увидев ее — пусть безмерно далекую, — понял, что это моя область, бессмысленная, точно ножка младенца, таинственная, как дарование для того, кто недавно открыл его в себе. Не то чтобы мое или чье бы то ни было сознание заключалось в этой звезде — тогда по крайней мере нет. Но я ощущал свое пребывание в двух точках — так человек, стоящий по грудь в воде, одинаково восприни-

мает волны и ветер как нечто не тождественное целому, составляющее лишь часть совокупности его окружения.

Поэтому я пошел с Гунни и матросами, торжествуя и с высоко поднятой головой. Но я ни с кем не вступал в разговор и вспомнил, что надо снять ожерелье, лишь заметив, как Гунни и остальные снимают свои.

Какое печальное потрясение испытал я в тот миг! Воздух Йесода, к которому я привык за один краткий день, покинул меня, и легкие мои наполнила атмосфера, сходная — и даже много хуже — с атмосферой Урса. Первый огонь, должно быть, зажгли в необозримо давние времена. В то мгновение я почувствовал себя так, как, должно быть, чувствовал себя древний человек к концу своей жизни, когда лишь самые старые могли вспомнить чистые ветры ушедших рассветов. Я посмотрел на Гунни и увидел, что она смотрит на меня. Мы чувствовали одно и то же, не проронив ни слова об этом, ни тогда, ни впоследствии.

Не знаю, как далеко мы ушли по запутанным коридорам корабля. Я был слишком погружен в свои мысли, чтобы считать шаги; наверное, время, существовавшее на этом корабле, не отличалось от времени, знакомого нам по Урсу, но

время Йесода было другим, растянувшимся до границы Вечности, но покрываемым в мгновение ока. Размышляя об этом, и о звезде, и о тысяче других чудес, я шагал вперед, не подозревая о том, куда забрался, пока не заметил, что большинство матросов пропали, а на их месте оказались иеродулы в масках людей. Я так заплутал среди своих химер, что сперва вообразил, будто те, кого я принял за матросов, все время были иеродулами в масках, и Гунни узнала их с самого начала; но, вернувшись мыслью к тому, как мы впервые ступили на палубу, я отбросил это хоть и заманчивое, но ложное предположение. В нашей жалкой вселенной Брия необычайность — слабый аргумент в пользу истины. Матросы попросту разошлись в стороны, не замеченные мной, а иеродулы — выше ростом и одетые куда более строго — заняли их места.

Не успел я разглядеть их толком, как мы остановились перед огромными дверями, формой напоминавшими двери, через которые Афета провела нас с Гунни на Йесоде около стражи назад. На эти, однако, мне не понадобилось налегать плечом — они распахнулись сами собой медленно и многозначительно, открыв длинную галерею мраморных сводов — каждый высотой

по меньшей мере в сотню кубитов, — откуда лился свет, который не увидишь ни в одном мире, парящем вокруг звезды, свет попеременно серебряный, золотой и берилловый, искрившийся так, будто сам воздух был обогащен драгоценными камнями.

Гунни и оставшиеся матросы отпрянули в страхе, и иеродулам пришлось заводить их в эти двери при помощи понуканий и даже толчков; я же вошел внутрь весьма охотно, решив, что за годы пребывания на Троне Феникса научился распознавать пышность и великолепие, которыми мы, правители, пугаем простой невежественный народ.

Двери с грохотом захлопнулись за нами. Я притянул Гунни к себе и в самых убедительных на тот момент выражениях принялся доказывать, что бояться нечего, то есть, по-моему, риск отсутствует или по крайней мере минимален, а в случае возникновения малейшей опасности я приложу все усилия, чтобы защитить ее. Подслушав мои увещевания, матрос, который метнул нам линь, один из немногих оставшихся с нами, заметил:

— Большинство тех, что приходят сюда, не возвращаются. Это жилище шкипера.

Сам он не выглядел напуганным, и я сказал

ему об этом.

— Я плыву по течению. Надо помнить, что большинство попадают сюда в наказание. Как-то раз или даже дважды она поощрила здесь кое-кого перед его товарищами. Они, по-моему, вернулись. Если тебе нечего скрывать, становишься храбрее, чем от самогонки, вот увидишь. Так-то можно плыть по течению.

— У тебя славная философия, — сказал я.

— Не знаю другой, которой было бы так же легко держаться.

— Меня зовут Северьян. — Я протянул ему руку.

— Гримкельд.

У меня большие руки, но ладонь, сжавшая мою, была еще больше и казалась твердой как дерево. Мгновение мы мерились силой.

Пока мы шли, топот наших ног превратился в торжественную музыку, в которую вступили инструменты, не похожие ни на трубы, ни на офиклеиды, ни на какие-либо другие известные мне. Когда мы разжали руки, эта странная музыка достигла кульминации; золотые голоса незримыми устами рассказывали о нас друг другу.

Через миг все смолкло. Внезапно, точно тень птицы, но нависая над нами, как зеленые сосны

над некрополем, появилась крылатая фигура великанши.

Все иеродулы тут же поклонились, а спустя мгновение их примеру последовали мы с Гунни. Матросы, пришедшие с нами, также выразили покорность, стянув шапки, склонив головы и коснувшись костяшками пальцев лбов или отреагировав еще менее изящно, но даже с большей готовностью.

Гримкельда защищала от страха его философия, меня же — моя память. Цадкиэль, несомненно, был капитаном этого корабля во время моего предыдущего путешествия. Разумеется, Цадкиэль командовал кораблем и теперь, а на Йесоде я научился не бояться его. Но в этот миг я взглянул в глаза великанши, увидел зрачки, покрывавшие ее крылья, и понял, что я глупец.

— Среди вас есть великий человек, — сказала она, и голос ее прозвучал, словно музыка тысячи кифар или как рык смилодона — кошки, что охотится на наших быков с той же легкостью, с какой волки таскают овец. — Пусть он выйдет вперед.

Ни разу в своих прежних жизнях мне не приходилось повиноваться с такой неохотой, и все же я шагнул вперед, как она велела. Она подняла меня в чаше своих ладоней, будто новорожденного

щенка. Дыхание ее оказалось ветром Йесода, который я уже не чаял вдохнуть снова.

— Откуда же черпают столько силы? — это был всего лишь шепот, но мне показалось, что он сотряс весь остов корабля.

— От тебя, Цадкиэль, — сказал я. — В иное время я был твоим рабом.

— Расскажи мне.

Я попытался и обнаружил, сам не знаю как, что каждое мое слово несет значение десяти тысяч, ибо, когда я произнес «Урс», вместе с этим словом появились континенты, моря, все острова, темно-синее небо, озаренное славой Старого Солнца, правящего посреди своей звездной свиты. После сотни подобных слов она знала о нашей истории больше, чем я мог себе помыслить; а я, сам того не ведая, дошел до места, когда мы с Отцом Иниром обнялись и я поднялся по трапу на судно иеродулов, которое должно было доставить меня на корабль иерограммата, корабль Цадкиэль. Еще сотня слов, и все, что случилось со мной на борту и на Йесоде, встало, сверкая, в воздухе между нами.

— Ты подвергся испытаниям, — сказала она. — Если хочешь, я могу дать тебе то, что заставит тебя забыть их все. Но ты все равно доставишь

Новое Солнце своему миру, одним лишь чутьем.

Я покачал головой:

— Не хочу забывать, о Цадкиэль. Я слишком часто хвалился, что ничего не забываю, и забвение — которое случалось со мной раз или два — кажется мне чем-то сродни смерти.

— Скажи лучше, что смерть — это память. Но даже смерть может быть доброй, как открылось тебе на озере. Хочешь, я поставлю тебя на пол?

— Я твой раб, как уже признался. Твоя воля — моя воля.

— А если бы я пожелала уронить тебя?

— Тогда твой раб все же будет бороться за жизнь, чтобы мог жить Урс.

Она улыбнулась и развела руки:

— Ты уже забыл, как легко здесь падать!

И действительно, на миг я ощутил испуг; на Урсе, упав с кровати, я подвергся бы большему риску. Здесь же я легко, как перышко, опустился на пол каюты Цадкиэль.

И все же прошло несколько мгновений, пока я опомнился настолько, чтобы заметить, что все остальные исчезли и я стою один. Цадкиэль, видимо проследив за моим взглядом, прошептала:

— Я отослала их. Человек, который спас тебя, будет вознагражден, равно как и женщина, сра-

жавшаяся на твоей стороне, когда остальные готовы были убить тебя. Но вряд ли ты увидишь их снова.

Она потянулась ко мне правой рукой, пока кончики ее пальцев не коснулись пола прямо передо мной.

— Целесообразно, — сказала она, — если мой экипаж и впредь будет считать меня большой и не догадываться, как часто я появляюсь среди них. Но ты знаешь обо мне слишком много, чтобы обманывать тебя подобным образом, и заслуживаешь слишком многого, чтобы вообще быть обманутым. Сейчас будет удобнее, если мы сравняемся в росте.

Я едва расслышал последние слова. То, что произошло в следующий миг, захватило все мое внимание. Верхняя костяшка ее указательного пальца превратилась в лицо, и это было лицо Цадкиэль. Ноготь расщепился раз, потом еще раз, затем разделились первый и второй суставы, так что нижняя костяшка стала ее коленями. Палец шагнул прочь из руки, подняв свои собственные руки и развернув усыпанные глазами крылья, а великанша за ним исчезла, словно погашенное пламя.

— Я отведу тебя в твою каюту, — сказала Цад-

киэль. Теперь она была ростом чуть ниже меня.

Я порывался упасть перед ней на колени, но она подняла меня.

— Идем. Ты устал — куда больше, чем думаешь, и неудивительно. Там тебя ждет славная постель. Еду принесут, как только проголодаешься.

Я лишь вымолвил:

— Но если тебя увидят…

— Нас не увидят. Здесь есть проходы, которыми пользуюсь только я.

При этих словах в стене распахнулся один из проемов. Цадкиэль увлекла меня в открывшееся отверстие и повела по темному коридору. Тогда я вспомнил, как Афета говорила мне, что ее народ видит в такой темноте; но Цадкиэль, в отличие от Афеты, не пульсировала светом, и я был не настолько глуп, чтобы рассчитывать, что мы разделим с ней упомянутую постель. После довольно долгого перехода разлился свет — Старое Солнце поднялось из-за невысоких холмов, — и казалось, мы вышли за пределы коридора. Прохладный ветерок шевелил траву. С наступлением света я увидел на земле перед нами черный ящик.

— Вот твоя каюта, — сказала Цадкиэль. — Будь внимателен. Мы должны шагнуть в нее.

Мы сделали это, ступив на что-то мягкое. За-

тем шагнули еще раз и наконец оказались на полу. Свет озарил комнату, которая была много, больше, чем моя старая каюта, и довольно странной формы. Утренний луг, откуда мы явились, был всего лишь картиной на стене за нашими спинами, а шагали мы по спинке и сиденью большого дивана. Я подошел к картине и попытался просунуть в нее руку, но натолкнулся на сопротивление твердой стены.

— Такие вещи имеются у нас в Обители Абсолюта, — сказал я. — Теперь я вижу, с чего брал пример Отец Инир, хотя наши, конечно, не так совершенны.

— Заберись на этот диван как следует и сможешь пройти сквозь картину, — объяснила Цадкиэль. — Давление ноги на сиденье рассеивает иллюзию. Теперь мне пора идти, а тебе надо отдыхать.

— Подожди! — воскликнул я. — Я не смогу уснуть, пока ты не скажешь мне…

— Что?

— У меня нет слов… Ты была пальцем Цадкиэль. А теперь ты — сама Цадкиэль…

— Ты же знаешь нашу способность менять облик; судя по твоему недавнему рассказу, когда ты был моложе, ты встречал меня в будущем. Клетки

наших тел подвижны, словно у тех морских существ на вашем Урсе, которые могут просочиться сквозь решетку, а потом собраться воедино. Что же тогда мешает мне образовать миниатюру и сужать сочленение, пока она не отделится? Я — своеобразный атом; после воссоединения моя основная часть узнает все, что узнала я.

— Твоя основная часть держала меня в руках, а потом растаяла как сон.

— Вы — род пешек, — сказала Цадкиэль. — Двигаетесь только вперед, пока мы не возвращаем вас на прежнее место, чтобы начать игру заново. Но не все фигуры на доске пешки.

25. ЛАБИРИНТЫ СТРАСТЕЙ

Усталость странным образом воздействует на ум. Оставшись в одиночестве в своей каюте, я мог думать только о том, что моя дверь теперь не охраняется. Все время, что я был Автархом, у моей двери постоянно стояла стража, обычно — преторианцы. Я прошел через несколько комнат, ища их, лишь для того, чтобы удостовериться, что их нет; но когда я открыл последнюю дверь, полулюди-полуживотные в причудливых шлемах вытянулись во фрунт.

Я закрыл дверь, раздумывая, для того ли они стоят, чтобы не пускать никого внутрь, или для того, чтобы не выпускать наружу меня, и еще некоторое время потратил, гадая, как погасить свет. Однако я слишком устал, чтобы упорствовать в своих поисках. Сбросив одежду на пол, я растянулся на широкой постели. Мысли мои погрузились в то сумеречное состояние, которое мы зовем дремой, и свет потускнел и погас.

Мне почудилось, что я слышу шаги, и, кажется, долгое время я пытался сесть. Сон прижимал меня к простыне, удерживая надежнее, чем любое

зелье. Наконец ходивший по комнате сел рядом со мной, и чья-то рука отвела волосы с моего лба. Почувствовав ее аромат, я притянул ее к себе.

Наши губы встретились, и ее локон скользнул по моей щеке.

Проснувшись, я знал, что был с Теклой. Она не произнесла ни слова, и я не видел ее лица, но у меня не осталось никаких сомнений. Невероятно, невозможно, чудесно — говорил я себе; но это было так. Никто в этой вселенной или в любой другой не смог бы обманывать меня так долго и в такой близи. Впрочем, и такую возможность нельзя было полностью исключить. Дети Цадкиэль, всего лишь дети, которых она растила на Йесоде, вернули Теклу со всеми остальными, чтобы отправить ее на бой с матросами. Наверняка для самой Цадкиэль не составило бы труда вернуть ее снова.

Я вскочил и огляделся в поисках хоть какого-нибудь оставленного следа — волоска или смятого цветка на подушке. Я (по собственному убеждению) хранил бы такое сокровище вечно. Незнакомая мне ткань пледа, которым я укрывался, была гладкой. На постели не осталось отпечатка второго тела рядом с тем, что оставило мое.

Где-то в подробных записях, собранных мною воедино в клерестории Обители Абсолюта, и в повести, которую я еще более подробно повторю на борту этого корабля неведомо когда в будущем, обернувшемся моим прошлым, я говорил, что редко чувствовал себя одиноким, хотя теперь и мог показаться читателю таковым. Дабы не кривить душой перед тем, кто в кои-то веки наткнется на эту рукопись, позволю заметить, что я чувствовал себя одиноким, знал о своем одиночестве, хотя и являлся Легионом, по выражению моего предшественника, который учил конюхов обращаться к нему именно так, а не иначе.

Я, одиночка, был этим предшественником и его предшественниками, каждый из которых страдал от одиночества, как должен страдать любой правитель до тех пор, пока лучшие времена — или скорее лучшие люди — не придут на Урс. Я был и Теклой. Теклой, думающей о матери и сводной сестре, которых она больше не увидит, и о молодом палаче, плакавшем о ней тогда, когда у нее самой уже не осталось слез. Но более всего я был Северьяном, познавшим ужас одиночества, как познает этот ужас последний человек на заброшенном корабле, когда, грезя о друзьях, он вдруг просыпается и осознает себя столь же

одиноким, как и прежде; и тогда он выходит, наверно, на палубу и смотрит на изобилующие людьми звезды и на рваные паруса, которые никогда не донесут его ни до одной из них.

Страх охватил меня, как я ни пытался высмеять его. Я был один в просторных покоях, которые Цадкиэль назвала моей каютой. Я не мог никого услышать; и мне казалось возможным, как сразу по пробуждении кажутся реальными все горячечные фантазии сна, что мне некого услышать, будто Цадкиэль из своих собственных неисповедимых соображений опустошила корабль, пока я спал.

Я искупался в ванне и выскоблил непривычно гладкое, не покрытое шрамами лицо, глядевшее на меня из зеркала, все это время прислушиваясь, не раздадутся ли чьи-нибудь голоса или шаги. Одежда моя была рваной и такой грязной, что я раздумал надевать ее. В шкафах висело множество одеяний разных цветов и покроев — по-моему, больше всего таких, которые можно было легко приспособить как для мужчины, так и для женщины, безразмерные, из самых дорогих тканей. Я выбрал себе пару широких черных штанов, державшихся на расшитом поясе, тунику с открытым горлом и большими карманами

и плащ с пестрой парчовой подкладкой, но с внешней стороны — цвета сажи, а значит, цвета гильдии, мастером которой я все еще официально являлся. Одевшись, я наконец вышел из дверей, и мои уродливые остиарии отсалютовали мне, как и в первый раз.

Мне не преградили путь, да и страх перед такой возможностью, пока я одевался, большей частью улетучился; но в то время как я шагал по широкому и пустому коридору прочь от своих апартаментов, меня тревожили иные соображения: от явившейся во сне Теклы, которая подарила мне наслаждение и бросила меня, мысли мои перешли к Доркас и Агии, к Валерии и наконец к Гунни, чья любовь, за неимением лучших вариантов, тоже могла оказаться мне полезна и с которой я безропотно позволил разлучить себя, когда Цадкиэль сообщила, что отослала матросов.

Всю свою жизнь я слишком легко бросал женщин, претендовавших на мою верность, в первую очередь Теклу, тянув до последнего, когда мне осталось лишь облегчить ей смерть, а после — Доркас, Пиа и Дарья и наконец — Валерия. На этом огромном корабле я, похоже, намеревался бросить еще одну; и я твердо решил не делать это-

го. Я найду Гунни, куда бы она ни запропастилась, и сберегу у себя в каюте, пока мы не доберемся до Урса, и она сможет вернуться, если захочет, в свою рыбацкую деревушку, к своему народу.

Исполненный решимости, я двинулся вперед; моя обновленная нога позволяла передвигаться по меньшей мере так же быстро, как в ту пору, когда я ступил на Бечевник, протянувшийся вдоль Гьолла; но не все мысли мои были о Гунни. Я отдавал себе отчет в том, что нужно запоминать все ориентиры и выбранное направление, поскольку нет ничего легче, чем заплутать на борту этого необъятного корабля, как я уже неоднократно плутал во время путешествия к Йесоду. Я также постоянно ощущал присутствие яркой точки света, которая казалась бесконечно далекой и в то же время удивительно близкой.

Позвольте попутно признаться, что тогда я все еще путал ее с тем шаром из тьмы, который стал диском света, когда мы с Гунни прошли сквозь него. Разумеется, невозможно, чтобы Белый Фонтан, спасший и разрушивший Урс, ревущий гейзер, извергающий из ниоткуда раскаленные газы, оказался тем самым порталом, через который мы прошли.

То есть я всегда считал это невозможным, пока

был занят в дневном мире, мире, который погиб бы без Нового Солнца; но иногда я сомневался. А что, если Йесод, видимый из нашей вселенной, так же отличается от Йесода, обозримого изнутри, как человек, видимый со стороны, отличается от образа, созданного им самим? Я, например, знаю, что я часто глуп и иногда слаб, одинок, труслив, слишком склонен к пассивному добродушию и, как уже говорил, не задумываясь бросаю ближайших друзей, погнавшись за каким-нибудь идеалом. Но при этом я держал в страхе миллионы!

А что, если Белый Фонтан — это окно в Йесод?

Коридор повернул раз, потом еще; и, как раньше, я начал замечать, что хотя в той части, где я жил, он казался совсем обыкновенным — или почти обыкновенным, пространство, расстилавшееся передо мной и оставляемое за спиной, становилось все более странным, наполняясь туманом и недобрыми огнями.

Наконец мне пришла в голову мысль, что корабль сам изменяется для меня и снова становится самим собой, когда я ухожу, как мать, которая посвящает себя своему ребенку, когда он рядом с ней, разговаривая с ним самыми простыми словами и играя в детские игры, но в

свободное время пишет эпическую поэму или принимает любовника.

Был ли корабль и впрямь живым существом? В том, что нечто подобное возможно, я не сомневался; но я слишком мало видел, чтобы говорить об этом с уверенностью, да и зачем в таком случае ему понадобился экипаж? Впрочем, все может объясняться намного проще, и то, что Цадкиэль рассказала вчера вечером (если принять время моего сна в качестве ночи), подразумевает гораздо более простой механизм. Если в картину можно войти, когда моя нога нажимает на спинку дивана, то не может ли быть, что свет в комнате постепенно гаснет, когда мой вес не давит на пол, и что эти переменчивые коридоры трансформируются под моими шагами? Я решил попробовать обмануть их с помощью своей исцеленной ноги.

На Урсе я не смог бы этого сделать, но на Урсе сам этот корабль-великан рухнул бы под собственной тяжестью, а здесь, на борту, где я мог и раньше бегать и даже прыгать, мне не составит труда обогнать ветер. Я прибавил ходу, но, добравшись до поворота, оттолкнулся от стены и полетел вперед по коридору, как летал между снастями.

Мгновенно я покинул знакомый коридор и

очутился среди причудливых углов и призрачных механизмов, где мелькали, словно кометы, сине-зеленые огни, а сам проход извивался, как кишечник червя. Я касался ногами его поверхности, но не ступал полновесными шагами; ноги мои обмякли, точно конечности марионетки, когда опускается занавес. Я несся по коридору, который сузился до мучительно яркой, но все уменьшающейся точки посреди полной темноты.

26. ГУННИ И БУРГУНДОФАРА

Сперва я подумал, что меня подвело зрение. Я дважды моргнул, но лица, такие похожие, не соединились в одно. Тогда я попытался заговорить.

— Все хорошо, — сказала Гунни. Женщина помоложе, казавшаяся теперь не столько ее двойником, сколько младшей сестрой, приподняла мою голову и поднесла чашку к губам.

Мой рот был полон смертной пыли. Я жадно отпил воды, прополоскав полость рта, и почувствовал, как оживают онемевшие ткани.

— Что случилось? — спросила Гунни.

— Корабль превращается сам по себе, — сказал я.

Обе отсутствующе кивнули.

— Он приспосабливает себя под нас там, где мы находимся. Я бежал слишком быстро — или недостаточно уверенно касался пола. — Попытавшись сесть, я удивился, что мне это удалось. — Я попал в ту часть корабля, где вовсе не было воздуха — только какой-то газ, который, по-моему, воздухом не назовешь. Возможно, это отсек для людей из другого мира или он вообще не предназначен для

людей, я не знаю.

— Можешь подняться? — спросила Гунни.

Я кивнул; но, окажись мы на Урсе, я упал бы, если бы попробовал сделать это. Даже на корабле, где падение так замедлено, обеим женщинам пришлось поддержать меня под руки, словно я напился в стельку. Они были одного роста (то есть почти моего роста), с большими черными глазами и широкими симпатичными лицами, усыпанными веснушками и обрамленными темными волосами.

— Ты — Гунни?.. — пробормотал я.

— Мы обе, — ответила младшая. — Я нанялась на последний рейс. А она здесь, наверно, уже давно.

— Уже много рейсов, — подтвердила Гунни. — По времени — вечность, но это меньше чем ничто. Время здесь — не то время, к которому ты привыкла на Урсе, Бургундофара.

— Подождите! — запротестовал я. — Мне надо прийти в себя. Нет ли здесь какого-нибудь укромного места, где мы могли бы отдохнуть?

Младшая указала в сторону сумрачной арки:

— Мы как раз оттуда.

Через арку я разглядел струи воды и множество сидений.

Гунни подумала и снова взяла меня под руку.

На высоких стенах красовались большие маски. Слезы медленно струились из их глаз и звучно падали в резервуары и стоявшие по краям чаши, одну из которых младшая наполнила для меня. В дальнем конце зала виднелась изогнутая крышка люка; по его конструкции я понял, что он ведет на палубу.

Я уселся между женщинами и произнес:

— Итак, вы обе — один и тот же человек. У меня нет оснований не доверять вашим словам.

Обе кивнули.

— Но я не могу звать вас одним именем. Есть предложения?

— Когда я в ее возрасте покинула свою деревню, — ответила Гунни, — и нанялась на этот корабль, я не хотела больше быть Бургундофарой; тогда мои товарищи стали звать меня Гунни. Потом я пожалела об этом, но они уже не шли на попятный, как я ни просила их, только смеялись. Потому зови меня Гунни, ведь это я и есть. — Она умолкла и глубоко вздохнула. — А девчонку, которой я когда-то была, зови моим старым именем, если хочешь. Она не собирается менять его.

— Хорошо, — сказал я. — Наверно, необходимо объяснить, что именно беспокоит меня, но я

еще слишком слаб и мне не удается подобрать нужные слова. Некогда я видел, как один человек воскрес из мертвых.

Женщины уставились на меня. Я услышал, как Бургундофара тихо присвистнула.

— Его звали Апу-Пунхау. Там был еще другой, по имени Хильдегрин; и этот Хильдегрин хотел помешать Апу-Пунхау вернуться в могилу.

— Он был призраком? — прошептала Бургундофара.

— Не совсем; по крайней мере я так думаю. Или, быть может, это зависит от того, что ты называешь призраком. По-моему, он из тех, кто укоренился во времени так глубоко, что просто не может быть полностью мертвым в нашем времени, да, наверное, и в любом другом. Так или иначе, я хотел помочь Хильдегрину, поскольку он служил тому, кто пытался исцелить одного из моих друзей… — Мысли мои, все еще беспорядочные после воздействия смертоносной атмосферы коридора, зациклились на дружбе. Была ли Иолента мне настоящим другом? Могла ли она стать им, если бы выздоровела?

— Продолжай, — нетерпеливо буркнула Бургундофара.

— Я подбежал к ним — к Апу-Пунхау и Хильде-

грину. Потом случилось нечто, что я, в сущности, не могу назвать взрывом, но больше всего это походило именно на взрыв или на разряд молнии. Апу-Пунхау исчез, а Хильдегринов стало двое.

— Как нас?

— Нет, раздвоился один и тот же Хильдегрин. Один, боровшийся с невидимым духом, и другой, который боролся со мной. Потом ударила молния или нечто вроде молнии. Но еще прежде, до того, как я увидел двух Хильдегринов, я заглянул в лицо Апу-Пунхау — и это было мое лицо. Постаревшее, но мое.

— Хорошо, что мы здесь остановились, — сказала Гунни. — Тебе следовало рассказать это нам.

— Сегодня утром… Цадкиэль, капитан, предоставила мне прекрасную каюту. Перед выходом я помылся и побрился попавшимся под руку лезвием. Лицо, которое я увидел в зеркале, смутило меня, но теперь я знаю, чье оно.

— Апу-Пунхау? — спросила Бургундофара, а Гунни продолжила:

— Твое собственное.

— Есть еще кое-что, о чем я вам не сказал. Хильдегрина убило той вспышкой. Позднее я решил, что разгадал причину, и думаю так до сих пор. Меня стало вдвое больше, и потому раздвоился и

Хильдегрин; но эти Хильдегрины были созданы делением, а разделенный подобным образом человек не может остаться в живых. Или дело в том, что, однажды разделившись, он не смог заново воссоединиться, когда Северьян снова стал одним.

— Гунни называла мне твое имя, — кивнула Бургундофара. — Красивое имя, похоже на лезвие меча.

Гунни жестом заставила ее замолчать.

— Итак, вот я, и вот вы обе. Я, насколько могу судить, в единственном числе. Или вы видите двух?

— Нет, — ответила Бургундофара. — Но разве ты не понимаешь, что даже если бы мы и видели двух, это ничего бы не изменило? Пока ты еще не был Апу-Пунхау, ты не можешь умереть!

— Даже я знаю о времени больше, — сказал я. — Десять лет назад я был будущим Апу-Пунхау. Настоящее всегда способно изменить свое будущее.

Гунни покачала головой:

— Похоже, я знаю о будущем больше, пусть даже тебе и суждено добыть Новое Солнце и изменить весь мир. Этот твой Хильдегрин не погиб десять лет назад — не для нас здесь. Когда ты сно-

ва появишься на Урсе, может статься, что это уже произошло тысячу лет назад или только случится бог весть сколько лет спустя. Здесь же — ни то, ни другое. Мы сейчас идем между солнц и промеж лет, поэтому здесь две Гунни могут встретиться безо всякого вреда друг для друга. Хоть дюжина.

Она помедлила. Гунни всегда говорила неторопливо, сейчас слова срывались с ее губ так же неохотно, как тонущий моряк бросает обломок судна.

— Да, я вижу двух Северьянов, пусть только в памяти. Один — тот Северьян, которого я когда-то обняла и поцеловала. Он исчез, но он был красавцем, несмотря на шрамы, хромоту и проседь в волосах.

— Он помнит твой поцелуй, — сказал я. — Он целовал многих женщин, но те нечасто целовали его.

— А другой — Северьян, который стал моим любовником, когда я была девчонкой и только-только нанялась на корабль. Ради него я поцеловала тебя, а потом сражалась на твоей стороне, единственная настоящая женщина среди фантомов. За него я дралась на ножах со своими старыми товарищами, хотя и знала, что ты не помнишь меня. — Гунни поднялась на ноги. — Вы

не знаете, где мы — никто из вас?

— Похоже, это зал ожидания, — сказала Бургундофара, — только им, видно, давно уже никто не пользуется.

— Я имела в виду — где сейчас корабль. Мы за кругом Диса.

— Однажды, — произнес я, — один неплохо осведомленный о будущем человек сказал мне, что женщина, которую я ищу, — на земле. Тогда из его слов я заключил, что она просто еще жива. Корабль всегда был за кругом Диса.

— Ты меня понял. Когда мы с тобой вернулись на борт корабля, мне казалось, что впереди у нас еще долгое путешествие. Но для чего бы им — Афете и Заку — понадобилось это? Сейчас корабль покидает вечность, замедляя ход, чтобы шлюп смог найти его. Пока он не замедлит хода, он даже и не корабль, ты разве не знал? Мы словно волна или вопль, несущийся во вселенной.

— Нет, — сказал я. — Этого я не знал. Да и поверить трудно.

— Иногда важно, во что ты веришь, — ответила Гунни. — Но не всякий раз. Этому я научилась здесь. Северьян, я говорила тебе однажды, почему продолжаю плавать. Ты помнишь?

Я бросил взгляд на Бургундофару.

— Наверно, потому, что…

Гунни покачала головой:

— Чтобы снова стать той, какой я была когда-то, но остаться собой. Ты, должно быть, помнишь себя в ее возрасте. Разве сейчас ты тот же человек?

Ясно, будто он был здесь с нами, в этом зале слез, я увидел молодого подмастерья, шагающего по дороге, в черном как сажа плаще, развевающемся за спиной, и с темным перекрестьем «Терминус Эст» над его левым плечом.

— Нет, — согласился я. — Давным-давно я стал другим, а с тех пор еще изменился.

Гунни кивнула.

— Вот потому-то я и останусь здесь. Быть может, здесь, когда я окажусь единственной, это наконец произойдет. А вы с Бургундофарой возвращайтесь на Урс.

Она повернулась и вышла. Я рванулся было следом, но Бургундофара потянула меня назад, а я слишком ослаб, чтобы сопротивляться.

— Пусть Гунни уходит, — сказала она. — С тобой это уже случилось. Оставь и ей шанс.

Дверь за Гунни со стуком захлопнулась.

— Она — это ты… — выговорил я.

— Тогда оставь шанс мне. Я видела, кем стану после. Тут не зазорно и пожалеть саму себя?

В ее глазах стояли слезы. Я покачал головой:

— Если ты не будешь плакать о ней, то кто же?

— Ты. Уже плачешь.

— Но не потому. Она была настоящим другом, а у меня их немного.

— Теперь я поняла, почему все эти лица в слезах, — сказала Бургундофара. — Этот зал устроен для плача.

— По тем, кто приходит и уходит, — произнес певуче новый голос.

Я обернулся и увидел двух иеродулов в масках, и оттого, что не ожидал уже их увидеть, я не сразу узнал Фамулимус и Барбатуса. Говорила, конечно, Фамулимус, и я радостно воскликнул:

— Друзья мои! Неужели вы отправляетесь с нами?

— Мы пришли лишь затем, чтобы привести тебя сюда. Цадкиэль послала нас за тобой, Северьян, но тебя и след простыл. Скажи мне, увидишь ли ты нас еще?

— Много раз, — ответил я. — До свидания, Фамулимус.

— Ты знаешь нашу природу, это очевидно. В таком случае мы приветствуем тебя и говорим тебе «прощай».

— Крышка люка откроется, когда Оссипаго

задраит дверь, — добавил Барбатус. — У вас есть амулеты воздуха?

Я достал свой из кармана и надел. Бургундофара надела точно такое же ожерелье.

— Теперь, как и Фамулимус, я приветствую тебя, — сказал Барбатус и отступил в дверной проем. Дверь за ним закрылась.

Почти тотчас же распахнулись створки двери в дальнем конце зала; слезы из глаз масок высохли на лету и разом исчезли. За раскрытыми дверями сверкал черный занавес ночи, подвешенный между двумя звездами.

— Пора идти, — сказал я Бургундофаре, потом понял, что она не может меня слышать, и, подойдя, взял ее за руку, после чего никакой нужды в словах уже не было. Вместе мы покинули корабль, и, только остановившись на пороге и оглянувшись, я вдруг понял, что так и не узнал его настоящего названия, если только оно имелось, и что три маски в зале — это лица Зака, Цадкиэля и капитана корабля.

Шлюп, ожидавший нас, был много больше маленького флайера, который доставил меня на поверхность Йесода, и так же велик, как судно, поднявшее меня на корабль с Урса. И действительно, подумалось мне, вполне возможно, что

это тот же самый шлюп.

— Иногда большой корабль подводят значительно ближе, — пояснила женщина, которой поручили проводить нас. — Но тогда можно затесаться между чьими-нибудь глазами и парой-тройкой звезд. Поэтому примерно день тебе придется провести с нами.

Я попросил ее показать мне солнце Урса, и она удовлетворила мое любопытство. Наше солнце представляло собой крошечное малиновое пятнышко, и все его миры, даже Дис, маячили тусклыми крапинками, которые темнели, проходя сквозь его мутный лик.

Я попытался привлечь внимание к далекой белой звезде, моей отторгнутой части; но женщина из сопровождения не смогла разглядеть ее, а Бургундофару, казалось, только испугала моя настойчивость. Скоро мы прошли через люк шлюпа и нырнули в его трюм.

27. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА УРС

Я вовсе не был уверен, что мы с Бургундофарой станем любовниками; но нас разместили в одной каюте (наверно, раз в десять меньше, чем та, которую я занимал в свою последнюю ночь на борту большого корабля), и когда я обнял и раздел ее, она не протестовала. Я нашел, что она гораздо менее искусна, чем Гунни, хотя, разумеется, не девушка. Не укладывалось в голове, что мы с Гунни возлежали вместе лишь однажды.

После всего младшая Гунни сообщила, что ни один мужчина не обращался с ней прежде так ласково, в благодарность поцеловала меня и заснула в моих объятиях. Я никогда не считал себя нежным любовником; некоторое время я лежал без сна, раздумывал об этом и, памятуя об обещании, которое я некогда дал самому себе, прислушивался, как столетия омывают корпус корабля.

Или это были всего лишь годы — годы моей жизни? Ощутив под собой здоровую ногу и чуть позже, когда в гостевой каюте я брил свое новое незнакомое лицо, я сперва решил, что груз этих

лет каким-то образом был снят с моих плеч. Вот так и Гунни надеялась избавиться от своего бремени. Теперь я понял, что ошибался.

Исцелены были только раны, нанесенные безымянным асцианским копьем, луцивеем Агии и зубами летучей мыши-кровососа; я стал человеком, каким я был бы без этих (а возможно, и каких-нибудь других) ранений, потому-то мое лицо и сделалось лицом того незнакомца — ибо кто может быть менее знакомым, чем ты сам, и от кого следует ждать самых непредсказуемых поступков? Я стал Апу-Пунхау, чье воскресение я наблюдал в каменном городе. Мне это казалось молодостью, и я оплакивал упущенные годы. Быть может, однажды я снова поднимусь на борт корабля Цадкиэля, чтобы, как Гунни, найти истинную молодость. Но если я опять попаду на Йесод, то останусь там, если только мне позволят. Наверно, за долгие века его воздух сможет смыть с меня мои годы.

Размышляя о них и об их малочисленных предшественниках, я вдруг подумал, что то, как я вел себя с женщинами, зависело не от моей воли, но от их отношения ко мне. Я был изрядно жесток с Теклой — хайбиткой из Лазурного Дома, потом мягок и неуклюж, как всякий мальчишка, с на-

стоящей Теклой в ее камере, поначалу трепетен с Доркас, скор и неловок с Иолентой (которую я, можно сказать, изнасиловал, хотя считал тогда и считаю до сих пор, что она этого хотела). О Валерии я и так уже поведал слишком много.

Однако так не может быть с каждым мужчиной, ведь многие ведут себя одинаково со всеми женщинами; возможно, не все так просто и со мной.

Мысли плавно перетекли в сон. Проснувшись, я обнаружил, что лежу на другом боку, а Бургундофара меж тем выскользнула из моих объятий; я задремал снова, снова проснулся и поднялся на ноги, не в силах больше спать и ощущая сильную труднообъяснимую тягу взглянуть на Белый Фонтан. Тихо, как мог, я надел ожерелье и выбрался на палубу.

Бесконечная ночь пустоты была уже почти побеждена. Тени мачт и с ними моя собственная тень казались нарисованными на палубе краской чернее черного, а Старое Солнце из слабой звездочки выросло в диск размером с Луну. Из-за его света Белый Фонтан светился еще дальше и слабее, чем прежде. Урс бросил чертить штрихи по малиновому лику Старого Солнца и висел теперь прямо над бушпритом, вращаясь точно волчок.

Вахтенный офицер подошел ко мне, попросив удалиться вниз — по-моему, не из-за какой-то неведомой угрозы, а лишь потому, что его нервировало появление на палубе человека, не входившего в число его подчиненных. Я обещал спуститься в трюм, но не раньше чем переговорю с капитаном этого судна, заметив, между прочим, что мы с моей спутницей голодны.

Пока мы спорили, появилась Бургундофара, сославшаяся на сходный с моим порыв, хотя я подумал, что ей наверняка просто захотелось оглядеться и еще раз увидеть корабль, прежде чем она навсегда покинет все подобные корабли. Она вспрыгнула на мачту, тем самым доведя офицера до белого каления, так что я даже испугался, не сделает ли он чего-нибудь с ней. Если бы он не был иеродулом, я бы дал волю рукам, а так мне просто пришлось встать между ними, когда команда матросов сняла ее с мачты.

Мы долго препирались с ним, изрядно попортив воздух в наших оболочках, я — большей частью ради самого препирательства (да и она, думаю, тоже), а потом спокойно сошли вниз, нашли камбуз и набросились на еду, будто два ребенка, смеясь и вспоминая наши приключения.

Капитан — не очередной иеродул в маске, а

мужчина, который выглядел как обыкновенный человек, — навестил нас в нашей каюте спустя стражу или около того. Я сказал ему, что не разговаривал ни с кем из начальства с тех пор, как расстался с Цадкиэль, и выразил готовность выслушать дальнейшие инструкции.

Он покачал головой:

— Мне нечего тебе сообщить. Уверен, Цадкиэль устроит все так, чтобы ты узнал все необходимое.

— Он должен доставить Новое Солнце! — вмешалась Бургундофара и добавила, когда я посмотрел на нее: — Мне Гунни говорила.

— А ты можешь это сделать? — спросил капитан.

Признавшись в своем невежестве, я попытался втолковать, что ощущаю Белый Фонтан так, словно он — часть меня самого, и стараюсь приблизить его, но он, похоже, не двигается с места.

— А что это такое? — спросил капитан. И, увидев выражение моего лица, пояснил: — Нет, я действительно ничего не знаю. Мне было сказано только, что я должен доставить тебя и эту женщину на Урс и благополучно высадить вас к северу от ледника.

— Я думаю, это звезда или что-то в этом роде.

— Тогда она просто слишком массивна, чтобы двигаться наравне с нами. Оказавшись на Урсе, ты больше не будешь двигаться в ураническом смысле. Возможно, тогда она и появится.

— А долго ли звезде добираться до Урса? — спросила Бургундофара.

Капитан кивнул:

— По меньшей мере века. Но на самом деле я ничего в этом не понимаю — гораздо меньше, чем должен понимать твой друг. Если звезда — часть его самого, то, по его собственным словам, он должен чувствовать ее.

— Так и есть. Я чувствую, как она далеко.

На этой фразе я словно опять оказался перед окнами мастера Эша, глядя на бесконечные ледяные равнины; возможно, в каком-то смысле я никогда и не покидал их.

— А вдруг Новое Солнце придет тогда, когда наш род уже угаснет? Мог бы Цадкиэль сыграть с нами такую злую шутку? — спросил я.

— Нет. Цадкиэль не шутит, хотя так может показаться. Шутки — это для солипсистов, которые считают все преходящим. — Капитан поднялся. — Ты хотел расспросить меня. Я тебя не виню, но мне нечего тебе ответить. Не хочешь ли подняться на палубу и посмотреть, как мы

будем приземляться? Это единственный подарок, который я могу тебе сделать.

— Уже? — спросила Бургундофара — она явно была изумлена. Признаюсь, я испытал те же чувства.

— Да, совсем скоро. Я приготовил для вас кое-какие припасы, в основном — съестное. Возьмете какое-нибудь оружие, кроме своих ножей? У меня кое-что найдется, если вы решите, что вам это нужно.

— А ты бы посоветовал? — спросил я.

— Я ничего не советую. Ты знаешь, на что идешь. Я — нет.

— Тогда я не возьму ничего, — сказал я. — Бургундофара может решить за себя сама.

— Я тоже ничего не возьму, — сообщила она.

— Тогда идем, — произнес капитан, и на сей раз это было не приглашение, а приказ. Мы надели ожерелья и последовали за ним на палубу.

Наш корабль летел высоко над облаками, которые будто вскипали под нами, но я почувствовал, что мы уже на месте. Урс вспыхивал то голубым, то черным цветом. Леера, когда я взялся за них рукой, оказались холодны как лед, и я поискал глазами ледяные шапки Урса; но мы уже были слишком близко, чтобы охватить их взглядом.

Только лазурь морей просвечивала сквозь разрывы в бурлящих облаках да время от времени мелькала земля, бурая или зеленая.

— Прекрасный мир, — сказал я. — Наверное, не такой прекрасный, как Йесод, но все равно дивной красоты.

Капитан пожал плечами:

— При желании мы могли бы сделать его таким же, как Йесод.

— И сделаем, — откликнулся я. И пока слова не сорвались с моих губ, я сам не думал, что верю в это. — Сделаем, когда столько из нас, сколько-понадобится, покинут его и вернутся обратно.

Облака успокоились, словно какой-то маг прочитал заклинание или некая женщина обнажила перед ними грудь. Наши паруса уже были убраны; наверху суетились вахтенные, проверяя сохранность такелажа и прочность крепежей.

Матросы поспрыгивали вниз, и тотчас по нам ударили первые разреженные ветра Урса, неосязаемые, но несшие с собой (словно мановение руки корифея) целый мир звуков. Пронзительно, точно ребеки, взвизгнули мачты, и каждый трос в снастях затянул свою песню.

Спустя еще мгновение корабль клюнул носом, покачнулся и пошел кормой вниз, пока залитые

солнцем облака Урса не поднялись из-за юта, а мы с Бургундофарой повисли на перилах.

Капитан, держась одной рукой за рею, усмехнулся, глядя на нас, и крикнул:

— Эй, а я-то думал, что девчонка — настоящий матрос! Подними его, красотка, не то пошлем тебя на камбуз к коку!

Я сам помог бы Бургундофаре, если б мог, она же, следуя указанию капитана, пыталась поддержать меня; так, хватаясь друг за друга, нам удалось устоять на палубе (а она теперь стала круче многих лестниц и была гладкой, как пол танцевального зала) и даже сделать несколько робких шагов в его сторону.

— Прежде чем станешь матросом, нужно походить чуток на малом судне, — сказал он. — Жаль, что пора расставаться с вами. Уж я бы натаскал вас в морском деле.

Я пробормотал, что наше прибытие на Йесод не было таким бурным. Капитан посерьезнел:

— Там, видишь ли, вам не требовалось сбрасывать такой запас энергии. Вы выработали его, поднявшись на большую высоту. Мы же спускаемся безо всяких тормозов, как если бы падали на звезду. Отойди подальше от лееров. Там ветер может содрать кожу с рук.

— Разве наши ожерелья не спасают нас от него?

— У них хорошее поле; без них вы бы тут же спеклись, как угли на костре. Но и у них есть свой предел, как у любого устройства, а еще этот ветер — в общем, дышать им нельзя, но если бы наш киль не принимал его поток на себя, нас всех бы унесло.

Некоторое время апостис пылал, словно кузнечный горн; постепенно он потускнел и погас, и наш корабль принял более подобающее ему положение, хотя ветер все еще пронзительно свистел в снастях, а облака проносились под нами, как хлопья пены под мельничным колесом.

Капитан поднялся на свой мостик, и я последовал за ним, чтобы спросить, нельзя ли уже снять ожерелья. Он покачал головой и указал на обледеневшие тросы, сказав, что долго оставаться на палубе без ожерелий мы не сможем; потом он спросил, не заметил ли я, что воздух у меня в оболочке становится свежее.

Я признался, что заметил, но не спешил доверять своим ощущениям.

— Это из-за примесей, — объяснил он. — При нехватке воздуха амулет подгоняет его с самой кромки своего поля. Но он не различает воздух,

удерживаемый внутри, и ветер, проникающий в зону его давления.

Как наш шлюп мог оставлять след на поверхности облаков — для меня загадка; но след от него был, длинный и белый, протянувшийся через все небо за нашей кормой. Я лишь передаю то, что видел.

— Жаль, что я не была на палубе, когда мы поднимались с Урса, — сказала Бургундофара. — И потом, когда мы уже попали на большой корабль, нас держали внизу, пока мы не подучились.

— Ты бы лишь путалась под ногами, — отозвался капитан. — Как только мы выходим из атмосферы, мы ставим все паруса, и тут нам хватает забот. Ты поднималась на нашем корабле?

— Мне так кажется.

— Зато теперь ты возвращаешься важной птицей, твое имя упомянуто в приказах Цадкиэль. Поздравляю!

Бургундофара покачала головой, и я заметил, что проникавший под воздушную оболочку ветер играл ее темными локонами.

— Не представляю даже, как она узнала его.

— И неудивительно, — сказал я, вспомнив, что как я был множеством в одном теле, так Цадкиэль являла собою единицу во многих телах.

Капитан указал куда-то за кормовой леер, где море облаков будто омывало обшивку палубы шлюпа:

— Сейчас мы опустимся туда. Когда выйдем снизу, можете снять ваши амулеты, там вы уже не замерзнете.

Одно время нас окутывал туман. Как я прочитал в коричневой книге, взятой из камеры Теклы, между живыми и мертвыми лежит область тумана, и то, что мы зовем призраками, — не более чем остатки этого барьера, приставшие к их лицам и одеждам.

Так ли это, не берусь судить; но воистину Урс отделен от пустоты подобным пространством, что наводит на странные мысли. Быть может, и в первом, и во втором случае речь идет об одном и том же, и мы вошли в пустоту и вышли из нее точно так же, как призраки иногда посещают страну живых.

28. СЕЛЕНИЕ У РЕКИ

Помню, перегнувшись через леер и наблюдая, как красные и золотые точки превращаются в рощи, а бурые пятна — в целые поля спутанных стеблей, я думал о том, как странно должны мы выглядеть, случись кому-нибудь увидеть нас сейчас: красивый пинас, какой мог бы покачиваться у одного из причалов Нессуса, беззвучно выплывающий из глубины небес. Впрочем, я был уверен, что видеть нас сейчас некому. Стояло самое раннее утро, когда даже маленькие деревца отбрасывают длинные тени и рыжие лисы, словно язычки пламени, пробираются к своим норам по росистой траве.

— Где мы? — спросил я капитана. — В какой стороне город?

— На севере-северо-востоке, — ответил он, указав рукой.

Приготовленные для нас провизия и снаряжение были уложены в длинные заспинные мешки — сарцины величиной с орудийный ствол малого калибра, поставленный на цоколь бонавентуры. Капитан показал нам, как надевать их: пропуская

лямку через левое плечо и завязывая поясник. Он пожал нам руки и, насколько я мог судить, искренне пожелал нам удачи.

Серебристый трап выскользнул из щели на стыке борта и палубы шлюпа. Мы с Бургундофарой сошли по нему и снова ступили на землю Урса.

Потом мы обернулись — как, я уверен, обернулся бы каждый — и бросили долгий прощальный взгляд на шлюп, который поднялся, выровнявшись, едва его киль оторвался от земли, и, покачиваясь на легкой, только им ощутимой волне, взмыл в воздух словно коршун. Как я уже говорил, на Урс мы прибыли, пройдя сквозь облака; но шлюп нашел чистое место (мне почему-то кажется, именно для того, чтобы мы могли дольше видеть его) и нырнул туда, поднимаясь все выше и выше, пока палуба и мачты не стали искоркой золотого света. Потом мы увидели, как эта искорка превратилась в сверкающую точку, похожую на стальную пылинку, вылетевшую из-под напильника; мы поняли, что команда шлюпа подняла паруса из серебристого металла, каждый из которых больше, чем целые острова, и выбрала шкоты; а это значило, что мы больше не увидим его. Я отвернулся, чтобы Бургундофара не разглядела слез в моих глазах. Когда же я

снова повернулся, собираясь тронуться в путь, я заметил, что и она всплакнула.

По информации, полученной от капитана, Нессус лежал к северо-северо-востоку от нас; солнце висело так низко над горизонтом, что взять правильный курс не составило никакого труда. Мы прошагали пол-лиги с лишним по побитым морозом полям, вошли в небольшой лесок и скоро выбрались к речке, вдоль берега которой вилась узкая тропка.

До того Бургундофара не произнесла ни слова, равно как и я; однако, завидев речку, она спустилась к воде и набрала полную пригоршню. Утолив жажду, она сказала:

— Вот теперь я знаю, что мы действительно вернулись домой. Кажется, сухопутные люди для этого едят хлеб и соль.

Я подтвердил ее догадку, хотя сам почти забыл об этой традиции.

— А мы пьем местную воду. Хлеба и соли на лодках обычно хватает, а вот вода портится или кончается. Когда мы высаживаемся на новом месте, первым делом пробуем тамошнюю воду, если она пригодна для питья. Если нет, мы налагаем на это место проклятие. Думаешь, эта речка впадает в Гьолл?

— Уверен; или в какую-нибудь реку побольше, которая затем впадает в него. Ты хочешь вернуться в свою деревню?

Она кивнула:

— Пойдешь со мной, Северьян?

Я вспомнил Доркас и то, как она молила меня отправиться с ней вниз по Гьоллу на поиски старика и разрушенного дома.

— Пойду, если смогу, — ответил я. — Но не думаю, что у меня получится остаться.

— Тогда, наверно, я уйду с тобой; но сначала я хотела бы все-таки повидать Лити. Поцелую отца, родственников, а потом, перед уходом, возможно, зарежу их. Но все равно мне надо повидать их.

— Понимаю.

— Я так и надеялась, что ты поймешь. По словам Гунни, ты именно такой — многое понимаешь.

Пока она говорила, я разглядывал тропку. Теперь я жестом велел ей сохранять тишину, и около сотни вздохов мы молча стояли и прислушивались. Свежий ветерок гладил верхушки деревьев; там и сям чирикали птицы, хотя большинство из них уже улетели на север. Речка болтала сама с собой.

— Что такое? — спросила наконец Бургундофара шепотом.

— Кто-то бежит впереди нас. Видишь следы? По-моему, мальчишка. Он или следит за нами, или рванул за подмогой.

— Этой тропой, наверно много кто ходит.

Я присел на корточки над следом и пустился в объяснения:

— Он был здесь этим утром, когда мы прилетели. Видишь, какой темный след? Он шел через поле, так же как и мы, и промочил ноги росой. Скоро она высохнет. Нога у него слишком маленькая для взрослого, но передвигается он размашистым шагом — мальчишка, который вскоре станет мужчиной.

— Ты глазастый, Гунни мне говорила. Я бы ничего не заметила.

— Зато ты знаешь о кораблях в тысячу раз больше, чем я, хотя я провел на них некоторое время — на всяких. Когда-то я служил в конной разведке. Там мы занимались такими вещами.

— Наверно, нам стоит выбрать другую дорогу?

Я покачал головой:

— Этих людей я пришел спасти. Как я их спасу, если буду скрываться от них?

Уже на ходу Бургундофара проговорила:

— Мы ведь не сделали ничего плохого…

— Хочешь сказать, ничего, о чем бы они могли

знать? Каждый человек хоть в чем-нибудь да провинился, а уж я — стократно, а то и десять тысяч раз.

Лес был тих, и запаха дыма я не учуял, поэтому решил, что то место, куда убежал мальчишка, находится по меньшей мере в лиге от нас. Тут тропа круто свернула, и перед нами открылась тихая деревенька в полтора десятка хижин.

— Может быть, просто пройдем через деревню, не останавливаясь? — спросила Бургундофара. — Они, наверно, все спят.

— Не спят, — ответил я. — Они следят за нами из-за своих дверей, устроились так, чтобы мы их не видели.

— Какие у тебя глаза!

— Обычные. Просто я кое-что знаю о селянах, а мальчишка добрался сюда раньше нас. Если мы пойдем через деревню, запросто можем получить вилами в спину.

Я обвел хижины взглядом и крикнул во весь голос:– **Жители** этого селения! Мы — мирные путники. У нас нет денег. Мы просим только разрешения пройти по вашей троп**е**.В тишине послышалось какое-то шевеление. Я двинулся вперед и жестом велел Бургундофаре следовать за мной.

Из одной двери вышел старик лет пятидесяти; в бурой бороде его виднелись седые пряди, а в руке он держал булаву.

— Ты — старейшина этого селения? — спросил я. — Благодарим тебя за гостеприимство. Как я сказал, мы пришли с миром.

Он пробуравил меня взглядом, напомнившим мне одного каменщика, с которым я однажды встречался.

— Херена сказала, что вы вышли из корабля, а тот якобы спустился с неба.

— Какая разница, откуда мы вышли? Мы — мирные путники. Мы всего лишь просим разрешения пройти.

— Мне есть разница. Херена — моя дочь. Если она врет, я должен знать.

— Видишь, — сказал я Бургундофаре, — и я не всеведущ.

Бургундофара улыбнулась, хотя было видно, что она сильно напугана.

— Старейшина, если ты склонен верить россказням незнакомца больше, чем словам собственной дочери, то ты глупец. — Тут к дверям хижины подошла девушка, так близко, что я разглядел ее глаза. — Выходи, Херена, мы тебя не обидим.

Она вышла — высокая, стройная, лет пятна-

дцати, с длинными темными волосами и сухой рукой, маленькой, как у младенца.

— Зачем ты следила за нами, Херена?

Она что-то пролепетала, но я ничего не расслышал.

— Она не следила, — ответил ее отец. — Просто собирала орехи. Она хорошая девочка.

Иногда, хотя и крайне редко, человек смотрит на что-то очень знакомое, и вдруг оно предстает перед ним в совершенно новом свете. Когда я, грустная Текла, ставила свой мольберт возле какого-нибудь водопада, учитель всегда уговаривал меня увидеть его по-новому; я никогда не понимала смысла его слов и скоро убедила себя в том, что он городит бессмыслицу. Сейчас я увидел сухую руку Херены не как пожизненное уродство (прежде я только так и рассматривал подобные аномалии), а как погрешность, которую следует устранить несколькими мазками кисти.

— Должно быть, тяжело… — начала Бургундофара, но осеклась, сообразив, что может обидеть Херену, и закончила: — …так рано вставать?

— Если хочешь, я исправлю руку твоей дочери, — сказал я.

Старейшина раскрыл было рот, но снова закрыл. В лице его, казалось, не произошло никаких

перемен, но в глазах читался страх.

— Хочешь? — переспросил я.

— Да-да, конечно!

Его глаза и невидимые взгляды всех жителей деревни давили на меня. Я сказал:

— Пусть она пойдет со мной. Мы отойдем недалеко и ненадолго.

Он медленно кивнул.

— Херена, ступай за сьером. — Внезапно я понял, какими богатыми кажутся этим людям одежды, которые я выбрал в своей каюте. — Будь хорошей девочкой и помни, что мы с твоей матерью всегда… — Старик отвернулся.

Она пошла передо мной, назад по тропе, пока деревня не скрылась из виду. Ее плечо в том месте, откуда росла сухая рука, было закрыто рваной рубахой. Я велел ей снять ее; она повиновалась, стянув рубаху через голову.

Я воспринимал золотые и багряные листья, темную с розовыми родинками кожу Херены как драгоценные краски какого-то микрокосма, в который я заглядывал через глазок. Пение птиц и отдаленное журчание реки были приятны мне, словно музыка оркестриона, звучавшая где-то внизу, во дворе замка.

Я прикоснулся к плечу Херены, и сама действи-

тельность стала глиной, которой можно было придать любую форму. Одним-двумя движениями я вылепил ей новую руку, точную копию здоровой. Слеза, упавшая на мои пальцы, обожгла их, точно расплавленный металл; девушка дрожала как осиновый лист.

— Вот и все, — сказал я. — Надевай рубаху.

Я снова очутился в микрокосме, и снова он был для меня целым миром.

Она повернулась ко мне лицом. Губы ее улыбались, хотя по щекам катились слезы.

— Мой господин, я люблю тебя! — повторяла она, упав на колени и целуя носки моих сапог.

— Дай-ка посмотреть на твои руки, — попросил я. Я и сам не мог поверить в то, что сделал.

Она протянула ко мне руки.

— Теперь меня заберут и уведут в рабство. Но мне все равно. Нет, не уведут! — я убегу в горы и спрячусь…

Я разглядывал ее руки, казавшиеся мне совершенными во всем, даже когда я складывал их вместе. Руки человека редко бывают одинаковыми, рабочая рука обычно становится чуть больше другой; но ее руки являли зеркальное отражение друг друга.

— Кто заберет тебя. Херена? — отсутствующе

спросил я. — Разве на вашу деревню устраивают набеги культелярии?

— Чиновники, кто же еще?

— Только за то, что у тебя теперь две здоровые руки?

— За то, что теперь у меня нет ни одного изъяна. — Она вдруг умолкла, пораженная этим. — Ведь нет, верно?

— Нет, ты совершенна — ты очень привлекательная девушка.

— Значит, меня заберут. С тобой все в порядке?

— Легкая слабость, не более. Сейчас мне станет лучше. — Полой своего плаща я вытер пот со лба, в точности, как делал это в бытность свою палачом.

— Вид у тебя неважный.

— Мне кажется, твоя рука исправилась в основном благодаря энергии Урса. Но эта энергия проходила через меня. Наверно, она унесла с собой и часть моих сил.

— Ты знаешь мое имя, господин. А как зовут тебя?

— Северьян.

— Я накрою тебе стол в доме отца, господин Северьян. Там еще осталось немного еды.

По дороге назад налетел ветер, и разноцветные

листья закружились перед нашими лицами.

29. У СЕЛЯН

В жизни моей было достаточно горестей и триумфов, но я знавал мало удовольствий помимо простых радостей любви и сна, чистого воздуха и доброй пищи — вещей, доступных каждому. Среди главных из них я числю созерцание лица старейшины селения, когда тот увидел руку своей дочери. На нем отражалась такая смесь изумления, страха и восторга, что я готов был побрить его, чтобы разглядеть получше. Херена, по-моему, наслаждалась его видом не меньше, чем я; наконец, пресытившись этим зрелищем, она обняла отца, сказала ему, что пообещала накормить нас, и юркнула в хижину, дабы прижаться к груди матери.

Как только мы оказались внутри, страх селян перешел в любопытство. Несколько смельчаков протиснулись в хижину и застыли молча за нашими спинами, мы же уселись на циновках за маленький стол, где жена старейшины — не переставая плакать и кусать губы — выставляла царское угощение. Остальные лишь глазели через дверь и сквозь щели в слепой стене.

На столе появились лепешки из маисовой муки, яблоки, слегка тронутые заморозком, вода и, как величайший деликатес, при виде которого многие из молчаливых наблюдателей невольно вздохнули, — окорочка двух зайцев, вареные, маринованные, приправленные солью и поданные в холодном виде. Старейшина и его семья к ним даже не притронулись. Я назвал это угощение царским, ибо таким оно было для наших хозяев; но по сравнению с ним обед простого матроса, которым нас кормили на шлюпе несколько страж назад, показался бы пышным застольем.

Выяснилось, что я не голоден, хотя порядком устал и испытывал сильную жажду. Я съел одну из лепешек, поклевал мяса и выпил без счету глотков воды, потом решил, что правила приличия могут требовать оставить кое-что из еды семье старейшины, поскольку ее у них явно было совсем немного, и начал щелкать орехи.

Только тут, будто по условленному знаку, наш хозяин прервал молчание.

— Я — Брегвин, — сказал он. — Деревня наша зовется Вици. Моя жена — Цинния. Наша дочь — Херена. Эта женщина, — он кивнул на Бургундофару, — говорит, что ты хороший человек.

— Мое имя — Северьян. Она — Бургундофара.

Я плохой человек, который старается быть хорошим.

— У нас в Вици мало что слышно о большом мире. Может быть, ты расскажешь, что привело тебя в нашу деревню?

Он произнес это с выражением вежливого интереса — не более, но я не спешил с ответом. Не составило бы труда состряпать для этих селян какую-нибудь байку о торговых делах или паломничестве; а если бы я сказал им, что провожаю Бургундофару домой, к Океану, то даже не совсем отклонился бы от истины. Но имел ли я на это право? Чуть раньше я сказал Бургундофаре, что ради спасения таких людей и отправился на край вселенной. Я оглядел состарившуюся от тяжелой работы жену старейшины с заплаканными глазами, мужиков со всклокоченными бородами и грубыми руками. Какое право я имел обманывать их словно детей?

— Эта женщина, — сказал я, — родом из Лити. Вы не слышали о нем?

Старейшина покачал головой.

— Там живут рыбаки. Она хочет добраться до дома. — Я набрал в легкие воздуха. — А я… — Старейшина наклонился чуть ближе, чтобы расслышать. — Я смог помочь Херене поправить

ее здоровье. Вы знаете.

— Мы благодарны тебе, — сказал он.

Бургундофара тронула меня за руку. Я повернулся и прочитал в ее глазах, что своими действиями подвергаю нас риску. Я знал это и без нее.

— Сам Урс нездоров. — Старейшина и все остальные, сидевшие на корточках у стен хижины, придвинулись ближе. Я видел, как некоторые закивали. — Я пришел вылечить его.

Словно слова тянули из него клещами, один из мужиков произнес:

— Еще рожь не созрела, а снег уже выпал. Второй год подряд.

Мужики закивали, и тот, что сидел за спиной старейшины, лицом ко мне, вымолвил:

— Люди неба рассердились на нас.

— Люди неба — иеродулы и иерархи — не злы на нас, — попытался объяснить я. — Просто они очень далеко и боятся нас за то, что мы делали раньше, давным-давно, когда род человеческий был еще молод. Я плавал к ним. — Я смотрел на бесстрастные лица селян, гадая, поверит ли мне хоть кто-нибудь из них. — По-моему, я добился примирения — приблизил их к нам, а нас — к ним. Они послали меня обратно.

В ту ночь мы с Бургундофарой лежали в хижине

старейшины, которую он с женой и дочерью освободил для нас, несмотря на наши уговоры, и Бургундофара сказала:

— А ведь в конце концов они убьют нас.

— Мы уйдем отсюда завтра, — заверил я ее.

— Не отпустят, — ответила она; и утро показало, что мы оба были правы — по-своему. Мы действительно ушли; но селяне рассказали нам о другой деревне, по имени Гургустии, в нескольких лигах дальше по дороге, и всем скопом набились в провожатые. Когда мы пришли, соседям продемонстрировали руку Херены, которая вызвала бурное изумление, и нам — не только нам с Бургундофарой, но и Херене, Брегвину и всем остальным — устроили пир, во многом похожий на вчерашний, с той лишь разницей, что вместо зайчатины была свежая рыба.

Потом мне рассказали об одном человеке, очень добром и уважаемом в Гургустиях, который сейчас смертельно болен. Я объяснил его друзьям, что не могу ничего обещать, но осмотрю его и помогу, если получится.

Хижина, где он лежал, казалась такой же древней, как и сам старик, и в ней стоял запах болезни и смерти. Я велел селянам, набившимся в помещение, выйти вон. Они повиновались, а я

поискал и нашел обрывок циновки, достаточно большой, чтобы завесить дверь.

Когда я сделал это, в хижине стало так темно, что я едва различал больного. Я нагнулся над ним, и сперва мне почудилось, что мои глаза привыкают к темноте. Спустя мгновение я понял, что в хижине уже не так темно, как было прежде. Слабый свет падал на старика, перемещаясь вместе с моим взглядом. Первой моей мыслью было, что свет исходит от шипа, который я носил в кожаном мешочке, сшитом Доркас для Когтя, хотя он вроде бы не мог просвечивать через кожу и мою рубашку. Я вынул его. Он был темным, как в тот раз, когда я попытался осветить им коридор возле моей каюты, и я убрал его на место.

Больной открыл глаза. Я кивнул ему и попытался улыбнуться.

— Ты пришел за мной? — спросил он слабым шепотом.

— Я не Смерть, — сказал я, — хотя меня частенько принимали за нее.

— Вот и я, сьер. У тебя такое доброе лицо.

— Ты хочешь умереть? Если да, то я могу сделать это в одно мгновение.

— Да, хочу, раз уж мне не поправиться. — Старик снова закрыл глаза.

Я стащил с него одеяла, которыми он был укрыт, и обнаружил, что на нем вовсе нет одежды. Правый бок его раздулся, опухоль была размером с голову ребенка. Я выровнял ее, сотрясаясь под влиянием энергии, что поднималась прямо из Урса по моим ногам и в конце концов концентрировалась в пальцах рук.

Внезапно в хижине снова стало темно, и я оказался на земляном полу, зачарованно прислушиваясь к дыханию больного. Похоже, прошло немало времени. Я устало поднялся на ноги, чувствуя, что вот-вот могу заболеть — точно так я чувствовал себя после того, как казнил Агилюса. Я снял циновку и вышел на солнце,

Бургундофара бросилась мне на шею:

— Ты в порядке?

Я успокоил ее и спросил, нельзя ли где-нибудь присесть. Рослый мужик с громким голосом — должно быть, один из родственников больного — протолкался через толпу, желая немедленно знать, поправится ли Деклан. Я ответил, что не знаю, продолжая пробираться в ту сторону, куда указала Бургундофара. Ноны уже миновали, и осенний день набрал тепла, как бывает в эту пору. Если бы я чувствовал себя получше, потные, размахивающие руками батраки позабавили бы

меня; именно такую публику мы распугали, представив пьесу доктора Талоса на Ктесифонском перекрестке. Сейчас они совсем задавили меня.

— Отвечай! — прокричал рослый мужик мне в лицо. — Он будет здоров?

Я повернулся к нему:

— Друг мой, ты думаешь, что раз твоя деревня накормила меня, я обязан отвечать на твои вопросы? Ты ошибаешься!

Люди оттащили его прочь и, кажется, сбили с ног. По крайней мере я слышал звук удара.

Херена взяла меня за руку. Толпа расступилась перед нами, и она подвела меня к раскидистому дереву, где мы устроились на голой утоптанной земле, несомненно, на месте сходок здешних селян.

Какой-то человек подошел и с поклоном спросил, не нужно ли мне чего. Я хотел пить; женщина принесла мне холодной речной воды в запотевшей» каменной чаше. Херена села справа от меня, Бургундофара слева, и мы пустили чашу по кругу.

Появился старейшина Гургустий. Поклонившись, он указал на Брегвина и сказал:

— Судя по словам моего брата, ты прибыл в его деревню на корабле, который плавает по обла-

кам, и явился, чтобы примирить нас с небесными силами. Мы всю жизнь исправно поднимаемся на холмы и шлем им дым наших жертвоприношений, но люди неба все равно сердятся на нас и насылают морозы. В Нессусе говорят, что солнце остывает…

— А далеко он? — перебила Бургундофара.

— Следующее селение — Ос, госпожа. Там можно сесть на корабль и доплыть до Нессуса в один день.

— А из Нессуса можно добраться до Лити, — прошептала мне на ухо Бургундофара.

Старейшина продолжил:

— Но монарх требует с нас прежний оброк и забирает наших детей, если мы не можем заплатить зерном. Мы поднимаемся на холмы по примеру наших отцов. В Гургустиях мы перед заморозками принесли в жертву лучшего барана. Что нам теперь делать?

Я попробовал объяснить ему, что иеродулы боятся нас потому, что в былые времена величия Урса мы распространились по мирам, погубив многие другие расы и повсюду принося с собой нашу жестокость и наши войны.

— Надо объединиться, — сказал я. — Надо говорить только правду, чтобы на наши обещания

можно было полагаться. Надо заботиться об Урсе так, как вы заботитесь о своих собственных полях.

Старейшина и кое-кто из собравшихся кивали, будто понимая, а может быть, они и впрямь постигали смысл моих слов. Или же понимали хотя бы малую толику из того, что я говорил.

За спинами людей послышался какой-то шум, крики радости и плач. Сидевшие вскочили на ноги; я же слишком устал, чтобы последовать их примеру. После недолгих сбивчивых речей и радостных воплей вперед вывели больного старика, все еще голого, завернутого лишь в одно одеяло из тех, что были на его одре.

— Это Деклан, — объявил кто-то. — Деклан, расскажи сьеру, как ты поправился!

Старик заговорил, но я не слышал его. Тогда жестами я велел остальным замолчать.

— Я лежал в своей постели, господин, и вдруг появился серафим, облаченный в свет. — Иные из батраков прыснули и принялись толкать друг друга локтями. — Он спросил меня, не желаю ли я умереть. Я сказал, что хочу жить, и заснул, а проснувшись, я стал таким, каким ты видишь меня сейчас.

Батраки разразились хохотом и указали ему

на меня:

— Это благородный сьер вылечил тебя!

— Он был там, — прикрикнул я на них, — а вы не были! Только дурак станет говорить, что знает больше, чем свидетель!

Эта мысль явилась плодом долгих дней, проведенных мною в Траксе за слушанием дел в суде архона, а еще больше, боюсь, — тех, что я провел, верша суд Автарха.

Бургундофара хотела незамедлительно продолжить путь в Ос, но я слишком устал, чтобы трогаться в тот же день дальше, и вовсе не хотел томиться еще одну ночь в тесной и грязной хижине. Я сказал селянам Гургустий, что мы с Бургундофарой переночуем под их вечевым деревом и пусть они найдут в своих жилищах место для тех, кто пришел со мной из Вици. Они так и сделали; но, пробудившись в одну из ночных страж, я обнаружил, что Херена лежит вместе с нами.

30. ЦЕРИКС

Когда мы выходили из Гургустий, многие батраки этой деревни хотели пойти с нами, и некоторые из тех, что провожали нас от самой Вици. Я запретил им это, не желая, чтобы меня сопровождали словно какую-нибудь диковину.

Сперва они протестовали, но, увидев, что я непреклонен, удовлетворились долгими (часто повторявшими друг друга) речами благодарности и вручением подарков: мне преподнесли резной посох, замечательное творение двух лучших местных резчиков, Бургундофаре — шаль с бахромой разноцветной шерсти, должно быть, самый богатый у них предмет женского убранства, и нам обоим корзину еды. Со съестным мы разобрались по пути и выбросили корзинку в реку, остальное же оставили себе. Посох мне понравился, он был удобен при ходьбе, а Бургундофаре пришлась по душе шаль, скрасившая грубую простоту ее мужской матросской робы. В сумерках, перед самым закрытием городских ворот, мы вступили в городок Ос.

Именно здесь речка, вдоль которой мы шагали,

впадала в Гьолл, и вдоль его берега стояли на приколе шебеки, караки и фелюки. Мы искали встречи с их капитанами, но все они сошли на берег по делам или в поисках развлечений, и скучающие сторожа, оставленные охранять их суда, посоветовали нам прийти наутро. Один из них порекомендовал нам заглянуть в «Горшок ухи»; мы как раз направлялись туда, как вдруг увидели человека в зеленой с пурпуром одежде, стоявшего на перевернутой бочке и обращавшегося к слушателям, которых собралось человек сто или около того:

— …погребенных сокровищ! — уловили мы обрывок фразы. — Все тайное становится явным! Если в ветвях сидят три птицы, третья может не ведать о первой, но я знаю обо всех трех. Под подушкой у нашего правителя, мудрого и проницательного, есть кольцо — оно лежит там прямо сейчас, когда я говорю о нем… Спасибо, добрая женщина. О чем ты хочешь спросить? Будь уверена, я знаю, но пусть эти добрые люди тоже услышат. Тогда я открою это всем.

Толстая горожанка высыпала ему в ладонь несколько аэсов.

— Пойдем, — потянула меня Бургундофара. — Пора уже сесть где-нибудь и перекусить.

— Подожди, — сказал я.

Я остановился отчасти из-за характерной скороговорки шарлатана, напомнившей мне доктора Талоса, а отчасти потому, что в его глазах было нечто от взгляда Абундантия. Но в нем ощущалось и что-то еще, более существенное, хотя, похоже, я не смогу объяснить это внятно. Я чувствовал, что незнакомец совершил путешествие, подобное моему, что мы оба забрались очень далеко и вернулись оттуда, да так, как не путешествовала и Бургундофара; и хотя мы побывали не в одном и том же месте и вернулись не с одним и тем же, но оба оставили за спиной дороги самого загадочного свойства.

Толстая горожанка что-то сказала ему; шарлатан огласил:

— Она просит сообщить ей, найдет ли ее муж новое место для своего веселого заведения и будет ли его предприятие прибыльным.

Он закинул руки за голову, зажав в кулаках длинную палку. Глаза его остались открыты, но зрачки закатились вверх, а белки помутнели, как скорлупа вареного яйца. Я усмехнулся, ожидая, что народ рассмеется тоже; но что-то страшное было в его слепой, кликушествующей позе, и никто не засмеялся. Мы услышали плеск реки и

дуновения вечернего ветерка, хотя он был так слаб, что не тронул ни волоска на моей голове.

Руки шарлатана резко упали, и вернулись на место его черные рыскающие зрачки.

— Ответы таковы: «Да!» и «Да!» Новые бани будут стоять в полулиге от места, где мы сейчас находимся.

— Ну, это нетрудно, — прошептала Бургундофара. — Весь городишко не занимает и лиги.

— И вы будете иметь с них больше, чем когда-либо имели со старых, — пообещал шарлатан. — А теперь, дорогие друзья, прежде чем вы зададите новые вопросы, я хочу поведать вам еще кое-что. Вы думаете, я пророчествовал ради тех денег, которые заплатила мне эта добрая женщина? — Он подкинул медяки на ладони, потом составил их черным столбиком на фоне темнеющего неба. — Так вот, вы ошиблись, друзья мои! Глядите-ка!

Он швырнул монеты в толпу, и, по-моему, их было гораздо больше, чем он получил от женщины. Началась дикая чехарда.

— Ну все, теперь пойдем, — сказал я.

Бургундофара покачала головой.

— Давай дослушаем.

— Дурные времена настали, друзья мои! Вы жаждете чудес. Магических исцелений и яблок,

вырастающих на ели! И что же? Нынче утром я узнал, что некий чудотворец обходит деревни по Флуминию и направляется сюда. — Его взгляд пересекся с моим. — Я знаю, что сейчас он здесь. Так пусть он предстанет перед нами. Мы устроим для вас, друзья мои, состязание — магический поединок! Покажись, приятель! Подойди к Цериксу!

Толпа зашевелилась, по ней прокатился ропот. Я улыбнулся и покачал головой.

— Ты, ты, добрый человек, — он ткнул пальцем в мою сторону. — Ты знаешь, что это такое — упражнять свою волю до тех пор, пока она не становится твердой, как стальная отливка? Гонять свой дух перед собой, точно нерадивого раба? Трудиться без устали, бесконечно, во имя награды такой далекой, что кажется, будто она вовсе недостижима?

Я покачал головой.

— Отвечай! Пусть все услышат!

— Нет, — сказал я. — Я этим не занимался.

— А следовало бы, если ты хочешь взять в руки скипетр Предвечного!

— Я ничего не знаю о том, как взять в руки этот скипетр, — ответил я. — По правде говоря, я уверен, что это невозможно. Если уж ты хочешь уподобиться Предвечному, вопрос в том, можно

ли преуспеть, поступая иначе, чем Он?

Я взял Бургундофару за руку и повел ее прочь. Мы шагали по какой-то узенькой улочке, как вдруг посох, который мне подарили в Гургустиях, сломался с громким треском. Я бросил оставшийся у меня в руке обломок в грязь, и мы двинулись дальше вверх по крутому подъему, тянувшемуся от набережной к «Горшку ухи».

Выглядело сие заведение вполне прилично; я заметил, что собравшиеся в его зале ели почти столько же, сколько пили, а это всегда хороший знак. Когда трактирщик перегнулся через свою стойку поговорить с нами, я спросил его, найдется ли у него для нас ужин и уютная комнатка.

— Конечно, найдется, сьер. Не вполне подходящая твоему положению, но лучше ты в Осе не найдешь.

Я достал один из хризосов Идас. Он взял его, внимательно оглядел, словно удивляясь, и сказал:

— Конечно, сьер. Ну да, разумеется. Встретимся утром, сьер, и я отдам тебе сдачу. Ужин, наверно, подать прямо в комнату?

Я покачал головой.

— Ага, значит, на стол. Ты, надо думать, предпочитаешь подальше от двери, от стойки и от

кухни. Понимаю. Вон там, сьер, стол со скатертью. Подойдет?

Я кивнул.

— У нас есть любая пресноводная рыба, сьер. Свежепойманная. Наша уха славится повсюду. Камбала, лосось, копченый, соленый. Дичь, телятина, говядина, птица…

— Я слышал, что в этой части света с едой неважно.

— Неурожаи, верно, сьер. — Он, похоже, встревожился. — Уже третий год подряд. Хлеб очень дорог — не для тебя, сьер, но для голытьбы… Многие бедные детишки лягут сегодня спать натощак, поэтому возблагодарим судьбу, что нам не придется.

— А свежий лосось у вас бывает? — спросила Бургундофара.

— Только весной, боюсь. Тогда он идет на нерест, госпожа. В иное время его ловят лишь в море, и он не выдерживает перевозки так далеко вверх по реке.

— Значит — соленой лососины.

— Вам понравится, госпожа, я уверен. И трех месяцев не прошло, как мы засолили его на нашей кухне. О хлебе, фруктах и прочем не беспокойтесь. Все принесем в лучшем виде, и можете

выбирать сами. У нас есть бананы с севера, хотя из-за повстанцев они здорово подорожали. Вино красное или белое?

— Наверно, красное. А ты бы что посоветовал?

— Я могу предложить любое из наших вин, госпожа. В моем погребе нет ни одной фляги, которой я бы не порекомендовал гостям.

— Ну, тогда красное.

— Очень хорошо, госпожа. А тебе, сьер?

Мгновение назад я сказал бы, что не голоден. Теперь же я пускал слюнки при одном упоминании о еде; я никак не мог решить, чего мне хочется больше.

— Фазан, сьер? У нас на птичнике есть прекрасный фазан.

— Хорошо. А вот вина, пожалуй, не надо. Матэ. У тебя есть матэ?

— Конечно, сьер.

— Вот его я и буду пить. Давно его не пробовал.

— Сию же минуту будет готово, сьер. Еще чего-нибудь?

— Только завтрак пораньше утром; мы собираемся на пристань, чтобы отправиться в Нессус. Тогда же и рассчитаемся.

— Все будет готово, и сдача, и добрый горячий завтрак — все будет готово поутру. Сосиски, сьер,

ветчина и…

Я кивнул и жестом отослал трактирщика. Когда он ушел, Бургундофара спросила:

— Почему ты не захотел отужинать в своей комнате? Это было бы куда приятнее.

— Просто я надеюсь кое-что выведать. И потому, что не хочу оставаться наедине с собственными мыслями.

— Я буду с тобой.

— Конечно, но лучше, когда вокруг много народу.

— Что…

Я дал ей знак замолчать. Мужчина средних лет, который ужинал неподалеку от нас, поднялся и бросил последнюю кость на тарелку. Теперь он со стаканом в руке шел к нашему столу.

— Хаделин, — представился он. — Шкипер «Альционы».

— Присаживайся, капитан, — кивнул я. — Чему обязан?

— Слышал, как ты говорил с Кирином. Ты, значит, хочешь отправиться вниз по реке? У иных проезд дешевле, а у других, может быть, получше каюты. В смысле побольше и побогаче — чище ты не найдешь. Но быстрее моей «Альционы» — только патрули, и мы отходим завтра утром.

Я спросил, сколько времени займет у него путь до Нессуса, и Бургундофара добавила: «А до моря?»

— В Нессусе мы будем через день, хотя это зависит от ветра и от погоды. Ветер в это время года обычно легкий и попутный, но если мы попадем в раннюю бурю, придется вставать на якорь.

— Понятное дело, — кивнул я.

— В худшем случае доберемся послезавтра, к вечерне или чуть раньше. Высажу вас где скажете, по эту сторону хана. Там мы остановимся на пару дней на разгрузку-погрузку, а потом пойдем дальше вниз. От Нессуса до дельты мы обычно доходим за две недели, а то и меньше.

— Прежде чем сесть на твой корабль, хотелось бы взглянуть на него.

— Ничего такого, за что мне было бы стыдно, ты не найдешь, сьер. Я подошел к вам потому, что мы отходим рано, и если вам нужна скорость, вы ее получите. Вообще-то мы бы отчалили раньше, чем вы доберетесь до реки. Но если ты с ней спустишься сюда, едва встанет солнце, мы перекусим и тронемся вместе.

— Ты ночуешь здесь, капитан?

— Да, сьер. По возможности ночую на берегу. Как и все мы. Завтра ночью мы тоже пристанем

где-нибудь, если на то будет воля Панкреатора.

Подошел официант с нашим ужином, и трактирщик через весь зал переглянулся с Хаделином.

— Прошу прощения, сьер, — сказал тот. — Кирину что-то нужно от меня, а вы, должно быть, проголодались. Увидимся утром.

— Мы будем здесь, — пообещал я.

— Лосось у них отменный, — сообщила мне Бургундофара, попробовав. — У нас на лодках имеется запас соленой рыбы, на случай, если ничего не ловится, но эта куда лучше. Я и не знала, как соскучилась по рыбе.

Я сказал, что рад это слышать.

— И я снова окажусь на корабле. Как думаешь, он хороший капитан? Готова спорить, с командой он — сущий дьявол.

Кивком я предупредил ее, что Хаделин возвращается.

Он снова отодвинул свой стул, и она спросила:

— Не выпьешь со мной вина, капитан? Мне принесли целую бутылку.

— Полстакана, за знакомство. — Хаделин бросил взгляд через плечо, потом повернулся к нам, едва заметно приподняв уголки губ. — Кирин только что предупреждал меня насчет вас. Ска-

зал, вы дали ему хризос, каких он в жизни не видал.

— Он может вернуть его, если хочет. Желаешь взглянуть на наши монеты?

— Я моряк; мы знакомы с монетами разных стран. К тому же порою попадаются монеты из могильников. В горах, надо думать, полно могильников?

— Понятия не имею. — Я послал хризос по столу.

Хаделин рассмотрел его, попробовал на зуб и вернул обратно.

— Чистое золото. Похож на тебя, смотри-ка, только у него стрижка покороче. Ты, наверно, и не замечал.

— Нет, — сказал я. — Никогда не обращал внимания.

Хаделин кивнул и встал, отодвинув стул.

— Сам себя не обкорнаешь. До встречи утром, сьер, госпожа.

Наверху, когда я уже повесил свой плащ и рубашку на крючки и умывался перед сном теплой водой, которую принесла трактирная служанка, Бургундофара сказала:

— А ведь он сломал его, верно?

Я понял, о чем она, и кивнул.

— Ты должен был вступить с ним в состязание.

— Я не маг, — сказал я, — но однажды участвовал в магическом поединке. И едва остался жив.

— Ты же исправил той девчонке руку.

— Это было не волшебство. Я…

На улице затрубила раковина, послышались нестройные голоса. Я подошел к окну и выглянул наружу. Комната наша находилась на втором этаже, и с моей позиции открывался прекрасный вид над головами собравшихся. Посреди толпы, возле носилок, которые держали на плечах восемь мужчин, стоял давешний шарлатан с набережной. На мгновение мне показалось, что это мы с Бургундофарой вызвали его своим разговором.

Увидев меня в окне, он снова протрубил в свою раковину, указал в мою сторону и, когда все взоры устремились на меня, воскликнул:

— Воскреси-ка вот этого человека, приятель! Если же ты не можешь, то дело за мной. Могучий Церикс заставит мертвеца снова ходить по Урсу!

Окоченелое тело, на которое он указал рукой, распростерлось на носилках наподобие поверженной статуи.

— Ты считаешь меня своим соперником, могучий Церикс, — крикнул я, — но у меня нет таких

притязаний. Мы просто остановились в Осе по пути к морю. Завтра мы покинем этот город.

Я закрыл ставни и запер их на засов.

— Это был он, — сказала Бургундофара. Она уже разделась и стояла, склонившись, над умывальником.

— Да, он, — откликнулся я.

Я ждал, что она снова станет упрекать меня, но она лишь произнесла:

— Мы избавимся от него, как только отчалим. Хочешь меня сегодня?

— Наверно, чуть позже. Мне надо подумать. — Я вытерся и забрался в постель.

— Тогда тебе придется будить меня, — сказала она. — От вина меня что-то клонит в сон.

— Разбужу, — пообещал я, и она скользнула ко мне под одеяло.

Сон уже сомкнул мне веки, когда топор мертвеца распахнул нашу дверь и он ввалился в комнату.

31. ЗАМА

Сперва я не понял, что это мертвец. В комнате было темно, в тесном маленьком коридорчике за дверью — не многим светлее. Я уже почти спал; с первым ударом топора я открыл глаза, и когда его лезвие прорубило дверь на втором ударе, я увидел только тусклый блеск стали.

Бургундофара завизжала, а я скатился с кровати, пытаясь нашарить оружие, которого у меня уже не было. На третьем ударе дверь подалась. На мгновение силуэт мертвеца обрисовался на фоне дверного проема. Топор обрушился на пустую кровать. Рама ее сломалась, и вся конструкция с грохотом рухнула на пол.

Будто ожил тот бедный доброволец, которого я убил много лет назад в нашем некрополе; страх и чувство вины парализовали меня. Разрезая воздух, топор мертвеца просвистел над моей головой, точно заступ Хильдегрина, и с глухим стуком, похожим на пинок великана, ударил по оштукатуренной стене. Слабый свет, проникавший из коридора, на мгновение погас — это Бургундофара выбежала из комнаты.

Топор снова ударился о стену, менее чем в кубите от моего уха. Холодная, как змея, рука мертвеца, от которой несло разложением, коснулась моей руки. Я сцепился с ним, без всякого расчета, повинуясь слепому инстинкту.

Появились свечи и лампа. Двое почти голых мужчин вывернули из руки мертвеца топор, а Бургундофара приставила нож к его горлу. За ней вырос Хаделин, держащий в одной руке морскую саблю, а в другой — подсвечник. Трактирщик поднес лампу к лицу мертвеца и выронил ее.

— Он мертв, — сказал я. — Ты наверняка видел такое и раньше. То же самое случится в свое время и с тобой, и со мной.

Я выбил из-под мертвеца ноги, как учил нас некогда мастер Гурло, и тот рухнул на пол рядом с погасшей лампой.

— Я ударила его ножом, Северьян, — выпалила Бургундофара, — но он не… — Она замолчала, чтобы не заплакать от страха. Рука, в которой она держала нож, заметно дрожала.

Я было обнял ее, но тут кто-то вскрикнул:

— Берегись!

Мертвец начал медленно подниматься на ноги. Глаза его, сомкнутые, пока он лежал на полу, открылись, хотя взгляд был бессмысленным

взглядом трупа и одно веко едва поднималось. Из узкой раны в боку сочилась темная густая кровь.

Хаделин шагнул вперед и замахнулся саблей.

— Постой! — сказал я и перехватил его руку.

Пальцы мертвеца потянулись к моему горлу. Я дотронулся до них, не испытывая больше ни страха, ни даже отвращения. Вместо этого я чувствовал неимоверную жалость к нему и ко всем нам, зная, что все мы в какой-то степени мертвы и бродим в полусне, тогда как он крепко заснул. Но разве мы, в отличие от него, слышим пение жизни внутри и вокруг нас?

Его руки безвольно обвисли по бокам. Я ударил его в грудь правой ладонью, и через нее хлынула жизнь, да так, что мне показалось, будто каждый мой палец распустился словно бутон. Сердце мое преобразилось в могучий двигатель, который готов был работать вечно и каждым ударом сотрясать весь мир. Я никогда не ощущал себя таким живым, как в тот миг, когда возвращал жизнь ему.

И вот наконец случилось — все заметили это: глаза его были уже не мертвыми тканями, а человеческими органами, благодаря которым он видел нас. Холодная мертвая кровь, отвратительная жижа, которая пятнает колоду мясника,

снова вскипела в нем и хлынула рекой из раны, нанесенной ему Бургундофарой. Рана тотчас же затянулась и исчезла, осталось лишь багровое пятно на полу и белый шрам на его коже. Румянец проступил на его щеках, пока лицо из серого не стало снова смуглым и цветущим.

До того я сказал бы, что умерший был человеком средних лет; юноше, который, моргая, стоял передо мной, минуло не больше двадцати. Вспомнив Милеса, я обнял его за плечи и поздравил с возвращением в край живых, произнося слова тихо и медленно, как если бы разговаривал с собакой.

Хаделин и все остальные, примчавшиеся мне на помощь, отступили, на их лицах читались изумление и страх; и я подумал тогда (да и теперь гадаю): не странно ли, что они проявили такую храбрость, столкнувшись лицом к лицу с самим ужасом, но струсили при виде отступления грозного рока?

Может быть, только вступая в схватку со злом, мы поворачиваем оружие против своих братьев. Я же вдруг проник в смысл головоломки, занимавшей меня с самого детства, — кажется, понял легенду о том, что в последней битве целые армии демонов обратятся в бегство от одного вида

воина Предвечного.

Капитан Хаделин вышел последним. В дверях он остановился с открытым ртом, силясь найти в себе смелость заговорить или просто подыскивая слова, потом повернулся и выскочил из комнаты, оставив нас в темноте.

— Здесь где-то была свеча, — пробормотала Бургундофара. Я слышал, как она шарит впотьмах.

Через мгновение я также увидел ее, завернувшуюся в одеяло, над маленьким столиком, стоявшим возле порушенной кровати. Свет, разогнавший тьму в хижине больного старика, вернулся снова, и она, обнаружив перед собой собственную тень, обернулась, увидела его и с визгом метнулась вслед за остальными.

Бежать за ней показалось мне бесполезным занятием. Я заставил как мог дверной проем стульями и обломками двери и при свете, перемещавшемся вместе с моим взглядом, постелил на пол порванный матрац, чтобы мы с недавним мертвецом могли отдохнуть.

Я сказал: отдохнуть, не поспать, потому что, по-моему, ни один из нас не спал, хотя пару раз мне удавалось забыться в полудреме; но, размыкая веки, я неизменно слышал, как мой сосед бродит по комнате, странствуя за пределами этих

четырех стен. Однако стоило мне закрыть глаза, я точно взмывал взором вверх, за потолок, где сияла моя звезда. Сам потолок становился прозрачным словно кисея, и я видел, как моя звезда, все еще бесконечно далекая, неуклонно мчится в нашем направлении. Наконец я встал, раскрыл ставни и взглянул из окна на небо.

Ночь была ясная и холодная; каждая звезда казалась драгоценным камнем. Я понял, что знаю, где маячит моя звезда, так же как серые морские гуси всегда знают, где им приземлиться, хоть мы и слышим их крики за целую лигу тумана. Или, точнее, я знал, где должна быть моя звезда; но когда я смотрел туда, то видел лишь беспросветную тьму. Звезды были щедро рассыпаны по всему небу, словно алмазы по черному плащу мастера; и каждая звезда, возможно, принадлежала какому-нибудь неразумному посланцу, такому же одинокому и растерянному, как я. Но ни одну из них я не признал своей. Моя была где-то там, я твердо верил в это, но тщетно стремился разглядеть ее.

В хрониках, подобных моей, автор обычно придерживается хода событий; однако многие события попросту не имеют хода, происходя мгновенно, без всякого развития: ничто не пред-

вещает его, и вдруг — оно уже свершилось. Так случилось и на этот раз. Представь себе, читатель, человека, стоящего перед зеркалом; камень разбивает зеркало, и вот оно разлетается вдребезги.

И человек вдруг осознает, что он — это он сам, а не отражение, которым он считал себя миг назад.

Со мной произошло нечто сходное. Я считал себя звездой, маяком на рубеже Йесода и Брии, летящим во мраке ночи. И вдруг эта уверенность куда-то исчезла, и я снова ощутил себя простым человеком: стоял, опершись руками на подоконник, обливался холодным потом и дрожал, прислушиваясь к шагам того, кто побывал среди мертвых.

Городок Ос лежал во мраке, зеленая Луна только что села за темные холмы позади черной ленты Гьолла. Я смотрел туда, где стоял со своими зрителями Церикс, и при тусклом освещении мне время от времени казалось, что я по-прежнему вижу их силуэты. Повинуясь необъяснимому порыву, я вернулся в комнату, оделся и выпрыгнул из окна прямо на грязную улицу.

Ударившись о землю неожиданно сильно, я испугался, что сломал лодыжку. На корабле я был легким, как пушок на эмбрионе, и, вероятно,

несколько переоценивал возможности, вернувшиеся ко мне вместе с исцеленной ногой. Я понял, что на Урсе мне придется учиться прыгать заново.

Набежавшие тучи закрыли звезды, и мне пришлось на ощупь искать то, что я недавно разглядел сверху; и все же я не ошибся. В медный подсвечник был воткнут огарок свечи, который не признала бы ни одна пчела. Трупики котенка и маленькой птички лежали рядом в сточной канаве.

Пока я разглядывал их, некогда мертвый человек спрыгнул вслед за мной, приземлившись гораздо удачнее. Я заговорил с ним, но он не отвечал. Для проверки я прошел некоторое расстояние вниз по улице; он тихо следовал за мной.

Теперь мне уже совсем не хотелось спать, а усталость, охватившую меня после того, как я вернул его к жизни, прогнало ощущение, которое я не впаду в соблазн назвать нереальным, — я возликовал, вновь проникшись уверенностью, что мое существо отныне заключено не в кукле из плоти и-крови, прозванной людьми Северьяном, но в далекой сияющей звезде, чьих сил хватит на то, чтобы заставить расцвести десять тысяч миров. Глядя на некогда мертвого человека, я

вспоминал, как далеко мы с Милесом зашли, когда никому из нас не следовало двигаться вовсе, и знал, что теперь все обстоит иначе.

— Пойдем, — сказал я. — Поглядим на город, а как только откроется какая-нибудь харчевня, я поставлю тебе выпивку.

Он ничего не ответил. Когда я вывел его в полосу звездного света, лицо его показалось мне ликом того, кто блуждает среди причудливых снов.

Если бы я вознамерился описать все наши блуждания в подробностях, тебе, читатель, непременно наскучил бы мой рассказ; мне же вовсе не было скучно. Мы брели по гребню холма на север, пока не уперлись в городскую стену — полуразвалившуюся конструкцию, сложенную, похоже, из гордыни и страха в равной пропорции. Повернув обратно, мы двинулись уютными кривыми улочками меж одноэтажных домиков и выбрались к реке, когда первый луч рассвета коснулся крыш домов за нашими спинами.

Мы шли вдоль реки, любуясь многомачтовыми судами, как вдруг старик, ранняя пташка, наверняка страдающий от бессонницы, как и многие пожилые люди, остановил нас.

— Как, Зама? — воскликнул он. — Зама, маль-

чик мой, а ведь болтали, что ты умер?!

Я рассмеялся, и мой смех заставил некогда мертвого человека улыбнуться.

— Да ты в жизни не выглядел так славно! — радостно закудахтал старик.

— Как, говоришь, он умер? — спросил я.

— Утоп! Лодка Пиниана перевернулась у острова Байюло — так мне сказали.

— Жена у него есть? — Заметив недоуменный взгляд старика, я добавил: — Мы познакомились накануне в кабаке, и теперь я хочу устроить его где-нибудь отдохнуть. Боюсь, он слегка перебрал.

— Нет у него никого. Живет он с Пинианом. Пинианова карга вычитает из его заработка за постой. — Старик указал мне дорогу и в общих чертах описал дом, из чего я понял, что Зама ютился в довольно жалком жилище. — Только я бы не потащил его туда в такую рань, тем более когда он так нагрузился. Пиниан дух из него вышибет, уж это как пить дать. — Старик покачал головой. — Ну надо же! А ведь все слышали, что останки Замы выудили из воды и притаранили на берег!

Не найдя более подходящих слов, я промолвил: «Не знаешь, чему и верить», а потом, тронутый искренней радостью жалкого Старика за сильного

молодого парня, оставшегося в живых, положил ладонь ему на голову и пробормотал набор дежурных фраз, своего рода пожелание счастья в этой жизни и в следующей. Такое благословение я изредка отпускал, будучи Автархом.

Я не замышлял ничего особенного, но результат превзошел все мои ожидания. Как только я отнял руку, мне показалось, что годы лишь покрывали его словно пыль, но теперь невидимые стены рухнули, пропуская внутрь ветер; глаза его раскрылись широко, округлились точно блюдца, и он упал на колени.

Когда мы отошли на некоторое расстояние, я обернулся посмотреть на старика. Он все еще стоял на коленях и глядел нам вслед, но уже не был стариком. Не стал он и юношей, но преобразился в человека как такового, человека, освобожденного из круговорота времени.

Зама не проронил ни слова, но обнял меня за плечи. Я сделал то же самое, и так, обнявшись, мы побрели вверх по улице, по которой накануне прошли мы с Бургундофарой; и нашли ее за завтраком с Хаделином в общей зале «Горшка ухи».

32. ПО ПУТИ К «АЛЬЦИОНЕ»

Они не ждали ни его, ни меня — за их столом не нашлось для нас места. Я пододвинул себе стул, а затем, видя, что мой спутник лишь стоит и смотрит, — другой, для Замы.

— Мы думали, что ты ушел, сьер, — сказал Хаделин. По его лицу, как и по лицу Бургундофары, было вполне понятно, где она провела ночь.

— Я отлучался, — ответил я, обращаясь к ней, а не к нему. — Но вижу, это не помешало тебе заглянуть в нашу комнату — забрать одежду.

— Я думала, что ты погиб, — сказала Бургундофара. Я не ответил, и она добавила: — Думала, он убил тебя. Дверь была завалена, мне пришлось разгребать всякий хлам, тут и обнаружилось, что ставни высажены.

— Как бы то ни было, ты вернулся, сьер. — Хаделин тщетно попытался придать своему голосу радостную интонацию. — Ты еще собираешься с нами вниз по реке?

— Возможно, — ответил я. — Когда увижу ваш корабль.

— Уж тогда-то точно не передумаешь, сьер.

Появившийся рядом трактирщик поклонился и выдавил из себя улыбку. Я заметил, что за пояс его клеенчатого передника заткнут мясницкий нож.

— Мне — фруктов, — заказал я. — Вчера ты говорил, что они у тебя найдутся. И принеси немного ему; посмотрим, ест ли он их. И матэ для нас обоих.

— Сию минуту, сьер!

— После завтрака можем подняться в мою комнату. Ей причинен ущерб, и нам придется оценить, во сколько мне это обойдется.

— Не стоит, сьер. Какие пустяки! Сойдемся на одном орихальке для порядку? — Он потер руки, но они тряслись, и этот свойственный всем трактирщикам жест смотрелся довольно нелепо.

— Мне думается, пять, а то и все десять. Высаженная дверь, порубленная стена, сломанная кровать — нет, нам надо подняться и подбить счет.

Губы у него тоже подрагивали, и вдруг мне вовсе разонравилось пугать этого человечка, который с лампой и палкой не замедлил подняться наверх, когда услышал, что на его гостя напали. Я сказал:

— Тебе не следует так много пить, — и дотронулся до его руки.

Он улыбнулся, пролепетав:

— Спасибо, сьер! Так, значит, фруктов, сьер? Сию минуту, сьер! — и убежал.

Все фрукты оказались тропическими, как я, в принципе, и ожидал: апельсины, другие цитрусовые, манго и бананы, которые по суше доставляли в верховья реки караванами вьючных животных, а оттуда переправляли по реке на юг. Ни яблок, ни винограда не было. Я взял нож, которым Бургундофара ударила Заму, очистил манго, и мы молча принялись за еду. Через некоторое время Зама присоединился к нам, что я счел добрым знаком.

— Еще чего-нибудь, сьер? — спросил трактирщик из-за спины. — Этого добра у нас хватает.

Я покачал головой.

— Тогда, быть может… — Трактирщик кивнул в сторону лестницы, и я поднялся, жестом попросив остальных оставаться на месте.

— Лучше бы ты еще попугал его, — сказала Бургундофара. — Дешевле бы обошлось.

Трактирщик бросил на нее взгляд, полный ненависти.

Заведение его, и без того казавшееся небольшим накануне, когда я валился с ног от усталости, а оно было скрыто полумраком, сейчас смотрелось просто крошечным: четыре комнатушки на

первом этаже и еще четыре, надо думать, этажом выше. Моя комната, вполне просторная, когда я лежал на раскромсанном матраце и прислушивался к шагам Замы, на самом деле была едва ли больше той каюты, которую мы с Бургундофарой занимали на шлюпе. Топор Замы, старый и отполированный долгими годами рубки леса, стоял в углу у стены.

— Я вовсе не хотел тащить тебя сюда, чтобы заполучить свои деньги, сьер, — заговорил трактирщик. — Ни за этот разгром, ни вообще. Не надо никаких денег.

Я оглядел картину разрушения.

— Но деньги ты все равно получишь.

— Тогда я их раздам. В Осе нынче много бедноты.

— Догадываюсь.

Я почти не слушал ни его, ни себя, а разглядывал ставни; именно для того, чтобы взглянуть на них, я и настоял на том, чтобы мы поднялись наверх. Бургундофара сказала, что они выломаны, и она ничуть не преувеличивала. Винты, державшие засов, были вырваны из дерева рамы с корнем. Я помнил, что запирал их, а потом отпирал. Восстановив в голове последовательность своих действий, я припомнил, что едва коснулся

ставней, как они распахнулись настежь.

— Не по душе мне брать с тебя деньги после того, что ты мне дал. Ведь теперь «Горшок ухи» прославится во веки веков по всей реке! — В глазах его промелькнули недоступные мне видения славы и известности. — И раньше-то нас все знали как лучший постоялый двор в Осе. А теперь народ набежит, только чтобы взглянуть на это! — Трактирщика охватило вдохновение. — Нет, не стану я здесь ничего убирать и чинить. Оставлю все как есть!

— Будешь брать плату за просмотр, — сказал я.

— Вот именно, сьер, пусть заходят! Положим, не с завсегдатаев. А уж с остальных-то — обязательно!

Я собирался запретить ему делать это, велев, чтобы все было исправлено; но едва я открыл рот, как закрыл его снова. Для того ли вернулся я на Урс, чтобы отобрать у этого человека его маленький кусочек удачи — если это действительно удача? Сейчас он любит меня, как отец родного сына, которым привык слепо восхищаться. Какое я имею право разочаровывать его?

— Ох уж болтали вчера мои клиенты! Ты не представляешь, сьер, что тут началось после того, как ты воскресил беднягу Заму!

— Расскажи мне, — попросил я.

Когда мы снова спустились вниз, я заставил его принять от меня плату, хотя он всячески отпирался.

— Ужин вчера для нее и для меня. Ночлег для нас с Замой. Два орихалька за дверь, два за стену, два за кровать и два за ставни. Завтрак для Замы и для меня сегодня. Ее ночлег и завтрак запиши на счет капитана Хаделина, и посмотрим, что там причитается с меня.

Он совершил подсчет, выписав все на листке бурой бумаги, бормоча и шевеля губами, потом выложил мне столбиками серебро, медь и бронзу. Я спросил, уверен ли он в итоговой сумме?

— Цены у нас для всех одинаковы, сьер. Мы смотрим не на кошелек человека, а на то, что он нам должен, хотя с тебя мне не хочется брать ни аэса.

Счет Хаделина был подбит много быстрее, и мы вчетвером отправились в путь. Из всех постоялых дворов, в которых я останавливался, больше всего мне не хотелось покидать именно «Горшок ухи» с его замечательной стряпней и компанией добропорядочных речников. Часто я мечтал снова попасть туда, и когда-нибудь, быть может, я это сделаю. Определенно, когда Зама высадил

дверь, число гостей, явившихся мне на помощь, превзошло все мои ожидания, и мне нравится думать, что одним или даже несколькими из них был я сам. В самом деле, иногда мне кажется, что при свете свечи в ту ночь передо мной мелькнуло мое собственное лицо.

Так или иначе, я вовсе не думал об этом, когда мы окунулись в утреннюю прохладу улицы. Предрассветный период затишья давно миновал, и по колеям уже катились телеги; бабы в платках останавливались поглазеть на нас по дороге на рынок. Словно огромная саранча, в небе прострекотал флайер; я смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду, снова ощутив на своем лице странный ветер, поднятый пентадактилями, атаковавшими нашу кавалерию при Орифии.

— Нечасто их нынче видишь, сьер, — заметил Хаделин с грубоватой резкостью, в которой я пока не научился распознавать верный признак почтительного отношения. — Большинство больше не летает.

Я признался, что в жизни не видел ничего подобного.

Мы свернули за угол, и нам открылся чудный вид с холма: темная каменная пристань, стоящие там на приколе корабли и лодки, а за ней — свер-

кающий на солнце широкий Гьолл, дальний берег которого скрывала светлая дымка.

— Должно быть, мы значительно ниже Тракса, — обратился я к Бургундофаре, спутав ее с Гунни, которой я некогда рассказывал кое-что о Траксе.

Она обернулась, улыбнувшись, и робко взяла меня за руку.

— Славная неделька, — сказал Хаделин, — если только ветер продержится всю дорогу. Здесь-то спокойно. Занятно, что ты так хорошо знаком с глухими местами вроде этого.

К тому времени, как мы добрались до пристани, за нами уже тянулась толпа, держась на приличном расстоянии, но постоянно перешептываясь и указывая пальцами на Заму и на меня. Бургундофара попыталась отогнать их, а когда ей это не удалось, попросила меня.

— Зачем? — спросил я. — Скоро мы уплывем отсюда.

Какая-то старуха окликнула Заму и, отделившись от толпы, обняла его. Он улыбнулся, и мне стало ясно, что она не причинит ему вреда. Она спросила, все ли с ним в порядке; чуть помедлив, он кивнул. Тогда я поинтересовался, не бабушка ли она ему.

Старуха присела в неуклюжем реверансе:

— Нет, сьер, нет. Но когда-то я знала ее и всех детей бедняжки. Когда я услышала, что Зама утонул, словно часть меня самой умерла вместе с ним.

— Так и было, — сказал я.

Матросы взяли наши сарцины, и я заметил, что, наблюдая за Замой и старухой, так и не бросил взгляда на корабль Хаделина. Это была шебека, и выглядела она вполне пристойно — мне всегда везло на корабли. Уже стоя на борту, Хаделин махнул нам рукой.

Старуха уцепилась за Заму, слезы катились по ее щекам. Он вытер одну из них и сказал:

— Не плачь, Мафалда.

Он прервал молчание в первый и последний раз.

По мнению автохтонов, их скотина может говорить, но молчит, понимая, что речь вызывает демонов, ибо все наши слова — суть проклятия на языке эмпирея. Похоже, слова Замы на самом деле обернулись проклятием. Толпа расступилась, как расступаются волны перед ужасными челюстями кронозавра, и вперед выступил Церикс.

На его окованном железом посохе красовалась гниющая человеческая голова, а тощее тело его

было обернуто в свежесодранную человеческую кожу; но, взглянув ему в глаза, я поразился, что он заботится о подобной мишуре, как удивляешься при виде очаровательной женщины в стеклянных бусах и платье из фальшивого шелка. Я и не думал, что он такой великий маг.

Во мне сработала привычка, отточенная за долгие годы тренировок, и, позволяя Предвечному рассудить нас, я отсалютовал своему сопернику ножом, вложенным мне в руку Бургундофарой, чуть задержав плоское лезвие перед лицом.

Без сомнения, он решил, что я собираюсь убить его, как хотела того Бургундофара. Он прошептал что-то в свой левый кулак и приготовился читать смертоносное заклинание.

Зама переменился. Не медленно, как это бывает в сказках, а со внезапностью куда более устрашающей, он вдруг снова стал мертвецом, который вломился в нашу комнату. Из толпы послышались крики, похожие на визги стаи обезьян.

Церикс бежал бы, но его обступили стеной. Может быть, кто-то схватил его или нарочно преградил ему путь — не знаю. В одно мгновение Зама набросился на него, и я услышал треск шейных позвонков, похожий на хруст кости в зубах пса.

Один-два вздоха они лежали друг на друге — мертвец на мертвеце; затем Зама поднялся, снова живой и теперь живой совершенно, если только я что-то понимаю. Я увидел, что он узнал старуху и меня, его губы медленно разомкнулись. С полдюжины клинков пронзили его, не успел он выговорить ни слова.

Когда я подбежал к нему, он был уже не человеческим существом, а куском кровоточащей плоти. Кровь ослабевающим ручьем струилась из его горла; сердце явно еще билось, захлебываясь кровью, хотя грудь была взломана мясницким крюком. Я встал над ним и попытался заново вернуть его к жизни. Голова, насаженная на упавший посох Церикса, уставилась на меня своими гнилыми глазницами, и, борясь с тошнотой, я отвернулся — я, палач, вдруг подивился собственной жестокости. Кто-то взял меня за руку и отвел на корабль. Только когда мы поднимались по шаткому трапу, я сообразил, что следую за Бургундофарой.

Хаделин встретил нас среди деловито хлопочущих на палубе матросов.

— На этот раз они до него добрались, сьер. Ночью мы боялись напасть первыми. Днем-то другое дело.

Я покачал головой:

— Его убили потому, что он уже не был опасен, капитан.

— Ему нужно прилечь, — прошептала Бургундофара. — Это забирает у него почти все силы.

Хаделин указал на дверь под верхней палубой.

— Если ты спустишься, сьер, я покажу твою каюту. Она невелика, но…

Я вновь покачал головой. По обе стороны от двери стояли скамьи, и я попросил разрешения остаться там. Бургундофара пошла поглядеть на каюту, а я сел, пытаясь стереть из памяти лицо Замы и наблюдая, как команда готовится отдать швартовы. Один из загорелых речников показался мне знакомым; но хоть я ничего не могу забыть, иногда мне с трудом удается добраться до нужной полки в хранилище собственной памяти, которое все продолжает разрастаться.

33. НА БОРТУ «АЛЬЦИОНЫ»

Это была шебека, с низкой посадкой и широкая в корпусе. Фок-мачта несла огромный косой парус, грот-мачта — три прямых, которые можно было спустить на палубу и зарифить, а бизань — гафель и прямой марсель над ним. Бом-марс надставлялся флагштоком, где по торжественным случаям (а наше отплытие Хаделин счел именно таким случаем) можно было поднимать вымпел, который свешивался до самой воды. На марсах также трепетали флажки, чья символика не принадлежала ни одному из известных мне народов Урса.

По правде говоря, что-то неотразимо праздничное есть в отплытии под парусами, если только оно происходит при свете дня и при хорошей погоде. Мне то и дело казалось, что мы уже отчаливаем, и постепенно на душе у меня становилось легче. Я чувствовал, что радость сейчас неуместна, что я должен быть измученным и несчастным, каким я и был, когда склонялся над телом бедного Замы и сразу после этого. Но я не мог удержать это настроение. Я натянул капю-

шон плаща на голову, как накинул в свое время капюшон гильдейского плаща, когда с улыбкой на устах шагал по Бечевнику в изгнание, и хотя мой плат (тот, что я нашел в своей каюте на корабле Цадкиэля утром — ныне таким же далеким, как первое утро Урса) оказался черным точно сажа по чистой случайности, я снова улыбнулся, вспомнив, что Бечевник тянется вдоль этой самой реки, и вода, плещущаяся о наши борта, позже омоет его темные бордюрные камни.

Опасаясь возвращения Бургундофары или случайного взгляда одного из матросов, я поднялся на несколько ступенек на ют и обнаружил, что, пока я сидел в одиночестве, погруженный в свои мысли, мы уже отчалили. Ос остался далеко позади и еще не скрылся из виду лишь благодаря кристальной чистоте воздуха. Теперь я хороши знал его кривые улочки и гнусных обитателей; но лучистый утренний воздух придавал накренившимся стенам и полуразрушенным башням облик зачарованного города, который я видел на картинке из коричневой книги Теклы. Разумеется, я вспомнил ту сказку, ибо помню абсолютно все; и вот я начал рассказывать ее самому себе. Перегнувшись через перила и глядя на уплывающий вдаль город, я шепотом повторял слова

сказки, а скорый ход нашего кораблика, чутко ловившего легчайшие утренние бризы, постепенно убаюкивал меня.

Сказка о городе, забывшем Фауну

Давным-давно, когда плуг был еще в новинку, девять человек отправились вверх по реке на поиски места для нового города. После долгих дней утомительного гребного похода по глухомани они поравнялись с лугом, на котором одна старушка выстроила из сучьев хижину и разбила сад.

Там они пристали к берегу, ибо припасы у них давно закончились и уже много дней подряд ели они лишь ту рыбу, что удавалось им выудить по дороге, и пили только речную воду. Старушка, назвавшаяся Фауной, дала им меду, спелых дынь, белых, черных и красных бобов, моркови, редиса, огурцов толщиной в руку и яблок, вишен и абрикосов.

Ночь они провели у ее очага; а наутро, пройдясь по окрестностям и позавтракав виноградом и земляникой, увидели они, что есть здесь все необходимое для постройки большого города: камень можно подвозить с гор на плотах, всегда в достатке чистой и свежей воды, а богатая земля

высекает зеленую искру из каждого зернышка.

Тогда они собрались на совет. Одни говорили, что следует убить старуху. Другие, более милосердные, намеревались просто прогнать ее. Третьи предлагали обмануть ее тем или иным способом.

Но предводитель их был благочестив и молвил так:

— Стоит нам поступить не по совести, и Предвечный не простит нам злодеяния. Ведь приютила она нас и поделилась всем, что у нее было, кроме земли. Так давайте предложим ей денег. Может статься, она примет их, не ведая истинной цены своих владений.

И они начистили до блеска каждую бронзовую и медную монету, сложили их в кошелек и предложили старушке. Но отказалась она, ибо очень любила свое жилище.

— Так давайте свяжем ее и засунем в ее же бочку! — сказали тогда одни. — Что нам стоит столкнуть бочку в воду и избавиться от нее; на чьих руках тогда останется ее кровь?

Предводитель качал головой.

— Дух ее, — говорил он, — непременно будет тревожить наш город.

Тогда доложили они в кошелек все наличное

серебро и вновь преподнесли его старушке; но та отказалась, как и в первый раз.

— Она уже старая, — сказал один из них, — и скоро должна умереть естественной смертью. Что ж, я останусь здесь и присмотрю за ней, а вы возвращайтесь к своим семьям. Когда она умрет, я принесу весть о ее кончине.

И опять предводитель качал головой, ибо видел убийство в глазах доброхота; и тогда они доложили в кошелек золота (самую малость) и предложили его старушке. Она же, ради любви к дому, отринула и это подношение.

Тогда их предводитель спросил:

— Скажи же, что возьмешь ты в уплату за этот участок? Ибо, говорю тебе, все равно он станет нашим, хочешь ты того или нет. Я не могу и впредь долго удерживать всех остальных.

Услышав это, старушка задумалась крепко и надолго и наконец сказала:

— Построив свой город, разбейте посреди него сад с деревьями, которые станут цвести и плодоносить, засадите цветами и прочими растениями. А в центре того сада поставьте мою статую из драгоценного материала.

На том они и порешили, и когда люди вернулись обратно с женами и детьми, старушки уже и

след простыл. Ее хижину, голубятню и клетки для кроликов они разобрали на растопку, а огород кормил строителей, пока рос тот город. Посреди же города, во исполнение клятвы, разбили они сад; и хотя садик был небольшим — со временем его обещали расширить, — в центре поставили статую из раскрашенного дерева.

Прошли годы; краска облупилась, и дерево потрескалось. Сорняки заполонили цветочные клумбы, хотя несколько старушек постоянно ухаживали за цветами, пропалывая грядки. Здесь высаживали анютины глазки и маргаритки и рассыпали крошки для голубей, ворковавших на плечах деревянной женщины.

Город принял величавое имя и обзавелся стенами и башнями, хотя стены его были невелики и отпугивали разве что нищих, а в пустых караульных башнях гнездились совы. Впрочем, путники и крестьяне не спешили заучить его пышное наименование. Одни звали его Пестисом, а другие — Урбисом. Зато здесь поселилось много купцов и чужестранцев, и город рос, пока не добрался до подножия гор, а крестьяне богатели, продавая свои поля и луга.

Наконец один торговец выкупил маленький заросший садик посреди Старого Квартала и

выстроил на его клумбах свои лавки и склады. Старые кривые яблони и вишни он отправил на растопку — ведь дерево стоило недешево; а когда он бросил в огонь деревянную статую старухи, из нее прыснули черные муравьи и пропали среди углей.

Если выпадал неурожайный год, отцы города собирали все зерно и распределяли его по прошлогодней цене; но настало время, когда урожай не выдался вовсе. Тогда купцы пожелали узнать, по какому праву отцы города так поступают, ибо сами они хотели продавать имеющееся зерно по цене, которую за него предложат.

Затем, подстрекаемые купцами, взбунтовались и многочисленные бедняки, требуя хлеба по доступной цене. Тогда отцы города вспомнили, что их родители когда-то рассказывали им, от чьего имени они правят городом, но никто не смог выговорить его. В городе начались погромы и заполыхали пожары, но не прибавилось хлеба, — и еще до того, как занялся последний пожар, многие покинули город и отправились собирать ягоды и охотиться на кроликов.

Ныне город этот лежит в руинах, все его башни обрушились; но, говорят, живет в самом центре одна старушка, разбившая среди обвалившихся

стен свой садик.

Пока я повторял слова, только что занесенные мною на бумагу, Ос совсем скрылся из глаз; но я не двигался с места, опершись на перила маленького юта у ахтерштевня, и продолжал глядеть назад, вверх по реке, сверкающая лента которой тянулась на северо-восток.

Эта часть Гьолла, ниже Тракса, но выше Нессуса, являет собой полную противоположность той, что лежит за Нессусом ближе к устью. Хотя и здесь река уже несет свою ношу ила с гор, слишком быстрое течение не дает засориться руслу; к тому же с обеих сторон русло обступают каменистые холмы — вот почему река на протяжении сотни лиг мчится прямо как стрела.

Паруса вывели нас на середину потока, где течение само несет корабль со скоростью три лиги в стражу; в бейдевинде они разгоняли нас настолько, что руль то и дело клевал в бурлящий водоворот за кормой. Небесный мир был чист, ясен и полон солнечного света; лишь на востоке у самого горизонта виднелось темное пятнышко размером не больше моего ногтя. Время от времени бриз, наполнявший наши паруса, стихал, и невиданные длинные вымпелы безжизненно опадали вдоль мачт.

Я давно заметил, что неподалеку присели два матроса, но решил, что это вахтенные, готовые в нужный момент спустить бизань (бизань-мачта нашего корабля возвышалась над верхней палубой). Наконец, повернувшись и собравшись пройтись на нос, я встретился с ними глазами и тут узнал их обоих.

— Мы тебя не послушались, сьер, — пробормотал Деклан. — Но это потому, что мы тебя любим больше жизни. Мы просим прощения. — Он отвел взгляд.

— Моя рука повела меня за тобой, сьер, — кивнула Херена. — Она будет готовить тебе, стирать и убирать для тебя — все, что прикажешь!

Я ничего не отвечал, и она добавила:

— Только мои ноги меня не слушаются. Они не могут стоять на месте, когда ты уходишь.

— Мы слышали приговор, который ты вынес Осу. Я писать не умею, сьер, но я запомню его и найду кого-нибудь, кто запишет. Люди не забудут проклятия, которое ты обрушил на этот скверный город.

Я присел перед ними на палубу.

— Не всегда это хорошо — покидать родные края, — сказал я.

Херена протянула ко мне сложенную чашечкой

ладонь — ладонь, которую я вылепил для нее, — потом перевернула ее тыльной стороной вверх.

— А разве хорошо — найти повелителя Урса и снова потерять его? К тому же, если бы я осталась с мамой, меня бы забрали. Я бы следовала за тобой тенью, если б даже мне прочили в мужья оптимата.

— Твой отец тоже идет за мной? А остальные? Если не скажешь правды, я не разрешу тебе остаться со мной.

— Я не стала бы лгать тебе, сьер. Никого здесь больше нет. Уж я бы знала.

— И ты действительно следуешь за мной. Херена? Или вы с Декланом бежите впереди, как побежала ты вперед, когда увидела нас, сходивших с летающего корабля?

— У нее и в мыслях не было лгать, сьер, — вмешался Деклан. — Она хорошая девушка. Просто у нее такая манера говорить.

— Я знаю. Так вы шли впереди меня?

Деклан кивнул.

— Да, сьер, шли. Она сказала мне, что та женщина говорила днем раньше про Ос. Поэтому, когда ты вчера не разрешил никому из нас пойти с тобой… — Деклан замялся, теребя свою седую бородку и пытаясь понять, что же заставило его

покинуть родную деревню.

— Мы пошли вперед, сьер, — просто закончила Херена. — Ты сказал, что никто, кроме той женщины, не пойдет с тобой, и не велел никому отправляться следом. Но ты же не сказал, что нам вообще нельзя ходить в Ос. Мы вышли, пока Аниан и Кеаллах мастерили для тебя посох.

— Вы добрались до места раньше нас. И стали разговаривать с людьми, так? И вы рассказали им о том, что случилось в ваших деревнях.

— Мы не хотели ничего плохого, сьер! — сказала Херена.

— Я не хотел, — кивнул Деклан. — Так будет вернее. Она-то и вовсе ни с кем не разговаривала, пока ее не спрашивали. Это все я, хотя обычно-то я молчун. Но только не тогда, когда речь заходит о тебе, сьер! — Деклан подождал, перевел дух и высказался напрямую: — Меня и раньше бивали, сьер. Дважды — сборщики податей, один раз — судейские. Во второй раз, сьер, я был единственным в Гургустиях, кто полез драться, и меня едва не забили до смерти. Но если ты хочешь наказать меня — только скажи! Я хоть сейчас прыгну прямо в реку, если прикажешь, пусть я и не умею плавать.

Я покачал головой:

— Ты ведь не хотел ничего плохого, Деклан. Благодаря тебе обо мне узнал Церикс, и бедному Заме пришлось умереть во второй раз и в третий. Только вот во благо ли все это или во вред, я не знаю. Пока не пройдешь во времени до конца, трудно судить, что было хорошо, а что плохо; до тех пор важны лишь намерения людей. Как вы догадались, что я сяду именно на этот корабль?

Ветер крепчал; Херена поплотнее закуталась в свою столу.

— Мы устроились на ночлег…

— На постоялом дворе?

— Нет, сьер, в большой бочке. — Деклан прочистил горло. — Мы подумали, что она укроет нас от непогоды, если будет дождь. К тому же я мог спать у выхода, а она — у днища, чтобы никто не мог добраться до нее, не разбудив меня. Нашлись какие-то люди, которые хотели прогнать нас, но я объяснил им, в чем дело, и они пошли на попятный.

— Двоих он сбил с ног, сьер, — вставила Херена, — но, по-моему, не покалечил. Ты бы видел, как они бросились врассыпную!

— Потом, сьер, когда мы немного поспали, прибежал мальчишка и разбудил меня. Это был половой из того самого трактира, сьер, и он рас-

сказал мне, что ты остановился там, и якобы он лично прислуживал тебе, и как ты оживил мертвеца. Тогда мы с ней пошли посмотреть. Там собралось много народу, и все судачили о случившемся, и кое-кто узнал нас, потому что я рассказывал им о тебе прежде — например, тому половому. Они выставили нам пива, ведь у нас не было ни аэса, а яйца и соль там к пиву бесплатно. И тогда она услышала, что ты с той женщиной утром садишься на «Альциону».

Херена кивнула:

— Вот мы утром и явились к ней. Наша бочка была недалеко от пристани, сьер, и я подняла Деклана, как только стало светать. Капитана мы не застали, зато нашли человека, которого он оставил за главного, и спросили, нет ли для нас работы, а он сказал, что есть, и мы помогли грузить всякую всячину. Потом мы увидели тебя, сьер, и все, что случилось на берегу, и с тех пор стараемся держаться рядом с тобой.

Я кивал, но сам смотрел на нос «Альционы». Хаделин и Бургундофара поднялись на палубу и стояли теперь на баке. Под напором ветра поношенная матросская роба Бургундофары льнула к ее телу, и я дивился, как она стройна, вспоминая тяжеловесную, мускулистую фигуру Гунни.

Деклан хрипло зашептал:

— Эта женщина… они там внизу… с капитаном, сьер…

— Знаю, — сказал я. — Прошлой ночью на постоялом дворе — тоже. У меня нет на нее прав. Она вольна распоряжаться собою.

Бургундофара обернулась, бросив взгляд на паруса, которые наполнились теперь ветром, словно понесли ребенка, и рассмеялась в ответ на какую-то реплику Хаделина.

34. СНОВА В САЛЬТУСЕ

До полудня мы неслись вперед словно яхта. Ветер пел в снастях, и первые крупные капли дождя запятнали палубу, будто краска, брызнутая кистью на холст. Со своего места у поручней на юте я смотрел, как хлопают бизань-марсель и брам-стеньга, а матросы то и дело зарифляют остальные паруса. Когда Хаделин подошел ко мне и подчеркнуто учтиво предложил спуститься вниз, я спросил его, не разумней ли будет пристать к берегу.

— Невозможно, сьер. Отсюда и до самого Сальтуса нет гаваней. Ветер выбросит нас на берег, если я попробую подойти ближе, сьер. Определенно надвигается шторм. Но где наша не пропадала!

Он ринулся прочь, тумаками подгоняя матросов у бизани и осыпая непристойной бранью рулевого.

Я двинулся по палубе. Наслаждаясь разыгравшимся ветром, я отлично понимал, что могу вскоре утонуть, но, как выяснилось, не принимал близко к сердцу подобную перспективу. Суждено мне теперь умереть или нет, я в равной степени

преуспел и потерпел поражение. Я добыл Новое Солнце, которое, быть может, не успеет пересечь бездну пространства ни на моем веку, ни при жизни кого-либо из детей, рожденных в мое время. Если мы все же доберемся до Нессуса, я заявлю права на Трон Феникса, разберусь с делами сюзерена, сменившего на посту Отца Инира (разумеется, правитель, которого упоминали селяне, не мог быть Иниром), и награжу или накажу его по заслугам. Остаток своей жизни я проведу среди стерильной пышности Обители Абсолюта или же в самой гуще ужасов на полях сражений; и если когда-нибудь я соберусь довериться бумаге, как доверил историю своего возвышения рукописи, церемонией прощания с которой начал сие повествование, в моей новой повести мало будет занимательных фактов, раз я уже описал завершение этого путешествия.

Ветер развевал мой плащ точно знамя и заставлял наш косой фок хлопать, словно крылья какой-то чудовищной птицы, всякий раз, когда заостренная рея склонялась под его напором. Фок был зарифлен до предела, и с каждым порывом ветра «Альциона» бросалась к скалистому берегу Гьолла, будто норовистая лошадь. Помощник капитана стоял, держась одной рукой за бакш-

таг, глядя на парус и чертыхаясь монотонно как заводной. Поймав мой взгляд, он прикусил язык, и по его губам я прочитал: «Можно обратиться к тебе, сьер?»

Он стащил с головы шапку, что в нашем положении выглядело крайне глупо; я кивнул, улыбнувшись:

— Похоже, вы не можете убрать фок — корабль перестанет слушаться руля?

Именно в этот миг шторм обрушился на нас со всей своей яростью. Хотя большая часть снастей «Альционы» уже была спущена или зарифлена, она тяжело завалилась на борт. Когда же она выровнялась (а она выровнялась, к вящей славе ее строителей), река вокруг нас вскипела от града, и градины оглушительно забарабанили по палубе. Помощник кинулся под навес верхней палубы. Я последовал за ним и с удивлением увидел, как он, едва укрывшись от града, упал на колени:

— Сьер, не дай ей пойти на дно! Не за себя прошу, сьер, у меня жена… двое детей… женился в прошлом году, сьер… Мы…

— А с чего ты решил, что я могу спасти твой корабль? — спросил я.

— Это ведь все из-за капитана, да, сьер? Я разделаюсь с ним, как только стемнеет. — Помощник

нащупал рукоять длинного кортика на боку. — Есть пара верных ребят, которые встанут за меня, сьер. Я покончу с ним, клянусь тебе, сьер!

— Брось мутить воду, — сказал я. — И пороть всякую чушь. — Корабль снова накренился, да так, что конец грот-реи ушел под воду. — Я не поднимаю бури…

Я говорил впустую. Помощник уже выбежал из-под навеса палубы и исчез за стеной града с дождем. Я снова присел на узкую банку, с которой наблюдал за погрузкой. Или, вернее, я устремился сквозь пустоту, ибо мчался по ней с тех пор, как мы с Бургундофарой шагнули в черный пустой шар под странным сводом на Йесоде; и на лету я заставил опуститься на банку ничтожество, приводимое в движение при помощи нитей, которыми я без труда мог бы задушить половину Брии.

Через десяток вздохов — или сотню — помощник вернулся с Хереной и Декланом. Он снова брякнулся на колени, а они распростерлись у моих ног.

— Утихомирь бурю, сьер, — взмолилась Херена. — Ты был так добр к нам прежде! С тобой ничего не случится, но мы-то погибнем — и Деклан, и я. Я знаю, что мы обидели тебя, но мы

ведь не хотели плохого, и мы умоляем простить нас!

Деклан молча кивал.

— Сильные штормы по осени — обычное дело, — попытался объяснить я. — Этот скоро пройдет, как и все остальные.

— Сьер… — начал было Деклан.

— Что такое? — спросил я. — Говори, ничего страшного.

— Мы оба видели. Мы были там наверху, где ты оставил нас, когда начался дождь. Помощник бежал стремглав. Но ты шел шагом. Ты шел, но ни одна градина не попала в тебя. Посмотри на мою одежду или на ее.

— Что ты имеешь в виду, Деклан?

— Они вымокли, — промолвил помощник. — И я тоже. А теперь пощупай свой плащ, сьер, проведи рукой по лицу.

Я ощупал себя и обнаружил, что совершенно сух.

При встрече с невероятным ум прибегает к здравому смыслу; единственным объяснением, которое я мог придумать, было то, что плащ сшит из какого-нибудь непромокаемого материала, а лицо мое просто закрыто капюшоном. Я откинул его и шагнул на открытую палубу.

Встав лицом к ветру, я видел капли дождя, летящие к моим глазам, слышал свист градин мимо ушей; но ни одна градина так и не попала в меня, а лицо, руки и плащ остались сухими. Словно слова муни — глупые слова, как я всегда полагал, — обернулись правдой, и все, что я видел и ощущал, было всего лишь иллюзией.

Почти против собственной воли я шепотом заговорил со штормом. Я ждал от себя заурядных слов, привычных в беседе между людьми, но с губ моих срывались звуки, подобные дуновению легкого ветерка, далеким раскатам грома над холмами и нежным дождевым трелям Йесода.

Пролетело мгновение, за ним еще одно. Гроза унеслась прочь, и ветер стих. Последние градины, словно камешки, брошенные ребенком, бултыхнулись в реку. Я понял, что этими несколькими словами загнал бурю назад, внутрь себя, и ощутил нечто неописуемое. Перед тем я, видимо, каким-то образом выпустил наружу свои чувства, и они превратились в чудовище, обладающее силой десяти тысяч великанов, — в монстра, столь же свирепого, как их хозяин. Теперь они снова стали лишь чувствами, а я был зол, как прежде, и не в последнюю очередь потому, что не знал теперь точно, где лежит граница между загадочным и

жалким миром Урса и мною самим. Неужели ветер — это мое дыхание? Или же мое дыхание — не более чем ветер? Прилив крови или песнь Гьолла звучит в моих ушах? Я бы выкрикнул проклятие, если бы сам не боялся его возможных последствий.

— Спасибо, сьер! Спасибо тебе!

Это причитал помощник, снова упавший на колени и готовый целовать носки моих сапог, если бы я только позволил. Я же, напротив, велел ему подняться и сказал, что об убийстве капитана Хаделина не может быть и речи. В конце концов мне пришлось заставить его поклясться, ибо я видел, что он — как и Деклан или Херена — с радостью пойдет ради меня на любые безумства, даже прямо вопреки моей воле. Хотел я того или нет, я стал чудотворцем, а чудотворцев не слушаются так, как Автархов.

За оставшиеся дневные стражи не произошло ничего примечательного. Я много думал, но ничем не занимался, только прошелся пару раз с юта на бак и обратно да глядел, как проплывают мимо берега. Херена с Декланом и вся команда оставили меня в полном одиночестве; но когда красное солнце уже касалось Урса, я подозвал Деклана к себе и указал ему на ярко освещенный

восточный берег.

— Видишь те деревья? — спросил я. — Одни выстроились в колонны и шеренги, точно солдаты, другие теснятся группками, а третьи расположились пересекающимися треугольниками. Это фруктовые сады?

Деклан горестно покачал головой:

— У меня были свои деревья, сьер. Ничего я с них не снял в этом году, только зеленые яблоки на варенье.

— Но это-то сады?

Он кивнул.

— И на западном берегу тоже? Там тоже разбиты сады?

— Здесь берега слишком круты для полей, сьер. Если их распахать, дожди смоют всю почву в реку. Но для плодовых деревьев они хороши.

— Однажды я останавливался в деревне под названием Сальтус, — пробормотал я себе под нос. — Там было мало полей и немного скота, но настоящих садов я не встретил, пока не оказался чуть дальше к северу.

— Занятно, что ты вспомнил об этом, сьер. — Голос Хаделина едва не напугал меня. — Сальтусская пристань меньше чем в полстраже хода.

Он был похож на мальчишку, ожидавшего

порки. Я отослал Деклана и сказал Хаделину, что ему нечего бояться — мол, я действительно разозлился на него и на Бургундофару, но теперь вовсе не сержусь.

— Благодарю тебя, сьер. Спасибо. — Он отвернулся на мгновение, снова глянул на меня и, встретившись со мной глазами, сказал то, что требовало гораздо больше душевной храбрости, чем все прежде высказанное: — Ты, должно быть, думаешь, что мы потешались над тобой, сьер. Так нет. Там, в «Горшке ухи», мы полагали, что тебя нет в живых. А потом, в твоей каюте, мы просто не смогли удержаться. Нас прямо-таки бросило друг к другу. Она посмотрела на меня, я на нее… Все случилось быстрее, чем мы успели сообразить. Хотя мы могли погибнуть и, сдается мне, едва не погибли.

— Больше тебе не о чем беспокоиться, — сказал я. — Тогда я, наверно, пойду вниз и поговорю с ней.

Я отправился на нос, но скоро понял, что при заходе в крутой бейдевинд обзор с юта гораздо лучше. Я стоял на юте, разглядывая северо-западный берег, когда вернулся Хаделин, и на этот раз он привел с собой Бургундофару. Увидев меня, она выпустила его руку и отошла к дальнему борту.

— Если ты высматриваешь место, где мы собираемся пристать, сьер, то оно сейчас покажется. Уже видишь? Ищи дым, сьер, не дома.

— Теперь вижу.

— В Сальтусе, должно быть, готовят нам ужин, сьер. Там славная гостиница.

— Знаю, — сказал я, вспоминая, как мы с Ионой вышли к ней из леса после встречи с уланами, разметавшими наш маленький отряд у Врат Скорби, как мы обнаружили в наших кувшинах вино вместо воды и о многом другом. Сама деревня оказалась больше, чем на моей памяти. Дома мне запомнились в основном каменные; тут же стояли только деревянные.

Я поискал глазами столб, к которому была прикована Морвенна, когда я впервые заговорил с ней. Пока команда убирала паруса и мы вплывали в маленькую бухточку, я нашел клочок голой земли, где он некогда стоял, но ни столба, ни цепи там не было.

Покопавшись в своей памяти, совершенной за вычетом двух-трех небольших провалов и искажений, я вспомнил столб и тихое позвякивание цепей, когда Морвенна в мольбе воздела к небу руки, писк и укусы мошкары, и дом Барноха, сложенный из нетесаного камня.

— Давно это было, — сказал я Хаделину.

Матросы отвязали фалы, паруса один за другим легли на палубу, и «Альциона» по инерции заскользила к пристани; несколько человек с баграми стояли на причальных надстройках, выдававшихся за верхнюю палубу и бак, готовые оттолкнуть нас от причала или, напротив, подтянуть поближе.

Ни того, ни другого не понадобилось. С полдюжины портовых швартовщиков подскочили, чтобы поймать и закрепить наши концы, а рулевой подвел нас к берегу так плавно, что видавшие виды кранцы, развешанные вдоль борта «Альционы», едва коснулись бревен пристани.

— Жуткий шторм пронесся сегодня, кэп! — крикнул кто-то с берега. — Только-только прояснилось. Вам повезло, что вы его проскочили.

— Как бы не так, — буркнул Хаделин.

Я сошел на берег, почти уверившись в том, что существует две деревни с одним названием — наверно, Сальтус и Новый Сальтус или нечто в этом роде.

Гостиница тоже оказалась не такой, какой запечатлелась в моей памяти, но и отличий я насчитал не так уж много. Двор и колодец посреди него были прежними; такими же остались и

широкие ворота, пропускавшие во двор верховых и телеги. Я вошел в залу, сел и заказал ужин у незнакомого хозяина, все время гадая, подсядут ли Бургундофара и Хаделин за мой стол.

Оба прошли мимо; но вскоре появились Херена и Деклан в компании загорелого матроса, орудовавшего багром на корме, и толстой широколицей женщины, которую мне представили как корабельную повариху. Я пригласил их за мой стол, и они согласились весьма неохотно, недвусмысленно дав понять, что не собираются есть и пить за мой счет. Я спросил матроса (распознав в нем частого постояльца этой гостиницы), нет ли здесь поблизости каменоломен. Он ответил, что год назад, по совету одного хатифа, который нашептал что-то на ухо видным жителям селения, в горе была пробита шахта, откуда извлекли немало занятных и ценных вещиц.

Тут с улицы послышался топот подбитых сапог, оборванный резкой командой. Это напомнило мне солдат келау, которые с песней промаршировали от реки через весь Сальтус, куда я явился подмастерьем в изгнании, и я собрался уже упомянуть о них, надеясь перевести потом разговор на войну с Асцией, как вдруг дверь распахнулась и в залу вошел офицер в яркой форме во главе

взвода фузильеров.

Только что зала гудела от оживленной беседы; теперь же воцарилась мертвая тишина.

— Покажи мне человека, которого зовут Миротворцем! — приказал офицер трактирщику.

Бургундофара, сидевшая с Хаделином за другим столом, встала и указала на меня.

35. СНОВА В НЕССУСЕ

Влача свою жизнь среди палачей, я часто видел избитых клиентов. Не нами, разумеется, ибо мы исполняли только те казни, что были предписаны сверху, а солдатами, которые привозили их к нам и забирали от нас. Самые опытные прикрывали голову и лицо руками, прижимая колени к животу; спина так, конечно, остается незащищенной, но ее в любом случае не очень-то защитишь.

На улице я сперва попытался оказать сопротивление, и, похоже, сильнее всего меня били уже после того, как я потерял сознание. (Или, вернее, лишилась чувств марионетка, которой я управлял издалека.) Когда я снова вернулся на Урс, удары все еще сыпались градом, и я постарался принять ту самую позу, которую видел у наших злосчастных клиентов.

Фузильеры молотили сапогами и, что куда опаснее, окованными прикладами своих фузей. Вспышки боли доходили до меня словно издалека; ощущал я только сами удары, внезапные, сильные и какие-то противоестественные.

Наконец экзекуция закончилась, и офицер

велел мне встать на ноги; я пошатнулся, упал, получил пинок, попробовал еще раз и упал опять; в итоге меня подняли при помощи затянутого вокруг шеи сыромятного ремня. Он душил меня, но помогал сохранять равновесие. Мой рот был полон крови; я то и дело сплевывал ее, почти не сомневаясь, что сломанное ребро проткнуло мне легкое.

Четверо фузильеров валялись на земле, и я вспомнил, что вырвал у одного из них оружие, но не смог справиться с защелкой предохранителя — от таких мелочей порой зависит наша судьба. Товарищи тех четырех осмотрели их и обнаружили, что трое из них мертвы.

— Ты убил их! — взвился офицер.

Я плюнул кровью ему в лицо.

Признаюсь, я поступил довольно глупо и ожидал, что меня снова начнут избивать. Наверное, я бы получил заслуженную взбучку, если бы не толпа человек в сто или больше, наблюдавшая за нами при свете, падавшем из открытых окон гостиницы. Люди роптали и волновались, и, по-моему, кое-кто из числа солдат испытывал те же чувства, напоминая мне стражников из пьесы доктора Талоса, пытавшихся защитить Месхиану, то есть Доркас, и нашу общую мать.

Для раненого фузильера раздобыли носилки, и двоих селян отрядили нести его. Мертвых положили на телегу с соломой. Офицер, остальные фузильеры и я возглавили процессию, которой предстояло пройти несколько сотен шагов до пристани.

Один раз, когда я упал, двое мужчин из толпы бросились помочь мне. Поднимаясь на ноги, я рассчитывал увидеть Деклана и знакомого матроса или, может быть, Деклана с Хаделином; и только выговорив, задыхаясь, слова благодарности, я обнаружил, что оба мне незнакомы. Это происшествие, похоже, вывело из себя офицера, который, когда я упал снова, выстрелил из пистолета в землю под их ногами и пинал меня до тех пор, пока ремень на шее и фузильер, державший его, не вернули меня в вертикальное положение.

«Альциона» стояла у причала на прежнем месте; но рядом с ней было пришвартовано судно, каких я никогда раньше не видел, с мачтой, которая казалась слишком тонкой для паруса, и пушкой на баке, много меньше, чем на «Самру».

При виде пушки и матросов из числа орудийной обслуги офицер заметно приободрился. Он велел мне остановиться, встать лицом к толпе и немедленно выдать сообщников. Я сказал ему,

что сообщников у меня нет и что я не знаю никого из этих людей. Тогда он ударил меня рукоятью пистолета. Снова поднявшись, я увидел Бургундофару так близко, что мог бы дотронуться до нее рукой. Офицер повторил свое требование, и она исчезла в темноте.

Наверное, в ответ на мой повторный отказ он снова ударил меня, но я этого не помню; я несся над горизонтом, тщетно пытаясь вдохнуть свою жизненную силу в разбитое тело, распростертое на далекой земле. Пустота сводила мои усилия на нет, и вместо этого я направил к нему силы Урса. Кости его срослись и раны затянулись; но я не без трепета отметил, что щека его разбита рукоятью пистолета на том самом месте, где однажды ее вспорол железный коготь Агии. Словно старая рана вновь напомнила о себе, лишь чуть менее настойчиво.

Еще не рассвело. Я лежал на гладких досках, но они подпрыгивали и вздрагивали, словно были привязаны к спине самого неуклюжего из боевых коней, которые только пускались когда-либо в галоп. Я сел и увидел вокруг себя палубу, а под собой — лужу собственной крови и рвоты; моя лодыжка была прикована к железной скобе. Рядом, держась одной рукой за пиллерс, стоял фузильер,

с трудом сохраняя равновесие на пляшущей под ногами палубе. Я попросил у него воды. Как я выяснил, пробираясь через джунгли с Водалусом, пленнику вовсе не вредят различные просьбы — удовлетворяют их не часто, но в любом случае он ничего не теряет.

Это правило подтвердилось, когда, к моему удивлению, охранник отлучился на нос и вернулся оттуда с ведерком речной воды. Я встал, отмылся сам и с максимальной в моем положении тщательностью отчистил одежду и только тут заинтересовался окружающей обстановкой, которая и впрямь оказалась весьма необычной.

Шторм разогнал облака, и звезды сияли над Гьоллом, будто Новое Солнце факелом пронеслось через эмпирей, оставив за собой след искр. Зеленая Луна выглядывала из-за башен и куполов, чьи силуэты темнели на западном берегу.

Без ветрил и не на веслах мы мчались вниз по течению, словно пущенный умелой рукой камень. Фелюки и каравеллы под всеми парусами будто встали на якорь прямо посреди реки; мы же проносились между ними, как ласточка лавирует в воздухе меж мегалитами. За кормой поднимались два мерцающих плюмажа брызг высотой с добрую мачту, серебряные стены, в

одно мгновение принимавшие форму и рассыпавшиеся в прах.

Где-то рядом я услышал гортанные нечленораздельные звуки, словно какой-то измученный зверь пытался заговорить, потом перешел на невнятный шепот. На палубе поблизости от меня лежал другой человек, и некто третий нагнулся над ним. Цепь не давала мне ступить дальше ни шагу; я встал на колени, присовокупив к ней тем самым длину своей икры, и оказался достаточно близко, чтобы разглядеть их настолько, насколько это позволяла темнота.

Оба были фузильерами. Первый лежал на спине, не двигаясь, но странно вывернувшись, словно в предсмертной судороге, а на лице его застыла жуткая гримаса. Заметив меня, он снова попытался заговорить, и сидевший над ним прошептал:

— Ничего, Эскил… Чего уж теперь…

— У твоего приятеля сломана шея, — заметил я. — Тебе лучше знать, пророк, — откликнулся он.

— Значит, это моих рук дело. Так я и думал.

Эскил издал какой-то сдавленный звук, и его товарищ нагнулся к нему, прислушиваясь.

— Хочет, чтобы я добил его, — сказал он, выпря-

мившись. — Просит об этом стражу — с тех пор, как мы отчалили.

— И ты собираешься это сделать?

— Не знаю.

Его фузея висела поперек груди; разговаривая, он снял ее и положил на палубу, придерживая одной рукой. Я обратил внимание на игру света на смазанной поверхности ствола.

— Скоро он умрет и без твоей помощи. Зато тебе потом будет легче, если ты дашь ему умереть своей смертью.

Наверно, я говорил бы и дольше, но левая ладонь Эскила шевельнулась, и я умолк, уставившись на нее. Точно хромой паук, она поползла к фузее, наконец пальцы сомкнулись на ней, и он потянул оружие к себе. Его товарищ легко мог отобрать у него фузею, но бездействовал, завороженный не меньше, чем я.

Медленно, с мучительным трудом Эскил поднял ее и повернул, нацелив на меня. В неясном свете звезд я наблюдал, как шарят и шарят негнущиеся пальцы.

Что кошке, то и мышке. Прежде я мог бы спастись, если бы только нашел тот злополучный предохранитель. Фузильер, отлично разбиравшийся в устройстве оружия, убил бы меня, если б

только его онемевшие пальцы могли справиться с тугой защелкой. Одинаково беспомощные, мы взирали друг на друга.

Наконец последние силы оставили его. Фузея со стуком упала на палубу, и мое сердце чуть не разорвалось от жалости. В тот миг я сам охотно нажал бы курок. С моих губ сорвались какие-то слова, хотя сам я вряд ли понимал, что говорю.

Эскил сел и огляделся.

Наш корабль тотчас замедлил ход. Палуба стала оседать, пока почти не поравнялась с водой, и водяные плюмажи за кормой улеглись, как сглаживается волна, разбившись о берег. Я встал, чтобы выяснить, где мы; поднялся и Эскил, а вскоре к нему присоединились его друг, ухаживавший за ним, и стражник, охранявший меня.

Слева от нас возвышалась набережная Гьолла, разрезая ночное небо, словно лезвие меча. Мы дрейфовали вдоль нее почти в полной тишине — рев неведомых моторов, которые несли нас с головокружительной скоростью, теперь смолк. К воде спускались ступени, но ни одна живая душа не спешила принять у нас швартовы. Для этого с носа корабля на берег прыгнул матрос, а другой бросил ему канат. Еще через мгновение от корабля к лестнице протянулся трап.

На корме появился офицер в сопровождении фузильеров с факелами. Он замер, вперившись взглядом в Эскила, затем подозвал всех трех солдат к себе. Они совещались слишком тихо, чтобы я мог подслушать их разговор.

Наконец офицер с охранником подошли ко мне, за ними — группа факельщиков. Вздохнув раз или два, офицер произнес:

— Стащите с него рубашку.

Эскил и его друг очутились рядом.

— Ты должен снять рубашку, сьер, — сказал Эскил. — Если ты откажешься, нам придется сделать это самим.

— И ты осмелишься? — спросил я, чтобы проверить его.

Он пожал плечами; тогда я расстегнул прекрасный плащ, который взял на корабле Цадкиэля, и бросил его на палубу, затем снял через голову рубашку, кинув ее на плащ.

Офицер шагнул ближе и покрутил меня так и этак, чтобы осмотреть мои ребра с обоих боков.

— Я думал, ты валяешься при смерти… — пробормотал он. — Выходит, правду о тебе говорят.

— Не знаю, что именно обо мне говорят, поэтому не могу ни подтвердить, ни опровергнуть этого.

— А я и не прошу. Советую одеться.

Я огляделся в поисках плаща и рубашки, но их уже и след простыл. Офицер вздохнул:

— Их стащили — кто-то из матросов, я полагаю. — Он глянул на друга Эскила. — Ты должен был заметить, Танко.

— Я смотрел на его лицо, сьер, а не на одежду. Но я постараюсь найти ее.

— Возьми Эскила с собой, — кивнул офицер.

По его знаку один из факельщиков отдал свою ношу соседу и нагнулся, чтобы освободить мою ногу.

— Ничего они не найдут, — сообщил мне офицер. — На таких кораблях — тысячи укромных мест, и команда их прекрасно знает.

Я сказал ему, что не замерз. Он расстегнул свою форменную накидку.

— Тот, кто украл твою одежду, теперь скорее всего разрежет ее на мелкие кусочки и развернет бойкую торговлю. Неплохо наживется. Накинь это — у меня в каюте есть еще одна.

Мне вовсе не хотелось надевать его накидку, но глупо было бы отказываться от такого щедрого подарка.

— Я должен связать тебе руки. Таковы инструкции.

В свете факелов эти наручники поблескивали словно серебро, но, впившись в мои запястья, вполне подтвердили свое истинное назначение.

Вчетвером мы сошли по трапу на причал (с виду недавно отстроенный), поднялись по лестнице и гуськом прошагали по узкой улочке меж крошечных садиков и возведенных в хаотичном порядке домиков, большей частью одноэтажных: первым шел факельщик, следом я, офицер с пистолетом на поясе — за мной, второй факельщик замыкал колонну. Какой-то чернорабочий, возвращавшийся домой, остановился поглазеть на нас; больше нам никто не встретился.

Я обернулся спросить у офицера, куда меня ведут.

— В старый порт. Корпус одного из кораблей приспособили для содержания заключенных.

— А потом?

Я не видел его, но живо представил себе, как он пожимает плечами.

— Понятия не имею. Мне было приказано только арестовать тебя и доставить сюда.

Как я мог сам убедиться, «сюда» пока означало городской сад. Прежде чем мы ступили под сень деревьев, я поднял голову и разглядел себя сквозь схваченную заморозком листву.

36. СНОВА В ЦИТАДЕЛИ

Я надеялся увидеть восход Старого Солнца перед тем, как меня запрут в камере. Надежда эта не оправдалась. Долгое время или время, показавшееся мне долгим, мы поднимались пологим склоном. Не один раз наши факелы поджигали побуревшие листья у нас над головами, а от них воспламенялась пара-тройка других, испуская едкий дым, дыхание самой осени, и в следующий миг шальной огонь гас. Еще больше листьев устилало тропу у нас под ногами, но они размокли от дождя.

Наконец мы выбрались к мощной стене, такой высокой, что свет наших факелов не достигал ее гребня, и на мгновение я принял ее за Стену Нессуса. В тени перед узким сводчатым проходом стоял человек в полудоспехе, опершись на древко алебарды. Завидев нас, он не сменил позу и не выказал никаких признаков почтения к офицеру; но, когда мы подошли к нему почти вплотную, он стукнул о железную дверь подбитым сталью концом своего оружия.

Дверь открыли изнутри. Мы прошли сквозь

стену — огромной толщины, хотя и несравнимой со Стеной Нессуса, — и я остановился так внезапно, что офицер, шедший позади, налетел на меня. Стражник, дежуривший внутри, был вооружен длинным обоюдоострым мечом, острие которого он опустил на камни мостовой.

— Где я? — спросил я офицера. — Что это за место?

— То, о котором я говорил, — отвечал он. — Вон корабельный корпус.

Я посмотрел и увидел мощную башню из блестящего металла.

— Бойся моего клинка, — ухмыльнулся стражник. — Он славно заточен, приятель, ты его даже не почувствуешь!

— К этому заключенному ты должен обращаться «сьер», — приказал офицер.

— Допустим, сьер — пока ты здесь.

Не знаю, что еще офицер сказал ему или сделал; пока они обменивались этими репликами, из башни вышла женщина, за которой следовал мальчишка-слуга с фонарем. Офицер самым небрежным образом отдал ей честь — судя по роскошной форме, она явно была старше его по званию — и сказал:

— Похоже, тебе не спится?

— Не в том дело. В донесении ясно говорилось о времени прибытия, а мне известно, что ты держишь слово. Я предпочитаю встречать новых клиентов лично. Повернись-ка, парень, дай взглянуть на тебя.

Я повиновался.

— Отличный экземпляр; и, похоже, вы не оставили на нем ни следа. Он не сопротивлялся?

— Мы вручаем тебе чистую страницу.

Он не сказал больше ни слова, и тогда один из факельщиков прошептал:

— Он дрался как дьявол, госпожа префект.

Офицер бросил на него взгляд, ясно говоривший, что тот заплатит за свое замечание.

— Ну, с таким покладистым клиентом, — продолжала женщина, — думаю, мне вряд ли потребуешься ты или твои люди, чтобы переправить его в камеру?

— Если хочешь, мы сами запрем его, — сказал офицер.

— В противном случае придется немедленно снять наручники.

— Я расписался за них, — офицер пожал плечами.

— Тогда снимайте их. — Она повернулась к слуге. — Смерди, этот человек, быть может,

попробует бежать от нас. Если он сделает это, отдашь мне лампу и вернешь его.

Освобождая мои руки, офицер шепнул мне на ухо «не вздумай», потом отступил и поспешно отдал мне честь. Стражник с мечом ухмыльнулся снова и открыл узкую дверь в стене; офицер и факельщики строем вышли наружу, и дверь с грохотом захлопнулась за ними. Я чувствовал, что потерял единственного друга.

— Сюда, сто второй, — скомандовала женщина, указав мне на дверь, откуда недавно появилась сама.

Я оглядывался, сперва надеясь бежать, а затем с немым изумлением, которое мне навряд ли удастся описать. Слова рвались из меня; я не мог сдержать их, как не мог заставить замолчать свое сердце: «Это же наша Башня Сообразности! Вон там Башня Ведьм — только она сейчас стоит прямо! А дальше — Медвежья Башня!»

— Тебя называют святым, — промолвила женщина. — Вижу, ты совсем ненормальный.

С этими словами она показала свои руки, чтобы я убедился в отсутствии у нее оружия, и улыбнулась мне так зловеще, что и без предупреждения офицера я понял, куда она клонит. Разумеется, оборванный мальчишка с лампой безоружен и

не представляет никакой угрозы; у нее же, решил я, под роскошной формой пистолет или нечто похуже.

Что бы там ни говорили, очень трудно ударить другого человека изо всех сил; какой-то древний инстинкт заставляет даже самых жестоких смягчать удар. У палачей я научился не делать этого. Я саданул ее ребром ладони в подбородок с такой силой, с какой не бил никого в свое и жизни, и, обмякнув как кукла, она рухнула на землю. Я вышиб фонарь из рук мальчишки, который погас еще в полете.

Стражник у двери в стене поднял свой меч, но только затем, чтобы преградить мне дорогу. Я развернулся и бросился бежать к Разбитому Двору.

Боль, пронзившая меня в тот же миг, сравнима разве что с муками, испытанными мною на «Революционизаторе». Меня разрывало на части, и это расчленение все тянулось и тянулось, пока четвертование мечом не показалось мне чем-то обыденным. Земля подо мной будто тряслась и подпрыгивала, даже когда первый приступ жуткой боли закончился и я остался лежать в темноте. Выстрелы всех громадных орудий Битвы при Орифии слились в один залп.

Потом я вернулся в мир Йесода. Его чистый

воздух наполнял мои легкие, а музыка его ветерков ласкала мой слух. Я сел и обнаружил, что это всего лишь Урс, но такой, каким он является тому, кто вернулся из преисподней. Поднимаясь, я думал о великой помощи, которую оказал на расстоянии этому растерзанному телу; но руки и ноги мои замерзли и онемели, а все суставы нестерпимо ныли.

Меня уложили на койку в комнатушке, которая теперь казалась мне до странного знакомой. Уверен, эта дверь, когда я видел ее в последний раз, была цельнометаллической, но сейчас представляла собой решетку из стальных прутьев; она выходила в узкий коридор, чьи повороты знакомы мне с детства. Я обернулся и внимательно оглядел причудливые очертания комнаты.

Это была та самая спальня, которую подмастерьем занимал Рош, и именно сюда я зашел переодеться в вечер нашей экскурсии в Лазурный Дом. Пораженный, я осмотрелся по сторонам. Кровать Роша, только чуть шире, стояла точно там, где теперь моя койка. Расположение бойницы (я вспомнил, как удивился, обнаружив, что у Роща есть бойница и что мне потом досталась комната без окон) и углов переборок спутать невозможно.

Я подошел к бойнице. Она не закрывалась, и сквозь отверстие струился легкий ветерок, который и пробудил меня. Решеток на ней не было; но никто, разумеется, и не смог бы вскарабкаться по гладкой стене башни, да и протиснуться в бойницу сумел бы только человек, очень узкий в плечах. Я высунул в бойницу голову.

Подо мной лежало Старое Подворье, точно такое, каким оно мне запомнилось — согретое солнечными лучами позднего лета; его треснутые плиты, возможно, выглядели чуть новее, но в остальном ничуть не изменились. Башня Ведьм теперь завалилась набок именно так, как всегда кренилась она в укромных уголках моей памяти. Стена, как и в мое время, лежала в развалинах, часть ее тугоплавких металлических пластин в Старом Подворье, другая — в некрополе. Одинокий подмастерье (а я уже мысленно называл его подмастерьем) стоял, опираясь на Двери Мертвых Тел, и пусть, в отличие от Брата Привратника, он носил незнакомую форму и держал в руках меч, место, избранное им, было излюбленным местом Брата Привратника.

Спустя некоторое время Старое Подворье с каким-то поручением пересек мальчишка, оборванный ученик, в сущности — моя точная копия.

Я помахал рукой и окликнул паренька, а когда он поднял голову, я узнал его и назвал по имени:

— Смерди! Эй, Смерди!

Он помахал мне в ответ и отправился по своим делам дальше, очевидно побаиваясь вступать в разговор с клиентом его гильдии. «Его гильдии», пишу я, но тогда я уверился, что это и моя гильдия.

По длинным теням я определил, что стоит еще раннее утро; чуть погодя хлопанье дверей и шаги подмастерья, принесшего мне еду, подтвердили мою догадку. В двери не оказалось положенной кормушки, и потому ему пришлось отступить в сторону с грудой подносов, пока другой подмастерье с алебардой, весьма похожий на солдата, отпирал замок.

— Неплохо выглядишь, — сказал он, поставив мой поднос на пол камеры.

Я ответил, что в свое время выглядел и получше. Тогда он приблизился.

— Ты убил ее.

— Женщину, которую звали госпожой префектом?

Оба кивнули:

— Сломал ей шею.

— Если вы отведете меня к ней, — предложил

я им, — у меня, быть может, получится оживить ее.

Они обменялись взглядами и удалились, захлопнув за собой решетчатую дверь.

Значит, она мертва, и, судя по взглядам, которые я заметил, ее здесь люто ненавидели. Однажды Кириака спросила меня, не было ли мое предложение освободить ее последней и самой ужасной пыткой. Из глубин моей памяти выплыла и застыла посреди залитой ярким утренним светом камеры знакомая беседка со стенками, собранными из решеток, увитая плющом, зеленым, как лунные лучи.

Я сказал ей тогда, что ни один клиент не поверил бы нам; но сам я поверил госпоже префекту — поверил по крайней мере, что могу бежать от нее, хотя знал, что она не верит в такую возможность. И все это время из Башни Сообразности на меня было нацелено какое-то оружие — вполне вероятно, из этой самой бойницы, хотя скорее всего из орудийного отсека под крышей.

Воспоминания были прерваны приходом очередного подмастерья, на этот раз — в сопровождении врача. Дверь распахнулась, врач ступил внутрь, а подмастерье запер за ним дверь и отошел, готовый выстрелить сквозь решетку.

Эскулап присел на мою койку и раскрыл свой кожаный саквояж.

— Как ты себя чувствуешь?

— Есть хочется. — Я отшвырнул миску и ложку. — Гляди-ка, что мне принесли — это же почти одна вода.

— Мясо — для защитников монарха, а не для его врагов. В тебя попали из конвульсора?

— Видимо, да, если ты так говоришь. Лично я понятия не имею.

— По-моему, нет. Поднимайся.

Я встал, потом по его указанию пошевелил руками и ногами, повращал головой и выполнил прочие упражнения.

— Никаких следов попадания. На тебе офицерская накидка. Ты был офицером?

— Если желаешь. Я был генералом, во всяком случае, номинально. Не так давно.

— Не трепи языком. На тебе накидка младшего офицера, чтоб ты знал. Эти кретины утверждают, что попали в тебя. Я сам слышал, как стрелок клялся и божился, что не промазал.

— Так спроси у него.

— И выслушивать, как он отрицает то, что я уже знаю? Нет, я не идиот. Объяснить тебе, как было дело?

Я признался, что только порадуюсь, если у кого-нибудь найдутся вразумительные объяснения.

— Хорошо. Когда ты убегал от госпожи префекта Присцы, началось землетрясение, и в тот же миг этот кретин в орудийном отсеке нажал на курок. Он промазал, как промазал бы любой; но ты упал и ударился головой, потому-то он и решил, что попал. Я насмотрелся на множество подобных чудес. Они все легко объяснимы, стоит только сообразить, что их свидетели путают причину и следствие.

Я кивнул.

— Значит, произошло землетрясение?

— Именно, и довольно сильное — нам еще повезло, что мы так легко отделались. Разве ты еще не выглядывал наружу? Отсюда должна быть видна стена. — Он подошел к бойнице и выглянул из нее сам, затем по распространенной привычке указал куда-то рукой, будто смотрел не он, а я. — Вон там, рядом с зоэтским транспортом, обвалился солидный кусок. Хорошо, что сам корабль устоял. Ты же не будешь утверждать, что собственноручно устроил все это?

Я признался, что не имел ни малейшего понятия, отчего обвалилась стена.

— Этот берег подвержен землетрясениям, о чем

недвусмысленно говорится в старых документах, — попутно вознесем хвалу нашему монарху, который доставил их сюда, — но такого сильного не случалось с тех пор, как река поменяла русло, потому-то все эти глупцы и возомнили, что его не будет больше никогда. — Эскулап издал довольный смешок. — Хотя, полагаю, после вчерашнего в ком-то уверенности поубавилось.

С этими словами он вышел из камеры. Охранник захлопнул дверь и снова запер ее.

Я же подумал о пьесе доктора Талоса, в которой земля содрогается и Яхи произносит: «Конец Урса, недоумок! Давай прикончи ее! Самому-то тебе так и так конец».

Как коротко было наше свидание с ним на Йесоде!

37. КНИГА НОВОГО СОЛНЦА

Как и в мое время, заключенных кормили дважды в день, а графины с водой заново наполнялись за ужином. Ученик принес мой поднос, подмигнул мне и, стоило подмастерью ненадолго отлучиться, вернулся с сыром и буханкой свежего хлеба.

Ужин был таким же скудным, как и завтрак; я набросился на то, что он принес мне, едва успев поблагодарить его за угощение.

Он присел на корточки перед дверью моей камеры:

— Можно поговорить с тобой?

Я напомнил, что я ему не начальник и что местные порядки должны быть известны ему лучше, чем мне.

Он покраснел, его темные щеки потемнели еще больше.

— Я хотел сказать: не мог бы ты поговорить со мной?

— Если тебе не устроят за это взбучку.

— Думаю, ничего не случится, по крайней мере не теперь. Но нам придется беседовать вполголо-

са. Здесь могут оказаться доносчики.

— Откуда ты знаешь, что я не один из них?

— Ведь ты убил ее! У нас тут все полетело вверх тормашками. Все обрадовались ее смерти, но наверняка будет устроено расследование, и еще неизвестно, кого посадят на ее место. — Он помолчал, видимо мысленно взвешивая следующую фразу. — По словам охраны, ты говорил им, что мог бы оживить ее.

— И ты хотел попросить меня не делать этого.

Он отмахнулся:

— А ты и вправду мог бы?

— Не знаю. Стоило бы попробовать. Вот уж не думал, что они тебе это скажут.

— Я околачиваюсь поблизости и подслушиваю, пока чищу сапоги или мотаюсь с поручениями за пару монет.

— Мне нечего тебе дать. Солдаты отобрали у меня деньги при аресте.

— А я не за этим пришел. — Он привстал и порылся в одном из карманов своих рваных штанов. — Вот, возьми. — Он протянул ладонь; на ней лежало несколько истертых медных монет незнакомой чеканки. — Сможешь попросить лишку еды или еще чего-нибудь.

— Ты и так принес мне еды, а я ничего не дал

тебе взамен.

— Возьми, — повторил он. — Я их дарю. Тебе они могут пригодиться.

Я не протянул за деньгами руку, и тогда он бросил их сквозь решетку и скрылся в конце коридора.

Подобрав монеты, я ссыпал их в один из своих карманов, озадаченный, как никогда в жизни.

Снаружи с наступлением вечера похолодало, а бойница оставалась открытой. Мне удалось сдвинуть с места тяжелую линзу и задраить отверстие. Широкие гладкие фланцы немыслимой формы явно предназначались для защиты от пустоты.

Доедая хлеб с сыром, я вспоминал возвращение к Урсу на шлюпе и мое торжество на борту корабля Цадкиэля. Как было бы чудесно, если б эта старая Башня Сообразности отправилась в стремительный полет между звезд! И в то же время я ощущал нечто зловещее, как во всем, что предназначено для одних, высоких целей, но используется для целей иных, постыдных. Я возмужал здесь, ни разу не испытав ничего подобного.

С хлебом и сыром вскоре было покончено, и я, завернувшись в накидку, подаренную мне офи-

цером, прикрылся ладонью от света и постарался уснуть.

Утро принесло мне новых гостей. Явились Хаделин и Бургундофара в сопровождении высокого подмастерья, который отсалютовал им своим оружием и оставил их у двери камеры. На моем лице, несомненно, читалось крайнее удивление.

— Деньги творят чудеса, — объяснил Хаделин; его кривая усмешка ясно говорила о размерах внесенной суммы. Интересно, скрыла ли от него Бургундофара деньги, заработанные на корабле, или он уже мысленно положил их в свою копилку?

— Я должна была увидеться с тобой еще раз, и Хаделин устроил мне эту встречу, — произнесла Бургундофара. Она попыталась сказать что-то еще, но слова застряли у нее в горле.

— Она хочет, чтобы ты простил ее, сьер, — вставил Хаделин.

— За то, что ты ушла от меня к нему, Бургундофара? Тут нечего прощать; у меня не было прав на тебя.

— За то, что я выдала тебя, когда вошли солдаты. Ты видел меня. Я знаю, что ты меня видел.

— Да, видел, — сказал я, припоминая.

— Я не подумала… Я слишком боялась…

— Боялась меня?

Она кивнула.

— Тебя все равно бы взяли, — вмешался Хаделин. — Кто-нибудь другой бы выдал.

— Ты? — спросил я.

Он покачал головой и отошел от решетки.

Когда я был Автархом, просители нередко падали передо мной на колени; сейчас на колени опустилась Бургундофара, и это казалось жутко неестественным.

— Я должна поговорить с тобой, Северьян. В последний раз. Я потому и пошла за солдатами к причалу в ту ночь. Ты простишь меня? Я не сделала бы этого, если бы не страх…

Я спросил, помнит ли она Гунни.

— Конечно! Ее и корабль. Но все это сейчас точно сон.

— Она была тобой, и я многим ей обязан. Ради нее — ради тебя — я прощаю тебя. Сейчас и всегда. Ты понимаешь?

— Кажется, да, — ответила она и в тот же миг просветлела, словно внутри ее зажегся огонек. — Северьян, мы отправляемся вниз по реке, в Лити. Хаделин часто заплывает в те края, и мы купим там себе дом, где я стану коротать дни, когда уже не буду ходить с ним на «Альционе». Мы хотим

обзавестись детьми. Когда они подрастут, можно, я расскажу им о тебе?

И тут произошло нечто странное, хотя тогда я решил, что всему виной лишь лица — ее и Хаделина: пока она говорила, я вдруг ясно увидел ее будущее, как мог бы предвидеть будущее какого-нибудь цветка, сорванного в саду Валерией.

— Вполне возможно, Бургундофара, — обратился я к ней, — у тебя будут дети, как ты мечтаешь; если так, рассказывай им обо мне все, что захочешь. Не исключено, что когда-нибудь в будущем ты пожелаешь снова найти меня. Если станешь искать, то, вероятно, найдешь. А может быть, и нет. Но если все же отправишься на поиски, помни: ты ищешь не по моему наущению и не потому, что я посулил тебе успешное завершение поисков.

Они ушли, и я задумался на миг о ней и о Гунни, которая была когда-то Бургундофарой. Вот говорят, мужчина храбр, как атрокс, а женщина (например, Бургундофара) красива, точно роза. Но для верности у нас не нашлось подобного сравнения, поскольку ни одна известная нам вещь не обладает истинным постоянством — или скорее потому, что настоящая верность заключена не в типичном образце, а в отдельно взятой

личности. Сын может хранить верность отцу или пес — хозяину, но не в общей своей массе. Теклой я изменял моему Автарху, а Северьяном — моей гильдии. Гунни была верна мне и Урсу, но не своим товарищам; и мы, вероятно, не можем ввести какой-либо образчик верности в поговорку лишь потому, что верность в конечном счете — это выбор.

Как все же странно, что Гунни должна плавать по пустынным морям времени, чтобы снова стать Бургундофарой! Поэт, наверно, изрек бы, что она ищет любви. По-моему, она гналась за миражом, делавшим любовь чем-то большим, чем она есть на самом деле; но мне хотелось бы верить, что она стремилась к некой более возвышенной безымянной любви.

Вскоре явился еще один посетитель, хотя «явился» — не то слово, ибо я не мог видеть его лица. Шепотом, донесшимся, казалось, из пустого коридора, он спросил:

— Ты — чародей?

— Если угодно, — ответил я. — А кто ты и где ты?

— Я — Каног, студент. Я в соседней камере. Слышал, как ты разговаривал с мальчишкой, а потом, только что — с женщиной и капитаном.

— Давно ты здесь, Каног? — спросил я, надеясь получить от старожила несколько полезных советов.

— Почти три месяца. Схлопотал смертный приговор, но не думаю, что его приведут в исполнение. После такой длительной отсрочки — вряд ли. Должно быть, старая фронтисерия вступилась за свое заблудшее чадо. По крайней мере я надеюсь на это.

На своем веку я достаточно наслушался подобных бредней; удивительно, что они не претерпели никаких изменений.

— Ты, должно быть, уже хорошо знаком со здешними порядками, — предположил я.

— Ну, в общем, как и говорил тебе мальчишка, все не так уж и плохо, если у тебя водятся деньжата. Я раздобыл себе бумагу и чернила, так что теперь пишу стражникам письма. К тому же мой друг принес мне кое-какие книги; если меня продержат здесь подольше, я выйду знаменитым ученым.

Как некогда при обходе темниц и подземелий Содружества, я спросил, за что его посадили.

На какое-то время он замолчал. Я снова открыл бойницу, но, даже впустив в камеру немного свежего воздуха, не избавился от вони помойного

ведра под койкой и общего смрада тюрьмы. Ветер доносил крик грачей; сквозь решетчатую дверь слышалось бесконечное топанье подкованных сапог по металлу.

Наконец он ответил:

— Здесь не принято совать нос в чужие дела.

— Прости, если обидел тебя, но ты ведь сам задал мне подобный вопрос. Ты спросил, не чародей ли я, а я сижу именно за чародейство.

Снова долгое молчание.

— Я зарезал одного болвана-лавочника. Он спал за своим прилавком, а я уронил медный подсвечник, тогда он вскочил с ревом и набросился на меня с мечом. Что мне еще оставалось? Человек имеет право защищать свою жизнь, верно?

— Не в любых обстоятельствах, — ответил я. Я и сам не знал, что вынашиваю такую мысль, пока не высказал ее вслух.

В тот вечер мальчишка снова принес мне еды, а с ним пришли Херена, Деклан, помощник и повариха, которую я лишь мельком видел в сальтусской гостинице.

— Я провел их сюда, сьер, — сказал мальчишка. Он отбросил со лба свои спутанные черные волосы жестом, достойным любого придворного. — Сегодняшний страж кое-чем мне обязан.

Херена плакала, и я, просунув руку сквозь решетку, потрепал ее по плечу.

— Вы все в опасности, — сказал я. — Из-за меня вас могут арестовать. Не стоит вам задерживаться.

— Пусть только сунется эта тупорылая солдатня! — сказал матрос. — Они увидят, что я давно уже не мальчик.

Деклан кивнул и прочистил горло, а я с некоторым удивлением понял, что он — их предводитель.

— Сьер, — неторопливо начал он своим низким голосом, — это ты в опасности. Здесь людей режут, как у нас свиней.

— Даже хуже, — вставил мальчишка.

— Мы хотели просить за тебя перед магистратом, сьер. Мы ждали там сегодня весь день, но нас так и не пустили. Говорят, бедняки ждут по многу дней, пока им не посчастливится предстать перед ним; но мы подождем столько, сколько потребуется. А пока что мы поднажмем на других направлениях.

Повариха с «Альционы» бросила на него взгляд, значения которого я не понял.

— Но сейчас нам бы хотелось, чтобы ты рассказал все о приходе Нового Солнца, — попросила

Херена. — Я слышала больше, чем другие, и я пыталась пересказать им то, что ты мне говорил, но этого мало. Может, ты растолкуешь нам все теперь?

— Не знаю, смогу ли я объяснить все так, чтобы вы поняли, — сказал я. — Я даже не уверен, понимаю ли я это сам.

— Пожалуйста, — попросила повариха. Это было единственное слово, которое я услышал от нее за все время нашей беседы.

— Ну, хорошо. Вы знаете, что происходит со Старым Солнцем: оно умирает. Нет, оно не погаснет вдруг, как светильник в полночь. Это будет тянуться очень долгое время. Но стоит фитилю — если все же представить его светильником — укоротиться на волосок, и вот уже в полях гниет рожь. Вам невдомек, что льды на юге давно собираются с новыми силами. Ко льдам десяти тысячелетий добавится лед той зимы, что ныне надвигается на нас, и они обнимутся, как братья, и начнут свое наступление на эти северные земли. Скоро они погонят перед собой великого Эребуса, основавшего там свое царство, и всех его яростных бледноликих воинов. Он объединит свои силы с силами Абайи, чье царство лежит в теплых водах. Вместе с другими, не столь мо-

гущественными, но не менее коварными, они предложат союз правителям стран по ту сторону пояса Урса, которые вы зовете Асцией; и, сплотившись с ними, они поглотят их целиком.

Но дословный пересказ того, что я поведал им, слишком растянет мое нынешнее повествование. Я рассказал им все, что знал об истории гибели Старого Солнца, и о том, чем это грозит Урсу, пообещав, что рано или поздно некто принесет Новое Солнце.

Тогда Херена спросила:

— А разве Новое Солнце — не ты сам, сьер? Женщина, которая была с тобой, когда ты пришел в нашу деревню, сказала, что это ты.

Я отказался говорить на эту тему, опасаясь, что правда — учитывая мое безвыходное положение — может привести их в отчаяние.

Деклан пожелал узнать, что будет с Урсом, когда явится Новое Солнце; и я, сведущий об этом немногим больше, чем он сам, обратился за помощью к пьесе доктора Талоса, даже не подозревая тогда, что позднее в основу этой пьесы лягут мои собственные слова.

Когда они наконец ушли, я понял, что почти не притронулся к еде, которую принес мне мальчишка. Я очень проголодался, но когда взялся за

миску, пальцы мои нащупали и что-то другое — длинный и узкий тряпичный сверток, предусмотрительно положенный в тени.

Через решетку донесся голос моего соседа:

— Замечательная история! Я тут кое-что набросал и, как только меня выпустят, сварганю из этого превосходную книжицу.

Я разматывал тряпье и едва прислушивался к его словам. Внутри был нож — длинный кортик, который носил помощник капитана «Альционы».

38. К ГРОБНИЦЕ МОНАРХА

Остаток вечера я провел, глядя на нож. Не на самом деле, конечно; я снова завернул его в тряпье и спрятал под матрацем койки. Но, лежа на этом матраце и устремив взгляд к металлическому потолку, имевшему разительное сходство с тем, что в пору моего детства был в дортуаре учеников, я ощущал этот нож под собой.

Потом он вращался перед моими закрытыми глазами, сверкая во тьме, различимый в мельчайших подробностях, от острия до наконечника рукояти. Когда же я наконец заснул, я обнаружил его и среди своих снов.

Может быть, из-за этого спал я плохо. Снова и снова я просыпался, моргая, глядел на лампу, горевшую над моей головой, вставал, потягивался и подходил к бойнице, чтобы в очередной раз увидеть белую звезду, которая была другим мной. В такие моменты я с радостью предал бы свое заключенное в клетку тело смерти, если бы мог сделать это с достоинством, и бежал бы, устремившись в ночное небо, дабы воссоединить свое существо. В эти минуты я сознавал свою

силу, которая могла бы притянуть ко мне целые миры и испепелить их, как художник сжигает различные минералы для получения пигментов. В ныне утерянной коричневой книге, которую я носил с собой и читал так долго, что наконец перенес в свою память все ее содержание (хотя когда-то оно казалось неисчерпаемым), была такая фраза: «Вот, я видел еще сон: вот, солнце и луна и одиннадцать звезд поклоняются мне». Слова эти ясно показывают, насколько мудрее нас были люди давно минувших веков; не зря книга эта названа «Книгой Чудес Урса и Неба».

Я тоже видел сон. Мне снилось, что я призвал к себе силу своей звезды и, встав, мы пошли — Текла и Северьян вместе — к нашей зарешеченной двери, схватились за прутья решетки и разгибали их, пока не смогли пройти между ними. Но, разогнув их, мы, казалось, раздвинули занавес, а за ним был второй занавес, и Цадкиэль, не больше и не меньше нас, с объятым огнем кортиком в руке.

Когда новый день, словно поток потускневшего золота, наконец влился в мою камеру сквозь открытую бойницу и я уже ждал свою миску с ложкой, я осмотрел прутья решетки. Хотя большинство из них выглядели нетронутыми, те, что

посередине, были чуть изогнуты.

Мальчишка принес мне еду со словами:

— Даже с одного раза я многое узнал от тебя, Северьян. Мне жаль расставаться с тобой.

Я спросил, не собираются ли меня казнить.

Он поставил поднос на пол и оглянулся через плечо на подмастерье, прислонившегося к стене.

— Нет, не в этом дело. Тебя просто собираются перевезти куда-то в другое место. Сегодня за тобой пришлют флайер с преторианцами.

— Флайер?

— Только флайер может пролететь над армией повстанцев — наверно, поэтому. Ты никогда не летал на них? Я только видел, как они садятся и взлетают. Это, должно быть, очень страшно.

— Так и есть. Когда я впервые летел на флайере, нас сбили. С тех пор я часто летал на них и даже научился управлять ими; но, по правде говоря, мне всегда было страшно.

— И мне было бы, — кивнул мальчишка, — но все равно я хотел бы попробовать. — Он неловким движением протянул мне руку. — Удачи, Северьян, куда бы тебя ни занесло.

Я пожал его руку; она была грязная, но сухая и казалась очень маленькой.

— Смерди, — спросил я, — это ведь не настоя-

щее твое имя?

— Нет, — ухмыльнулся он. — Оно означает, что от меня дурно пахнет.

— Я не чувствую.

— Так ведь еще не холодно, — объяснил он, — и я могу ходить купаться. Вот зимой мне не часто удается помыться, а работы у меня хоть отбавляй.

— Ну да, я помню. А настоящее твое имя?

— Имар. — Он отнял руку. — Чего ты так на меня уставился?

— Потому что, дотронувшись до тебя, я увидел вокруг твоей головы сияние самоцветов. Имар, мне кажется, я начинаю развертываться. Распространяться сквозь время — или, вернее, ощущать, что я распростерт во времени, как и все мы. Странно, что нам с тобой суждено встретиться при подобных обстоятельствах. — Я колебался, тысячи слов просились на язык. — Или, быть может, как раз ничего странного. Разумеется, что-то управляет нашими судьбами. И это что-то важнее, чем даже иерограмматы.

— О чем это ты?

— Имар, однажды ты станешь правителем. Ты будешь монархом, хотя, наверное, сам ты назовешь себя иначе. Старайся править во имя

Урса, а не просто именем Урса, как многие. Правь справедливо или хотя бы настолько справедливо, насколько позволяют обстоятельства.

— Дразнишься, да? — насторожился он.

— Нет, — сказал я. — Хотя я знаю только то, что ты будешь править и однажды, переодевшись, усядешься под платаном. Но это я знаю наверняка.

Когда Имар и подмастерье удалились, я засунул нож за голенище сапога и прикрыл его штаниной. Пока я проделывал эту операцию и потом, сидя в ожидании на своей койке, я размышлял над нашим разговором.

А что, если Имар взошел на Трон Феникса лишь потому, что какой-то посвященный — то есть я — напророчил ему это? Насколько мне известно, такого рода эпизод не зафиксирован в истории; быть может, я создал свою личную правду. Или, может статься, Имар, возомнив теперь себя хозяином собственной судьбы, окажется не способным на решающее усилие, которое и принесло бы ему блестящую победу?

Кто знает. Не скрывает ли Цадкиэлева завеса неопределенности будущее даже от тех, кто явился из его тумана? Настоящее, когда мы оставляем впереди себя, снова становится будущим. Я и

впрямь покинул его и теперь ждал в глубоком прошлом, которое в мои дни было немногим больше, чем легендой.

Мимо тянулась вереница томительных страж, точно муравьи, ползущие сквозь осень в зиму. Наконец, когда я уже убедил себя в том, что Имар ошибся и преторианцы придут не сегодня, а завтра — или вообще не придут, — я выглянул из бойницы, надеясь развлечься наблюдением за теми немногими, кому случится пересечь Старое Подворье.

Там на приколе стоял флайер, гладкий, как серебряный дротик. Едва я увидел его, как до меня донеслась размеренная поступь марширующих солдат. Они сбились с ритма, поднимаясь по ступеням, и снова восстановили его, когда вышли на этаж, на котором я поджидал их. Я подскочил к двери.

Суетливый подмастерье показывал путь. Хилиарх, увешанный медалями, шагал за ним; заткнутые за портупею большие пальцы свидетельствовали о том, что он не какой-нибудь подчиненный, а начальниц весьма высокого ранга. За ними в колонну по одному, держа строй с безукоризненной точностью оловянных солдатиков, приводимых в движение ребенком

(хотя они и были не более различимы, чем дым), маршировал взвод стражей под командованием десятника.

Пока я глядел на них, подмастерье махнул связкой ключей в сторону моей камеры, и хилиарх, снисходительно кивнув, приблизился, чтобы оглядеть меня; десятник проорал какую-то команду, и взвод с грохотом остановился. Немедленно раздался еще один резкий выкрик, и очередной грохот возвестил, что десять призрачных гвардейцев поставили свое оружие к ноге.

Флайер едва ли отличался от того, с которого я однажды осматривал армии в Третьей Битве при Орифии; не исключено даже, что это было то же самое устройство, ведь такими машинами пользуется не одно поколение. Десятник велел мне лечь на пол. Я повиновался, спросив, однако, у хилиарха — человека лет сорока с острыми чертами лица, — нельзя ли мне выглянуть за борт. В этом мне было отказано — наверняка он думал, что я лазутчик, кем я в некотором смысле и являлся; оставалось лишь мысленно представить, как Имар машет мне рукой на прощание.

Одиннадцать гвардейцев, усевшись в одну линию на кормовой скамье, подобно призракам, слились с обшивкой флайера, став практически

невидимыми благодаря зеркальным доспехам моих преторианцев; а вскоре я понял, что это и есть мои преторианцы и, что куда важнее, их традиции перекочевали из этих невообразимо далеких дней в мое собственное время. Моя стража стала моими стражниками, моими конвоирами.

Флайер мчался по небу, и порой я замечал проносящиеся мимо облака; поэтому я ожидал, что путешествие наше будет коротким. Но прошла по меньшей мере стража, а может быть, и две, прежде чем я почувствовал, что флайер снижается, и увидел, как выбросили посадочный трос. Слева взметнулись ввысь мрачные стены живой скалы, зашатались и исчезли из виду.

Когда пилот откинул купол, я, подставив лицо под удары холодного ветра, решил, что мы перелетели на юг, к ледяным полям. Я шагнул наружу и, оглядевшись, увидел вместо ожидаемого пейзажа вздыбленные руины снега и взорванной горной породы. Вокруг нас в густых облаках маячили шероховатые безликие пики. Мы очутились в горах, но еще не превратившихся в разное подобие мужчин и женщин — то были просто бесформенные горы, какие можно видеть лишь на самых древних картинах. Я стоял бы и глядел на них до темноты, но удар в ухо поверг

меня на землю.

Я встал, дрожа от бессильной ярости. Со мной уже обращались подобным образом, когда скрутили в Сальтусе, но после мне удалось подружиться с офицером. Теперь, осознав тщетность своих усилий, я понял, что все пошло по новому кругу и этому суждено тянуться, вероятно, вплоть до самой моей смерти. Я решил, что этому не бывать. Еще до исхода дня нож, заткнутый за голенище моего сапога, покончит с чьей-то жизнью.

Тем временем моя собственная жизнь струилась из разбитого уха, словно кипяток, прокладывая обжигающие бороздки на онемевшей от холода коже.

Меня же увлекли в поток гораздо более обильный, стремительный поток больших телег, нагруженных битым камнем, повозок, катившихся вперед без помощи мускульной силы волов или невольников по самому крутому склону, поднимая клубы пыли и дыма в искристый морозный воздух и мыча, словно быки, когда мы оказывались у них на пути. Далеко впереди, на вершине горы, великан в доспехе, казавшийся отсюда не больше мыши, дробил камень железными руками.

Стремительные повозки уступили место то-

ропливо передвигавшимся людям, едва мы очутились меж незамысловатыми и даже неказистыми ангарами, сквозь открытые ворота которых виднелись странные инструменты и машины. Я спросил у хилиарха, которого решил убить: куда он притащил меня? Тот подал знак десятнику, и я схлопотал еще один удар его латной рукавицей.

В круглом строении, превосходившем размерами все остальное, меня долго вели коридорами, по обеим сторонам которых стояли шкафы и кресла, пока мы не вышли в самую его середину, к круглой ширме, похожей на стену палатки или шатра. К тому времени я уже узнал это место.

— Ты должен подождать здесь, — сказал мне хилиарх. — Монарх будет говорить с тобой. Когда выйдешь отсюда…

С той стороны ширмы послышался голос, хриплый от пьянства, но все же знакомый:

— Развяжите его.

— Слушаю и повинуюсь! — Хилиарх встал по стойке «смирно» и вместе с своими гвардейцами отдал честь. На какое-то мгновение все мы застыли словно статуи.

Не дождавшись дальнейших указаний, десятник освободил мне руки. Хилиарх закончил

шепотом:

— Когда выйдешь отсюда, никому не говори о том, что можешь услышать или увидеть здесь. Иначе ты умрешь.

— Ошибаешься, — сказал я ему. — Умрешь ты.

В его глазах вдруг мелькнул страх. Я вполне резонно предположил, что он не осмелится снова приказать десятнику ударить меня перед незримым оком своего монарха. И я не ошибся; один краткий миг мы стояли и смотрели друг на друга, оба и убийцы, и жертвы.

Десятник пролаял команду, и его взвод повернулся к ширме спиной. Убедившись, что никто из гвардейцев не сможет подглядеть происходящее за ширмой, хилиарх обратился ко мне:

— Ступай туда.

Я кивнул и шагнул вперед; ширма представляла собой тройной слой пурпурного шелка, роскошного на ощупь. Отодвинув ее, я увидел именно те лица, которые ожидал увидеть. Не отводя взгляда, я поклонился их хозяину.

39. СНОВА КОГОТЬ МИРОТВОРЦА

Человек о двух головах, сидевший на диване за пурпурной ширмой, поднял кубок, отвечая на мой поклон.

— Я вижу, ты знаешь, к кому пришел. — Со мной заговорила левая голова.

— Ты — Тифон, — сказал я. — Монарх — единоличный правитель этого злосчастного мира и других миров или мнишь себя таковым. Но поклонился я не тебе, а моему благодетелю Пьятону.

Могучей рукой, не принадлежавшей ему, Тифон поднес кубок к губам. Взгляд его над золотым ободком кубка был ядовитым взглядом желтобородой змеи.

— Ты прежде знал Пьятона?

— Я познакомлюсь с ним в будущем, — покачал головой я.

Тифон выпил и поставил кубок на столик перед собой.

— Значит, правда то, что о тебе говорят. Ты утверждаешь, что ты — пророк.

— Я не думал о себе в таком свете. Но если угодно, да. Я знаю, что ты умрешь на этом самом ложе.

Ты заинтересовался? Это тело будет валяться в ворохе ремней, которые больше не понадобятся тебе, чтобы удерживать Пьятона, и среди бесполезных приспособлений, некогда заставлявших его принимать пищу. Горные ветры станут обвевать его похищенное тело, пока оно не высохнет, как листья, что ныне гибнут слишком рано, и целые века мира минуют, прежде чем мой приход снова пробудит тебя к жизни.

Тифон рассмеялся, точно так же, как в тот раз, когда я обнажил «Терминус Эст».

— Боюсь, ты плохой пророк; но, по-моему, плохие пророки забавляют больше, чем настоящие. Извести ты о том, что я буду покоиться, — если моя смерть все-таки наступит, в чем я уже начинаю сомневаться, — среди погребальных хлебов в черепной коробке этого монумента, твои слова не многим отличались бы от лепета любого ребенка. Я же предпочитаю выслушивать твои выдумки и, вероятно, использовать тебя с толком. Говорят, ты совершал чудесные исцеления. У тебя есть истинная сила?

— Это тебе решать.

Он сел, мускулистое туловище, не принадлежавшее ему, покачивалось из стороны в сторону.

— Я привык, что на мои вопросы отвечают. Одно мое слово, и добрая сотня людей из моей личной стражи вышвырнет тебя, — он усмехнулся собственным мыслям, — из моего же рукава. Тебе это понравилось бы? Так мы поступаем с теми, кто отлынивает от работы. Отвечай, Миротворец! Ты умеешь летать?

— Не знаю, никогда не пробовал.

— Скоро у тебя появится такая возможность. Что ж, я спрошу дважды. Тем более что это соответствует моему нынешнему положению. — Он снова рассмеялся. — Но не трижды! Есть у тебя сила? Докажи или умри.

Я позволил себе едва заметно пожать плечами. Руки мои еще не отошли от оков; разговаривая, я все время растирал запястья.

— Признаешь ли ты за мной силу, если я убью оскорбившего меня человека, просто ударив вот по этому столу?

Несчастный Пьятон бросил на меня взгляд, а Тифон ухмыльнулся:

— Да, я был бы вполне удовлетворен подобным доказательством.

— Даешь слово?

Ухмылка расплылась шире.

— Если хочешь — даю. Приступай!

Я вынул кортик и воткнул его в столешницу.

Сомневаюсь, что на этой горе имелись помещения, специально отведенные для содержания заключенных; оглядывая то, что приспособили для меня, я вдруг подумал, что моя камера на том корабле, который скоро станет нашей Башней Сообразности, вероятно, тоже была переустроена, и не так давно. Если бы Тифон хотел просто лишить меня свободы, он мог бы легко сделать это, освободив один из прочно выстроенных ангаров и заперев меня в нем. Очевидно, он желал большего — напугать меня и подчинить, заставив работать на него.

Моей тюрьмой стал выступ скалы, который еще не откололи от одеяния гигантской фигуры, уже имевшей его лицо. На этой площадке, выметенной ветрами, для меня было возведено небольшое укрытие из камней и брезента; туда мне и принесли еду и разбавленное вино, которое, должно быть, припасли для самого Тифона. На моих глазах в скалу у основания отрога вбили столб толщиной почти с бизань-мачту «Альционы», но не такой высокий, и у самой земли приковали смилодона. С верхушки столба свисал хилиарх на крюке, пропущенном между его рук, скованных точно так же, как были скованы мои.

До самой темноты я наблюдал за ними, хотя скоро заметил, что под горой разгорелось настоящее сражение. Смилодона, похоже, морили голодом. То и дело он подпрыгивал, пытаясь ухватить за ноги хилиарха. Тот каждый раз поджимал их так, что зверь не доставал всего какого-то кубита; а его огромные когти хотя и точили дерево словно зубила, не могли удержать его на столбе. В тот день я пресытился местью раз и навсегда. Когда стемнело, я принес смилодону поесть.

Однажды, во время моего путешествия с Доркас и Иолентой в Тракс, я освободил зверя, которого привязали примерно так же, как сейчас был привязан хилиарх; зверь не набросился на меня благодаря камню, прозванному Когтем Миротворца, а быть может, просто потому, что слишком ослабел. Сейчас этот смилодон ел из моих рук-и облизывал их своим широким шершавым языком. Я прикасался к его кривым клыкам, похожим на бивни мамонта, и почесывал ему за ухом, как почесывал бы за ухом Трискеля, приговаривая: «А у нас свои мечи, от рождения, верно?»

Вряд ли звери понимают нечто большее, чем самые простые и знакомые фразы, но мне все же казалось, что массивная голова кивала мне

в ответ.

Цепь пристегивалась к ошейнику двумя пряжками размером с мою руку. Я отстегнул ее и вызволил несчастное создание, но смилодон остался рядом со мной.

Освободить хилиарха оказалось не так легко. Я забрался на столб, обхватив его коленями, как карабкался некогда мальчишкой на сосны в некрополе. К тому времени моя звезда уже достаточно высоко поднялась над горизонтом, и я без особого труда мог снять его с крюка и бросить вниз; но я не решился идти на риск, боясь, что он сорвется в пропасть или подвергнется нападению смилодона. Света было немного, и я почти не различал зверя, но его глаза поблескивали, когда он смотрел на нас снизу.

Наконец я накинул руки хилиарха себе на шею и спустился, как умел, — наполовину слез, наполовину сполз по столбу, в итоге очутившись на твердой поверхности скалы. Я отнес его в свое укрытие, а смилодон пошел следом и лег у наших ног.

Утром, когда семеро гвардейцев явились с пищей, водой и вином для меня и с факелами на длинных шестах, чтобы отгонять смилодона, их хилиарх был уже в полном сознании и мог есть

и пить. Ужас на лицах солдат, когда они обнаружили, что хилиарх и зверь исчезли, немало позабавил нас; но вы бы поглядели на их физиономии, когда они увидели и того и другого в моем укрытии!

— Подходите, — позвал я их. — Зверь не тронет вас, а ваш хилиарх, уверен, накажет вас только в том случае, если вы нерадиво исполняли свой долг.

Они нерешительно приблизились, глядя на меня почти с таким же страхом, как на смилодона.

— Вы видели, что ваш монарх сделал с хилиархом за то, что он оставил при мне оружие. Как он поступит с вами, когда узнает, что вы позволили вашему хилиарху бежать?

— Нас всех казнят, сьер, — ответил десятник. — Воткнут еще пару столбов, и на каждом будут висеть трое или четверо из нас. — Смилодон оскалился на эти слова, и все семеро сделали шаг назад.

— Он верно говорит, — кивнул хилиарх. — Я сам отдал бы такой приказ, если бы был при исполнении.

— Иногда человек ломается, потеряв такую должность, — сказал я.

— Меня еще ничто не сломало, — ответил хи-

лиарх. — Не сломаюсь и на этот раз.

Наверное, именно тогда я впервые посмотрел на него как на человека. Лицо его было суровым и холодным, но исполненным разума и решимости.

— Ты прав, — сказал я ему. — Когда-нибудь — может быть, но не на этот раз. Тебе надо бежать и взять этих людей с собой. Я передаю их под твое начало.

Он снова кивнул:

— Миротворец, ты можешь освободить мне руки?

— Я могу, сьер, — вмешался десятник. Он вынул ключ и сделал шаг вперед — смилодон не выразил недовольства. Когда наручники упали на камень, на котором сидел хилиарх, он поднял их и швырнул в пропасть.

— Сцепи руки за спиной, — посоветовал я ему. — Спрячь их под накидкой. Пусть эти люди проведут тебя к флайеру. Все решат, что тебя везут куда-нибудь для дальнейших экзекуций. Вам лучше знать, где вы сможете приземлиться, не опасаясь преследования.

— Мы присоединимся к повстанцам. Они нам будут рады. — Хилиарх встал, отдал честь, и я, тоже поднявшись, ответил ему воинским при-

ветствием — благо привык к этому, пока был Автархом.

— Миротворец, — спросил десятник, — ты можешь освободить Урс от Тифона?

— Мог бы, но не стану, пока нет необходимости. Убить правителя легко, очень легко. Но до чего трудно не позволить другому, худшему, занять его место.

— Правь нами сам!

Я покачал головой:

— Если я скажу, что у меня есть задача поважнее, вы, чего доброго, решите, что я смеюсь над вами. Между тем это правда.

Они покивали, явно ничего не понимая.

— Вот что я вам скажу. Сегодня утром я изучал эту гору и прикидывал темпы, с которыми продвигаются на ней работы. По ним я понял, что жить Тифону осталось совсем недолго. Он умрет на красном ложе, на котором лежит сейчас; а без его приказа никто не осмелится войти за ширму. Один за другим люди станут убегать отсюда. Машины, копающие за людей, явятся за новыми инструкциями, но не получат их, а в конце концов и сама ширма рассыплется в прах.

Они смотрели на меня разинув рты. Я же продолжал:

— Такого правителя, как Тифон — монарха множества миров, — больше не найдется. Но меньшие, те, что придут за ним, лучший и величайший из которых будет носить имя Имар, последуют его примеру, пока каждая гора в пределах видимости не обретет корону. Вот и все, что я скажу вам сейчас, да и вообще могу сказать. Вам пора идти.

— Если хочешь, мы останемся здесь и умрем с тобой, Миротворец! — воскликнул хилиарх.

— Не хочу, — ответил я. — Да я и не умру. — Затем я попытался открыть им механизмы Времени, хотя и сам толком не понимал их. — Каждый, кто когда-либо жил, живет и сейчас где-то во времени. Но вам грозит опасность. Уходите!

Гвардейцы попятились, а хилиарх спросил:

— Миротворец, разве ты не дашь нам что-нибудь на память, какое-нибудь свидетельство того, что мы встречались с тобой? Знаю, я провинился, обагрив свои руки твоей кровью, да и руки Гауденция; но эти люди не сделали тебе ничего плохого.

Его слова и подсказали мне, что именно вручить ему. Я потянул за ремешок и вынул маленький мешочек из человечьей кожи, сшитый Доркас для Когтя, где теперь хранился шип, что

я вытащил из своей руки возле беспокойного Океана, шип, который пропорол мои пальцы на корабле Цадкиэля.

— Вот это было омыто моей кровью, — сказал я.

Положив ладонь на голову смилодона, я смотрел, как они, отбрасывая длинные тени при утреннем свете, идут по отрогу, где стояло мое укрытие. Когда они подошли к той части скалы, что так быстро становилась рукавом Тифона, хилиарх, по моему совету, спрятал запястья под накидкой. Десятник вынул пистолет, и двое солдат нацелили свое оружие в спину хилиарха.

В таком порядке — заключенный и стража — они спустились по дальней лестнице и затерялись в мешанине дорог и подъездных путей того места, которое я еще не назвал Проклятым Городом. Я с легкостью послал их в путь, но теперь, потеряв их из виду, снова ощутил, каково это — утратить друга, ведь хилиарх тоже стал мне другом, и сердце мое, которое, как уверяли многие, затвердело точно металл, было готово наконец разорваться.

— А теперь я должен отпустить и тебя, — обратился я к смилодону. — На самом деле следовало отослать тебя, пока не рассвело.

Зверь глухо заворчал, что, вероятно, означало мурлыканье — звук, который нечасто слышит простой смертный. На это громогласное мурлыканье слабым эхом откликнулись небеса.

Далеко-далеко с коленей колосса в небо поднялся флайер, сперва набирая высоту медленно — как всегда, когда подобные машины полагаются лишь на силу отталкивания Урса, — потом стрелой метнувшись прочь. Я вспомнил флайер, который видел, расставшись с Водалусом, сразу вслед за происшествием, зафиксированным в самом начале той рукописи, что я зашвырнул в вечно изменяющиеся вселенные. И я решил тогда, что, если вдруг у меня снова выдастся свободное время, я напишу новую хронику, начав ее, как и вышло, с истории избавления от предыдущей.

Я не в силах объяснить, откуда проистекает мое неистребимое стремление оставлять за собой путаный чернильный след; но как-то я упомянул об одном событии в жизни Имара. Что ж, я разговаривал с самим Имаром, но тот случай остается столь же необъяснимым, как и упомянутое желание. Лично я предпочел бы, чтобы схожие события в моей собственной жизни не отличались такой неопределенностью.

Гром, пророкотавший вдали, прогремел вновь,

теперь ближе — голос столпа черной как ночь тучи, превосходившей размерами даже руку колоссальной фигуры Тифона. Преторианцы положили еду и питье, которые принесли мне, на некотором расстоянии от моего скромного приюта. Такое обслуживание — цена вечной верности; те, кто исповедует ее, часто уступают в прилежании простым слугам, которые верны по обязанности. Я вышел в сопровождении смилодона, чтобы отнести еду под навес и сберечь от непогоды. Ветер уже затянул штормовую песню, и несколько капель дождя упали на камни вокруг нас, большие, как сливы, и холодные, словно лед.

— Смотри, лучше возможности не представится, — сказал я зверю. — Все уже бегут в укрытие. Давай!

Он ринулся прочь, словно ждал только моего согласия, каждым прыжком покрывая с десяток кубитов. В одно мгновение он исчез за гребнем руки. Еще через миг он появился снова, рыжевато-коричневой полоской на темном фоне промокших скал, от которой солдаты и рабочие разбегались точно кролики. Я был рад видеть это, ибо все вооружение зверя, каким бы оно ни казалось грозным, — игрушки по сравнению с

людским оружием.

Кто знает, вернулся ли он невредимым в свои охотничьи угодья, но, надеюсь, вернулся. Что до меня, то я сидел в своем укрытии, слушал бурю и уплетал хлеб и фрукты, пока неистовый ветер не сорвал брезент, натянутый у меня над головой.

Я встал и сквозь завесу ливня увидел отряд солдат, переваливающий через руку.

И еще я, как ни странно, увидел места, где не было ни солдат, ни дождя. Не то чтобы эти новоявленные места раскинулись там, где недавно зияла бездна. Ее жадная пустота никуда не девалась, остался похожий на водопад обрыв скалы высотою не меньше чем в лигу, осталась и темная зелень горных джунглей под ним — тех джунглей, что приютят деревню магов, через которую однажды пройдут мальчик Северьян и я.

Скорее мне стало казаться, что привычные направления — вверх, вниз, вперед, назад, вправо, влево — раскрылись, словно бутон цветка, распустив неведомые доселе лепестки, новый Сефирот, чье существование было скрыто от меня.

Один из солдат выстрелил. Заряд ударил по камням у моих ног, расщепив горную породу словно резец. Тогда я понял, что их послали убить меня; наверное, один из спутников хилиарха

взбунтовался против собственной судьбы и сообщил о том, что случилось, хотя уже было слишком поздно, чтобы предотвратить бегство остальных.

Другой стрелок прицелился. Спасаясь, я шагнул с влажной от дождя скалы в иное место.

40. РУЧЕЙ ЗА ПРЕДЕЛОМ БРИИ

Я стоял на усыпанной цветами траве, душистой и мягкой, как ни одна из тех, что я мял; над головой плыли облака, скрывавшие солнце и раскрашивавшие небеса в темно-голубые и золотые тона. До меня еще доносился отдаленный рев бури, бушевавшей на Горе Тифон. Сверкнула вспышка или скорее тень вспышки, если только можно представить себе такое, — наверно, молния ударила в скалу или вновь выстрелил кто-то из преторианцев.

Я сделал два шага, и все эти звуки и образы стали неразличимы; однако, похоже, не они вдруг исчезли, но я потерял способность — а может быть, всего лишь желание — воспринимать их, как все мы, повзрослев, не замечаем больше вещей, занимавших нас в детстве. Явно, подумал я, это не то, что зеленый человек называл Коридорами Времени. Здесь нет никаких коридоров, а только холмы, волнующееся море травы и нежный ветерок.

Я прошел чуть дальше, и мне стало казаться, что все вокруг знакомо, что я попал туда, где

некогда уже был, хотя и не мог вспомнить, куда именно. Нет, это не наш некрополь с его мавзолеями и кипарисами. Не открытые поля, по которым я шел когда-то с Доркас и наткнулся на сцену доктора Талоса, те поля простирались под Стеной Нессуса, а здесь не было никаких стен. Не сады Обители Абсолюта, изобилующие рододендронами, гротами и фонтанами. Если бы не цвет неба, я бы скорее сравнил здешние места с весенней пампой.

Потом я услышал пение бегущей воды, а спустя мгновение увидел ее серебристое мерцание. Я бросился к ручью, вспоминая на бегу о своей былой хромоте и о том, как я пил из ручья в Орифии, а потом вдруг заметил рядом с собой следы смилодона; между глотками я улыбался, думая, что сейчас они бы нисколько не напугали меня.

Я поднял голову и увидел не смилодона, а миниатюрную женщину с разноцветными крыльями, которая, точно желая остудить ноги в прохладном потоке, легко шагала по омываемым водой камням чуть выше по течению.

— Цадкиэль! — воскликнул я, после чего онемел от смущения, вспомнив наконец это место.

Она помахала мне рукой и улыбнулась, потом неожиданно вспорхнула от воды и полетела, а ра-

дужные крылья ее затрепетали, точно лоскутки цветастой ткани.

Я встал на колени.

Продолжая улыбаться, она опустилась на берег рядом со мной.

— Похоже, ты раньше не видел, как я летаю.

— Видел однажды — вернее, твое изображение, — ты зависла, раскинув огромные крылья, в межзвездной пустоте.

— Да, там я могу летать благодаря отсутствию притяжения. Здесь же мне приходится значительно уменьшаться. Ты знаешь, что такое гравитационное поле?

Она обвела луг рукой не длиннее моей ладони, и я ответил:

— Я вижу это поле, могучий иерограммат.

Она рассмеялась музыкальным смехом, похожим на перезвон маленьких колокольчиков.

— Мы ведь встречались?

— Могучий иерограммат, я — нижайший из твоих рабов.

— Тебе, должно быть, неудобно стоять на коленях; и, вероятно, ты встречал другую меня с тех пор, как я отделилась от нее. Садись и расскажи мне об этом.

Так я и сделал. Легко и приятно было мне си-

деть на берегу ручья, время от времени освежая натруженное горло его холодной чистой водой, и пересказывать Цадкиэль, как я впервые увидел ее меж страниц книги Отца Инира, как гонялся за ней на борту ее собственного корабля, как она обернулась мужчиной по прозвищу Зак и как ухаживала за мной, когда я получил ранение. Но тебе, мой читатель (если только ты и вправду существуешь), уже известны все эти факты, ибо я записал их выше, не пропустив ничего или самую малость.

Здесь, у ручья, занимая Цадкиэль своей историей, я бы постарался быть по возможности кратким, если б не моя слушательница, которая заставляла меня вдаваться в различные подробности и совершать всевозможные отступления, пока я не рассказал ей о маленьком ангеле, повстречавшемся с Гавриилом (случай, вычитанный мною в коричневой книге), и о детских годах, проведенных в Цитадели, на вилле моего отца и в селении под названием Фамулорум возле Обители Абсолюта.

Наконец, когда я, наверное, в тысячный раз остановился перевести дух, Цадкиэль произнесла:

— Неудивительно, что я приняла тебя: во всей

твоей истории нет ни слова лжи.

— Я часто лгал по необходимости и даже тогда, когда никакой нужды в этом не было. — Она усмехнулась, но ничего не ответила. Я добавил: — И солгал бы тебе, могучий иерограммат, если бы считал, что моя ложь спасет Урс.

— Ты уже спас его; ты начал еще на борту моего корабля, а закончил в нашей сфере, на поверхности и внутри мира, который ты также «зовешь Йесодом. Наверное, Агилюсу, Тифону и многим другим сражавшимся с тобой казалось, что силы неравны. Если бы они были поумней, то поняли бы, что борьба уже завершена, в ином месте и в иное время; но если бы они были умней, они бы признали в тебе нашего слугу и вовсе не стали бы бороться против тебя.

— Значит, я не могу потерпеть поражение?

— Скажи лучше — не потерпел поражение. Ты мог проиграть на корабле и потом; но ты не мог умереть до испытания, как не можешь и сейчас, до завершения своего дела. В противном случае ты умер бы от побоев, от прямого попадания из того орудия в башне, да мало ли от чего еще. Но скоро твое дело будет завершено. Сила твоя, как ты знаешь, исходит от твоей же звезды. Когда она войдет в ваше Старое Солнце и вызовет рождение

нового…

— Я слишком часто хвастался, что не боюсь смерти, чтобы теперь дрожать при мысли об этом, — сказал я.

— Что ж, хорошо, — кивнула она. — Брия — не вечный дом.

— Но это место — Брия или часть ее. Вернее, проход в твоем корабле, тот, который ты показала мне, когда вела меня в отдельную каюту.

— Если так, значит, когда ты встретился со мной на нашем корабле, вы были недалеки от Йесода. Это Ручей Мадрегот, и он течет из Йесода в Брию.

— Из одной вселенной в другую? — переспросил я. — Разве такое возможно?

— А разве может быть иначе? Энергия всегда стремится к низшему состоянию; проще говоря, Предвечный жонглирует вселенными.

— Но ведь это всего лишь речушка, — настаивал я, — такая же, как все реки Урса!

Цадкиэль кивнула:

— Они тоже представляют собой энергию, стремящуюся к низшему состоянию, а что ты видишь, зависит от того, чем ты смотришь. Если бы у тебя были другие глаза или иной разум, ты бы видел все иначе.

Я поразмыслил над этим некоторое время и

наконец спросил:

— А как я бы видел тебя, Цадкиэль?

Она сидела рядом со мной на берегу ручья; теперь она улеглась на траву, подперев руками подбородок, и ее яркие крылья поднимались из-за головы, словно два веера, расписанные узорами в виде глаз.

— Ты назвал эти поля гравитационными, и они, помимо всего прочего, действительно являются таковыми. Ты знаешь поля Урса, Северьян?

— Я никогда не ходил за плугом, но знаю их так, как может знать горожанин.

— Именно. И что можно найти по краям ваших полей?

— Частоколы из жердей или живые изгороди, чтобы не пускать скотину. В горах — стенки из сложенных валунов, отваживающих ланей.

— И все?

— Больше ничего в голову не приходит, — признался я. — Хотя, вероятно, я смотрел на наши поля не тем, чем надо.

— Ты смотришь именно тем, чем нужно для тебя, поскольку благодаря этим органам сформировалась твоя личность. Вот еще один закон. Ну, так как — больше ничего?

Я вспомнил шпалеры и воробьиное гнездо,

которое как-то видел в одной из них.

— Еще — сорняки и всякий самосев.

— Здесь то же самое. Я как раз такой самосев, Северьян. Ты, может быть, думаешь, что я посажена тут в помощь тебе. Я хотела бы, чтобы это было так, и потому помогу тебе, если смогу; но я — лишь собственная часть, давным-давно отторгнутая, задолго до того, как ты впервые встретил меня. Может быть, когда-нибудь великанша, которую ты зовешь Цадкиэль, — хотя это и мое имя, — захочет, чтобы я снова стала с ней одним целым. До тех пор я останусь здесь, между притяжениями Йесода и Брии… Отвечая на твой вопрос — если бы ты смотрел чем-нибудь иным, то мог бы увидеть меня, как видит меня она; тогда ты смог бы объяснить мне, за что меня изгнали. Но пока ты не видишь подобные вещи, я знаю не больше твоего. Не хочешь ли теперь вернуться в свой мир Урса?

— Хочу, — ответил я. — Но не в то время, которое я покинул. Как я говорил тебе, когда я вернулся на Урс, я думал, что ему суждено замерзнуть до появления Нового Солнца; с какой бы скоростью я ни увлекал к себе мою звезду, она так далеко, что, прежде чем она достигнет цели, в мире пролетят целые века. Потом я понял, что попал в

неведомую эпоху и мне предстоит томительное ожидание. Теперь же я вижу…

— У тебя даже лицо проясняется, когда ты говоришь об этом, — прервала меня маленькая Цадкиэль. — Теперь мне ясно, как в тебе распознали чудо. Ты явишь Новое Солнце, прежде чем заснешь.

— Да, если смогу.

— И ты хочешь, чтобы я помогла тебе. — Она помолчала, оглядев меня с серьезностью, которой я никак не ожидал от нее. — Много раз меня называли обманщицей, Северьян, но я бы помогла тебе, если бы это было в моих силах.

— Но ты бессильна?

— Вот что я скажу тебе: Мадрегот течет от великолепия Йесода, — она указала рукой вверх по течению, — к гибели Брии, вон туда. — Она снова подкрепила слова жестом. — Ступай следом за водой и окажешься во времени ближе к приходу твоей звезды.

— Если я — не проводник… Но я же и звезда. Или по крайней мере был ею. Не могу… я словно частично оцепенел…

— Но ведь сейчас ты не в Брие, помнишь? Вернувшись туда, ты снова узнаешь свое Новое Солнце — если оно еще существует.

— Должно существовать! — воскликнул я. — Ему… Мне… нужны мои глаза и уши, чтобы рассказывать ему, что происходит на Урсе.

— Тогда не стоит заходить слишком далеко вниз по течению, — заметила маленькая Цадкиэль. — Наверно, лучше сделать всего несколько шагов.

— Когда я появился здесь, я не видел ручья. Вряд ли я направлялся прямиком к его руслу.

Она пожала маленькими плечиками, ее миниатюрные груди совершенной формы приподнялись и опустились.

— Тогда и говорить не о чем, верно? Любое место одинаково сгодится.

Я встал, припоминая, как я впервые увидел ручей.

— Ручей протекал точно поперек моего пути, — сказал я наконец. — Нет, пожалуй, я последую твоему совету и сделаю несколько шагов по течению.

Она тоже поднялась с травы и вспорхнула в воздух:

— Кто знает, куда может завести единственный шаг?

— Однажды я слышал басню о петухе, — произнес я. — Человек, рассказывавший ее, уверял,

что это просто глупая сказка на потеху детям, но, по-моему, в ней содержится кое-какая мудрость. Там говорилось, что семь — счастливое число. Восемь для петушка обернулось перебором.

Я отсчитал семь шагов.

— Что-нибудь видишь? — спросила маленькая Цадкиэль.

— Только тебя, ручей и траву.

— Значит, надо отойти от него. Не перепрыгивай на тот берег, не то окажешься невесть где. Отходи медленно.

Я повернулся спиной к воде и сделал шаг.

— Что ты видишь теперь? Смотри вниз, на стебли и корни травы.

— Темнота.

— Тогда шагни еще раз.

— Огонь… Море искр…

— Еще! — Она парила возле меня, словно раскрашенный воздушный змей.

— Только стебли, как у обычной травы.

— Отлично! Теперь полшага.

Я осторожно ступил вперед. Все то время, что мы беседовали на лугу, мы находились в тени; теперь, казалось, лик солнца скрылся за черной тучей, и передо мной стояла полоса тьмы, не шире моих протянутых рук, но очень густая.

— Что теперь?

— Передо мной сумрак, — сказал я. И потом, хотя я; скорее ощутил, чем увидел ее: — Темная дверь. Мне войти в нее?

— Это тебе решать.

Я подался вперед, и тут мне почудилось, что луг как-то странно наклонился, предстал в том ракурсе, в каком я видел его из своего укрытия на горе. Я сделал всего три шага, но Мадрегот журчал уже где-то совсем далеко.

Из сумрака выплыли неясные буквы; не сразу я понял, что они перевернуты и что самые крупные складываются в мое имя.

Я шагнул в тень, и луг исчез; я потерялся в ночи. Руками я нашарил камень. Я толкнул его, и он подался — сперва неохотно, потом плавнее, но все же мне приходилось преодолевать сопротивление огромного веса.

Будто у самого моего уха хрустальным перезвоном раздался смех маленькой Цадкиэль.

41. СЕВЕРЬЯН ИЗ СВОЕГО КЕНОТАФА

Прокричал петух; отодвинув камень, я увидел звездное небо и одну яркую звезду, благодаря стремительному движению приобретшую теперь голубой оттенок, — ту, что была мной. Мы снова стали одним целым. И она была близка! Ясный Скальд, восходящий с рассветом, сиял не так ярко и не мог похвастаться столь объемным диском.

Долгое время — по крайней мере время, показавшееся мне долгим, — я глядел на ту свою часть, что неслась еще далеко за кругом Диса. Однажды или дважды мне послышались невнятные голоса, но меня не слишком заботило их происхождение; а когда я наконец оглянулся, вокруг никого не было.

Или почти никого. С вершины невысокого холма на меня смотрел рогатый олень; его глаза слегка поблескивали, а тело растворялось в темноте под сенью деревьев, венчавших холм. Слева на меня незрячими глазами уставилась статуя. Еще стрекотал последний сверчок, но трава уже серебрилась инеем.

Как и на лугу возле Мадрегота, мне вновь казалось, что я бывал здесь раньше, но я никак не мог распознать это место. Я стоял на камне, и дверь, только что отворенная мной, тоже была из камня. Три узкие ступеньки вели на аккуратно подстриженную лужайку. Я спустился по ним, и дверь, беззвучно закрывшаяся за моей спиной, похоже, в движении поменяла свою сущность; затворившись, она и вовсе перестала восприниматься как дверь.

Я очутился в очень маленькой, всего каких-то тысячу шагов от края до края, лощине, приютившейся меж холмов с отлогими склонами. В холмах были проделаны двери, одни — не шире дверного проема обычной жилой комнаты, другие — внушительней каменных дверей обелиска за моей спиной. По дверям и мощеным дорожкам, протянувшимся от них, я понял, что нахожусь в угодьях Обители Абсолюта. Длинную тень от обелиска отбрасывала не полная луна, а недавно появившийся узкий серп солнца; и эта тень словно стрела указывала прямо на меня. Я виднелся на западе — через стражу, а то и меньше, горизонт поднимется и скроет меня.

На мгновение я пожалел, что отдал хилиарху Коготь; мне захотелось прочитать надпись на

каменной двери. Потом я вспомнил, как осматривал Деклана в его темной хижине, и, подойдя поближе, прибегнул к помощи своих глаз.

В честь СЕВЕРЬЯНА ВЕЛИКОГО Автарха Нашего Содружества по праву Первого Человека Урса Вечная память

Памятник представлял собой высокую стену голубого халцедона и, признаться, производил сильное впечатление. Меня считали мертвым, по крайней мере это не вызывало сомнений; и сей радующей глаз долине доверено изображать место моего упокоения. Лично я предпочел бы некрополь возле Цитадели — именно там я должен найти настоящий или хотя бы мнимый покой — либо каменный город, в котором более убедительно смотрелась бы первая часть надписи.

Это заставило меня задуматься о своем конкретном местонахождении — в пределах угодий Обители Абсолюта, а также поразмыслить, кто именно, если не Отец Инир, воздвиг мне сей монумент. Я закрыл глаза, позволив воспоминаниям течь своим чередом, и, к своему удивлению, обнаружил ту маленькую сцену, которую мы с Доркас и Балдандерсом сколотили для доктора Талоса. Это было то самое место, и мой нелепый

памятник стоял именно там, где однажды я старательно притворялся, что принял великана Нода за статую. Вспомнив это, я бросил взгляд на статую, которую первым делом увидел, шагнув обратно в Брию, и распознал в ней, как и следовало ожидать, одно из тех безобидных полуживых существ. Сейчас оно медленно двигалось ко мне, и на губах его играла древняя улыбка.

Один вздох я любовался игрой моего собственного света на его бледных чертах, но тут почувствовал, что будто свет дня тронул склоны Горы Тифон всего две или три стражи назад, и жизненная сила, которую я ощутил, отбила у меня охоту разглядывать статуи или искать отдыха в какой-нибудь из уединенных беседок, разбросанных по садам. Неподалеку от меня, там, где недавно стоял олень, через потайную дверцу открывался вход во Вторую Обитель. Я подбежал к нему, тихо произнес нужное слово и проник внутрь.

Как чудно и как приятно было снова пройтись по этим тесным коридорам! Их удушливые переходы и узенькие лестницы вызывали воспоминания о тысячах проказ и мимолетных свиданий — травлю белых волков, бичевание заключенных в вестибюле, встречи с Орингой.

Если бы все обернулось так, как задумывал Отец Инир, и эти извилистые переходы и тесные комнатушки были бы известны лишь ему и правящему Автарху, они навевали бы такую же скуку, как любое подземелье, и, во всяком случае, утратили бы немалую долю своего очарования. Но Автархи открывали их для своих любовниц, а любовницы — своим кавалерам, и вскоре прекрасными весенними вечерами здесь разом закручивалась добрая дюжина, а то и сотня первостатейных интрижек. Провинциальный чиновник, принесший в Обитель Абсолюта свои грезы о приключениях и романах, редко догадывался, что те, быть может, именно сейчас разворачиваются всего в каком-то эле от его подушки. Занимая себя подобными мыслями, я прошел, вероятно, с пол-лиги, время от времени останавливаясь, чтобы заглянуть в общие залы или частные покои через специальные глазки, как вдруг споткнулся о труп наемного убийцы.

Он лежал на спине, провалявшись так, без сомнения, не меньше года; иссохшаяся плоть его лица уже начала отслаиваться от черепа, и покойник ухмылялся, словно решив под конец, что смерть — всего лишь удачная шутка. Пальцы разомкнулись вокруг рукояти батардо с отравлен-

ным лезвием, и орудие убийства лежало поперек безвольной ладони. Я нагнулся, чтобы осмотреть его, и прикинул, не оцарапался ли он, случаем, сам; куда более невероятные вещи случались во Второй Обители. Нет, подумал я, скорее убийца поменялся местами со своей потенциальной жертвой — попал в засаду, выданный сообщником, или какая-нибудь рана свалила его, прежде чем он достиг безопасного места. Мгновение я колебался, не взять ли его батардо вместо ножа, которого я лишился столько тысячелетий назад, но мне претила сама мысль носить отравленное оружие.

Мимо моего лица прожужжала муха.

Я отмахнулся от назойливой твари и с удивлением увидел, как она зарылась в сухую плоть, а за ней — множество ее товарок.

Я отступил на шаг назад, и, прежде чем успел отвернуться, все омерзительные стадии разложения прошли передо мной в обратном порядке, как мальчишки в приюте выталкивают вперед самого младшего: ссохшаяся плоть раздулась, вскишела червями, потом окрасилась в трупно-синий цвет и наконец приобрела почти живые оттенки и вид; бессильная прежде рука точно тиски сжала проржавевшую стальную рукоять

батардо.

Вспоминая Заму, я приготовился бежать, когда мертвец сядет, или, вырвав у него оружие, убить его заново. Быть может, эти два взаимоисключающих импульса и погасили друг друга; я не сделал ни того, ни другого, а так и остался на месте, наблюдая за происходящим.

Он медленно поднялся и уставился на меня пустыми глазами. Я сказал:

— Убери-ка ты эту штуку, пока не поранил кого-нибудь.

Обычно такого рода оружие вкладывается в ножны вместе с мечом; у него же на поясе висел специальный футляр, и он последовал моему совету.

— Ты немного растерян, — сказал я ему. — Будет лучше, если ты останешься здесь, пока не придешь в себя окончательно. Не ходи за мной.

Он ничего не ответил, да я и не ждал ответа. Я проскользнул мимо него и пошел дальше так быстро, как только мог. Отойдя шагов на пятьдесят, я услышал его неверную поступь; тогда я побежал, стараясь производить по возможности меньше шума и то и дело меняя направление.

Сколько времени это продолжалось, я не могу сказать. Моя звезда еще по-прежнему восходила,

и мне казалось, что я способен обежать вокруг всего Урса и не выбиться из сил. Я стремглав проносился мимо множества странных дверей и не открыл ни одной из них, будучи уверен, что любая так или иначе выведет меня из Второй Обители в Обитель Абсолюта. Наконец я оказался перед проемом, не закрытым дверью; сквозняк донес до меня звук женского плача, я остановился и шагнул через порог.

Я оказался в лоджии с арками на три стороны. Всхлипы женщины слышались откуда-то слева; я подошел к левой арке и выглянул наружу. Из нее открывался вид на ту просторную и продуваемую сквозняками галерею, что мы называли Воздушной Тропой. Сама лоджия была одной из тех деталей интерьера, которые, имея декоративную внешность, на самом деле служат нуждам Второй Обители.

Тени на мраморном полу далеко внизу намекали на то, что женщину кольцом окружает дюжина едва различимых преторианцев, один из которых держит ее под руку. Сначала я не видел ее глаз, опущенных к полу и скрытых черными, с блестящим отливом локонами.

Потом (не знаю уж, по какой причине) она подняла взгляд вверх, прямо на меня. Ее прекрасное

лицо было того цвета, который принято называть оливковым, и формой ровного овала также напоминало оливку. В нем имелось нечто такое, отчего мое сердце рвалось на части, и, хотя оно было мне незнакомо, я снова испытал ощущение повтора. Я чувствовал, что в какой-то затерянной жизни я уже стоял там, где стою, и в той жизни я смотрел на нее сверху вниз, как смотрю теперь.

Вскоре женщина и тени преторианцев почти скрылись из виду. Я переходил от одной арки к другой, удерживая их в поле зрения, а она все смотрела на меня, пока наконец последний мой взгляд не запечатлел ее обернувшейся через плечо, прикрытое бледной тканью платья.

С первого до последнего взгляда она была одинаково хороша и неизвестна. Ее красота сама по себе являлась достаточной причиной для внимания, проявленного любым мужчиной; но почему она смотрела на меня? Если я вообще верно прочитал выражение ее лица, то в нем смешались надежда и страх, а быть может, и ее посетило ощущение, что эта драма разыгрывается не впервые.

Сотню раз я прокручивал в памяти свои бегства и переделки во Второй Обители — и Теклой, и Северьяном и Теклой в одном лице, и Старым Ав-

тархом. Я не мог восстановить нужного момента — и все же он был; и тогда на ходу я начал рыться в тех сумеречных жизнях, что лежат за последней, в воспоминаниях, о которых я, наверное, и не заикался в этой повести, чем глубже, тем более смутных и странных, тянущихся, быть может, к Имару или еще дальше, в Легендарный Век.

Но сквозь все эти призрачные жизни — и несравнимо более живая, как во всех подробностях, вплоть до выражения глаз просматривается гора, когда лес у ее подножия погружается в зеленую дымку, — мчалась белая звезда, иначе говоря — я сам. Я был и там и видел перед собой внешне еще очень далекое (хотя я знал, что оно гораздо ближе, чем кажется) багровое солнце, которому спустя множество веков предстояло обернуться моей гибелью и моим апофеозом. По обе стороны от него доблестный Скальд и угрюмая Вертанди смотрелись никчемными лунами. Черная как ночь точка Урса ползла поперек его лика, почти незаметная на крапчатой поверхности; и в последние мгновения этой ночи под землей блуждал я, смущенный и теряющийся в догадках.

42. ДИНЬ-ДИНЬ-ДОН!

Проникая во Вторую Обитель, я едва ли знал, куда именно направляюсь. Или скорее навряд ли сознавал это; но, как выяснилось впоследствии, неосознанно я направил свои стопы именно к Гипогею Амарантовому. Мне хотелось узнать, кто сейчас сидит на Троне Феникса, и, если удастся, самому заявить права на него. Когда явится Новое Солнце, нашему Содружеству не помешает правитель, который бы понимал, что происходит, — так я думал.

Одна из дверей Второй Обители открывалась за бархатные гобелены, висевшие за троном. Я запечатал ее собственным словом в первый год своего правления; и я же завесил тесное пространство между гобеленами и стеной колокольчиками, дабы ни одна живая душа не могла пройти здесь незаметно для того, кто восседает на троне.

Дверь по моей команде отворилась легко и бесшумно. Я прошел и закрыл ее за собой. Маленькие колокольчики, подвешенные на шелковых нитях, чуть слышно звякнули; над ними большие колокола, к чьим языкам были привязаны те ни-

ти, зашушукали бронзовыми голосами и уронили вниз крупные хлопья пыли.

Я застыл на месте, прислушиваясь. Наконец колокола смолкли, но не прежде, чем в их перезвоне я различил смех крошки Цадкиэль.

— Что это звенит? — спросил старушечий голос, надтреснутый и тонкий.

Ей ответил низкий мужской голос. Но я не смог разобрать слова.

— Колокола! — воскликнула старуха. — Мы слышали колокола. Ты, наверное, оглох, хилиарх, раз смеешь утверждать обратное.

Сейчас я и вправду пожалел, что не прихватил батардо, которым мог бы прорезать гобелен и подглядеть в щелку; снова раздался низкий голос, и мне пришло вдруг в голову, что сходное желание да острый нож в придачу могли оказаться у кого-нибудь еще, кто стоял когда-то на моем месте. Я провел по гобелену пальцами.

— Говорят тебе, звонили колокола! Пошли кого-нибудь разузнать.

Разрезов, похоже, было немало, ибо я почти сразу же нашел один, проделанный неизвестным соглядатаем на высоте чуть ниже моих глаз. Приникнув к нему, я обнаружил, что стою шагах в трех правее трона. Мне были видны лишь под-

локотник и рука, возлежащая на нем, — тонкая, как у скелета, обтянутая паутиной голубых вен и усыпанная самоцветами.

Перед троном, опустив голову, склонилась фигура, такая огромная, что на миг я принял ее за Цадкиэль, капитана корабля. На спутанных волосах этого создания запеклась кровь.

За ним стоял строй призрачных стражников, а еще дальше — офицер без шлема, чьи знаки отличия и почти совершенно невидимый доспех выдавали в нем хилиарха преторианцев, хотя это, разумеется, был не тот хилиарх, что занимал сей пост во время моего правления, и не тот, которого я снял со столба в эпоху, ныне невообразимо далекую.

Прямо перед троном и, следовательно, почти вне поля моего зрения на резной посох опиралась оборванная женщина. Как только я обратил на нее внимание, она нарушила молчание:

— Они звонят, приветствуя Новое Солнце, Автархиня. Весь Урс готовится к его приходу.

— В детстве, — заговорила старуха на троне, — мы только и делали, что штудировали историю. Выходит, мы знаем, что таких пророков, как ты, моя бедная сестра, всегда были тысячи — да нет, сотни тысяч. Сотни тысяч обезумевших нищих,

воображавших себя великими риторами и желавших стать столь же великими правителями.

— Автархиня, — отвечала оборванная женщина, — неужели ты не выслушаешь меня? Ты говоришь о тысячах и сотнях тысяч. Тысячу раз уже, не меньше, я слышала подобные возражения; но ты еще не знаешь, что я скажу.

— Что ж, говори, — сказала та, что сидела на троне. — Можешь болтать, пока это забавляет нас.

— Я пришла не ради забавы, а сказать тебе, что Новое Солнце часто являлось и раньше, но всякий раз его видел всего один человек или жалкая кучка. Ты должна помнить Коготь Миротворца, ведь он исчез в наше время.

— Его украли, — пробормотала старуха. — Мы его так и не видели.

— А я видела! — воскликнула нищенка с посохом. — В детстве, когда я была смертельно больна, я видела его в руках у ангела. Сегодня ночью, по дороге сюда, я снова видела его в небе. Его видели и твои солдаты, хотя они боятся признаться тебе в этом. Видел его и этот великан, который, как и я, пришел, чтобы предупредить тебя, и за это претерпел мучения. Увидишь его и ты, Автархиня, если только выйдешь из этого склепа.

— Такие знамения бывали и раньше. Они ничего не меняли. Чтобы переубедить нас, требуется нечто большее, чем просто бородатая звезда.

Я прикинул, не выступить ли мне на сцену и прекратить спектакль, но остался на месте, задумавшись, на потеху кому разыгрываются подобные спектакли? Ведь это был спектакль, и даже пьесу эту я уже видел раньше, хотя ни разу не смотрел ее из зрительного зала. Это была пьеса доктора Талоса, и старуха на троне исполняла роль, которую доктор приберегал для себя, а женщина с посохом — одну из моих ролей.

Я написал, что решил не выходить из своего укрытия, и это правда. Но в процессе принятия решения я, должно быть, еле заметно шевельнулся. Снова залились смехом маленькие колокольчики, а большой колокол, на чьем языке они висели, тихо, но отчетливо пробил один раз.

— Колокола! — снова воскликнула старуха. — Сестра, ведьма или как ты там себя называешь — убирайся прочь! У нашей двери стоит охрана. Скажи начальнику караула, что мы желаем знать, почему звонят колокола.

— Я не уйду отсюда по твоей прихоти, — сказала женщина. — А на твой вопрос я уже ответила.

Великан окровавленными руками отвел от глаз

длинные гладкие волосы.

— Если и вправду звонят колокола, то это потому, что грядет Новое Солнце, — пророкотал он голосом таким низким, что едва можно было различить слова. — Я не слышу колоколов, но мне и не нужно их слышать.

Я не верил своим глазам, но это был Балдандерс собственной персоной.

— По-твоему, мы сошли с ума?

— Мой слух не так остер. Когда-то я изучал звук, а чем больше знаешь о нем, тем меньше слышишь его. Кроме того, мои барабанные перепонки теперь слишком велики и плотны. Но я слышал ток воды по темным рвам и шум прибоя у вашего берега.

— Молчать! — прикрикнула старуха.

— Волнам не прикажешь замолчать, госпожа, — ответил Балдандерс. — Они надвигаются, и они горьки от соли. — Один из преторианцев ударил его в висок прикладом своей фузеи; удар получился гулкий, словно был нанесен колотушкой. Балдандерс, казалось, не почувствовал его. — Вслед за волнами идут войска Эребуса, и они отомстят за все свои поражения, что потерпели от твоего мужа.

Благодаря этим словам я узнал Автархиню,

и шок, который я испытал, увидев вновь Балдандерса, был ничем по сравнению с новым потрясением. Вероятно, я вздрогнул, ибо маленькие колокола громко зазвонили, а большой ударил дважды.

— Слышите? — вскрикнула Валерия своим надтреснутым старческим голосом.

— Слышу, Автархиня! — У хилиарха был озадаченный вид.

— Я могу все объяснить, — пророкотал Балдандерс. — Ты выслушаешь меня?

— И я могу, — вмешалась женщина с посохом. — Они звонят в честь Нового Солнца, как и сказал тебе великан.

— Пусть говорит великан, — молвила Валерия.

— То, что я хочу сказать, не слишком существенно. Но я скажу, чтобы потом ты выслушала то, что действительно важно. Наша вселенная — не высшая, но и не низшая. Стоит здесь материи стать слишком плотной, и она прорывается в высшую вселенную. Мы не видим этого, потому что все движется от нас. Тогда мы говорим о черных дырах. Если же материя становится слишком плотной в низшей вселенной, то она прорывается в нашу. Мы видим сильный всплеск энергии и называем это Белым Фонтаном. То,

что пророчица именует Новым Солнцем, и есть такой фонтан.

— В нашем саду был фонтан, который мог предсказывать будущее, — пробормотала Валерия, — и я слышала, что давным-давно кто-то назвал его Белым Фонтаном. Но как со всем этим связаны колокола?

— Терпение, — попросил великан. — За один вздох ты узнаешь то, к чему я стремился всю свою жизнь.

— Это хорошо, — сказала женщина с посохом. — Нам остались считанные вздохи. Быть может, тысяча или меньше.

Великан бросил на нее взгляд, прежде чем снова обратиться к Валерии:

— Противоположности объединяются и исчезают. Возможность того и другого остается всегда. Это один из принципов, лежащих в основе порядка вещей. В центре нашего солнца есть такая черная дыра. Чтобы заполнить ее, через пустоту на протяжении многих тысяч лет мчится Белый Фонтан. На лету он вращается, и его движение поднимает гравитационные волны…

— Что? Волны? — переспросила Валерия. — Да ты и впрямь безумен, хилиарх сказал нам правду!

Великан пропустил ее слова мимо ушей.

— Эти волны слишком слабы, чтобы вызвать у нас головокружение. Но Океан ощущает их и порождает новые приливы и свежие течения. Я слышал их, о чем уже говорил тебе. Они и привели меня сюда…

— И если Автархиня прикажет, — проворчал хилиарх, — мы вышвырнем тебя обратно.

— Колокола чувствуют то же самое. Их масса, как и у Океана, находится в зыбком равновесии. Поэтому они звонят, предвещая приближение Нового Солнца, как и говорит эта женщина. — Я собирался уже выйти из-за гобелена, но увидел, что Балдандерс еще не закончил. — Если ты, госпожа, смыслишь что-нибудь в науке, ты должна знать, что вода — всего лишь лед, которому придали энергии. — Со своего места я не видел головы Валерии, но она, вероятно, кивнула. — Легенда об огненных горах — не просто легенда. В те эпохи, когда люди были всего лишь высшими из животных, такие горы действительно существовали. Их огненной рвотой был камень, расплавленный от избытка энергии, как плавится лед, превращаясь в воду. Так мир подземный, преисполненный энергии, прорывался в наш мир, ибо миры подчиняются тем же законам,

что и вселенные. В те века юный Урс был всего лишь парящей в пространстве каплей такого разжиженного камня; люди жили на его зыбкой накипи и мнили себя в безопасности.

Валерия вздохнула:

— Когда мы сами были молоды, мы, за неимением ничего лучшего, день за днем просиживали над подобным скучным чтивом. Но когда наш Автарх пришел за нами и мы пробудились к жизни, обнаружилось, что во всей массе прочитанного нет ни капли толка.

— Теперь есть, госпожа. Та сила, что заставила звонить ваши колокола, снова согрела холодное сердце Урса. Ныне перезвон ваших колоколов знаменует гибель континентов.

— И ты пришел рассказать нам эту новость, великан? Если погибнут целые континенты, кто же тогда спасется?

— Те, кто окажется на кораблях, — возможно. Те, чьи корабли будут в воздухе или в пустоте, — наверняка. Те, кто сейчас и так живет под водой, как я прожил уже пятьдесят лет. Но это не имеет значения. Вот…

Торжественную речь Балдандерса прервал звук хлопнувшей двери в дальнем конце Гипогея Амарантового и топот бегущих ног. Отсалютовав

на бегу, к хилиарху быстро приблизился младший офицер; Балдандерс и женщина с посохом повернулись к нему.

— Сьер… — Офицер смотрел на своего начальника, но то и дело косился испуганным взглядом на Валерию.

— В чем дело?

— Еще великанша, сьер…

— Еще великаны? — Валерия, должно быть, подалась на троне вперед. Я заметил вспышку самоцветов, рассыпанных на пучке седых волос.

— Женщина, Автархиня! Нагая женщина!

Я не видел ее лица, но, судя по всему, со следующим вопросом Валерия обратилась к Балдандерсу:

— А что ты скажешь об этом? Может быть, к нам пожаловала твоя жена?

Тот покачал головой; я же, вспомнив алую комнату в его замке, задумался о том, как он живет в своих морских пещерах у подножия берега, и не смог представить себе ничего путного.

— Начальник караула поведет великаншу на допрос, — сказал младший офицер.

— Хочешь увидеть ее, Автархиня? — спросил хилиарх. — Если нет, я лично займусь расследованием.

— Мы устали. Теперь мы удалимся. Утром расскажешь нам, что узнал.

— Она… Она гов-ворит, — заикаясь, произнес младший офицер, — ч-что какие-то к-какогены высадили с одного из своих кораблей мужчину и женщину.

На мгновение я вообразил, что речь идет о нас с Бургундофарой; но Абайя и его ундины вряд ли могли ошибаться на столько веков.

— Что еще? — сурово спросила Валерия.

— Больше ничего, Автархиня. Клянусь, ничего!

— Я вижу новость в твоих глазах. Если ты немедленно не скажешь ее, она будет похоронена вместе с тобой.

— Это всего лишь беспочвенный слух, Автархиня. Никто из наших людей не подтверждает это официально.

— Выкладывай!

Младший офицер выглядел напуганным.

— Говорят, снова видели Северьяна Хромого, Автархиня. В садах, Автархиня…

Сейчас или никогда, решил я. Подняв гобелен, я выступил вперед, и маленькие колокола рассмеялись, а большой над ними ударил трижды.

43. ВЕЧЕРНИЙ ПРИЛИВ

— Что ж, наша встреча удивляет меня не меньше, чем вас, — обратился я к ним. И по меньшей мере для троих присутствующих это было правдой.

Балдандерс (вот уж никак не ожидал увидеть его после того памятного нырка в озеро и все же видел, когда он сражался за меня перед Престолом Правосудия Цадкиэля), точно такой, каким я запомнил его по предыдущей встрече, теперь вырос настолько, что я уже не мог считать его человеком; лицо его еще больше отяжелело и расплылось, а кожа побелела, как у той водяной женщины, которая некогда спасла меня, когда я тонул.

Девушка, чей брат выпрашивал у меня подаяние возле их хижины, стала теперь женщиной лет шестидесяти с лишним, и отпечаток прожитых лет лег на нее поверх худобы и загара. Прежде она опиралась на посох так, как будто он был не только атрибутом ее профессии; теперь же она выпрямилась, точно молодая ива, и глаза ее сверкали.

О Валерии не напишу ничего — кроме того, что я узнал бы ее тотчас и где угодно. Глаза ее ничуть не изменились. Это были все те же ясные глаза девушки, которая, закутавшись в меха, шла ко мне через Атриум Времени, и Время не имело над ними власти.

Хилиарх отдал мне честь и упал на колени, как когда-то кастелян Цитадели, и после нехорошо затянувшейся паузы солдаты и молодой офицер последовали его примеру. Я жестом велел им подняться и, чтобы дать Валерии время прийти в себя (я испугался, что она упадет в обморок или что похуже), спросил хилиарха, не был ли он младшим офицером, когда я сидел на Троне Феникса.

— Нет, Автарх. Тогда я был еще юнцом.

— Однако ты явно помнишь меня.

— Мой долг — знать Обитель Абсолюта, Автарх. Здесь повсюду расставлены твои изображения и бюсты.

— Они… — Голос был таким слабым, что я едва расслышал его. Я обернулся, чтобы удостовериться, что это и впрямь говорит Валерия. — Они совсем не похожи на тебя в прошлом. Они такие, каким, я думала… — Я ждал, что она скажет. Она махнула рукой. Это был совершенно старушечий

жест. — Такие, каким, я думала, ты вернешься ко мне, вернешься в нашу фамильную башню в Старой Цитадели. Они похожи на тебя сейчас. — Она рассмеялась и заплакала.

По контрасту с ее голосом слова великана прогрохотали, как колеса телеги:

— Ты такой же, каким был всегда, — сказал он. — Многие лица стерлись из моей памяти, Северьян, но твое я помню.

— Ты говорил, что нам нужно уладить между собой одно дело. Я бы предпочел оставить все как есть и протянуть тебе руку.

Балдандерс поднялся, чтобы пожать ее, и я увидел, что теперь он стал вдвое выше меня.

— Свободен ли он в Обители Абсолюта, Автарх? — спросил хилиарх.

— Свободен. Он и в самом деле творение зла; но таковы и мы с тобой.

— Я не сделаю тебе ничего плохого, Северьян, — пророкотал Балдандерс. — И никогда не делал. Когда я выбросил твой камень, я поступил так потому, что ты верил в него. А это было плохо или так я тогда думал.

— Плохо, но и хорошо; впрочем, все уже позади. Давай забудем об этом, если сможем.

— Он причинил вред, — вмешалась пророчи-

ца, — когда говорил здесь, что ты принесешь с собой погибель. Я же говорила им правду — ты принесешь с собой перерождение, но они не поверили мне.

— Он тоже говорил правду, — сказал я, — как и ты. Необходимое условие рождения нового — это разрушение старого. Тот, кто сажает хлеб, выкорчевывает сорную траву. Вы оба — пророки, хотя и разного рода; и каждый из вас прорицает то, чему научил его Предвечный.

Тут в самом дальнем конце Гипогея Амарантового распахнулись огромные двери из лазурита и серебра — двери, которые в мое правление открывались только для торжественных процессий и церемониальных представлений иноземных послов — и уже не одинокий офицер, а десятка четыре солдат с фузеями или сверкающими копьями в руках проникли в помещение. Солдаты отступали, повернувшись спиной к Трону Феникса.

На мгновение они приковали мое внимание настолько, что я даже забыл, как много лет прошло с момента нашей последней встречи с Валерией, — ибо для меня это время измерялось не годами, а какой-то сотней дней, если не меньше. Поэтому я выговорил уголком рта, по старой привычке,

закрепленной в процессе частых и нескончаемых церемоний, тихо и незаметно, как я научился еще мальчишкой, шушукаясь за спиной мастера Мальрубиуса:

— Похоже, сейчас будет на что посмотреть.

Она охнула, я оглянулся на нее и увидел заплаканное лицо и весь тот урон, что нанесло ему время. Сильнее всего мы любим тогда, когда осознаем, что у предмета нашей любви ничего иного не осталось; думаю, я никогда не любил Валерию сильнее, чем в то мгновение.

Я положил руку ей на плечо, и хотя ни момент, ни место не подходили для романтических сцен, я не жалею, что сделал это, ибо ни на что другое времени не было. В дверь вползала великанша: сначала ладонь, словно пятиногая тварь, потом вся рука. Она была толще стволов многих считавшихся древними деревьев и белая, как морская пена, но изуродованная огромным ожогом, покрытым коркой, которая на наших глазах растрескалась и стала кровоточить.

Я услышал, как пророчица пробормотала какую-то молитву, оканчивавшуюся упоминанием Миротворца и Нового Солнца. Забавно слышать, как тебе молятся, и еще забавнее вдруг осознать, что молящийся забыл о твоем присутствии.

Затем охнула уже не одна Валерия, а, наверно, все мы, кроме Балдандерса. Вслед за другой рукой появилось лицо ундины, и хотя эти части тела не заполнили весь широкий дверной проем, они вместе с массой блестящих зеленых волос были так велики, что создавали иллюзию заполненного пространства. Я часто слышал, как, преувеличивая, люди сравнивают глаза с тарелками. Ее глаза были именно такими; из них катились кровавые слезы, и еще больше крови сочилось из ноздрей.

Я знал, что, оставив море, она поднялась по Гьоллу, а затем по петляющему среди садов притоку, по которому когда-то проплыли мы с Иолентой. Я крикнул ей:

— Как вышло, что тебя поймали и разлучили с твоей стихией?

Ее голос, возможно, потому, что он принадлежал женщине, оказался не столь низким, как я ожидал, хотя и был ниже, чем даже голос Балдандерса. Но в нем слышались такие ликующие ноты, словно она, продираясь через двери и, очевидно, умирая, была исполнена безмерной радости, независимо от ее собственной жизни и жизни солнца.

— Я хотела спасти вас… — выговорила она. Рот

ее наполнился кровью; она сплюнула, и хлынувший алый ручей напомнил кровосток на скотобойне.

— От бурь и пожаров, которые принесет Новое Солнце? — спросил я. — Благодарим тебя, но нас уже предупредили. Разве ты не творение Абайи?

— Совершенно верно. — Она до пояса протиснулась сквозь дверь. Ее плоть была такой тяжелой, что казалось, вот-вот оторвется от костей под собственным весом; груди свисали, точно копны сена, как их видит ребенок, стоящий на голове. Я понимал, что вернуть ее в воду нам не удастся — она умрет здесь, в Гипогее Амарантовом, и понадобится сотня человек, чтобы расчленить ее тело, и еще сотня, чтобы захоронить его.

— Тогда почему бы нам не убить тебя? — спросил хилиарх. — Ведь ты враг нашего Содружества.

— Потому, что я пришла предупредить вас.

Она уронила голову на тераццо перед дверями под таким неестественным углом, что, должно быть, сломала шею; но она еще могла говорить.

— Я приведу тебе более весомый аргумент, хилиарх, — сказал я. — Потому что я запрещаю это. Однажды, когда я был ребенком, она спасла меня, и я запомнил ее, потому что помню абсолютно

все. Я бы спас ее теперь, если бы мог. — Глядя на ее лицо, божественная красота которого сейчас отвратительно расплылась от собственной тяжести, я спросил ее: — А ты помнишь?

— Нет. Это еще не случилось. Но случится, раз ты говоришь.

— Как твое имя? Я никогда не знал его.

— Ютурна. Я хочу спасти вас… не раньше. Спасти вас всех.

— Когда это Абайя заботился о нас? — прошипела Валерия.

— Всегда. Он мог бы уничтожить вас… — Вздохов шесть она не могла вымолвить ни слова, но я дал знак Валерии и всем остальным сохранять молчание. — Спроси своего мужа. В один день или в несколько. Но вместо этого он пытался приручить вас. Поймать Катодона… лишить его способности к волевому движению… Что толку? Абайя сделал бы нас великим народом.

Тогда мне вспомнилось, как Фамулимус при первой нашей встрече спросила меня: «Разве весь мир представляет собой борьбу добра и зла? Тебе не приходило в голову, что в нем может быть нечто большее?» И я точно очутился на границе иного, более благородного мира, где наконец начинаю понимать, что он из себя пред-

ставляет. Мастер Мальрубиус по дороге через северные джунгли к Океану упоминал молот и наковальню; и мне также казалось, что я чувствую эту наковальню. Он был аквастором, как и те творения моей памяти, что сражались за меня в Йесоде; поэтому он вслед за мной верил, что ундина спасла меня потому, что я должен был стать потом палачом и Автархом. Возможно, он и ундина не так уж далеко уклонились от истины.

Пока я молчал, погрузившись в подобные мысли, Валерия, пророчица и хилиарх перешептывались между собой; но вскоре снова заговорила ундина:

— Ваш день на исходе. Новое Солнце… а вы все — тени…

— Да! — Пророчица, казалось, едва не подпрыгнула от радости. — Мы лишь тени, отбрасываемые его приближением. Чем же еще мы можем быть?!

— Приближается и нечто иное, — сказал я, ибо возомнил, что слышу топот бегущих ног. Даже ундина приподняла голову и прислушалась.

Шум, чем бы он ни был вызван, становился все громче и громче. Невесть откуда взявшийся ветер просвистел по длинной палате, трепыхая старинные портьеры так, что с них на пол дождем

просыпались хлопья пыли и жемчуг. С оглушительным ревом он хлопнул створками дверей, которые заклинило телом ундины, и донес до нас тот запах — мятежный и соленый, зловонный и насыщенный, как запах женского лона, почуяв который однажды, не забудешь никогда; в то мгновение я не удивился бы, услышав рокот прибоя и стоны чаек.

— Это море! — крикнул я остальным и, пытаясь осознать то, что, очевидно, произошло, добавил: — Должно быть, Нессус ушел под воду.

— Нессус затонул два дня назад, — со вздохом подтвердила Валерия.

Не успела она договорить, как я подхватил ее на руки; хрупкое тело казалось легче тельца ребенка.

Затем ворвались белогривые волны, бесчисленные боевые кони Океана, пенясь на плечах ундины так, что некоторое время я словно наблюдал наложение двух миров — одновременно и женщину, и скалу. Почувствовав на себе волны, она подняла тяжелую голову и издала клич торжества и отчаяния. Так воет шторм, проносясь над морем, и, надеюсь, я больше никогда не услышу подобного клича.

Спасаясь от воды, преторианцы россыпью ки-

нулись вверх по ступеням тронного возвышения, а молодой офицер, который прежде выглядел таким испуганным и слабым, схватил за руку сестру Йадера (уже не пророчицу, ибо ей больше нечего было пророчить) и увлек ее за собой.

— Я не утону, — пророкотал Балдандерс. — А остальное неважно. Спасайся, если можешь.

Я машинально кивнул и свободной рукой отдернул гобелен. Преторианцы гурьбой устремились в открывшийся проход, а трижды приветствовавшие меня колокола бешено затрезвонили и, оборвав пересохшие потрескавшиеся ремни, с лязгом обрушились на каменный пол.

Не прошептав, но выкрикнув слово, которым больше никому не доведется воспользоваться, я приказал открыться уже однажды послужившей мне запечатанной двери. Она распахнулась, пропустив убийцу, по-прежнему бессловесного, наполовину в сознании, подавленного воспоминаниями о пепельных равнинах смерти. Я крикнул ему «стой!», но он уже увидел корону и несчастное, изможденное лицо Валерии под ней.

Должно быть, он был выдающимся фехтовальщиком; ни один мастер меча не мог бы нанести удар так быстро. Я заметил лишь, как сверкнуло отравленное лезвие, и почувствовал жгучую

боль, когда, пронзив жалкое немощное тело моей жены, оно вошло в мое тело, раскрыв снова рану, которую много лет назад нанес мне лист аверна, брошенный рукою Агилюса.

44. УТРЕННИЙ ПРИЛИВ

Вокруг разливалось лазурное мерцающее сияние. Вернулся Коготь — не Коготь, уничтоженный асцианской артиллерией, и даже не тот, что я вручил хилиарху преторианцев Тифона, а Коготь Миротворца, камень, который я обнаружил в своей ташке, когда мы с Доркас шли по темной дороге возле Стены Нессуса. Мне бы поделиться с кем-нибудь своим открытием, но на мои уста легла печать молчания, да и нужных слов я подобрать не мог. Наверно, я был слишком далеко от себя, от Северьяна из плоти и крови, рожденного Катариной в одной из камер подземелья под Башней Сообразности. Уцелевший Коготь сиял и покачивался на фоне темной пустоты.

Нет, покачивался не Коготь, а я сам, плавно и тихо, а солнце припекало мне спину.

Должно быть, солнечный свет и привел меня в себя, как в ином случае поднял бы со смертного одра. Новое Солнце должно явиться; а я — это Новое Солнце. Я запрокинул голову, открыл глаза и изрыгнул струйку кристальной жидкости, не имевшей ничего общего с водами Урса; она

казалась и не водой вовсе, а лишь обогащенной атмосферой, живительной, как ветры Йесода.

Тогда, очутившись в раю, я рассмеялся от радости, и еще не затих мой смех, как я осознал, что, в сущности, никогда не смеялся прежде, что вся радость, испытанная мною до сих пор, была лишь смутным предчувствием нынешней. Больше жизни я хотел Нового Солнца для Урса; и вот Новое Солнце Урса явилось, танцуя вокруг меня сотней тысяч искрящихся духов, проливая на каждую волну потоки чистейшего золота. Даже на Йесоде я не видал такого солнца! Великолепием своим оно затмило все звезды, уподобившись оку Предвечного, при взгляде на которое слепнет самый ревностный огнепоклонник.

Оторвавшись от его великолепия, я издал клич, похожий на вопль ундины, клич торжества и отчаяния. Вокруг меня плавали останки Урса: вывернутые с корнем деревья, куски кровли, искореженные балки и раздувшиеся трупы животных и людей. Должно быть, именно это зрелище открылось матросам, сражавшимся против меня на Йесоде; и глядя теперь на мир их глазами, я больше не испытывал к ним ненависти за то, что они обратили свои истертые работой ножи против прихода Нового Солнца, но лишь заново

дивился тому, что Гунни защищала меня. В который раз я задался вопросом: не она ли решила исход схватки? Окажись она на другой стороне, она сражалась бы со мной, а не с фантомами. Такова уж была ее природа; а если бы я пал, Урс погиб бы вместе со мной.

Если только мне не послышалось, откуда-то издалека над многоголосыми волнами донесся ответный крик. Я поплыл в ту сторону, но вскоре остановился, ибо плащ и сапоги стесняли мои движения; я сбросил сапоги — добротную, почти новую пару, — и они моментально пошли ко дну. Вскоре за ними последовал плащ младшего офицера, о чем впоследствии мне пришлось пожалеть. Плавание, бег и ходьба на большие расстояния всегда возвращали мне ощущение собственного тела, и сейчас оно было здоровым и сильным; отравленная рана, нанесенная убийцей, затянулась в точности как та, что я получил в схватке с Агилюсом.

Да, тело мое было здоровым и сильным, но не более того. Нечеловеческая мощь, которую оно черпало из моей звезды, исчезла, хотя, без сомнения, именно ей я обязан своим исцелением. Пытаясь дотянуться до той своей части, что недавно находилась в досягаемости, я лишь

уподобился одноногому калеке, которому вдруг приспичило пошевелить отсутствующей конечностью.

Снова послышался крик. Я откликнулся и, недовольный скоростью своего передвижения (судя по всему, каждая встречная волна относила меня на исходную позицию), набрал в легкие воздуху и проплыл какое-то расстояние под водой.

Почти сразу же я открыл глаза, так как, похоже, в воде не было едких соляных примесей; а мальчишкой я часто плавал с открытыми глазами в большом резервуаре под Колокольной Башней и даже в стоячих заводях Гьолла. Эта вода оказалась чистой, как воздух, но на глубине приобретала сине-зеленый оттенок. Смутно, словно отражение дерева в спокойной глади пруда, я увидел дно, по которому двигалось нечто белое, в такой неспешной и отстраненной манере, что я не понял, плывет ли оно само по себе или влекомо течением. Именно беспримесность и теплота воды беспокоили меня; во мне рос страх, что, приняв ее за воздух, я потеряюсь в ней, как потерялся однажды в темных переплетениях корней бледно-голубых ненюфаров.

Тогда я вынырнул, поднявшись над волнами на целых два кубита, и увидел, все еще в отдалении,

потрепанный плот, за который цеплялись две женщины, и мужчину, из-под ладони вглядывающегося в неспокойную водную поверхность.

В десять гребков я очутился рядом с ними. Плот был собран из разномастных плавучих обломков, связанных на скорую руку. Его основой служил большой стол, на котором, наверно, какой-нибудь экзультант устраивал обеды для самых близких друзей; восемь крепких ножек стола, попарно воздетых к небу, смотрелись пародией на мачты.

Взобравшись на этот плот и чуть не сорвавшись в воду, благодаря помощи, оказанной мне из самых лучших побуждений, я обнаружил среди уцелевших толстого лысого мужчину и двух довольно молодых женщин, одна из которых, низенькая, обладала веселым круглым личиком хорошенькой куклы, а другая, высокая брюнетка, имела худощавое лицо со впалыми щеками.

— Ну вот, — возликовал толстяк, — не все потеряно. Встретим и еще кого-нибудь, попомните мои слова.

— А воды — ни капли, — пробормотала темноволосая женщина.

— Раздобудем, не бойся. Кроме того, ни капли воды на четверых — немногим хуже, чем ни капли воды на троих, если, конечно, делить по

справедливости.

— Вода вокруг нас пресная, — сказал я.

— Боюсь, что это все-таки море, сьер, — покачал головой толстяк. — Из-за Дневной Звезды морские приливы уже затопили всю округу. С ними наверняка смешались течения Гьолла, и потому вода не так солона, как, говорят, прежний Океан, сьер.

— Не встречались ли мы? Твое лицо кажется мне знакомым.

Толстяк, держась одной рукой за ножку стола, отвесил мастерский поклон, не уступая в изяществе какому-нибудь легату.

— Одило, сьер. Главный управитель, назначенный нашей милостивой Автархиней, чьи улыбки — надежда ее смиренных слуг, сьер, начальствовать над всем Гипогеем Апотропейским в его совокупности, сьер. Несомненно, ты видел меня там, сьер, когда посещал по какому-нибудь делу нашу Обитель Абсолюта, хотя, по всей видимости, сьер, мне не довелось прислуживать тебе лично, ибо подобную честь я сохранил бы в памяти вплоть до конца своих дней.

— Который, похоже, уже настал, — вставила брюнетка.

Я задумался. Притворяться экзультантом, за

которого явно принял меня Одило, мне не хотелось; но объяви я себя Автархом Северьяном, это могло бы вызвать неловкость, даже если бы мне и поверили.

— А я — Пега, — выручила меня девушка с кукольным личиком, — и я была субреткой армагетты Пелагии.

Одило нахмурил брови:

— Не пристало тебе так говорить о себе. Пега. Ведь ты была ее горничной. — Повернувшись ко мне, он добавил: — Спору нет, она была хорошей служанкой, сьер. Возможно, чуть ветреной…

Пега скорчила обиженную гримаску, хотя было очевидно, что ее недовольство наигранно.

— Я причесывала госпожу и следила за ее вещами, но на самом деле она держала меня, чтобы пересказывать ей все последние сплетни и анекдоты, а еще чтобы учить Пикопикаро. Так она сама говорила и всегда звала меня своей субреткой. — По ее щеке, сверкая на солнце, покатилась крупная слеза; но я не знал, плачет ли она о покойной хозяйке или о погибшей птичке.

— А эта, э-э, дама не пожелала представиться нам с Пегой. Мы знаем только, что ее зовут…

— Таис.

— Очень рад познакомиться, — сказал я. К тому

времени я уже вспомнил, что имею почетные звания в полудюжине легионов и воинских частей, любым из которых могу воспользоваться для поддержания своего инкогнито, избежав при этом ненужной *лжи*. — Гиппарх Северьян, из Черных Тарентинцев.

Пега аж присвистнула:

— Ух ты! Наверняка я видела тебя на параде. — Она повернулась к женщине, назвавшей себя Таис. — У его людей были такие лакированные шлемы с белыми плюмажами, а таких коней нигде больше не увидишь!

— Как я понимаю, ты ходила на парад со своей хозяйкой? — поинтересовался Одило.

Пега что-то ответила, но я пропустил ее слова мимо ушей. Мое внимание привлек утопленник, покачивавшийся на волнах всего в чейне от нашего плота, и я подумал, как все-таки это нелепо, что я вынужден сидеть на мебели покойника и терпеть общество слуг, в то время как Валерия гниет где-то под водой. Уж она бы посмеялась надо мной! Выждав паузу в разговоре, я спросил Одило, не был ли его отец управителем в том же самом месте.

Одило просиял от удовольствия:

— Так точно, сьер, действительно был и не

имел ни одного нарекания до самого конца своей жизни. Это было в славные дни Отца Инира, сьер, когда, если можно так выразиться, наш Гипогей Апотропейский пользовался известностью по всему Содружеству. Могу ли я спросить, сьер, почему ты задал этот вопрос?

— Просто поинтересовался. Ведь преемственность здесь, я думаю, более или менее обычное дело?

— Так и есть, сьер. Сыну дается возможность проявить свою сноровку, если она у него имеется; и при благоприятном стечении обстоятельств он наследует должность. Ты не поверишь, сьер, но мой отец однажды встречался с твоим тезкой, еще до того, как тот стал Автархом. Ты, конечно, знаешь о его жизни и подвигах, сьер?

— Меньше, чем мне бы хотелось, Одило.

— Тонко замечено, сьер, удивительно тонко. — Грузный управитель закивал и бросил взгляд на женщин, дабы убедиться, что они по достоинству оценили особую тактичность моего ответа.

Пега смотрела на небо.

— Похоже, дождь собирается, — сказала она. — Может быть, от жажды мы все-таки не умрем.

— Опять шторм, — отозвалась Таис. — Что ж, не умрем от жажды, так захлебнемся.

Но Одило не собирался лишаться удовольствия от собственного рассказа.

— Это случилось однажды поздно вечером, сьер. Мой отец в последний раз обходил свое хозяйство, как вдруг увидел человека, закутанного в черные как сажа одежды казнедея, хотя при нем и не было обычного палаческого меча. Как и следовало ожидать, первой его мыслью было, что этот человек переоделся для маскарада, которые каждую ночь устраивались в той или иной части Обители Абсолюта. Но он знал, что в нашем Гипогее Апотропейском никакого маскарада в ту ночь не планировалось, поскольку ни Отец Инир, ни впоследствии Автарх не питали особого пристрастия к подобным развлечениям.

Я улыбнулся, вспомнив Лазурный Дом. Темноволосая женщина многозначительно посмотрела на меня и демонстративно подавила зевок, но я вовсе не намеревался прерывать повествование Одило; теперь, когда мне не суждено больше скитаться по Коридорам Времени, любая связь с прошлым или будущим была мне бесконечно дорога.

— Следующей его мыслью — которая лучше бы пришла ему в голову первой, сьер, как он часто повторял моей матери и мне, когда мы уса-

живались возле очага, — было то, что казнедей отправлен с какой-нибудь мрачной миссией и собирается пробраться и исполнить ее незамеченным. Исключительно важно, сьер, как тотчас же понял мой отец, было узнать, послан ли он Отцом Иниром или же кем-то другим. Поэтому мой отец устремился к нему так смело, будто шел во главе целой когорты хастариев, и без обиняков спросил его об этом.

— Уж конечно, замышляя какое-нибудь злодеяние, он бы немедленно признался твоему отцу, — съехидничала Таис.

— Дражайшая госпожа, — ответил Одило, — я не знаю, кто ты такая, поскольку ты воздержалась от того, чтобы сообщить нам это даже тогда, когда наш высокий гость любезно открыл нам свое благородное происхождение. Но ты, очевидно, ничего не знаешь о махинациях и интригах, которые ежедневно — и еженощно! — плелись в мириадах коридоров Обители Абсолюта. Мой отец был прекрасно осведомлен, что ни один агент, посланный с тайным поручением, не откроет его даже при самом суровом натиске. Он рассчитывал лишь на то, что какой-нибудь невольный жест или мимолетная перемена в выражении лица выдадут измену, если таковая

имеет место.

— Разве тот Северьян не скрывал лицо под маской? — спросил я. — Ты сказал, что он был одет как палач.

— Уверен, что нет, сьер, поскольку мой отец часто описывал его: внешность самая зверская, сьер, и жуткий шрам на щеке.

— Я знаю! — встряла Пега. — Я видела его портрет и бюст. В Гипогее Абсцитиций, куда их отправила Автархиня, когда во второй раз вышла замуж. Он выглядел как самый настоящий головорез.

Чувствовал я себя так, будто мне самому кто-то перерезал горло.

— Весьма меткое определение, — подтвердил Одило. — Мой отец говорил то же самое, хотя и не в таких резких выражениях, насколько я припоминаю.

Пега разглядывала меня:

— У него ведь не было детей, верно?

— Уж об этом-то мы бы знали, я полагаю, — улыбнулся Одило.

— Законных детей. Но он, лишь двинув бровью, мог заполучить любую женщину в Обители Абсолюта. Да любую экзультантку!

Одило велел ей попридержать язык и обратил-

ся ко мне:

— Надеюсь, ты простишь Пегу, сьер. Тем более что это своего рода комплимент.

— То, что я похож на головореза? Да, подобные комплименты мне отпускают повсеместно, — ответил я не раздумывая и продолжил в том же духе, одновременно надеясь подвести разговор к повторному замужеству Валерии и подавить приступ острой боли: — Но разве тот головорез не приходился бы мне дедом? Северьяну Великому сейчас было бы восемьдесят с лишним, если бы он был жив. Кого мне расспросить о нем, Пега? Мою мать или моего отца? А ты не думаешь, что в нем все-таки что-то было, раз он, выросший палачом, владел сердцами стольких шатлен, пусть даже Автархиня и взяла себе нового мужа?

Прервав молчание, воцарившееся после моей маленькой речи, Одило произнес:

— Эта гильдия, сьер, по-моему, давно упразднена.

— Разумеется. Так все думают.

Небо на востоке уже почернело, и наш импровизированный плот заметно разогнался.

— Я не хотела тебя обидеть, гиппарх, — прошептала Пега. — Просто… — И шум набежавшей волны поглотил ее слова.

— Ничего, — ответил я. — Ты права. Судя по всему, он был тяжелым человеком и жестоким — по крайней мере по всеобщему мнению, — хотя, быть может, в том нет его вины. Вполне вероятно, что Валерия вышла за него по расчету, однако здесь мнения расходятся. Так или иначе, со вторым мужем она была счастлива.

— Золотые слова! — обрадовался Одило. — Берегись, Пега, когда скрестишь меч с солдатом.

Таис привстала, держась за ножку стола одной рукой, и, указывая на горизонт другой, воскликнула:

— Смотрите!

45. ЛОДКА

Это был парус, временами поднимавшийся так высоко, что становилась видна темная палуба под ним. Но в следующий миг он практически исчезал из виду, ныряя и скрываясь между волнами. Мы кричали до хрипоты, махали руками, и наконец я посадил Пегу к себе на плечо, удерживая равновесие с таким же трудом, как в шатающемся паланкине балушитера Водалуса.

Ветер вдруг уронил гафель, и Пега простонала:

— Они тонут!

— Нет, — сказал я, — они меняют направление.

Маленький кливер тоже опал и с хлопком наполнился снова. Не могу сказать, сколько вздохов и сколько ударов сердца миновало, прежде чем мы увидели заостренный утлегарь, направленный в небо словно флагшток, водруженный на зеленом холме. Редко время тянулось для меня так медленно, и мне казалось, что их можно насчитать несколько тысяч.

Еще мгновение, и лодка вынырнула на расстоянии полета стрелы от нас, а за ней тянулась длинная веревка. Я бросился в воду, не зная,

последуют ли за мной остальные, но чувствуя, что на лодке я смогу помочь им скорее, чем на плоту.

Тотчас мне показалось, что я попал в иной мир, еще более необычный, чем Ручей Мадрегот. Беспокойные волны и полное туч небо исчезли, словно их никогда и не было. Я ощущал мощное течение, но не мог сказать, отчего возникло это ощущение; ибо хотя затопленные пастбища моей затонувшей страны колыхались подо мной и ее деревья с мольбой протягивали ко мне свои ветви, сама вода будто находилась в покое. Я словно наблюдал из пустоты за медленным вращением Урса.

Наконец я увидел под собой домик с уцелевшими стенами и каменной печной трубой; открытая дверь будто манила меня внутрь. Мне вдруг стало очень страшно, и я устремился вверх, к свету, столь же отчаянно, как в тот раз, когда тонул в Гьолле.

Я пробил головой морскую поверхность; из моих ноздрей хлынула вода. На миг мне показалось, что ни плота, ни лодки рядом уже нет, но тут волна подняла лодку так высоко, что я разглядел ее потрепанный непогодой парус. Я понимал, что, сам того не ведая, пробыл под водой доволь-

но долго. И я поплыл быстро, как только мог, но теперь старался держать голову над водой, а в моменты погружения плотно зажмуривать глаза.

Одило стоял на корме, держась одной рукой за румпель; увидев меня, он энергично зажестикулировал и прокричал что-то подбадривающее, но я не расслышал. Через пару мгновений над планширом появилось круглое личико Пеги и еще одно, незнакомое мне лицо, загорелое и морщинистое.

Волна подхватила меня, точно слепого котенка, затем я скатился вниз головой с ее гребня и поймал у подошвы конец веревки. Одило отпустил румпель (который, как я увидел потом, забравшись в лодку, и так был зафиксирован крепежной петлей) и принялся тоже спасать меня. Борт маленькой лодки поднимался над водой всего на пару кубитов, и мне не составило труда, упершись ногой в руль, перепрыгнуть на корму.

Хотя Пега впервые увидела меня всего стражу назад, она обняла меня, как любимую игрушку.

Одило поклонился так, словно нас представили друг другу в Гипогее Амарантовом:

— Сьер, я боялся, что ты расстался с жизнью среди этих бушующих вод! — Он отвесил очередной поклон. — В высшей степени приятно,

сьер, и весьма замечательно, если можно так выразиться, сьер, снова видеть тебя, сьер!

Пега была более прямолинейна:

— Мы все думали, что ты утоп, Северьян!

Я спросил Одило, где его вторая спутница, но тотчас же сам увидел ее, когда за борт хлынул очередной поток воды. Как женщина мыслящая, она вычерпывала из лодки воду и, как женщина, мыслящая здраво, делала это по ветру.

— Она здесь, сьер. Мы теперь в полном сборе, сьер. Сам я первым добрался до этого судна. — Одило с простительным самодовольством выпятил грудь. — И сумел оказать дамам посильную помощь, сьер. Но тебя, сьер, никто не видел, с тех пор как мы связали свою судьбу с бушующей стихией, если мне будет дозволено таким образом сформулировать свою мысль, сьер. Мы весьма рады, сьер, даже, можно сказать, в восторге… — Тут он опомнился: — Молодой офицер твоего сложения и несомненной доблести, безусловно, не мог испытать особых затруднений там, где даже такие робкие люди, как мы, добрались благополучно. Хотя это было не так просто, сьер, совсем не просто. Но юные дамы беспокоились за тебя, сьер, и я надеюсь и верю, что ты простишь их за это.

— Тут не за что прощать, — сказал я. — Спасибо вам всем за помощь.

Старый моряк, хозяин лодки, сделал какой-то сложный, наполовину скрытый грубым кителем жест, которого я не разгадал, и сплюнул по ветру.

— А нашего спасителя, — продолжил Одило, просияв, — зовут…

— Неважно, — буркнул моряк. — Ступай-ка туда и выбери грот. И кливер надо распутать. Если будем топтаться тут и трепать языками, перевернемся.

Прошло более десяти лет с тех пор, как я ходил на «Самру», но я выучился управляться с косым парусным вооружением и еще не забыл, как это делается. Я выбрал грот-гафель, прежде чем Одило и Пега постигли всю премудрость его оснастки, и без особой помощи с их стороны распутал кливер и вытравил шкот.

Остаток дня мы провели в страхе перед штормом, неслись на шквальных ветрах, летящих перед ним, постоянно ускользая от погони, но всякий раз сомневаясь в своем спасении. К ночи опасность несколько уменьшилась, и мы легли в дрейф. Моряк раздал нам по чашке воды, кусочку черствого хлеба и ломтю копченого мяса. Я знал,

что голоден, но такого зверского аппетита не ожидал ни от себя, ни от других.

— Ищите что-нибудь съестное да смотрите не проморгайте, — мрачно наставлял моряк Одило и женщин. — Иногда после крушения можно выловить ящики с сухарями или бочонок-другой с водой. Это, по-моему, самое большое крушение из тех, что я повидал на своем веку. — Моряк помолчал, оглядывая свое суденышко и море, все еще освещенное сиянием раскаленного добела Нового Солнца Урса. — Здесь есть острова — или были, — но мы могли проскочить мимо, а чтобы добраться до Ксанфийских Земель, у нас не хватит ни еды, ни воды.

— Я замечал, — сказал Одило, — что в течение нашей жизни события порой достигают некоего надира, вслед за которым положение может лишь улучшаться. Разрушение Обители Абсолюта, гибель нашей дражайшей Автархини — если только, по милости Предвечного, она не спаслась где-нибудь…

— Она спаслась, — вмешался я. — Уж поверь мне. — Когда же он повернулся ко мне с надеждой в глазах, я смог только вяло добавить: — Я так чувствую.

— Надеюсь, сьер. Подобные чувства делают те-

бе честь. Но, как я говорил, обстоятельства тогда приняли наихудший оборот.

Он обвел нас взглядом, и даже Таис и старый моряк кивнули.

— И все же мы остались в живых. Мне посчастливилось найти плавающий стол, и я смог предложить свою помощь этим несчастным женщинам. Вместе мы отыскали еще несколько обломков мебели и соорудили плот, на котором к нам вскоре присоединился наш высокий гость, и наконец ты, капитан, спас нас, за что все мы бесконечно тебе благодарны. А это уже нельзя назвать случайностью. По-моему, наше положение стало меняться к лучшему.

Пега тронула его за руку:

— Ты, должно быть, потерял жену и родных, Одило. Твое самообладание восхищает нас, но все мы знаем, что ты чувствуешь.

— Я не был женат, — покачал головой Одило. — Сейчас я только рад этому, хотя прежде часто сожалел. Должность управителя целого гипогея, а тем более — Гипогея Апотропейского, которую я занимал в молодости при Отце Инире, требует самого упорного труда; нелегко выкроить хотя бы одну стражу на сон. Еще до безвременной кончины моего почтенного отца была одна молодая

особа, ближайшая сервитриция шатлены, в общем — девица, на руку которой, если можно так выразиться, я имел виды. Но шатлена отбыла в свой замок. Некоторое время мы вели переписку с этой молодой особой. — Одило вздохнул. — Несомненно, она нашла себе другого, ибо женщина, если только захочет, всегда найдет тебе замену. Я надеюсь и верю, что он оказался достойным ее.

Я заговорил бы, чтобы снять напряжение, если бы смог; но, поскольку к моему естественному сочувствию примешивалась изрядная доля сарказма, я так и не нашел достойных и безобидных слов. Высокопарный стиль Одило был смешон, но я понимал, что именно этот стиль, вырабатывавшийся за долгие годы правления многих автархов, становился для таких людей, как в недавнем прошлом Одило, единственным средством защиты от опалы и гибели; и я прекрасно знал, что сам был одним из тех автархов.

Тихо, почти шепотом, Пега обратилась к Одило, и хотя плеск волн о борт лодки не совсем заглушал ее голос, я не мог разобрать ни единого слова. К тому же я вовсе не был уверен, хочется ли мне ее слушать.

Старый моряк пошарил под крошечным полуютом, занимавшим два последних эля кормы.

— Четырех лишних одеял у меня не наберется, — объявил он.

Прервав Пегу, Одило сказал:

— Тогда я обойдусь без одеяла. Одежда моя высохла, и я устроюсь с комфортом.

Моряк бросил по одеялу обеим женщинам и одно — мне, последнее оставив для себя. Я положил свое одеяло на колени Одило.

— Я еще не собираюсь спать; мне есть о чем поразмыслить. Почему бы тебе не воспользоваться им, пока оно мне не нужно? Когда меня станет клонить в сон, я постараюсь забрать одеяло, не разбудив тебя.

— Я… — начала Таис, и я увидел, хоть это и не предназначалось для моих глаз, как Пега ткнула ее локтем, да так сильно, что у той перехватило дыхание.

Одило пребывал в замешательстве; я едва различал его осунувшееся лицо в наступающих сумерках, но и без того понимал, что он наверняка очень устал. Наконец он решился:

— Ты так любезен, сьер! Благодарю, сьер!

Я уже давно покончил с хлебом и копченым мясом. Не давая Одило времени пожалеть о своем решении, я прошел на нос и принялся смотреть на море. Волны еще отражали сумеречные лу-

чи солнца, и я знал, что их свет — это мой свет. В тот миг я понял, какие чувства испытывает Предвечный к своему творению, и проникся его печалью о преходящей природе всех создаваемых им вещей. Наверное, существует закон, а точнее — логическая необходимость, которой подчиняется даже он сам: ничто (и здесь он — не исключение) не может быть вечным в будущем, если не коренится в вечности прошлого. В ходе размышлений о его радостях и печалях мне вдруг пришло в голову, что я сам во многом схож с ним, хотя и гораздо меньше его; так травинка, должно быть, думает об огромном кедре или одна из несметных капель воды — об Океане.

Опустилась ночь, и зажглись звезды, ставшие намного ярче от того, что прежде прятались, точно испуганные дети, от лика Нового Солнца. Я поискал среди них взглядом — не свою звезду, которую, как я знал, мне больше никогда не суждено увидеть, — но Край Вселенной. Я не нашел его ни в ту ночь, ни в одну из последующих; однако он точно где-то там, затерян среди мириадов созвездий.

Зеленоватое свечение словно призрак появилось за моей спиной, и я, вспомнив цветные многогранные фонари на корме «Самру», вообра-

зил, что и у нас на борту зажглись такие же огни; я обернулся и узрел сияющий лик Луны, с которого словно вуаль спадал восточный горизонт. Ни один человек, кроме самого первого, не видел ее такой яркой, какой увидел в ту ночь я. Неужели это та самая бледная немочь, за которой я наблюдал не далее как прошлой ночью возле кенотафа? И тогда я понял, что старый мир Урса погиб, в точности, как предсказывал доктор Талос, и что воды, которые мы теперь бороздили, были водами Урса Нового Солнца, имя которому — Ушас.

46. БЕГСТВО

Я долго стоял на носу лодки, разглядывая стражей ночи, чьи лики открывались для меня благодаря стремительному вращению Ушас. Наше древнее Содружество затонуло; но звездный свет, ласкавший мои глаза, имел еще более древнюю историю, он был древним уже тогда, когда первая женщина нянчила первого ребенка. Интересно, станут ли звезды оплакивать гибель нашего Содружества, узнав о ней, когда состарится уже и Ушас?

Я, который сам был некогда подобной звездой, непременно оплакивал бы его.

От этих скорбных мыслей меня отвлекло чье-то прикосновение. Это был старый моряк, капитан нашей лодки; он, казавшийся прежде таким отчужденным, стоял сейчас со мной плечом к плечу и в точности, как я, задумчиво глядел на разлившиеся воды. Мне вдруг пришло в голову, что я так и не узнал его имени. Я собирался спросить его об этом, как вдруг он сказал:

— Думаешь, я тебя не узнал?

— Может быть, и узнал, — ответил я. — Но если

так, то ты имеешь передо мной преимущество.

— Какогены — они могут взять у человека его мысль и показать ее ему. Я-то знаю.

— По-твоему, я — фантом? Я встречал их, но не принадлежу к их числу. Я такой же человек, как и ты.

Он, должно быть, пропустил мои слова мимо ушей.

— Весь день я следил за тобой. С того момента, как все улеглись, я не сомкнул глаз, все смотрел на тебя. Говорят, они не умеют плакать, да, видно, это вранье, и, глядя на тебя, сейчас я снова убедился в этом. Ну, думаю, что ж в них плохого? Но иметь их на борту — дурная примета, и много думать — тоже дурная примета.

— Не сомневаюсь в твоей правоте. Но те, кто слишком много думает, ничего не могут с этим поделать.

— Похоже на то, — кивнул он.

Людские языки древнее, чем наша затонувшая земля; и странным кажется, что за столь долгое время так и не были найдены подходящие слова для заполнения пауз в разговоре, каждая из которых имеет свое значение и конкретную протяженность. Наше молчание измерялось сотней ударов волн о борт лодки и вобрало в себя легкую

морскую качку, вздохи ночного ветра в снастях и меланхолическое ожидание.

— Я хотел сказать, что бы ты ни сделал с ней, мне не будет больно. Утопи ее или выброси на сушу, мне все равно.

Я признался, что мог бы, наверно, сделать и то и другое, но не по собственной воле.

— Ты не причинил мне особого вреда, когда был реален, — сказал моряк после очередной долгой паузы. — Если бы не ты, я не встретил бы Макселлиндис — впрочем, возможно, это было бы и к лучшему. А может, нет. Ведь мы неплохо ладили с Макселлиндис…

Он уставился невидящим взглядом в беспокойное море, а я тем временем разглядывал его краем глаза. Нос его был перебит, и, похоже, неоднократно. Мысленно я выпрямил его и разгладил испещренные морщинами щеки.

— Одно время ты поколачивал меня. Помнишь, Северьян? После того как ты стал капитаном. Когда пришел мой черед, я точно так же обошелся с Тимоном.

— Эата! — Не успев осознать, что именно делаю, я сгреб его в объятия и приподнял, как, бывало, мы дурачились в годы ученичества. — Эата, ах ты маленький сопляк, а я-то думал, что никогда

тебя больше не увижу! — Я так вопил, что Одило застонал и заворочался во сне.

Эата был явно перепуган. Он потянулся к ножу за поясом, потом остановился. Я опустил его на палубу.

— Когда я реформировал гильдию, ты куда-то подевался. Говорили, что ты сбежал.

— Верно говорили. — Эата проглотил комок в горле или, может, просто перевел дух. — Рад слышать тебя, Северьян, даже если ты не более чем ночной кошмар. Как ты их назвал?

— Фантомы.

— Вот-вот, фантомы. Если уж какогены решили показать мне кого-нибудь из моей головы, то я мог бы очутиться и в куда менее приятной компании.

— Эата, ты помнишь, как мы застряли перед закрытыми воротами некрополя?

Он кивнул.

— И Дротт велел мне попробовать протиснуться меж прутьями, но я не смог. Потом, когда добровольцы открыли ворота, я убежал и оставил тебя с Дроттом и Рошем расхлебывать кашу. Вы тогда, похоже, вовсе не боялись мастера Гурло, а вот я…

— Боялись и мы, но не хотели позориться перед тобой.

— Так я и думал. — В зеленом свете Луны я увидел ряд его белых зубов и черное пятно на месте одного, выбитого. — Все мальчишки такие, как сказал шкипер, переговорив со своей дочуркой.

И тут у меня в голове мелькнула дикая догадка: если бы Эата не убежал тогда, быть может, именно он спас бы Водалуса и сделал и увидел бы все то, что сделал и увидел я. А что, если в какой-нибудь иной сфере все обернулось именно так? Отогнав эту мысль, я спросил:

— Чем ты занимался все это время? Расскажи мне.

— Да особо нечего рассказывать. Став капитаном учеников, я часто отлынивал от своих обязанностей и тайком встречался с Макселлиндис каждый раз, когда лодка ее дяди причаливала где-нибудь поблизости от квартала Мучительных Страстей. Я общался с моряками и сам немного научился ходить под парусом; поэтому когда подошло время празднества, я не смог пройти через это. Не смог надеть плащ цвета сажи.

— Я сам сделал это только потому, — сказал я, — что не мог представить себе жизни где-нибудь, кроме Башни Сообразности.

Эата кивнул.

— А я мог, понимаешь? Весь последний год

мечтал, как буду жить на лодке и помогать Макселлиндис и ее дяде. Он состарился, много болел, и им нужен был кто-нибудь посильнее и попроворнее ее. Я не стал дожидаться, пока мастера поставят меня перед выбором. Просто взял и убежал.

— А потом?

— Потом я забыл палачей, быстро и основательно, как только мог. Уже много позже я попытался вспомнить свою юность в Башне Сообразности. Ты не поверишь, Северьян, но долгие годы я вообще не мог смотреть на Крепостной Холм, когда мы проходили мимо него вверх или вниз по реке. Все время отворачивался.

— Охотно верю, — сказал я.

— Дядя Макселлиндис умер. На юге, в дельте, в местечке под названием Лити — ты, наверно, и не слыхал о нем — был кабачок, в который он любил захаживать. Как-то вечером мы с Макселлиндис заглянули туда за ним, а он сидел с бутылкой и со стаканом, положив одну руку на стол, а другой подперев голову; я встряхнул его за плечи, и он повалился со стула. Уже холодный был.

— «Видели мужчин, которым вино подарило смерть, и они лежали под виноградными лозами, все еще опьяненные настолько, что не понимали,

что их жизнь давно прошла».

— Откуда это? — спросил Эата.

— Старая сказка, — ответил я. — Не обращай внимания. Продолжай.

— Потом мы с ней трудились на лодке. И вдвоем справлялись не хуже, чем раньше втроем. Мы так и не поженились. Когда мы решались на это, у нас заканчивались деньги. А когда деньги были, мы всякий раз ссорились из-за какого-нибудь пустяка. Через пару лет все и так думали, что мы женаты. — Эата высморкался в воду.

— А дальше? — снова спросил я.

— Мы подрабатывали контрабандой, и однажды ночью нас остановил катер. Это случилось лигах в восьми или десяти к югу от Крепостного Холма. Макселлиндис прыгнула в воду — я слышал всплеск, — и я бы последовал за ней, но один из таможенников бросил мне в ноги ачико. Ты ведь знаешь, наверно, что это такое?

Я кивнул.

— Я еще был тогда Автархом. Ты мог бы подать прошение на мое имя.

— Да ну. Я думал об этом, но не сомневался, что ты отправишь меня обратно в гильдию.

— И ошибался, — сказал я. — Но разве это было бы хуже, чем то, как обошелся с тобой закон?

— Я застрял бы там на всю оставшуюся жизнь. Вот о чем я все время думал. В общем, меня и нашу лодку отбуксировали вверх по реке. Я дождался разбирательства, а потом судья приговорил меня к кнуту и отправил на караку. Меня держали в кандалах, пока берег не скрылся из виду, и заставили работать точно раба, но я добрался до Ксанфийских Земель, а затем прыгнул за борт и прожил в тех краях два года. Там вовсе не так уж плохо, если у тебя водятся кое-какие деньги.

— Но ты вернулся, — сказал я.

— Там вспыхнул бунт, и девчонку, с которой я жил, убили. У них там каждые пару лет беспорядки из-за рыночных цен на еду. Солдаты там не церемонятся, и ей, видимо, тоже проломили голову. На якоре возле острова Голубого Цветка тогда стояла каравелла, я пошел к капитану, и он дал мне койку. В молодости человек может быть страшным дураком, и я думал, что Макселлиндис, наверное, раздобыла нам новую лодку. Но когда я вернулся, ее не было на реке. Я больше не видел ее. Скорее всего она утонула в ту ночь, когда нас застукал катер. — Он помолчал, опершись подбородком на руку. — Макселлиндис плавала не многим хуже меня. А ты помнишь, я плавал почти как вы с Дроттом. Быть может, ее утащила

русалка. Это случалось там иногда, особенно в низовьях.

— Я знаю, — сказал я, вспомнив огромное лицо Ютурны, которое мельком видел в детстве, когда едва не утонул в Гьолле.

— Ну, вот, собственно, и все. Я привез с собой немного денег в шелковом поясе, сшитом для меня там одним человеком, и получил еще кое-что, рассчитавшись с капитаном каравеллы. Купил на паях эту лодку, и вот я здесь. Я еще могу немного говорить по-ксанфийски и вспомню еще больше, когда услышу его из чужих уст. Или если бы услышал, будь у нас запас пресной воды и чуть побольше еды.

— В этом море много островов, — сказал я. — Я видел их когда-то на карте в Гипотермическом Классе.

— Сотни две, — кивнул Эата, — и еще больше не отмеченных ни на одной карте из тех, что я видел. Думаешь, мимо них не промахнешься, но это не так. Если не повезет, можно пройти прямо между ними и даже не заметить. Многое зависит от времени суток и еще больше от того, откуда смотреть: с грот-мачты караки — это одно, а с носа моей лодчонки — совсем другое.

— Остается только надеяться, — пожал я пле-

чами.

— Точно так сказала лягушка, увидев аиста. Только во рту у нее пересохло, и никто не понял, что она бормочет.

Эата помолчал некоторое время, разглядывая не волны, а меня.

— Северьян, ты знаешь, что случилось с тобой? Даже если ты всего лишь сон от какогенов?

— Да, — ответил я. — Но я не фантом. Или если все же фантом, в этом виноват не я, а иерограммат Цадкиэль.

— Тогда расскажи, что с тобой случилось, ведь я рассказал тебе все про себя.

— Хорошо. Но сперва я хочу задать тебе один вопрос. Что творилось здесь на Урсе после моего отъезда?

Эата присел на рундучок, с которого мог смотреть на меня, не поворачивая головы.

— Верно, — сказал он. — Ты ж отплыл за Новым Солнцем, правда? Так ты нашел его?

— И да, и нет. Я все объясню тебе, как только ты расскажешь, что было на Урсе.

— Пожалуй, я не очень-то разбираюсь в том, что тебя интересует. — Эата поскреб подбородок. — К тому же не уверен, помню ли я, что именно творилось и когда. Все время, пока мы с Макселлиндис

жили вместе, ты был Автархом, но говорили, что почти весь этот срок ты провел на севере, воевал с асцианами. Потом, когда я вернулся с Ксанфийских Земель, тебя уже не было.

— Если ты провел там два года, значит, с Макселлиндис ты прожил восемь, — сказал я.

— Примерно столько. Четыре или пять с ее дядей и два-три после его смерти, вдвоем на лодке. В общем, твоя жена — она стала Автархиней. Люди судачили об этом, потому что она была женщиной и, по слухам, не владела словами. Когда я менял свое заморское золото на хризосы, на некоторых из них было твое лицо, а на некоторых — ее, в общем, женское. Она вышла за Дукса Цезидия. На улице Юбар устроили шумное празднество, даровая еда и выпивка для всех. Я здорово набрался и три дня не возвращался на лодку. Люди говорили, что это удачный брак — она могла остаться в Обители Абсолюта и заниматься Содружеством, пока он занимался асцианами.

— Я помню его, — сказал я. — Он был хорошим командиром.

С некоторым удивлением я восстановил в памяти ястребиный профиль и представил себе его свирепого, угрюмого владельца возлежащим рядом с Валерией.

— Кто-то говорил, что она вышла за него, потому что он был похож на тебя, — сказал Эата. — Но, по-моему, он был красивее и, возможно, чуть выше.

Я напряг память: красивее, конечно, чем я с моим испещренным шрамами лицом. Мне казалось, что Цезидий немного уступает мне в росте, хотя любой станет выше, когда все ему кланяются, это уж точно.

— А потом он погиб, — продолжил Эата. — Это случилось в прошлом году.

— Понятно, — сказал я.

Долгое время я стоял, опершись спиной о планшир, и думал. Восходящая луна, уже почти в зените, отбрасывала между нами черную полосу тени от мачты. Из-за этой разделительной полосы голос Эаты почему-то звучал совсем по-юношески.

— Так что же с Новым Солнцем, Северьян? Ты обещал рассказать мне о нем.

Я начал, но, когда дошел до схватки с Идас, увидел, что Эата крепко спит.

47. ЗАТОНУВШИЙ ГОРОД

Мне тоже следовало бы лечь спать, но я так и не сделал этого. Стражу или больше я простоял на носу, глядя то на спящих, то на воду. Таис лежала, как часто устраивался я, лицом вниз, опустив голову на скрещенные руки. Пега свернула свое пухлое тельце клубочком, так что ее вполне можно было принять за котенка, превратившегося в женщину; спиной она прижалась к боку Одило. Тот лежал на спине, вздымая живот к небу и закинув руки за голову.

Эата прикорнул полусидя, прильнув щекой к планширу; я решил, что он, должно быть, страшно устал. Глядя на него, я прикидывал, будет ли он думать, что я — фантом, когда проснется?

А кто я такой, чтобы оспаривать его мнение? Настоящий Северьян, — а я не сомневался, что когда-то этот настоящий Северьян действительно существовал, — давным-давно исчез среди звезд. Я взглянул на них, пытаясь отыскать его.

Вскоре я осознал тщетность своих усилий, и не потому, что его там не оказалось (ведь он все-таки был), а потому, что Ушас отвернулась от него,

скрыв его и многих других за горизонтом. Ибо наше Новое Солнце — лишь звезда среди мириад звезд, хотя, наверное, теперь, когда ни одна из них, кроме него, не видна днем, люди забудут об этом.

Несомненно, с палубы корабля Цадкиэля наше солнце так же прекрасно, как и все остальные. Я продолжал смотреть на небо, зная, что никогда не найду того Северьяна, который не был сном Эаты, и наконец понял, что ищу корабль. Я не нашел и его, но звезды были так восхитительны, что я не пожалел затраченных усилий.

В коричневой книге (ее уже нет со мной), в книге, которая, без сомнения, уничтожена вместе со многими миллионами других в так называемой библиотеке мастера Ультана, имелась сказка о великом святилище, закрытом усыпанной алмазами занавесью, дабы люди не погибли, узрев лик Предвечного. По прошествии многих веков Урса один смельчак пробрался в тот храм, перебил охрану и сорвал занавесь ради алмазов, которыми она была расшита. Маленькая комнатка, обнаруженная им за занавесью, оказалась пуста — так по крайней мере говорится в сказке; но, выбравшись наружу, в ночь, он взглянул на небо, и пламя пожрало его. Как страшно, что мы

понимаем наши сказки только тогда, когда сами переживаем их!

Возможно, всему виной воспоминание об этой сказке. Быть может — просто мысль об утонувшей библиотеке, последним мастером которой, я уверен, стал Киби, наверняка погибший в ее стенах. Как бы то ни было, факт гибели Урса вдруг встал передо мной с небывалой прежде ясностью и вселил в меня ужас, который я не испытал даже при виде разрушенного домика с уцелевшей печной трубой, хотя и то зрелище наполнило меня диким страхом. Лесов, в которых я охотился, больше нет, ни одного дерева, ни одного сучка. Миллионы маленьких селений, взрастившие миллионы Мелито и пославшие их на север, вооружив искренностью и скромной отвагой, просторные пампы, откуда прискакала галопом Фойла со своим копьем и чистыми помыслами, — все пропало, не оставив после себя ни корешка, ни травинки.

Мертвый ребенок, убаюкиваемый волнами, казалось, поманил меня к себе. Увидев его, я понял, что есть лишь один способ искупить содеянное. Волна звала меня, звал мертвый ребенок, и, не переставая твердить себе, что у меня не хватит воли расстаться с жизнью, я почувствовал, как

планшир выскальзывает из моих рук.

Вода сомкнулась надо мной, но я не утонул. Я понял, что могу дышать этой водой, но не дышал. Освещенная Луной, которая сияла теперь, как изумруд, вода колыхалась вокруг меня, точно зеленая трава. Я медленно погружался в бездну, на вид прозрачнее, чем воздух.

Вдалеке маячили темные тени, твари в сотни раз больше человека. Одни казались кораблями, иные — тучами; одно являло собой живую голову без тела, у другого имелась тысяча голов. Вскоре они затерялись в зеленой дымке, и под собой я увидел равнину из ила и грязи, посреди которой возвышался дворец, больше нашей Обители Абсолюта, хоть и лежащий в развалинах.

Тогда я понял, что умер и что смерть для меня — не избавление. Еще через мгновение я понял так же, что сплю и что крик петуха, чьи ясные черные глаза уже не проткнут спицами колдуны, разбудит меня и я окажусь на одной постели с Балдандерсом. Доктор Талос поколотит его, и мы отправимся искать Агию и Иоленту. Я предался сну; но, по-моему, я почти прорвал Завесу Майи, великолепный круговорот образов, скрывающий конечную реальность.

Затем она вновь предстала невредимой, хотя

и колыхалась слегка на ледяном ветру, что дует из Реальности в Сон и уносит нас с собой точно листья. «Дворец», который напоминал Обитель Абсолюта, обернулся моим городом, Нессусом. Он и так был велик, но казался сейчас еще больше; многие участки Стены обрушились, как стена нашей Цитадели, сделав его поистине городом без конца и края. Обрушились и многие башни, кирпичные и каменные стены их раскрошились, как корки гнилых дынь. Теперь косяки макрели шныряли в том месте, где ежегодно в торжественной процессии следовали к собору кураторы.

Я рискнул пуститься вплавь и обнаружил, что и без того уже плыву, что мои руки и ноги совершают ритмические движения безо всякой моей воли. Я остановился, но не всплыл, как ожидал, на поверхность. Влекомый невидимым течением, я увидел под собой русло Гьолла, по-прежнему исчерченное линиями величавых мостов, но лишенное самой реки, чья вода была теперь повсюду. Ныне здесь хранилось все, что некогда пошло ко дну, сгнившее и поросшее зелеными вьющимися водорослями — потерпевшие крушение суда и поваленные колонны. Я сделал глубокий вздох, стараясь выпустить из легких последний воздух, дабы присоединиться к ним.

Воздух вырвался пузырями наружу, но холодная вода, занявшая его место, не принесла с собой холода смерти.

Все же я начал медленно погружаться, пока не встал там, где никогда и не думал оказаться, в грязи и отбросах на дне реки. Я словно стоял на палубе корабля Цадкиэля, ибо подошвы моих босых ног едва касались дна, не удерживая меня на месте. Течение влекло меня за собой, и я сам себе казался призраком, которого можно развеять одним дуновением, прошептав при этом слова экзорцизма.

Я пошел, вернее — наполовину поплыл, изображая ходьбу. Облако ила, поднимавшееся при каждом шаге, следовало за мной, словно живое существо. Остановившись и посмотрев наверх, я увидел зеленую Луну, бесформенное пятно над невидимыми волнами.

Когда я снова опустил взгляд, у моих ног, наполовину зарывшись в иле, лежал пожелтевший череп. Я поднял его; нижняя челюсть отсутствовала, но в остальном он был цел и невредим. Судя по размеру и хорошо сохранившимся зубам, череп принадлежал мальчику или юноше. Значит, кто-то другой утонул некогда в Гьолле, возможно, какой-нибудь подмастерье, и это случилось так

давно, что мне не довелось услышать его краткую печальную повесть, а быть может — всего лишь мальчишка из многоэтажных жилых домов, что теснились у грязной воды.

Впрочем, не исключено, что это череп какой-нибудь бедной женщины, задушенной и брошенной прямо в реку; женщины и дети, так же как и мужчины, тонули в Нессусе каждую ночь. Мне пришло в голову, что, когда Предвечный выбрал меня своим орудием уничтожения земли, только дети и звери умирали невинными.

И все же мне казалось, что череп принадлежал мальчику, и этот мальчик каким-то образом умер за меня, пал жертвой Гьолла, когда Гьолл обманом лишили по праву причитавшейся ему жертвы. Я поднес череп к глазам, вытряхнул из него ил и прихватил с собой.

Длинные каменные лестницы сходили глубоко в русло, являя немое свидетельство многоэтапного возведения набережных и неоднократного переноса площадок поближе к воде. Я поднялся по ним на самый верх, хотя с таким же успехом мог бы проделать этот путь вплавь.

Многоэтажные дома обрушились все до единого. Я увидел множество рыбешек — должно быть, несколько тысяч, — копошившихся в развали-

нах; при моем приближении они разлетелись искрами серебристого огня, открыв побелевший полуобъеденный труп. После этого я старался не распугивать их стайки.

Разумеется, город, чьи размеры некогда вызывали восхищение всего мира, теперь был усеян такими мертвецами. А что же я? Не очередной ли я труп, несомый течением? Руки мои на ощупь были холодны, и груз воды отягощал мои легкие; самому себе я казался блуждающим во сне. Но я еще двигался или мне казалось, что двигался, вопреки течениям, и мои холодные глаза оставались зрячими.

Запертые проржавевшие ворота некрополя встали передо мной, и клочья спутанных бурых водорослей, облепивших острые пики прутьев, извивались, точно горные тропы — неизменный символ моего давнишнего изгнания. Я устремился вверх, сделав несколько гребков руками и невольно помахав перед собой черепом. Внезапно устыдившись, я выпустил его; но он, казалось, не желал отставать, следуя движению моей руки.

Перед тем как погрузиться на судно иеродулов, которое должно было доставить меня на корабль Цадкиэля, мне пришлось пребывать в подвешенном состоянии в окружении вращающихся и

поющих черепов. Сейчас передо мной разворачивалась действительность, предрекавшаяся той церемонией. Я знал, я понимал это и был уверен в своем познании: Новое Солнце должно сделать то, что делал сейчас я, — пройти невесомым через свой затонувший мир в окружении его мертвецов. Утрата древних континентов была ценой, которую заплатил Урс; это путешествие — цена, которую вынужден заплатить я, и миг расплаты настал.

Череп плавно опустился на илистое дно, на землю, в которую поколение за поколением ложились бедняки Нессуса. Я снова поднял его. С какими словами обратился ко мне начальник караула в сторожевой башне?

«Экзультант Таларикан, чье безумие выражается в нездоровом интересе к ничтожнейшим из аспектов человеческой жизни, утверждает, будто два гросса тысяч человек питается единственно мусором, остающимся от прочих… Если бы даже мне было позволено делать вдох лишь тогда, когда какой-нибудь нищий сигает с моста в реку, я жил бы вечно — город порождает и убивает людей много чаще, чем человек делает вдох».

Они больше не сигают с моста, ведь сама вода набросилась на них. По крайней мере их страда-

ния окончились, а некоторые из них, быть может, и уцелели.

Когда я добрался до мавзолея, в котором играл в детстве, я обнаружил его разбухшую дверь закрытой — сила моря, ворвавшегося в некрополь, завершила движение, начатое, вероятно, столетие назад. Я оставил череп на пороге и устремился на поверхность, которая уже переливалась золотым солнечным светом.

48. ЗЕМЛИ СТАРЫЕ И НОВЫЕ

Лодки Эаты нигде не было видно. Может показаться нелепым, если я, как мне и следует, напишу, что плыл целый день и большую часть следующей ночи, но все было именно так. Вода, которую все называли соленой, вовсе не казалась соленой мне; я пил ее, когда хотелось пить, и она освежала меня. Я почти не испытывал усталости; когда же все-таки уставал, то отдыхал, лежа на волнах.

Я и так уже снял с себя почти всю одежду, кроме штанов, а теперь избавился и от них. По старой, никогда не подводившей меня привычке я, прежде чем расстаться с ними, проверил карманы; в них оказались три медные монетки — подарок Имара. Надписи и лица на монетах стерлись, к тому же они заметно потемнели — в общем, выглядели такими древними, какими и были на самом деле. Я позволил им проскользнуть у меня меж пальцев вместе со всем Урсом.

Дважды я видел больших рыб, которые, вероятно, таили в себе опасность; но они ни разу не угрожали мне. Водяных женщин, из которых

Идас, наверное, была самой маленькой, я не встречал. Не видел я и Абайи, их повелителя. Ни Эребуса, ни каких-либо иных чудовищ.

Явилась ночь, ведя за собой бесчисленный караван звезд, и я, лежа на спине, не отрывал от них пристального взгляда, а теплые ладони Океана покачивали меня. Сколько же богатых миров пролетело тогда надо мной! Однажды, бежав от Абдиеса и устроившись на ночь у скалы, я смотрел на эти же звезды и пытался представить себе их спутники и как на них могут жить люди, возводя города, которые меньше наших знают о зле. Теперь я понял, как наивны подобные мечты, ибо повидал иной мир и нашел его еще более странным, чем все, что я мог себе вообразить. Не распространялось мое воображение ни на причудливый экипаж, который я встретил на корабле Цадкиэля, ни на рыскунов; и все же все они, как и я, были родом из Брии; и Цадкиэль не погнушался взять их к себе на службу.

Я отгонял эти грезы, но они являлись помимо моей воли. Рядом с некоторыми звездами, которые сами казались лишь еле тлеющими угольками, несущимися в ночи, я вроде бы различал звездочки еще меньшие; и пока я глядел на них, передо мной проходили вереницы смутных

воспоминаний, прекрасных и мучительных. Потом, тучи закрыли звезды, и я заснул.

С наступлением утра я увидел, как ночь Ушас спадает с лика Нового Солнца. Ни в одном мире Брии не нашлось бы зрелища более изумительного, и даже на Йесоде я не видел такой дивной красоты. Юный царь, сверкающий златом неведомых рудников, шагал по волнам; и столь пригож был его образ, что, раз увидев его, уже не станешь смотреть ни на кого другого.

Волны танцевали для него и взметали десятки тысяч брызг к его стопам, и каждую он превращал в бриллиант. Набежала большая волна — ибо набирал силу ветер, — и я взмыл на ней, как ласточка взмывает в потоке весеннего воздуха. На вершине волны я задержался чуть меньше вздоха, но с этого пика я заглянул ему в лицо и не ослеп, а признал в нем свое. С тех пор такого уже не случалось со мной и, возможно, не случится никогда. Между нами, на расстоянии пяти с лишним лиг от меня, из моря поднялась ундина и приветственно вскинула ему навстречу руку.

Потом волна спала, и я опустился вместе с ней. Если бы я подождал, думаю, подоспела бы вторая волна и вознесла бы меня еще раз; но многому — а тому мгновению особенно — не дано повторить-

ся. Поэтому, дабы впечатления низшего порядка не затмили предыдущее, я нырнул в насыщенную солнцем воду, погружаясь все глубже, в надежде испытать способности, открытые мною лишь прошлой ночью.

Они остались при мне, хотя и полусонное состояние, и желание покончить с жизнью покинули меня. Мир мой теперь полнился самой нежной, чистейшей голубизной, был выстлан охрой и снабжен золотым балдахином. Мы с солнцем плавали в пространстве и свысока улыбались своим сферам.

Проплыв некоторое время — не могу сказать, сколько вздохов, ибо я вовсе не дышал, — я вспомнил про ундину и вознамерился отыскать ее. Я еще не избавился от страха, но понял наконец, что таких, как она, не всегда следует бояться; и хотя Абайя строил злые умыслы против прихода Нового Солнца, век, когда моя смерть могла повлиять на ход событий, миновал. Я погружался все глубже и глубже, поскольку вскоре сообразил, что снизу гораздо легче разглядеть любой объект, передвигающийся на светлом фоне морской поверхности.

Потом все мысли об ундине улетучились. Подо мной раскинулся иной, незнакомый мне город,

тот, что никогда не был Нессусом. Башни его растянулись на дне Океана, и лишь подножия некоторых из них еще стояли вертикально; давние останки кораблекрушений лежали среди башен, древних уже тогда, когда остовы погибших кораблей еще были славными новыми судами, спускавшимися на воду под радостные крики, с разноцветными вымпелами на снастях и танцующей командой на баке.

Рыская среди павших твердынь, я находил сокровища — великолепные самоцветы и блестящие металлы, — столь благородные, что они выдержали испытание вечностью. Но я не нашел того, что искал, — названия города и имени забытого народа, который возвел его, а после отдал Океану, как отдали мы Океану город Нессус. Черепками и ракушками я скоблил притолоки и пьедесталы; много слов было начертано там, но я не мог разобрать ни одной буквы.

Несколько страж я плавал и обшаривал эти руины, не поднимая глаз; наконец огромная тень пала на засыпанную песком улицу подо мной, и, взглянув наверх, я увидел ундину, чьи волосы извивались, точно щупальца кракена, а тело казалось днищем корабля; она промелькнула надо мной и исчезла в ослепительном сиянии

солнечного пламени.

Тотчас я позабыл о руинах. Выбравшись снова на воздух, я, словно ломантин, выдул из легких воду и пар и тряхнул головой, чтобы убрать волосы с глаз. Ибо, вынырнув, я заметил берег — низкий бурый берег, от которого меня отделяла полоса воды меньше, чем та, что когда-то пролегала меж Ботаническими Садами и берегом Гьолла.

Прошло едва ли больше времени, чем потребовалось мне, чтобы обмакнуть в чернила перо, как под моими ногами уже была твердая земля. Я выбрался из моря, сохранив к нему любовь, как прежде упал со звезд, продолжая любить их; и в самом деле, во всей Брии нет места, которое не заслуживало бы любви, когда оно уже не таит в себе угрозы для жизни, если только человек не приложил к этому руку. Но эту землю я любил более всего, ибо ей я был обязан своим рождением.

Но до чего страшная это была земля! Ни травинки не росло на ней. Песок, несколько камней, множество ракушек и густой черный слой ила, который спекся и потрескался на солнце, покрывали ее. В памяти снова всплыли строки пьесы доктора Талоса, чтобы мучить меня:

«Его земли износились, подобно дряхлой женщине, давно утратившей красоту и плодовитость.

Грядет Новое Солнце, и когда оно взойдет, земли старого мира поглотит море, как уходят на дно потерпевшие крушение суда. Но из моря поднимутся новые земли — полные золота, серебра, меди и железа. Земли, сияющие алмазами, рубинами, бирюзой, которые накопило море за неисчислимые миллионы столетий».

Я, кичившийся тем, что помню абсолютно все, забыл, что эти слова произносили демоны.

Тысячу раз я испытывал искушение и даже больше чем искушение вернуться в Океан; вместо этого я устало потащился на север вдоль берега, который, казалось, тянулся бесконечно, не меняясь, на север и на юг. Штормовые волны выбрасывали на песок бревна строевого леса и вывороченные с корнем деревья, похожие на пугала; среди них порой попадались обрывки тряпья и обломки мебели. Я наткнулся на сломанную ветку, такую свежую, что листья на ней еще не пожухли; словно она и не ведала, что весь ее мир остался в прошлом. «Унеси меня в опавшую пущу!..» Так пела мне Доркас, когда мы остановились лагерем возле брода, и эти слова она написала на покрытом тонким слоем серебра стекле в нашем покое в Винкуле Тракса. Как всегда, Доркас оказалась мудрее, чем мы думали.

Постепенно линия берега прогнулась, образовав обширную бухту, такую огромную, что внутренняя его кромка терялась вдали. За лигой искрящегося водного пространства я видел противоположный берег бухты. Я мог бы легко переплыть на ту сторону, но мне не хотелось окунаться в воду.

Новое Солнце уже почти скрылось за поднимающимся плечом мира, и хотя об отдыхе в колыбели из волн у меня сохранились самые приятные воспоминания, я не спешил повторить свой опыт, как не испытывал желания и заснуть мокрым на берегу. Я решил устроиться на месте, по возможности развести костер и поесть, если удастся найти еду; впервые за минувший день мне пришло в голову, что я ничего не ел с той самой скудной трапезы, которую мы разделили в лодке.

Топлива здесь хватило бы на целую армию, но сколько я ни искал среди него бочонков с водой или ящиков с провиантом, о которых говорил Эата, они мне не попадались; через две стражи единственной находкой, которой я мог похвастаться, была полупустая закупоренная бутылка терпкого красного вина — прощальный привет из какой-нибудь дешевой таверны, наподобие

той, где умер дядя Макселлиндис. Ударяя камнем о камень и выбрасывая те, от которых было мало толку, я в конце концов высек слабую искру; но тщетно я пытался подпалить собранный мной сырой материал. Когда Новое Солнце скрылось и огни звезд принялись молча потешаться над моими бесплодными усилиями, я сдался и лег спать, слегка согретый вином.

Я не думал, что снова увижу Афету. Но я ошибался, ибо мне довелось увидеть ее в ту ночь: она глядела на меня с неба, сверху вниз, как тогда, когда мы с Бургундофарой покидали Йесод. Я моргнул и открыл глаза шире, но вскоре различил лишь зеленый диск Луны.

Мне казалось, что я не сплю, но рядом со мной сидела Валерия, оплакивая затонувший Урс; ее сладкие теплые слезы падали на мое лицо. Я проснулся и обнаружил, что мне тепло и мокро — Луна скрылась за тучами, которые пролились легким дождем. Неподалеку от берега бесхозная дверь обещала мне мало-мальское укрытие. Я заполз под нее, заслонил лицо рукой и заснул снова, мечтая никогда не просыпаться.

В который раз зеленый свет залил берег. На фоне Луны, все увеличиваясь в размерах, порхало точно мотылек то крылатое чудовище, которое

вытащило меня из обломков флайера Старого Автарха; впервые я понял, что вместо крыльев оно имело ночниц. Оно неуклюже приземлилось на растрескавшийся ил среди белых волков.

Не помню, как я очутился на его спине, а потом соскользнул вниз. Залитые лунным светом волны сомкнулись вокруг меня, и я увидел под собой Цитадель. Я ошибался, полагая, что башни обрушились: они стояли невредимы, и между ними плавали рыбы, большие, как корабли; если бы не вода и не гирлянды водорослей, все выглядело бы в точности, как прежде. Я похолодел, решив на мгновение, что мне суждено напороться на их острые шпили. Большое орудие, мишенью которого я стал, когда меня доставили к префекту Приске, выпалило снова, и его снаряд прорезал Океан с ревом парового котла.

Снаряд достиг цели, но умер не я — исчезла затонувшая Цитадель, растаяла как сон, которым она и была, и я увидел, что, миновав пролом в стене, вплываю в настоящую Цитадель. Верхушки ее башен поднимались над волнами; и среди них, по шею в воде, сидела Ютурна и ела рыбу.

— Ты выжила! — окликнул я ее и почувствовал, что это тоже всего лишь сон.

Она кивнула.

— А ты — нет.

Я совсем ослаб от голода и страха, но все же спросил:

— Так, значит, я умер? И попал в страну мертвых?

Она покачала головой:

— Ты жив. — Я сплю.

— Нет. Ты… — Она помолчала, пережевывая, на огромном лице не отражалось ничего. Когда она вновь заговорила, рыбки — не те огромные рыбины из моего сна, а серебристые существа не больше окуня, стали выпрыгивать из воды у ее подбородка, хватая на лету кусочки, падавшие с ее губ. — Ты свел счеты с жизнью или же пытался сделать это. В какой-то мере тебе это удалось.

— Я сплю и вижу сон.

— Нет. Ты уже не спишь. Так ты умер бы, если бы мог.

— Все потому, что я не мог видеть мучений Теклы, да? Теперь я наблюдал за гибелью Урса и сам был его убийцей.

— Кем ты был, — спросила она меня, — когда стоял перед Престолом Правосудия иерограммата?

— Человеком, который еще не уничтожил все, что любил.

— Ты был Урсом, и поэтому Урс жив.

— Это Ушас! — крикнул я.

— Пусть так. Но Урс живет в Ушас и в тебе.

— Мне надо подумать, — сказал я. — Пойти куда-нибудь и подумать. — Я не собирался ни о чем просить, но в собственном голосе услышал неприкрытую мольбу.

— Так ступай.

Я в отчаянии поглядел на полузатопленную Цитадель.

Ютурна махнула рукой, как деревенская баба, указывающая дорогу заплутавшему путнику, обозначив направления, которых я прежде не замечал.

— Туда — будущее, туда — прошлое. Это граница мира, и за ней — другие миры твоего солнца и миры других солнц. Вот ручей, берущий свое начало в Йесоде и впадающий в Брию.

Мою нерешительность как рукой сняло.

49. АПУ-ПУНХАУ

Воды были уже не по-ночному черными, а приобрели темно-зеленый оттенок; казалось, я различаю в них бессчетные пряди трав, стоящие вертикально и колеблющиеся под напором течения. Голод постоянно возвращал меня к мысли о рыбе Ютурны; но на моих глазах Океан убывал, становился все прозрачнее и светлее, каждая его мельчайшая капелька отделялась от соседних, пока то, что лежало передо мной, не обернулось обыкновенным туманом.

Я сделал вдох и набрал в легкие не воду, а воздух. Я шагнул и ступил на твердую почву.

То, что прежде было морем, превратилось в пампу, поросшую высокой, по пояс, травой — море травы, чьи берега терялись в белой клубящейся дымке, словно там, бесшумно и неистово, танцевало мрачное сборище призраков. Ласки тумана не напугали меня, хоть они и были влажными и липкими, словно объятия привидения из полуночной сказки. Надеясь найти еду и согреться, я двинулся вперед.

Говорят, путник, блуждающий в темноте, и

особенно тот, кто блуждает в тумане, начинает описывать круги на ровном месте. Возможно, со мной случилось то же самое, хотя я все же так не думаю. Слабый ветер волновал туман, и я старался, чтобы он все время дул мне в спину.

Когда-то я, возомнив себя неудачником и упиваясь своим несчастьем, шагал с улыбкой на устах вдоль Бечевника. Теперь я знал, что тогда началось путешествие, которое, в конечном счете, возвело меня в ранг палача Урса; и хотя задача моя была выполнена, мне казалось, что я никогда уже не буду счастлив — впрочем, возможно, спустя всего стражу или две я почувствовал бы себя вполне счастливым, если бы только ко мне вернулся мой теплый плащ подмастерья.

Наконец Старое Солнце Урса взошло за моей спиной и, увенчанное золотом, поднялось во всем своем великолепии. Призраки бежали перед ним; я увидел просторную пампу, бесконечный шепчущийся зеленый Океан, по которому прокатывались тысячи волн. Бесконечный — это значит, что вплоть до надменной цепи высоких гор на востоке человеческая нога еще не ступала здесь.

Я шел на запад, на ходу осознавая, что я, побывав Новым Солнцем, сам скрылся бы за гори-

зонтом, если бы только мог. Возможно, тот, кто был Старым Солнцем, испытывал те же чувства. Ведь было же Старое Солнце в «Эсхатологии и генезисе» доктора Талоса, и хотя мы ни разу не доиграли наше представление до конца, доктор Талос, который сам стал странником в западных землях, собирался однажды сыграть эту роль.

По пампе разгуливали длинноногие птицы, но они убегали всякий раз, когда я подходил слишком близко. Однажды, сразу после рассвета, я увидел пятнистую кошку; но она была сыта и ускользнула прочь. На ясном голубом небе черными крапинками кружили кондоры и орлы. Голод мучил меня не меньше, чем их; и время от времени мне чудился немыслимый для этих мест запах жареной рыбы, навеянный, без сомнения, воспоминанием о захудалой гостинице, в которой я впервые встретился с Балдандерсом и доктором Талосом.

Клиент в камере может продержаться без воды дня три или даже больше, так учил нас мастер Палаэмон; но у того, кому приходится тащиться под солнечными лучами, времени гораздо меньше. Наверное, я умер бы еще до заката, если бы не нашел его, когда моя тень уже тянулась за мной длинным шлейфом. Это был узенький ручеек,

едва ли шире, чем предстал перед моим взором ручей за пределами Брии, и он так глубоко зарылся в пампу, что я не замечал его, пока едва не скатился в русло.

Ловко, как обезьяна, я спустился по каменистому склону и утолил жажду нагретой солнцем водой, мутной и с привкусом ила для того, кто пил чистую морскую воду. Если бы ты, читатель, вдруг оказался рядом и предложил бы мне продолжить путь вместе, я, наверное, лишил бы тебя жизни. Я тяжело опустился среди камней, не в силах ступить ни шагу больше, и заснул прежде, чем успел закрыть глаза.

Но, должно быть, ненадолго. Неподалеку фыркнула большая кошка, и я проснулся, трясясь от страха, более древнего, чем первое человеческое жилище. В детстве, когда я спал с другими учениками в Башне Сообразности, до нас часто доносилось такое фырканье из Медвежьей Башни, и оно ничуть не пугало меня. Все дело, по-моему, в стенах или же в их отсутствии. Тогда я понимал, что одни стены защищают меня, а другие — держат в заточении смилодонов и атроксов. Теперь я знал, что никаких стен нет, и при свете звезд насобирал в кучу камней. Я твердил себе, что камни нужны мне в качестве метательных

снарядов, но на самом деле (и сейчас мне это ясно) я неосознанно готовил материал для стены.

До чего же странная штука! Плавая на глубине и ступая по морскому дну, я мнил себя чуть ли не богом и уж по крайней мере существом, стоящим выше человека; теперь же я казался себе тварью низшего порядка. Однако, поразмыслив, я решил, что это вовсе не так уж странно. Здесь, вероятно, я очутился во времени гораздо более раннем, чем то, в котором Зак вершил свои дела на борту корабля Цадкиэля. Здесь Старое Солнце еще не потускнело, и даже те факторы, которые отбрасывали тени такие же длинные, как та, что волочилась за мной, когда я подошел к оврагу, могли не оказывать на меня влияния.

Наконец наступил рассвет. От солнца предыдущего дня кожа моя во многих местах обгорела; я остался в овраге, где временами попадалось немного тени, и, двигаясь по руслу ручья, набрел на тушу пекари, убитого на водопое. Я оторвал от нее кусок мяса, прожевал и запил мутной водой.

Около полудня вдали показалась первая пампа. Овраг был глубиной элей в семь, но аборигены соорудили серию маленьких дамб, словно ступени лестницы, завалив речушку камнями. Колесо, увешанное кожаными бурдюками, жадно

черпало воду, вращаемое двумя низкорослыми бурокожими людьми, которые крякали от удовольствия каждый раз, когда бурдюк опорожнялся в глиняный желоб.

Они окликнули меня на языке, которого я не знал, но не пытались остановить. Я помахал им рукой и продолжил путь, удивившись, что они орошают свои поля, хотя прошлой ночью среди созвездий на небе были отчетливо видны кроталы — зимние звезды, несущие звон заледеневших ветвей.

Я миновал десятка два таких колес, прежде чем вышел к городу, где от воды поднималась каменная лестница. По лестнице спускались женщины, чтобы простирнуть белье и наполнить водой кувшины; внизу они остановились поболтать. Женщины уставились на меня; я протянул к ним руки, тем самым демонстрируя, что не вооружен, хотя моя нагота говорила об этом достаточно красноречиво.

Но до чего страшная это была земля! Ни травинки не росло на ней. Песок, несколько камней, множество ракушек и густой черный слой ила, который спекся и потрескался на солнце, покрывали ее. В памяти снова всплыли строки пьесы доктора Талоса, чтобы мучить меня.

Они затараторили между собой на каком-то певучем наречии. Я поднес руку ко рту, показывая, что голоден, и худощавая женщина, чуть выше остальных, кинула мне полоску старой грубой ткани, чтобы я повязал ее вокруг бедер, — женщины, в сущности, повсюду одинаковы.

Как и у тех мужчин, что я видел прежде, у этих женщин были маленькие глазки, тонкие губы и широкие плоские скулы. Лишь спустя месяц или даже больше я понял, чем они так отличались от автохтонов, которых я видел на Сальтусской Ярмарке, на рынке в Траксе и в других местах: эти люди имели гордость и были гораздо менее склонны к насилию.

У лестницы овраг расширялся и не давал тени. Когда я понял, что никто из женщин не собирается покормить меня, я поднялся по ступеням и сел на землю в тени одного из каменных домов. Здесь меня так и подмывает поведать о разного рода мыслях, которые на самом деле посетили меня позже, когда я уже пожил в этом каменном городе. По правде говоря, в тот момент я ни о чем не думал. Я слишком устал и проголодался, к тому же был не вполне здоров. Просто-напросто я испытывал облегчение оттого, что выбрался из-под палящих солнечных лучей и могу больше

не двигаться.

Потом рослая женщина вынесла мне лепешку и кувшин воды, поставив их в трех кубитах от моей протянутой руки, и спешно удалилась. Я съел лепешку, выпил воду и до утра проспал прямо в уличной пыли.

На следующее утро я прошелся по городу. Дома его были сложены из речного камня, скрепленного грязевым раствором. Крыши из тонких бревен, покрытых толстым слоем грязи вперемешку с соломой, маисовыми стеблями и обертками початков, были почти плоскими. У одной двери какая-то женщина дала мне полусгоревшую, обвалянную в муке лепешку. Мужчины, которых я встречал, не обращали на меня внимания. Позже, узнав этот народ получше, я понял, что они поступали так из-за необходимости объяснять все увиденное ими; не имея ни малейшего понятия, кто я и откуда взялся, они просто притворялись, что не видят меня.

В тот вечер я пришел и сел на прежнее место, но когда явилась рослая женщина, на этот раз оставив лепешку и кувшин воды чуть ближе, я взял их и последовал за ней в ее дом, один из самых старых и маленьких. Она испугалась, когда я отдернул рваную циновку, служившую

ей дверью, но я устроился есть и пить в углу и всячески стремился показать, что не сделаю ей ничего плохого. В ту ночь у ее очага мне было гораздо теплее, чем на улице.

Починку дома я начал с того, что разобрал и заново сложил те участки стен, которые вот-вот готовы были обвалиться. Женщина одно время наблюдала за моей работой, потом ушла в город. Она не возвращалась до вечера.

На следующий день я отправился следом и увидел, что она вошла в большой дом, где принялась молоть маис, стирать одежду и подметать пол. К тому времени я уже выучил названия самых простых вещей и помогал ей всякий раз, когда мне удавалось понять смысл работы.

Этот дом принадлежал шаману. Он служил божеству, чья устрашающая статуя была установлена на востоке, сразу за городской чертой. Поработав на семью шамана несколько дней, я узнал, что основной акт богослужения совершался каждое утро перед моим приходом. Тогда я стал подниматься пораньше и приносил хворост к алтарю, где он сжигал муку и масло, а на пиру в день летнего солнцестояния перерезал глотку коипу под топот танцоров и грохот маленьких барабанчиков. Так я жил среди этих людей, ста-

раясь по мере сил подражать их обычаям.

Древесина здесь была в цене. Деревья не росли в пампе, они ютились лишь по краям людских полей. Очаг рослой женщины, как и все остальные, топился стеблями, кочерыжками и обертками маисовых початков пополам с высушенным на солнце навозом. Порою стебли маиса подбрасывались даже в огонь, который каждый день с песнями и заклинаниями разжигал шаман, ловя лучи Старого Солнца в свою священную чашу.

Я перестроил стены дома рослой женщины, но, похоже, мало что мог сделать с крышей. Бревна были тонкими и старыми, некоторые из них дали опасные трещины. Одно время я думал поставить вместо подпорки каменный столб, но с ним дом стал бы слишком тесным.

Поразмыслив, я разломал всю провисающую конструкцию и заменил ее перекрестными сводами, как те, что я видел в пастушеской хижине, где оставил некогда накидку Пелерин, — сводами из речных камней свободной кладки, сходящимися к центру дома. Запасные камни, утоптанную землю и бревна со старой крыши я использовал при сооружении своеобразных подмостков, необходимых в процессе строительства каждой арки, и укрепил стены, чтобы они выдержали

распирающую силу, для чего натаскал с реки еще камней. Пока шло строительство, нам с женщиной приходилось спать под открытым небом, но она согласилась на это без единой жалобы; зато когда все было готово и я, как прежде, покрыл похожую на улей крышу землей и плетеными циновками, она получила новый дом, высокий и прочный.

В самом начале, когда я ломал старую крышу, никто не обращал на меня особого внимания; но вот первый этап был завершен, я приступил к возведению сводов, и люди стали приходить с полей поглазеть на работу, а иные даже помогали мне. Когда же я разбирал последние подмостки, явился сам шаман, приведший с собой старейшину города.

Они бродили вокруг дома, пока не стало ясно, что подпорки уже не держат крышу, и только тогда внесли внутрь факелы. Наконец, когда моя работа подошла к концу, они усадили меня и стали забрасывать вопросами, активно жестикулируя, поскольку я еще очень плохо знал их язык.

Я как мог объяснил им все, для наглядности сложив на полу маленький макет из плоской гальки. Тогда они перешли к расспросам обо мне: откуда

я явился и зачем поселился среди них. Я так давно не разговаривал ни с кем, кроме рослой женщины, что разом выложил им большую часть своей истории, запинаясь и чудом подбирая нужные слова. Я не ожидал, что мне поверят; достаточно было того, что меня хоть кто-то выслушал.

Выбравшись наконец на улицу, чтобы указать на солнце, я обнаружил, что, пока я распинался и царапал на грязном полу свои грубые чертежи, наступил вечер. Рослая женщина сидела у двери, и ее черные волосы трепал свежий, прохладный ветер пампы. Шаман и старейшина тоже вышли, и при свете их чадящих факелов я увидел, что она не на шутку напугана.

Я спросил, в чем дело, но не успела она открыть рот, как шаман завел длинную речь, из которой я понимал хорошо если каждое десятое слово. Когда он закончил, эстафету принял старейшина. Привлеченные их речами, вокруг собрались жители соседних домов. Одни держали охотничьи копья — ибо это был не воинственный народ, другие — тесла и ножи. Я повернулся к женщине и спросил, что происходит.

Она злобно зашипела в ответ, объяснив, что, по словам шамана и старейшины, я имел наглость утверждать, будто привожу с собой день и гуляю

по небу. Теперь нас продержат здесь до тех пор, пока день не явится без моей помощи; когда же это случится, мы умрем. Она заплакала. Должно быть, слезы катились по ее впалым щекам; если так, то я не заметил их в мерцающем свете факелов. Удивительно, но я вообще не видел никого из этого народа плачущим, даже маленьких детей. Ее сухие частые всхлипы тронули меня больше, чем все слезы, которые я повидал в своей жизни.

Мы долго ждали возле ее дома. Появились новые факелы; топливо и горячие угли, принесенные из соседних домов, дали нам немного света. Однако ноги мои закоченели от холода, идущего от земли.

Единственная наша надежда заключалась в том, чтобы потянуть время и помотать нервы этим людям. Но, оглядев их лица, которые вполне могли сойти за деревянные маски, обмазанные бледно-коричневой глиной, я понял, что их терпение не истощится и за целый год, не говоря уж о короткой летней ночи.

Если бы я только мог свободнее изъясняться на их языке, я попытался бы заронить в них страх или хотя бы втолковать, что я хотел сказать на самом деле. Слова — увы, слова не их языка, а моего — отдавались эхом в моем сознании, давая

мне невольную пищу для размышлений. А знал ли я сам, что означают эти слова? Эти или какие угодно другие? Разумеется, нет.

В отчаянии, движимый тем самым неутолимым стремлением к чистому самовыражению, что заставило меня писать и переписывать повесть, которую я отдал в переплет и схоронил в библиотеке мастера Ультана, а после вышвырнул в пустоту, я принялся жестикулировать, снова пересказывать свою историю, но на этот раз — без помощи слов. Мои руки баюкали младенца, которым был я сам, и тщетно боролись с течением Гьолла, пока ундина не спасла меня. Никто не порывался остановить меня, и вскоре я встал, дабы воспользоваться не только руками, но и ногами, изображая, как я иду пустыми гулкими коридорами Обители Абсолюта и пускаю в галоп боевого коня, который пал подо мной в Третьей Битве при Орифии.

Казалось, я слышу музыку; и спустя некоторое время я действительно услышал ее, потому что многие из тех, кого привлекли сюда речи старейшины и шамана, принялись напевать с закрытым ртом, отбивая по земле торжественный ритм древками копий с каменными наконечниками и роговыми ручками тесел; кто-то заиграл

на свирели. Пронзительные ноты роились вокруг меня словно пчелы.

Наконец я заметил, как некоторые посматривают на небо и толкают друг друга локтями. Думая, что они завидели первые бледные лучи утренней зари, я тоже посмотрел туда, но увидел лишь Крест и Единорога — летние созвездия. Тогда шаман и старейшина распростерлись передо мной на земле. В тот же миг, по невероятно удачному совпадению, Урс обернулся к солнцу. Тень моя пала на них.

50. ТЬМА В ОБИТЕЛИ ДНЯ

Мы с рослой женщиной переселились в дом шамана и заняли в нем лучшую комнату. Работать мне больше не позволяли. Ко мне приносили для лечения раненых и больных; некоторых я исцелял, как исцелил Деклана или благодаря способности членов нашей гильдии продлевать жизнь клиентам. Другие умирали у меня на руках. Наверное, я мог бы и воскрешать мертвых, как вернул к жизни бедного Заму, но я никогда не пробовал это делать.

Дважды на нас нападали кочевники. В первом же бою пал старейшина. Я возглавил его воинов, и мы отогнали кочевников прочь. Был выбран новый старейшина, но он, похоже, рассматривал себя — и так считали все остальные — в качестве моего подданного. Во втором бою именно я повел основные силы, а он ударил кочевникам с тыла во главе небольшого отряда отборных лучников. Вместе мы согнали их в кучу и перебили как овец, и больше нас никто не тревожил.

Вскоре люди приступили к постройке нового здания, гораздо более внушительного, чем все

то, что они строили прежде. Его толстые стены и прочные своды производили впечатление, но я все же боялся, что они не выдержат веса крыши из земли и соломы; тогда я научил женщин обжигать глиняную черепицу на примере обжига горшков и показал, как класть ею кровлю. Когда работа подошла к концу, я узнал крышу, на которой погибнет Иолента, и понял, что сам буду похоронен под ней.

Звучит неправдоподобно, но вплоть до этого времени я редко задумывался об ундине и об указанных ею направлениях, предпочитая мысленно навещать Урс Старого Солнца в пору моего детства или же в период моей автархии. Теперь я прочесывал более свежие воспоминания, ибо, как я ни боялся их, я понял, что смерть страшит меня еще больше.

Сидя на скалистом уступе, выдававшемся из склона Горы Тифон, и глядя на приближавшихся ко мне солдат Тифона, я видел луг за пределом Брии так же ясно, как видел теперь наши маисовые поля. Но тогда я был Новым Солнцем и мог привлечь к себе все силы моей звезды, пусть даже очень далекой. Теперь я не имел ничего общего с Новым Солнцем, а правление Старого Солнца было в самом разгаре. Пару раз, когда я

балансировал на грани сна, мне казалось, что в одном из углов нашей комнаты сходятся Коридоры Времени. Но стоило мне пуститься в бега, как я немедленно просыпался и обнаруживал вокруг лишь каменные стены да бревна крыши над головой.

Однажды я снова спустился в овраг и прошел в обратном, восточном направлении весь проделанный мною путь. Наконец я наткнулся на жалкое каменное заграждение, которое я соорудил, услышав фырканье дикой кошки, и пошел было дальше, но в тот же день вернулся в каменный город.

В конце концов, когда я уже потерял счет годам, мне пришло в голову, что если я не могу заново открыть вход в Коридоры Времени — а я определенно не мог, — то мне следует найти Ютурну; а чтобы найти ее, я должен сперва отыскать море.

На рассвете следующего дня я завернул в тряпицу несколько лепешек и немного сушеного мяса и, оставив каменный город, двинулся на запад. Ноги слушались меня все хуже; и когда после семи или восьми страж непрерывной ходьбы я упал и вывихнул колено, мне показалось, что я снова стал тем Северьяном, который взошел на борт корабля Цадкиэля. Как и он, я не повернул

назад, а упрямо держался выбранного направления. Я давно привык к жару Старого Солнца, да и год уже был на исходе.

Новоизбранный старейшина во главе отряда горожан нагнал меня, когда Урс уже смотрел на Старое Солнце слева. Они хватали меня за руки и чуть ли не силой пытались заставить вернуться; я отказался, сказав им, что иду к Океану и, надеюсь, не вернусь никогда.

Я сел, но ничего не увидел. На миг я почти уверился, что ослеп.

В голубом сиянии появился Оссипаго со словами:

— Мы здесь, Северьян.

Зная, что он — механизм, слуга и в то же время господин Барбатуса и Фамулимус, я ответил:

— Со светом… бог из машины. Что-то в этом роде говорил мастер Мальрубиус при своем появлении.

Во тьме раздался приятный баритон Барбатуса:

— Ты в сознании. Что ты помнишь?

— Все, — ответил я. — Я никогда ничего не забываю.

В воздухе витал запах разложения, зловоние гниющей плоти.

— За это тебя и избрали, Северьян, — пропела Фамулимус. — Тебя и только тебя из многих правителей. Тебе одному суждено спасти свой род из Леты.

— А затем отказаться от него, — произнес я.

Никто мне не ответил.

— Я думал об этом, — сказал я им. — И вернулся бы раньше, если бы знал как.

Голос Оссипаго был таким низким, что я скорее ощущал, чем слышал его.

— Ты понимаешь, почему не мог вернуться?

Я кивнул, чувствуя себя довольно глупо:

— Потому что для возвращения во времени я пользовался силами Нового Солнца, пока само Новое Солнце не перестало существовать. Когда-то я верил, что вы трое — боги, а иерархи — боги высшего порядка. Так автохтоны принимали меня за бога и боялись, что я брошусь в западное море, оставив их в вечной зимней ночи. Но нет Бога, кроме Предвечного, который зажигает и гасит действительность. Все мы, остальные, даже Цадкиэль, можем только обладать созданными им силами. — Мне никогда не удавалось проводить удачные аналогии, и следующую я отыскал с большим трудом: — Я был похож на армию, которая при отступлении далеко оторвалась от

собственного лагеря. — Следующие слова родились сами собой. — На побежденную армию.

— На войне ни одна армия не побеждена, Северьян, пока горнист не протрубит капитуляцию. До тех пор, даже уничтоженная, она не побеждена.

— И кто посмеет утверждать, что это не к лучшему? — заметил Барбатус. — Все мы — лишь инструменты в его руках.

— Я понял и еще кое-что, — сказал я ему, — то, чего я в общем-то не понимал до сих пор: зачем мастер Мальрубиус говорил мне о преданности Божественной Сущности, о преданности персоне правителя. Он хотел сказать, что мы должны довериться, не пытаться отвергнуть неизбежное. Ведь это вы подослали его?

— Все равно то были его собственные слова — теперь ты должен узнать и это. Как и иерограмматы, мы вызываем людей прошлого из воспоминаний; и, как и иерограмматы, мы не посягаем на их подлинность.

— Но я еще столько всего не знаю. Когда мы встретились на корабле Цадкиэля, вы не были знакомы со мной, и отсюда я заключил, что это наша последняя встреча. Однако вы тут как тут, все трое.

— Мы удивлены не меньше, Северьян, — нежно пропела Фамулимус, — встретив тебя здесь, у истоков человечества. Хотя мы проследили нить времени так далеко вспять, целые эпохи мира прошли с момента нашей последней встречи.

— И все же вы знали, что я буду здесь?

— Ты сам сказал нам, — ответил Барбатус, выступив из темноты. — Разве ты забыл, что мы были твоими советниками? Ты рассказал нам, как погиб человек по имени Хильдегрин, и мы присмотрели для тебя это место.

— И я. Я тоже погиб. Автохтоны… мой народ… — Я умолк, но никто не проронил ни слова. Наконец я промолвил: — Оссипаго, прошу тебя, посвети туда, где стоит Барбатус.

Механизм направил свои сонсоры на Барбатуса, но сам не сдвинулся с места.

— Барбатус, — пропела тихо Фамулимус, — боюсь, теперь не обойтись без твоего напутствия. Воистину наш Северьян должен знать. Разве можно требовать, чтобы он с достоинством нес свое бремя, если даже мы не обращаемся с ним, как с мужчиной?

Барбатус кивнул, и Оссипаго переместился к нему поближе, туда, где он стоял, когда я очнулся. И тут подтвердились мои самые худшие опасения

— я увидел труп человека, которого автохтоны прозвали Главой Дня. Золотые ленты обвивали его руки, оранжевыми гиацинтами и зелеными изумрудами мерцали браслеты.

— Расскажите мне, как вы сделали это, — потребовал я.

Барбатус молча теребил свою бороду.

— Ты знаешь, кто наставлял тебя возле беспокойного моря и кто сражался за тебя, когда Урс лежал на чаше весов, — промолвила Фамулимус.

Я взглянул на нее. Лицо ее оставалось таким же красивым и нечеловеческим, как всегда, — нет, оно не было лишено выражения, но выражало нечто, имеющее мало общего с человечеством и его заботами.

— Я — фантом? Призрак? — Я поглядел на свои руки в надежде, что их осязаемость успокоит меня. Руки мои тряслись, и, чтобы умерить дрожь, я зажал их между коленями.

— То, что ты называешь фантомами, — вовсе не призраки, — сказал Барбатус, — а существа, жизнь которых поддерживает какой-то внешний источник энергии. То, что ты называешь материей, в действительности есть лишь связанная энергия. Единственная разница в том, что отдельные вещи поддерживают» материальную форму

благодаря собственной энергии.

В тот миг единственным и самым сильным желанием в моей жизни было желание расплакаться.

— Действительность? Так ты думаешь, что на самом деле существует какая-то действительность?

Слезы облегчения обернулись бы для меня блаженством; но суровое воспитание брало свое, и эти слезы так и не были пролиты. Мелькнула вдруг безумная мысль: а могут ли вообще фантомы плакать?

— Ты говоришь о том, что реально, Северьян; значит, ты все еще хватаешься за реальность. А ведь мы только что говорили о создателе. В вашем народе простецы называют его Богом, а ты, грамотей, зовешь его Предвечным. Чем ты был всегда, как не его фантомом?

— А кто сейчас поддерживает мое существование? Оссипаго? Можешь отдохнуть, Оссипаго!

— Я не подчиняюсь твоим приказам, Северьян, — проворчал Оссипаго в ответ. — Тебе давно это известно.

— Наверное, даже если бы я наложил на себя руки, Оссипаго мог бы вернуть меня к жизни.

Барбатус покачал головой, хотя и не так, как

это сделал бы человек.

— Нет смысла — ведь ты мог бы убить себя снова. Если ты вправду хочешь умереть — валяй. Здесь полно подручных средств — вот, например, каменные ножи. Оссипаго принесет тебе один из них.

Я почувствовал себя реальнее, чем когда бы то ни было, и, порывшись в своей памяти, как прежде, нашел там Валерию, Теклу, Старого Автарха и мальчика Северьяна, который был просто Северьяном.

— Нет, — сказал я. — Мы будем жить.

— Так я и думал, — улыбнулся Барбатус. — Мы знаем тебя половину нашей жизни, Северьян, и ты из той травы, что лучше растет, когда ее топчешь.

Оссипаго будто прокашлялся:

— Если вы хотите беседовать дальше, я перенесу нас во время получше. У меня есть связь с устройством на нашем судне.

Фамулимус покачала благородной головой, а Барбатус посмотрел на меня.

— Я бы предпочел, чтобы мы поговорили здесь, — сказал я. — Барбатус, когда мы были на корабле, я свалился в колодец. Падение там замедлено, я знаю; но я летел довольно долго,

должно быть, к самому центру. Я сильно разбился, и Цадкиэль ухаживал за мной. — Я помолчал, припоминая все подробности.

— Продолжай, — попросил Барбатус. — Мы не знаем, что ты собираешься рассказать нам.

— Там я нашел мертвеца со шрамом на щеке, как у меня. Нога его много лет назад была повреждена в точности, как моя. Он лежал, спрятанный между двумя машинами.

— Хочешь сказать, его припрятали для тебя, Северьян? — спросила Фамулимус.

— Может быть. Я знал, что это сделал Зак. А Зак был Цадкиэлем или частью Цадкиэля; но тогда я этого не понимал.

— Теперь понимаешь. Самое время объясниться.

Я не знал, что еще сказать, и сбивчиво закруглился:

— Лицо того мертвеца было разбито, но оно очень походило на мое. Я сказал себе, что не могу умереть там и не умру, поскольку я был уверен, что меня положат в мавзолее в нашем некрополе. Я говорил вам об этом.

— И не раз, — проворчал Оссипаго.

— Посмертная бронзовая маска очень похожа на меня, похожа на то, как я выгляжу сейчас.

Потом был Апу-Пунхау. Когда он появился… Кумеана, она была иеродулом, как вы. Отец Инир говорил мне.

Фамулимус и Барбатус кивнули.

— Когда появился Апу-Пунхау, он был мной. Я знал это, но не понимал.

— Мы — тоже, — сказал Барбатус, — когда ты рассказывал об этом. Но, кажется, теперь я понимаю.

— Так объясни мне! Он указал на труп.

— Вот Апу-Пунхау.

— Ну да, я давно это понял. Они называли меня этим именем, и я присутствовал при строительстве этого здания. Его отвели под храм, Храм Дня, Старого Солнца. Но я — и Северьян, и Апу-Пунхау, Глава Дня. Как могло мое тело восстать из мертвых? Как я вообще мог здесь умереть? Кумеана сказала, что это не гробница, а ее дом. — При этих словах мне показалось, что я вижу ее, мудрую змею в обличье старухи.

— Она говорила тебе также, что не знает той эпохи, — пропела Фамулимус. Я кивнул. — Как могло умереть теплое солнце, которое восходило каждый день? И как мог умереть ты, который был этим солнцем? Твой народ оставил тебя здесь с торжественными песнопениями. И замуровал

твою дверь, чтобы ты жил вечно.

— Мы знаем, что когда-нибудь ты принесешь Новое Солнце, Северьян, — сказал Барбатус. — Мы прошли сквозь это время, как и сквозь многие другие, вплоть до встречи с тобой в замке великана, которую мы считали нашей последней встречей. Но знаешь ли ты, когда было создано Новое Солнце? Солнце, которое ты привел в эту систему, чтобы исцелить ее старое светило?

— Я приземлился на Урсе в эпоху Тифона, когда придали облик первой великой горе. Но до того я был на корабле Цадкиэля.

— А он порою плывет быстрее, чем ветры, которые несут его, — проворчал Барбатус. — Выходит, ты ничего не знаешь.

— Если хочешь получить от нас совет, — пропела Фамулимус, — расскажи все подробно. Из нас не выйдет хороших проводников, если мы сами будем передвигаться вслепую.

И, начав с убийства моего стюарда, я пересказал все, что случилось со мной с того времени и до последнего мгновения, которое я помнил перед тем, как очнулся в Доме Апу-Пунхау. Я никогда не умел отделять важные подробности от прочих (что тебе, мой читатель, должно быть хорошо известно), отчасти потому, что мне все подробности

кажутся важными. Еще хуже мне это удалось в тот раз, когда я был вынужден работать языком, а не пером; я рассказал им очень многое из того, что не занес в эту рукопись.

Пока я говорил, через какую-то щель пробился солнечный лучик; так я понял, что вернулся к жизни ночью, а теперь начался новый день.

И я по-прежнему говорил, когда заскрипели гончарные круги и мы услышали болтовню женщин, спешивших к реке, которая покинет их город, стоит лишь остыть солнцу.

Наконец я сказал:

— Вот и все, что я знаю, а теперь знаете и вы. Можете вы теперь, выслушав меня, разгадать тайну Апу-Пунхау?

Барбатус кивнул:

— Думаю, нам это по силам. Ты уже знаешь, что, когда корабль на всем ходу проносится меж звезд, мгновения и дни на его борту могут обернуться годами и столетиями на Урсе.

— Так и должно быть, — согласился я, — если время изначально мерилось по приходу и уходу света.

— Поэтому твоя звезда, Белый Фонтан, родилась раньше и наверняка задолго до правления Тифона. Полагаю, это время уже не за горами.

Фамулимус, казалось, улыбнулась — возможно, это и была обыкновенная улыбка:

— Разумеется, это так, Барбатус, раз его забросила сюда собственная сила звезды. Покидая свое время, он бежит, пока не вынужден остановиться, а останавливается здесь, поскольку не может бежать дальше.

Если Барбатусу и не понравилось, что его перебили, то он никак не выказал недовольства.

— Быть может, твоя сила вернется, когда свет твоей звезды впервые упадет на Урс. В таком случае со временем Апу-Пунхау проснется, если только ему захочется покинуть то место, где он обнаружил себя.

— Пробудиться к смерти в жизни? — переспросил я. — Ужасно!

— Скажи лучше «прекрасно», Северьян, — не согласилась Фамулимус. — От смерти к жизни, чтобы помочь людям, которые любили его.

Некоторое время я размышлял над этим, пока вся троица терпеливо ожидала рядом. Наконец я сказал:

— Должно быть, смерть ужасает нас лишь тем, что пролегает между кошмаром и чудом жизни. Мы видим лишь кошмар, который остается позади.

— Мы надеемся на это, Северьян, — прогудел Оссипаго, — не меньше твоего.

— Но если Апу-Пунхау — это я, то чье же тело я нашел на корабле Цадкиэля?

Почти шепотом Фамулимус пропела:

— Тот, кого ты видел мертвым, был рожден твоей матерью. По крайней мере так я заключила из твоих слов. Я заплакала бы о ней, если бы могла плакать, но, наверное, не о тебе, который все еще живет здесь. Могучий Цадкиэль совершил для тебя там то, что мы проделали ради тебя здесь: взял память из твоего мертвого сознания и вылепил твое сознание и тебя самого заново.

— Хочешь сказать, что, когда я стоял перед Престолом Правосудия Цадкиэля, я был фантомом, которого сотворил сам Цадкиэль?

— «Сотворил» — слишком сильное слово, — проговорил Оссипаго, — если только я постиг твой язык настолько, насколько мне хотелось бы думать. Сделал осязаемым, вероятно.

Озадаченный, я перевел взгляд с Оссипаго на Фамулимус.

— Ты был мыслью, запечатленной в твоем мертвом сознании. Он зафиксировал образ, дополнил его и залатал твою смертельную рану.

— Превратил меня в мое же ходячее и говоря-

щее изображение. — Я выговаривал слова, но с трудом заставлял себя думать о том, что они означают. — Падение убило меня, как убил меня здесь мой народ.

Я нагнулся, чтобы ближе рассмотреть труп Апу-Пунхау.

— По-моему, задушен, — пробормотал Барбатус.

— Почему же Цадкиэль не мог воскресить меня, как я воскресил Заму? Исцелить, как исцелил я Херену? Почему мне пришлось умереть?

Никогда не приходилось мне так удивляться, как в следующий миг: Фамулимус опустилась на колени и поцеловала пол у моих ног. Барбатус произнес:

— Почему ты думаешь, что Цадкиэль обладает такими силами? Фамулимус, Оссипаго и я — ничто перед ним, но мы не его рабы; и как ни велик он сам, не он является главой и спасителем своей расы.

Несомненно, я должен был почувствовать себя польщенным. На деле же я был лишь ошеломлен и испытывал мучительное смущение. Я бросился поднимать Фамулимус, воскликнув:

— Но вы же ходите по Коридорам Времени!

Как только Фамулимус поднялась, передо мной

распростерся Барбатус. Фамулимус пропела:

— Недолго, Северьян — только чтобы говорить с тобой и проделывать простые вещи. Стрелки наших часов вращаются против движения обоих ваших солнц.

— Если бы мы позволили Оссипаго перенести нас во время получше, как он предлагал, — не вставая с колен, продолжил Барбатус, — он выбрал бы что-нибудь пораньше. Думаю, тебе бы оно пришлось не слишком по душе.

— Еще один вопрос, славные иеродулы, перед тем как вы вернете меня в мою эпоху. Когда я поговорил с мастером Мальрубиусом у моря, он растаял в сверкающей пыли. Однако… — Я осекся и перевел взгляд на труп.

Барбатус кивнул.

— Тот фантом, как ты их называешь, существовал лишь недолгое время. Не знаю, какими энергиями Цадкиэль питал тебя на корабле; возможно даже, что ты сам находил необходимое питание в любых доступных источниках, как, например, ты использовал энергию корабля, пытаясь оживить своего стюарда. Но даже если, попав сюда, ты лишился главного источника питания, ты уже достаточно долго прожил до этого: на борту корабля, в Йесоде, снова на корабле, на

шлюпе, в эпоху Тифона и так далее. Все это время ты дышал, ел и пил неустойчивую материю, которую ты преобразовывал для нужд своего тела. Поэтому оно стало вещественным телом.

— Но я же мертв — и не только здесь, я мертв и там, на корабле Цадкиэля.

— Там лежит твой мертвый двойник, — сказал Барбатус. — А здесь положили другой. Напоследок могу сказать, что, если бы он не был мертв, мы бы не могли сделать то, что задумали, поскольку всякое живое существо — это больше, чем просто материя. — Барбатус умолк и взглядом попросил Фамулимус о помощи, но не получил ее. — Что тебе известно о душе?

Тут мне вспомнилась Ава и то, что она говорила: «Ты материалист, как и все невежественные люди. Но твое убеждение не делает материализм истинным». Маленькая Ава погибла вместе с Фойлой и остальными.

— Ничего, — пробормотал я. — Ничего я не знаю о душе.

— В чем-то она похожа на стихотворную строку. Фамулимус, что ты мне зачитывала?

— Проснись! Пал в чашу ночи камень тот, что гонит с неба звездный хоровод, — пропела его супруга.

— Понимаю, — сказал я.

— Предположим, я напишу эти строки на стене, — Барбатус указал пальцем, — а потом напишу их на другой, противоположной. Какая из этих строк будет истинной?

— Обе, — ответил я. — И ни одна из них. Истинные строки не написать и не произнести вслух. Я не знаю, что они из себя представляют,

— Вот так и душа, как я ее понимаю. Она была написана здесь. — Он указал на мертвеца. — Теперь она написана в тебе. Когда свет Белого Фонтана коснется Урса, она снова будет написана здесь. Но душа не сотрется в тебе от иного написания. Если только…

Я ждал, что он продолжит. Но заговорил Оссипаго:

— Если только ты не станешь подходить слишком близко. Когда ты пишешь чье-то имя на песке, а затем обводишь его пальцем, остаются не два имени, а одно. Если два тока текут через один проводник, в итоге получается один ток.

Я смерил его недоверчивым взглядом, а Фамулимус пропела:

— Ты один раз уже подходил слишком близко к своему двойнику, помнишь? Это случилось здесь, в этом бедном городе из камней. Тогда двойник

исчез, и остался один ты. Наши фантомы всегда из мертвых. Ты никогда не задумывался, почему? Будь осторожен!

— А что до того, чтобы вернуть тебя в твое время, — кивнув, добавил Барбатус, — то здесь мы не в силах помочь тебе. Наверное, твой зеленый человек знал больше, чем мы, или по крайней мере у него в распоряжении было больше энергии. Мы оставим тебе пищу, воду и свет, но тебе придется ждать Белый Фонтан. Впрочем, как сказала Фамулимус, он уже не за горами.

Сама Фамулимус уже начала растворяться в прошлом, так что ее напев будто долетал издалека:

— Смотри, не посягай на тело, Северьян: Не поддавайся соблазну… Будь осторожен!

Барбатус и Оссипаго растаяли, пока я глядел на Фамулимус. Когда затих ее голос, в Доме Апу-Пунхау не осталось иных звуков, кроме слабого дыхания его хозяина.

51. УРС НОВОГО СОЛНЦА

Весь остаток того дня я провел в темноте, проклиная свою глупость. Конечно, Белый Фонтан появится в ночном небе — каждое слово иеродулов недвусмысленно намекало на это; но я не догадался, пока они не ушли.

Сотни раз воскрешал я в памяти ту дождливую ночь, когда я спустился с крыши этого самого здания, чтобы помочь Хильдегрину. Как близко я подошел к Апу-Пунхау, прежде чем слился с ним? Пять кубитов? Три эля? Я не мог вспомнить точно. Но в том, что Фамулимус предупреждала меня не пытаться уничтожить тело, не было ничего странного; стоит мне подойти к нему на расстояние удара, и мы сольемся — а он, чьи корни в этой вселенной глубже моих, поглотит меня, как поглочу его я в невообразимо далеком будущем, когда явлюсь сюда с Иолентой и Доркас.

Однако если уж копаться в тайнах, — чего я вовсе не желал делать, — то загадок было предостаточно. Белый Фонтан уже светил, это ясно, потому что без него я не попал бы в столь древнее место и не смог бы исцелять больных. Почему же

тогда я не мог проникнуть в Коридоры Времени, как проник в них с Горы Тифон? Два объяснения казались мне равновероятными.

Первое — что на Горе Тифон все мое существо было пронизано страхом. Сильнее всего мы становимся в роковые мгновения, а солдаты Тифона шли за мной с очевидным намерением убить. Но сейчас мне угрожала не менее серьезная опасность: в любой момент Апу-Пунхау мог подняться и подойти ко мне.

Второе — что та сила, которую я получал от Белого Фонтана, подобно свету поглощалась расстоянием. В эпоху Тифона он находился ближе к Урсу, чем во времена Апу-Пунхау; но если эта сила действительно зависела от расстояния, тогда один день вряд ли сыграл бы существенную роль, а я мог рассчитывать максимум на день, по прошествии которого оказался бы в опасном соседстве очнувшегося двойника. Нет уж, мне надо бежать как можно скорее и переждать где-нибудь в другом месте.

Это был самый длинный день в моей жизни. Если бы я просто ожидал наступления ночи, я мог бы, порывшись в памяти, воскресить чудесный вечер, когда я шел по Бечевнику, сказки, рассказанные в лазарете Пелерин, или же те короткие

каникулы, которые мы с Валерией провели однажды у моря. Но сейчас у меня не хватало на это духа; и как только я переставал следить за собой, в голове помимо воли всплывало все самое страшное. Я снова был пленником Водалуса и томился в зиккурате посреди джунглей, терпел целый год общество асциан, убегал от белых волков во Второй Обители и переживал тысячи подобных кошмаров, пока наконец мне не стало казаться, что какой-то демон требует, чтобы я отказался от своего жалкого существования ради Апу-Пунхау, и что этот демон — я сам.

Звуки каменного города постепенно затихли. Свет, падавший раньше через ближайшую ко мне стену, теперь проникал сквозь стену за алтарем, где лежал Апу-Пунхау, прорезая полумрак лезвиями кованого золота, пронзавшими все щели.

Наконец этот свет погас, и я поднялся, разминая затекшие члены, и стал нащупывать слабину в стене.

Стена была сложена из гигантских камней, меж которыми строители огромными деревянными палицами загнали камни поменьше. Даже маленькие камешки были пригнаны так плотно, что я перепробовал с полсотни, прежде чем нашел подходящий; а я знал, что для того, чтобы

проделать отверстие, в которое я смог бы протиснуться, мне придется вынуть один из больших камней.

Этот маленький камешек занял у меня по меньшей мере стражу кропотливой работы. Яшмовым ножом я отскреб всю землю вокруг него, потом сломал еще три ножа, пытаясь выковырнуть камешек из стены. В какой-то момент я махнул на все рукой и вскарабкался точно паук на стену, надеясь, что на крыше найдется более легкий путь к свободе, ведь удалось же мне найти лазейку в соломенной кровле при бегстве из зала магов? Сводчатый потолок оказался столь же прочным, как стены; я свалился на пол и, в кровь царапая пальцы, продолжил корпеть над упрямым камнем.

И вот, когда я уже решил, что камешек ни за что не сдвинется с места, он вдруг выскользнул и со стуком упал на пол. На пять долгих вздохов я замер, опасаясь, что Апу-Пунхау проснется. Насколько я мог судить, он даже не пошевелился.

Но зашевелилось нечто другое. Огромная глыба надо мной чуть заметно накренилась влево. Сухая земля захрустела, нарушив тишину столь же бесцеремонно, как ломающийся лед на застывшей зимней реке, и посыпалась с шорохом

на меня.

Я шагнул назад. Раздался звук, похожий на скрип жернова, и снова просыпался дождь сухой земли. Я отскочил, и большой камень с грохотом обрушился вниз, оставив вместо себя неровный черный круг, полный звезд.

Взглянув на одну из них, я узнал себя — мельчайшую искорку света, почти теряющуюся в опаловой дымке десяти тысяч других.

Разумеется, мне следовало бы подождать — дюжина соседних больших камней вполне могла последовать за первым, — но я не стал. Один прыжок вознес меня на рухнувший камень, другой — в отверстие, образовавшееся в стене, третий вывел на улицу. Шум, конечно, разбудил людей; я слышал их недовольные голоса, сквозь дверные проемы видел слабые красные отблески очагов. Пока женщины раздували потухшие угли, их мужья хватались за копья и утыканные зубьями дубинки.

Мне не было до этого дела. Совсем рядом тянулись Коридоры Времени, под нависшим небом Времени волновались луга, перешептываясь с ручьями, что струятся из самой высокой вселенной в самую низшую.

Яркокрылая маленькая Цадкиэль порхала воз-

ле одного из них. Вдоль другого бежал зеленый человек. Мне приглянулся тот, что на отшибе, такой же одинокий, как и я. За мной, по редкостной прямой, Апу-Пунхау, Глава Дня, вышел из собственного дома и присел на корточки над вареным маисом и жареным мясом, которое оставили ему его люди. Мне тоже хотелось есть, но я помахал ему рукой и больше никогда не видел его.

В мир, прозванный Ушас, я вернулся на песчаный берег — тот берег, который я оставил, нырнув в море в поисках Ютурны — как можно ближе к тому самому месту и во времени, и в пространстве.

По влажному песку кубитах в пятидесяти от меня шагал человек с деревянным подносом, а на нем — горка дымящейся рыбы. Я двинулся следом, и шагов через двадцать мы вышли к беседке, мокрой от морских брызг, но убранной полевыми цветами. Здесь он поставил на песок свой поднос, попятился и встал на колени.

Подойдя, я спросил его на языке Содружества, кто будет есть эту рыбу.

Он посмотрел на меня, и я заметил, что он удивлен появлению незнакомца.

— Спящий, — ответил он. — Тот, кто спит здесь

и голоден.

— Кто такой этот Спящий? — спросил я.

— Одинокий бог. Здесь чувствуешь его присутствие, он всегда спит и всегда голоден. Я приношу ему рыбу, чтобы он видел, что мы его друзья, и не пожрал нас, когда проснется.

— А сейчас ты чувствуешь его? — поинтересовался я.

Человек покачал головой:

— Нет. Но иногда так сильно, что мы даже видим, как он лежит здесь в лунном свете, только он исчезает, когда мы подходим. А сегодня я совсем его не чувствовал.

— Неужели?

— Сейчас чувствую, — сказал он. — С тех пор, как ты пришел.

Я сел на песок и взял большой кусок рыбы, жестом предложив человеку присоединиться. Рыба обжигала мне пальцы, и я понял, что она недавно с огня. Человек присел рядом, но не притрагивался к еде, пока я не пригласил его вторично.

— Ты все время здесь?

Человек кивнул:

— У каждого бога кто-то есть, у бога — мужчина, у богини — женщина.

— Жрец или жрица.

Он снова кивнул.

— Нет Бога, кроме Предвечного, а все остальные — его создания. — Меня так и подмывало добавить «даже Цадкиэль», но я прикусил язык.

— Да, — согласился он и отвернулся, решив, должно быть, что обидел меня, и не смея встретиться со мною взглядом. — Так у богов, ясное дело. А для таких простых существ, как люди, есть, наверное, и младшие боги. И бедные, убогие людишки очень чтут этих младших богов. Мы все делаем, чтобы понравиться им.

Я улыбнулся, чтобы показать, что не сержусь.

— И как же эти младшие боги помогают людям?

— Есть божественная четверка… — По его распевной речи я понял, что он повторял эти слова неоднократно, наверняка когда учил им детей. — Первый в ней и величайший — Спящий. Это бог. Он вечно голоден. Однажды он пожрал всю землю и может сделать это снова, если его не кормить. Спящий утонул, но он не может умереть — потому-то он и спит здесь, на берегу моря. Рыба принадлежит Спящему — перед тем как ловить рыбу, надо спросить у него позволения. Серебряную рыбу я ловлю для него. Бури — его гнев, штиль — его милость.

Я стал Оаннесом этих людей!

— Другой бог — Одило. Его владения — на дне моря. Он любит ученость и хорошие манеры. Одило научил мужчин речи, а женщин — письму. Он — судья богов и людей, но не наказывает того; кто не согрешил трижды. Когда-то он носил чашу Предвечного. Красное вино принадлежит ему. Вино приносит его человек.

С небольшим опозданием я вспомнил, кем все-таки был Одило. Я понял, что Обитель Абсолюта и наш двор стали обрамлением туманного образа Предвечного как Автарха. Оглядываясь назад, я видел, что это было неизбежно.

— Есть и богини. Пега — богиня дня. Все, что под солнцем, — ее. Пега любит чистоту. Она научила женщин разводить огонь, печь и ткать. Она сопереживает им в родах и навещает всех в момент смерти. Она — утешительница. Черный хлеб — вот подношение, что ее женщина приносит ей.

Я одобрительно кивнул.

— Таис — ночная богиня. Все, что под луной, — ее. Ей по сердцу слова любви и объятия влюбленных. Все пары должны испрашивать ее разрешения, вместе обращаясь к ней во тьме. Если они не сделают этого, Таис зажжет огонь в третьем сердце и вложит в руку острый нож.

Она в огне приходит к детям, и так они узнают, что детство миновало. Она — соблазнительница. Золотой мед — вот подношение, что ее женщина приносит ей.

— Выходит, у вас два добрых бога и два злых, и злые боги — Таис и Спящий, — подытожил я.

— О, нет, нет! Все боги очень хорошие, особенно Спящий! Если бы не Спящий, столько народу умерло бы с голоду! Спящий очень, очень великий бог. А если не приходит Таис, ее место занимает демон.

— Значит, демоны у вас тоже есть?

— Демоны есть у всех.

— Вот это верно, — сказал я.

Поднос почти опустел, и я уже вполне наелся. Жрец — мой жрец, как я вынужден написать, — взял лишь один маленький кусочек. Я поднялся, сгреб оставшуюся рыбу и швырнул ее в море, не представляя, что еще с ней делать.

— Это для Ютурны, — объяснил я. — Ваш народ знает Ютурну?

Человек вскочил на ноги, как только я встал.

— Нет… — Он запнулся, и я понял, что лишь страх помешал ему вслух произнести то имя, которым он недавно называл меня.

— Значит, наверно, для вас она — демон. Почти

всю свою жизнь я тоже считал ее демоном; быть может, и я, и вы не сильно ошибались.

Человек поклонился, и хотя он был выше ростом и ничуть не толст, я увидел в его поклоне Одило так ясно, как если бы он сам вдруг встал передо мной.

— А теперь отведи меня к Одило, — велел я. — К другому богу.

Мы пошли по берегу моря в ту сторону, откуда он явился. Холмы, которые в последний раз были голыми, сейчас поросли мягкой зеленой травой. Еще здесь цвели цветы и поднимались молодые деревца.

Я попытался определить время своего отсутствия и сосчитать годы, которые провел среди автохтонов в их каменном городе; и хотя я не мог быть уверен ни в одной из полученных цифр, мне казалось, что они приблизительно равны. Тогда я подивился, вспомнив зеленого человека и то, как он в самый нужный момент пришел мне на помощь в джунглях севера. Мы оба ходили по Коридорам Времени, но он был мастером, а я — всего лишь учеником.

Я спросил своего жреца, когда Спящий пожрал землю.

Кожа его имела густой загар, но я все же подме-

тил, как кровь отхлынула от его лица.

— Давным-давно, — сказал он. — Раньше, чем на Ушас явились люди.

— Откуда же люди знают об этом?

— Бог Одило научил нас. Ты сердишься?

Так, значит, Одило подслушал мой разговор с Эатой. А я-то думал, что он спит.

— Нет, — сказал я. — Просто хочу услышать, что именно вы знаете об этом. Ты сам пришел на Ушас?

Он покачал головой:

— Отец моего отца и мать моей матери. Они упали с неба, просыпались, как семена из рук Бога всех богов.

— Не ведая ни огня, ни иных благ, — промолвил я и вспомнил молодого офицера, который доложил, что иеродулы высадили в садах Обители Абсолюта мужчину и женщину. Теперь нетрудно было догадаться, кем были предки моего жреца — моряки, поверженные моими воспоминаниями, заплатили за поражение своим прошлым, точно так же, как я утратил бы будущее своих потомков, если бы мое прошлое потерпело поражение.

До деревни было рукой подать. Несколько ненадежных с виду лодочек ютилось у кромки воды — нераскрашенные, сколоченные большей

частью из серого плавника. На берегу, всего в эле с небольшим от приливной полосы, стояли квадратом хижины — четыре безупречно ровные линии. Сей квадрат, вне всяких сомнений, был делом рук Одило; он воплощал свойственную старшим слугам любовь к порядку ради порядка. Тогда мне пришло в голову, что и утлые лодочки, вероятно, являлись плодом его вдохновения; ведь это он, в конце концов, соорудил наш плот.

Две женщины и стайка ребятишек появились из этого квадрата, чтобы поглазеть на нас; мужчина с колотушкой, забивавший щели лодки травой, оторвался от своего занятия. Мой жрец, отставaвший от меня на полшага, кивнул в мою сторону и сделал быстрый жест, смысл которого я не уловил. Поселяне опустились на колени.

Поддавшись ощущению театральности, я поднял руки, простер ладони и благословил их, велев быть добрыми друг к другу и, по возможности, счастливыми. Это, в сущности, единственное благословение, посильное для нас, мелких божков; зато Предвечный, разумеется, способен на гораздо большее.

В каких-то десять шагов мы миновали деревню, хотя отошли не так далеко, чтобы не слышать, как лодочник снова принялся за работу, а дети

вернулись к шумной игре. Я спросил, далека ли до места, где живет Одило.

— Здесь рядом, — сказал мой жрец и указал рукой.

Мы двинулись теперь в глубь берега и поднялись на невысокий, поросший травой холм. С вершины этого холма виднелся следующий, а на нем — три стоящие рядом беседки, украшенные, как та, что была моей, венками из люпинов, пурпурного вербейника и белой луговой руты.

— Ну вот, — сказал мне мой жрец. — Там спят остальные боги.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ЧУДО АПУ-ПУНХАУ

Ни одно из чудес не производит столь глубокое впечатление на примитивный ум, как то, что якобы нарушает непреложные законы небесных сфер. Продление Северьяном периода ночи, однако, и менее легковерные умы может привести в недоумение. Действительно, с первого взгляда неясно, как могло произойти такое необычное явление без катаклизма, более масштабного, чем тот, что сопровождал прибытие Нового Солнца.

Тем не менее можно выдвинуть по крайней мере два правдоподобных объяснения. Все засвидетельствованные множеством людей чудеса, которые невозможно истолковать иначе, историки объясняют массовым гипнозом; но тут мы имеем дело с тем, чего не демонстрируют нам пока сами гипнотизеры.

Если отбросить версию массового гипноза, то единственным предположением останется затмение, в самом общем смысле этого слова, то есть прохождение непрозрачного тела между Старым Солнцем и Урсом.

В этой связи следует заметить, что звезды, наблюдаемые в небе Содружества зимой, весной восходят над каменным городом (предположительно благодаря предварению равноденствий); но в процессе продления ночи Северьян замечает в небе привычные ему весенние созвездия. Это любопытное наблюдение, равно как и немедленное появление Старого Солнца, уже поднявшегося выше крыш домов, после капитуляции автохтонов, по-видимому, следует считать дополнительным доводом в пользу второго объяснения. Ничто из написанного Северьяном не намекает на истинную природу вышеуказанного непрозрачного тела; но вдумчивый читатель без особого труда сможет выдвинуть по меньшей мере одну вполне вероятную догадку.

Дж.В.